

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://akhmatovaanna.ru/> Приятного чтения!

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна
Ахматова

I

ЛЮБОВЬ

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,
То в инее ярком блеснет,
Почудится в дреме левкоя...
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя.
Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
В еще незнакомой улыбке.
В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

I

По аллее проводят лошадок,
Длинные волны расчесанных грив.
О пленительный город загадок,
Я печальна, тебя полюбив.
Странно вспомнить! Душа тосковала,
Задышалась в предсмертном бреду,
А теперь я игрушечной стала,
Как мой розовый друг какаду.
Грудь предчувствием боли не сжата,
Если хочешь – в глаза погляди,
Не люблю только час пред закатом,
Ветер с моря и слово «уйди».

II

...А там мой мраморный двойник,
Поверженный под старым кленом,
Озерным водам отдал лик,
Внимает шорохам зеленым.
И моют светлые дожди
Его запекшуюся рану...
Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморною стану.

III

Смуглый отрок бродил по аллеям
У озерных глухих берегов.
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.
Иглы елей густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И разорванный том Парни.

МАЛЬЧИК...

И мальчик, что играет на волынке,
И девочка, что свой плетет веноч,
И две в лесу скрестившихся тропинки,
И в дальнем поле дальний огонек, –
Я вижу все. Я все запоминаю,
Любовно-кротко в сердце берегу,
Лишь одного я никогда не знаю
И даже вспомнить больше не могу.
Я не прошу ни мудрости, ни силы,
О только дайте греться у огня.
Мне холодно! Крылатый иль бескрылый,
Веселый бог не посетит меня.

ЛЮБОВЬ ПОКОРЯЕТ...

Любовь покоряет обманно
Напевом простым неисккусным.

Еще так недавно–странно
Ты не был седым и грустным.
И когда она улыбалась
В садах твоих, в доме, в поле,
Повсюду тебе казалось,
Что вольный ты и на воле.
Был светел ты, взятый ею,
И пивший ее отравы.
Ведь звезды были крупнее,
Ведь пахли иначе травы.
Осенние травы.
СЖАЛА РУКИ...
Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?..»
– Оттого что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.
Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот,
Я сбегала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.
Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».
ПАМЯТЬ О СОЛНЦЕ...
Память о солнце в сердце слабеет,
Желтей трава,
Ветер снежинками ранними веет
Едва-едва.
Ива на небе пустом распластала
Веер сквозной.
Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой.
Память о солнце в сердце слабеет,
Что это? – тьма?
Может быть! За ночь придти успеет
Зима.
ВЫСОКО В НЕБЕ...
Высоко в небе облачко серело,
Как беличья, расстеленная шкурка.
Он мне сказал: «Не жаль, что ваше тело
Растает в марте, хрупкая Снегурка!»
В пушистой муфте руки холодели,
Мне стало страшно, стало как-то смутно,
О как вернуть вас, быстрые недели
Его любви воздушной и минутной!
...Хочешь знать, как все это было? –
Три в столовой пробило,
Я не хочу ни горечи, ни мщенья,
Пускай умру с последней белой выюгой,
О нем гадала я в канун Крещенья,
Я в январе была его подругой.
ДВЕРЬ ПОЛУОТКРЫТА...
Дверь полуоткрыта,
Веют липы сладко...
На столе забыты
Хлыстик и перчатка.
Круг от лампы желтый...
Шорохам внимаю.
От чего ушел ты?
Я не понимаю...
Радостно и ясно
Завтра будет утро,
Эта жизнь прекрасна,
Сердце, будь же мудро.
Ты совсем устало,
Бьешься тише, глуше,
Знаешь, я читала,

что бессмертны души.

ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ...

И прощаясь, держась за перила,

Она словно с трудом говорила:

«Это все, ах нет, я забыла,

я люблю Вас, я Вас любила

Еще тогда!»

«Да?!»

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧИ

Так беспомощно грудь холодела,

Но шаги мои были легки,

я на правую руку надела

Перчатку с левой руки.

Показалось, что много ступеней,

А я знала, их только три!

Между кленов шепот осенний

Попросил: «Со мною умри!

я обманут, слышишь, унылый,

Переменчивой, злой судьбой».

Я ответила: «Милый, милый!

И я тоже. – Умру с тобой...»

Это песня последней встречи,

я взглянула на темный дом,

Только в спальне горели свечи

Равнодушно-желтым огнем.

КАК СОЛОМИНКОЙ...

Как соломинкой, пьешь мою душу.

Знаю, вкус ее горек и хмелен,

Но я пытку мольбой не нарушу,

О, покой мой многонеделен.

Когда кончишь, скажи: не печально,

что души моей нет на свете,

я пойду дорогой недалней

Посмотреть, как играют дети.

На кустах зацветает крыжовник,

и везут кирпичи за оградой,

кто он! – Брат мой или любовник,

я не помню и помнить не надо.

Как светло здесь и как бесприютно,

Отдыхает усталое тело...

А прохожие думают смутно:

Верно только вчера овдовела.

я СОШЛА С УМА...

я сошла с ума, о мальчик странный,

в среду, в три часа!

Уколола палец безымянный

Мне звенящая оса.

я ее нечаянно прижала,

и казалось, умерла она,

Но конец отравленного жала

был острее веретена.

О тебе ли я заплачу странном,

улыбнется ль мне твое лицо?

Посмотри! На пальце безымянном

Так красиво гладкое кольцо.

МНЕ БОЛЬШЕ НОГ МОИХ НЕ НАДО...

Мне больше ног моих не надо,

Пусть превратятся в рыбий хвост!

Плыву, и радостна прохлада,

Белеет тускло дальний мост.

Не надо мне души покорной,

Пусть станет дымом, легок дым,

Взлетев над набережной черной,

Он будет нежно-голубым.

Смотри, как глубоко ныряю,

Держусь за водоросль рукой,

Ничьих я слов не повторяю

и не пленюсь ничьей тоской...

А ты, мой дальний, неужели
Стал бледен и печально-нем?
Что слышу? Целых три недели
Все шепчешь: «Бедная, зачем?!»

II

ОБМАН

М.А. Змунчилла

I

Весенним солнцем это утро пьяно
И на террасе запах роз слышней,
А небо ярче синего фаянса.
Тетрадь в обложке мягкого сафьяна,
Читаю в ней элегии и стансы,
Написанные бабушке моей.
Дорогу вижу до ворот, и тумбы
Белеют четко в изумрудном дерне,
О, сердце любит сладостно и слепо!
И радуют изысканные клумбы,
И резкий крик вороны в небе черной,
И в глубине аллеи арка склепа.

II

Жарко веет ветер душный,
Солнце руки обожгло,
Надо мною свод воздушный,
Словно синее стекло.
Сухо пахнут иммортели
В разметающейся косе,
На стволе корявой ели
Муравьиное шоссе.
Пруд лениво серебрится,
Жизнь по-новому легка,
Кто сегодня мне приснится
В легкой сетке гамака?

III

Синий вечер. Ветры кротко стихли,
Яркий свет зовет меня домой.
Я гадаю: кто там? – не жених ли,
Не жених ли это мой?..
На террасе силуэт знакомый,
Еле слышен тихий разговор.
О, такой пленительной истомы
Я не знала до сих пор.
Тополя тревожно прошуршали,
Нежные их посетили сны,
Небо цвета вороненой стали,
Звезды матово-бледны.
Я несу букет левкоев белых,
Для того в них тайный скрыт огонь,
Кто, беря цветы из рук несмелых,
Тронет теплую ладонь.

IV

Я написала слова,
Что долго сказать не смела.
Тупо болит голова,
Странно немеет тело.
Смолк отдаленный рожок,
В сердце все те же загадки,
Легкий осенний снежок
Лег на крокетной площадке.
Листьям последним шуршать!
Мыслям последним томиться!
Я не хотела мешать
Тем, что должны веселиться.
Красным простила губам
Я их жестокою шутку...
О, Вы приедете к нам
Завтра по первопутку.
Свечи в гостиной зажгут,

Днем их мерцанье нежнее,
Целый букет принесут
Роз из оранжереи.
МНЕ С ТОБОЮ ПЬЯНЫМ...
Мне с тобою пьяным весело,
Смысла нет в твоих рассказах;
Осень ранняя развесила
Флаги желтые на вязах.
Оба мы в страну обманную
Забрели и горько каемся,
Но зачем улыбкой странную
И застывшей улыбаемся?
Мы хотели муки жальщей
Вместо счастья безмятежного...
Не покину я товарища,
И беспутного и нежного.
МУЖ ХЛЕСТАЛ МЕНЯ...
Муж хлестал меня узорчатым,
Вдвое сложенным ремнем.
Для тебя в окошке створчатом
Я всю ночь сижу с огнем.
Рассветает. И над кузницей
Подымается дымок.
Ах, со мной, печальной узницей,
Ты опять побыть не смог.
Для тебя я долю хмурую,
Долю-муку приняла,
Или любишь белокурую,
Или рыжая мила?
Как мне скрыть вас, стоны звонкие!
В сердце темный душистый хмель;
А лучи ложатся тонкие
На несмятую постель.
СЕРДЦЕ К СЕРДЦУ...
Сердце к сердцу не приковано,
Если хочешь – уходи.
Много счастья уготовано
Тем, кто волен на пути.
Я не плачу, я не жалеюсь,
Мне счастливой не бывать!
Не целуй меня, усталую,
Смерть придет поцеловать.
Дни томлений острых прожиты
Вместе с белою зимой...
Отчего же, отчего же ты
Лучше, чем избранник мой.
ПЕСЕНКА
Я на солнечном восходе
Про любовь пою,
На коленях в огороде
Лебеду пою.
Вырываю и бросаю
(Пусть простит меня),
Вижу, девочка босая
Плачет у плетня.
Страшно мне от звонких воплей
Голоса беды,
Все сильнее запах теплый
Мертвой лебеды.
Я на солнечном восходе
Про любовь пою,
На коленях в огороде
Лебеду пою.
Я ПРИШЛА СЮДА...
Я пришла сюда, бездельница,
Все равно мне, где скучать!
На пригорке дремлет мельница,
Годы можно здесь молчать.

Над засохшей повиликою
Мягко плавает пчела,
У пруда русалку кликаю,
А русалка умерла.
Затянулся ржавой тиною
Пруд широкий, обмелел.
Над трепещущей осиною
Легкий месяц заблестел.
Замечаю все как новое,
Влажно пахнут тополя.
Я молчу. Молчу, готовая
Снова стать тобой, – земля.
БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Ах, дверь не запирала я,
Не зажигала свеч,
Не знаешь, как, усталая,
Я не решалась лечь.
Смотреть, как гаснут полосы
В закатном мраке хвой,
Пьянея звуком голоса,
Похожего на твой.
И знать, что все потеряно,
Что жизнь – проклятый ад!
О, я была уверена,
Что ты придешь назад.

ПОД НАВЕСОМ...

Под навесом темной риги жарко,
Я смеюсь, а в сердце злобно плачу,
И чтоб мне легко, одинокой,
Отойти к последнему сну,
Прошуми высокой осокой
Про весну, про мою весну.
ТЫ ПОВЕРЬ...

Ты поверь, не змеиное острое жало
А тоска мою выпила кровь.
В белом поле я тихую девушкой стала,
Птичьим голосом кличу любовь.
И давно мне закрыта дорога иная,
Мой царевич в высоком кремле,
Обману ли его, обману ли? – Не знаю!
Только ложью живу на земле.
Не забыть, как пришел он со мною проститься:
Я не плакала; это судьба.
Ворожу, чтоб царевичу ночью присниться,
Но бессильна моя ворожба.
Оттого ль его сон безмятежен и мирен,
Что я здесь у закрытых ворот,
Иль уже светлоокая, нежная Сирин
Над царевичем песню поет?

III

МУЗЕ

Муза-сестра заглянула в лицо,
Взгляд ее ясен и ярок.
И отняла золотое кольцо,
Первый весенний подарок.
Муза! ты видишь, как счастливы все –
Девушки, женщины, вдовы,
Лучше погибну на колесе,
Только не эти оковы.
Знаю, гадая, не мне обрывать
Нежный цветок маргаритку,
Должен на этой земле испытать
Каждый любовную пытку.
Жгу до зари на окошке свечу
И ни о ком не тоскую,
Но не хочу, не хочу, не хочу
Знать, как целуют другую.
Завтра мне скажут, смеясь, зеркала:

Взор твой не ясен, не ярк...

Тихо отвечу: она отняла

Божий подарок.

АЛИСА

I

Все тоскует о забытом,

О своем весеннем сне,

Как Пьеретта о разбитом

Золотистом кувшине...

Все осколочки собрала,

Не умела их сложить...

«Если б ты, Алиса, знала,

Как мне скучно, скучно жить!

Я за ужином зеваю,

Забываю есть и пить,

Ты поверишь, забываю

Даже брови подводить.

О Алиса! Дай мне средство,

Что б вернуть его опять;

Хочешь все мое наследство,

Дом и платья можешь взять.

Он приснился мне в короне,

Я боюсь моих ночей!»

У Алисы в медальоне

Темный локон – знаешь чей?!

II

– «Как поздно! Устала, зеваю...»

«Миньона, спокойно лежи,

Я рыжий парик завиваю

Для стройной моей госпожи.

Он будет весь в лентах зеленых,

А сбоку жемчужный аграф;

Читала записку: «У клена

Я жду вас, таинственный граф!»

Сумеет под кружевом маски

Лукавая смех заглушить,

Велела мне даже подвязки

Сегодня она надушить».

Луч утра на черное платье

Скользнул, из окошка упав...

«Он мне открывает объятья

Под кленом, таинственный граф».

МАСКАРАД В ПАРКЕ

Луна освещает карнизы,

Блуждает по гребням реки...

Холодные руки маркизы

Так ароматны-легки.

«О принц! – улыбаясь, присела, –

В кадрили вы наш *vis a vis*»,

И томно под маской бледнела

От жгучих предчувствий любви.

Вход скрыл серебрящийся тополь

И низко спадающий хмель.

«Багдад или Константинополь

Я вам завуюю, *ma belle*!

Как вы улыбаетесь редко,

Вас страшно, маркиза, обнять?»

Темно и прохладно в беседке,

«Ну что же! пойдём танцевать?»

Выходят. На вязах, на кленах

Цветные дрожат фонари,

Две дамы в одеждах зеленых

С монахами держат пари.

И бледный, с букетом азалий,

Их смехом встречает Пьеро:

«Мой принц! О, не вы ли сломали

На шляпе маркизы перо?»

ВЕЧЕРНЯЯ КОМНАТА

Я говорю сейчас словами теми,
Что только раз рождаются в душе.
Жужжит пчела на белой хризантеме,
Так душно пахнет старое саше.
И комната, где окна слишком узки,
Хранит любовь и помнит старину,
А над кроватью надпись по-французски
Гласит: «Seigneur, ayez pitié de nous».
Ты сказки давней горестных заметок,
Душа моя, не тронь и не ищи...
Смотрю, блестящих севрских статуэток
Померкли глянцевиные плащи.
Последний луч, и желтый и тяжелый,
Застыл в букете ярких георгин,
И как во сне я слышу звук виолы
И редкие аккорды клавесин.

СЕРОГЛАЗЫЙ КОРОЛЬ

Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.
Вечер осенний был душен и ал,
Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:
«Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.
Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала седой».
Трубку свою на камине нашел
И на работу ночную ушел.
Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки ее погляжу.
А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...»

РЫБАК

Руки голы выше локтя,
А глаза синей, чем лед,
Едкий душный запах дегтя,
Как загар, тебе идет.
И всегда, всегда распахнут
Ворот куртки голубой,
И рыбачки только ахнут,
Закрасневшись пред тобой.
Даже девочка, что ходит
В город продавать камсу,
Как потерянная бродит
Вечерами на мысу.
Щеки бледны, руки слабы,
Истомленный взор глубок,
Ноги ей щекочат крабы,
Выползая на песок.
Но она уже не ловит
Их привычной рукой.
Все сильнее биенье крови
В теле, раненном тоской.
ОН ЛЮБИЛ...
Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенье, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой.

СЕГОДНЯ МНЕ ПИСЬМА

НЕ ПРИНЕСЛИ...

Сегодня мне письма не принесли:
Забыл он написать или уехал;
Весна как трель серебряного смеха,
Качаются в заливе корабли.
Сегодня мне письма не принесли...
Он был со мной еще совсем недавно,

Такой влюбленный, ласковый и мой,
Но это было белою зимой,
Теперь весна, и грусть весны отравна,
Он был со мной еще совсем недавно...
Я слышу: легкий трепетный смычок,
Как от предсмертной боли, бьется, бьется,
И страшно мне, что сердце разорвется,
Не допишу я этих нежных строк...

НАДПИСЬ НА НЕОКОНЧЕННОМ
ПОРТРЕТЕ

О, не вздыхайте обо мне,
Печаль преступна и напрасна,
Я здесь, на сером полотне,
Возникла странно и неясно.
Взлетевших рук излом больной,
В глазах улыбка исступленья,
Я не могла бы стать иной
Пред горьким часом наслажденья.
Он так хотел, он так велел
Словами мертвыми и злыми.
Мой рот тревожно заалел,
И щеки стали снеговыми.
И нет греха в его вине,
Ушел, глядит в глаза другие,
Но ничего не снится мне
В моей предсмертной летаргии.
СЛАДОК ЗАПАХ...

Сладок запах синих виноградин...
Дразнит опьяняющая даль.
Голос твой и глух и безотраден.
Никого мне, никого не жаль.
Между ягод сети-паутинки,
Гибких лоз стволы еще тонки,
Облака плывут, как льдинки, льдинки
В ярких водах голубой реки.
Солнце в небе. Солнце ярко светит.
Уходи к волне про боль шептать.
О, она наверное ответит,
А быть может, будет целовать.
ПОДРАЖАНИЕ И.Ф. АННЕНСКОМУ
И с тобой, моей первой причудой,
Я простился. Чернела вода.
Просто молвила: «Я не забуду».
Я так странно поверил тогда.
Возникают, стираются лица,
Мил сегодня, а завтра далек.
Отчего же на этой странице
Я когда-то загнул уголок?

2 3«ж. 87о
И всегда открывается книга
В том же месте. Не знаю зачем!
Я люблю только радости мига
И цветы голубых хризантем.
О, сказавший, что сердце из камня,
Знал наверно: оно из огня...
Никогда не пойму, ты близка мне
Или только любила меня.

ВЕРЕ ИВАНОВОЙ-ШВАРСАЛОН
Туманом легким парк наполнился
И вспыхнул на воротах газ.
Мне только взгляд один запомнился
Незнающих спокойных глаз.
Твоя печаль, для всех неясная,
Мне сразу сделалась близка,
И поняла ты, что отравная
И душная во мне тоска.
Я этот день люблю и праздную,
Приду, как только позовешь,

Меня, и грешную и праздную,
Лишь ты одна не упрекнешь.

КУКУШКА

Я живу, как кукушка в часах,
Не завидую птицам в лесах,
Заведут – и кукую.

Знаешь, долю такую

Лишь врагу

Пожелать я могу.

ПОХОРОНЫ

Я места ищу для могилы,
Не знаешь ли, где светлей?
Так холодно в поле. Унылы
У моря груды камней.

А она привыкла к покою
И любит солнечный свет,
Я келью над ней построю,
Как дом наш на много лет.
Между окнами будет дверца,
Лампадку внутри зажжем,
Как будто темное сердце
Алым горит огнем.

Она бредила, знаешь, больная,
Про иной, про небесный край,
Но сказал монах, укоряя:
«Не для вас, не для грешных рай».

И тогда, побелев от боли,
Прошептала: «Уйду с тобой».
Вот одни мы теперь, на воле,
И у ног голубой прибой.

САД

Он весь сверкает и хрустит,
Обледенелый сад.
Ушедший от меня грустит,
Но нет пути назад.

И солнце, бледный тусклый лик,
Лишь круглое окно,
Я тайно знаю, чей двойник
Приник к нему давно.

Здесь мой покой навеки взят
Предчувствием беды,
Сквозь тонкий лед еще сквозят
Недавние следы.

Склонился тусклый мертвый лик
К немому сну полей,
И замирает острый крик
Отсталых журавлей.

НАД ВОДОЙ

Стройный мальчик пастушок,
Видишь, я в бреду.

Помню плащ и посошок
На свою беду.

Если встану – упаду,
Дудочка поет: ду-ду!
Мы прощались, как во сне,
Я сказала: «Жду».

Он, смеясь, ответил мне:
«Встретимся в аду».

Если встану – упаду,
Дудочка поет: ду-ду!

О, глубокая вода
В мельничном пруду,
Не от горя, от стыда
Я к тебе приду.

И без крика упаду,
А вдали звучит ду-ду.

ТРИ РАЗА...

Три раза пытаться приходила,

Я с криком тоски просыпалась
И видела тонкие руки
И красный насмешливый рот:
– «Ты с кем на заре целовалась,
Клялась, что погибнешь в разлуке,
И жгучую радость таила,
Рыдая у черных ворот?
Кого ты на смерть проводила,
Тот скоро, о скоро умрет».
Был голос как крик ястребиный,
Но странно на чей-то похожий,
Все тело мое изгибалось,
Почувствовав смертную дрожь.
И плотная сеть паутины
Упала, окутала ложе...
О, ты не напрасно смеялась,
Моя непрощенная ложь!

ЧЕТКИ

АННА АХМАТОВА

ЧЕТКИ

і) Т И Х и
С, -нст«*|И"\ рг*

I

СМЯТЕНИЕ

I

Было душно от жгучего света,
А взгляды его как лучи...
Я только вздрогнула. Этот
Может меня приручить.
Наклонился. Он что-то скажет.
От лица отхлынула кровь.
Пусть камнем надгробным ляжет
На жизни моей любовь.

II

Не любишь, не хочешь смотреть.
О, как ты красив, проклятый!
И я не могу взлететь,
А с детства была крылатой.
Мне очи застит туман,
Сливаются вещи и лица...
И только красный тюльпан,
Тюльпан у тебя в петлице.

III

Как велит простая учтивость,
Подошел ко мне. Улыбнулся.
Полуласково, полулениво
Поцелуем руки коснулся.
И загадочных, древних ликов
На меня поглядели очи...
Десять лет замираний и криков,
Все мои бессонные ночи
Я вложила в тихое слово
И сказала его напрасно.
Отошел ты, и стало снова
На душе и пусто и ясно.

1913

ПРОГУЛКА

Перо задело о верх экипажа.
Я поглядела в глаза его.
Томилось сердце, не зная даже
Причины горя своего.
Безветрен вечер и грустью скован
Под сводом облачных небес,
И словно тушью нарисован
В альбоме старом Булонский лес.
Бензина запах и сирени,
Насторожившийся покой...
Он снова тронул мои колени

Почти не дрогнувшей рукой.

1913. Май

ВЕЧЕРОМ

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.
Он мне сказал: «Я верный друг!»
И моего коснулся платья...
Как непохожи на объятья
Прикосновенья этих рук.
Так гладят кошек или птиц...
Так на наездниц смотрят стройных...
Лишь смех в глазах его спокойных,
Под легким золотом ресниц.
А скорбных скрипок голоса
Поют за стелющимся дымом:
«Благослови же небеса:
Ты первый раз одна с любимым».

1913. Март

Все мы бражники здесь, блудницы.
Как невесело вместе нам!
На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам.
Ты куришь черную трубку,
Так странен дымок над ней.
Я надела узкую юбку,
Чтоб казаться еще стройней.
Навсегда забиты окошки.
Что там – изморозь или гроза?
На глаза осторожной кошки
Похожи твои глаза.
О, как сердце мое тоскует!
Не смертного ль часа жду?
А та, что сейчас танцует,
Непременно будет в аду.

1 января 1913

После ветра и мороза было
Любо мне погреться у огня.
Там за сердцем я не уследила,
И его украли у меня.
Новогодний праздник длится пышно,
Влажны стебли новогодних роз,
А в груди моей уже не слышно
Трепетания стрекоз.
Ах! не трудно угадать мне вора,
Я его узнала по глазам.
Только страшно так, что скоро, скоро
Он вернет свою добычу сам.

1914. Январь

...И на ступеньки встретить
Не вышли с фонарем.
В неверном лунном свете
Вошла я в тихий дом.
Под лампою зеленой,
С улыбкой неживой,
Друг шепчет: «Сандрильона,
Как странен голос твой!»
В камине гаснет пламя,
Томя, трещит сверчок.
Ах! кто-то взял на память
Мой белый башмачок
И дал мне три гвоздики,
Не подымая глаз.
О, милые улики,
Куда мне спрятать вас?
И сердцу горько верить,
Что близок, близок срок,

Что всем он станет мерить
Мой белый башмачок.

1913

Безвольно пощады просят
Глаза. Что мне делать с ними,
Когда при мне произносятся
Короткое, звонкое имя?
Иду по тропинке в поле.
Вдоль серых сложенных бревен.
Здесь легкий ветер на воле
По-весеннему свеж, неровен.
И томное сердце слышит
Тайную весть о дальнем.
Я знаю: он жив, он дышит,
Он смеет быть не печальным.

1912

Покорно мне воображение
В изображеньи серых глаз.
В моем Тверском уединеньи
Я горько вспоминаю Вас.
Прекрасных рук счастливый пленник,
На левом берегу Невы,
Мой знаменитый современник,
Случилось, как хотели Вы,
Вы, приказавший мне: довольно,
Пойди, убей свою любовь!
И вот, я таю, я безвольна,
Но все сильнее скучает кровь.
И если я умру, то кто же
Мои стихи напишет Вам,
Кто стать звенящими поможет
Еще не сказанным словам?

1913. Июль

Слепнево

ОТРЫВОК

...И кто-то, во мраке дерев незримый,
Зашуршал опавшей листвою
И крикнул: «Что сделал с тобой любимый,
Что сделал любимый твой!
Словно тронуты черной, густою тушью
Тяжелые веки твои.
Он предал тебя тоске и удушью
Отравительницы любви.
Ты давно перестала считать уколы,
Грудь мертва под острой иглой,
И напрасно стараешься быть веселой,
Легче в гроб тебе лечь живой!..»
Я сказала обидчику: «Хитрый, черный,
Верно, нет у тебя стыда.
Он тихий, он нежный, он мне покорный,
Влюбленный в меня навсегда!»

1912

Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем. И она тиха.
Ты напрасно бережно кутаешь
Мне плечи и грудь в меха
И напрасно слова покорные
Говоришь о первой любви.
Как я знаю эти упорные,
Несытые взгляды твои!

1913. Декабрь

Не будем пить из одного стакана
Ни воду мы, ни сладкое вино,
Не поцелуемся мы утром рано,
А ввечеру не поглядим в окно.
Ты дышишь солнцем, я дышу луною,
Но живы мы любовьию одною.
Со мной всегда мой верный, нежный друг,

С тобой твоя веселая подруга,
Но мне понятен серых глаз испуг,
И ты виновник моего недуга.
Но кратких мы не учащаем встреч.
Так наш покой нам суждено беречь.
Лишь голос твой поет в моих стихах,
В твоих стихах мое дыханье веет.
О, есть костер, которого не смеет
Коснуться ни забвение, ни страх...
И если б знал ты, как сейчас мне любы
Твои сухие, розовые губы.

1913

У меня есть улыбка одна.
Так. Движенья чуть видное губ.
Для тебя я ее берегу –
Ведь она мне любовью дана.
Все равно, что ты наглый и злой,
Все равно, что ты любишь других.
Предо мной золотой аналой,
И со мной сероглазый жених.
Столько просьб у любимой всегда,
У разлюбленной просьб не бывает...
Как я рада, что нынче вода
Под бесцветным ледком замирает.
И я стану – Христос, помоги! –
На покров этот светлый и ломкий,
А ты письма мои береги,
Чтобы нас рассудили потомки.
Чтоб отчетливей и ясней
Ты был виден им, мудрый и смелый.
В биографии славной твоей
Разве можно оставить пробелы?
Слишком сладко земное питье,
Слишком плотны любовные сети...
Пусть когда-нибудь имя мое
Прочитают в учебнике дети.
И, печальную повесть узнав,
Пусть они улыбнутся лукаво.
Мне любви и покоя не дав,
Подари меня горькою славой.

1913

В последний раз мы встретились тогда
На набережной, где всегда встречались.
Была в Неве высокая вода,
И наводненья в городе боялись.
Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине – нелепость.
Как я запомнила высокий царский дом
И Петропавловскую крепость –
Затем, что воздух был совсем не наш,
А как подарок Божий – так чудесен,
И в этот час была мне отдана
Последняя из всех безумных песен.

1914. Январь

Здравствуй! Легкий шелест слышишь
Справа от стола?..
Этих строчек не допишешь –
Я к тебе пришла.
Неужели ты обидишь
Так, как в прошлый раз:
Говоришь, что рук не видишь,
Рук моих и глаз.
У тебя светло и просто.
Не гони меня туда,
Где под душным сводом моста
Стынет грязная вода.

1913. Октябрь

II

Цветов и неживых вещей
Приятен запах в этом доме.
У грядок груды овощей
Лежат, пестры, на черноземе.
Еще струится холодок,
Но с парников снята рогожа.
Там есть прудок, такой прудок,
Где тина на парчу похожа.
А мальчик мне сказал, боясь,
Совсем взволнованно и тихо,
Что там живет большой карась
И с ним большая карасиха.

1915

Каждый день по-новому тревожен,
Все сильнее запах спелой ржи.
Если ты к ногам моим положен,
Ласковый, лежи.
Иволги кричат в широких кленах,
Их ничем до ночи не унять.
Любо мне от глаз твоих зеленых
Ос веселых отгонять.
На дороге бубенец зазвякал –
Памятен нам этот легкий звук.
Я спую тебе, чтоб ты не плакал,
Песенку о вечере разлук.

1913

Мальчик сказал мне: «Как это больно!»
И мальчика очень жаль...
Еще так недавно он был довольным
И только слышал про печаль.
А теперь он знает все не хуже
Мудрых и старых вас.
Потускнели и, кажется, стали уже
Зрачки ослепительных глаз.
Я знаю: он с болью своей не сладит,
С горькой болью первой любви.
Как беспомощно, жадно и жарко гладит
Холодные руки мои.

1913. Осень

Высокие своды костела
Синей, чем небесная твердь...
Прости меня, мальчик веселый,
Что я принесла тебе смерть. –
За розы с площадки круглой,
За глупые письма твои,
За то, что, дерзкий и смуглый,
Мутно бледнел от любви.
Я думала: ты нарочно –
Как взрослые хочешь быть.
Я думала: томно-порочных
Нельзя, как невест, любить.
Но все оказалось напрасно.
Когда пришли холода,
Следил ты уже бесстрастно
За мной везде и всегда,
Как будто копил приметы
Моей нелюбви. Прости!
Зачем ты принял обеты
Страдальческого пути?
И смерть к тебе руки простерла..
Скажи, что было потом?
Я не знала, как хрупко горло
Под синим воротником.
Прости меня, мальчик веселый,
Совенок замученный мой!
Сегодня мне из костела
Так трудно уйти домой.

1913. Ноябрь

М. Лозинскому

Он длитсь без конца – янтарный, тяжкий день!
Как невозможна грусть, как тщетно ожиданье!
И снова голосом серебряным олень
В зверинце говорит о северном сиянье.
И я поверила, что есть прохладный снег
И синяя купель для тех, кто нищ и болен,
И санок маленьких такой неверный бег
Под звоны древние далеких колоколен.
1912

ГОЛОС ПАМЯТИ

О.А. Глебовой-Судейкиной

Что ты видишь, тускло на стену смотря,
В час, когда на небе поздняя заря?
Чайку ли на синей скатерти воды,
Или флорентийские сады?
Или парк огромный Царского Села,
Где тебе тревога путь пересекла?
Иль того ты видишь у своих колен,
Кто для белой смерти твой покинул плен?
Нет, я вижу стену только – и на ней
Отсветы небесных гаснущих огней.
1913. Июнь

Слепнево

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо, и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.
Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.
Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильной,
И яркий загорается огонь
На башенке озерной лесопильни.
Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
– И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.
1912

Здесь все то же, то же, что и прежде,
Здесь напрасным кажется мечтать.
В доме, у дороги непроезжей,
Надо рано ставни запирать.
Тихий дом мой пуст и неприветлив,
Он на лес глядит одним окном.
В нем кого-то вынули из петли
И бранили мертвого потом.
Был он грустен или тайно-весел,
Только смерть – большое торжество.
На истертом красном плюше кресел
Изредка мелькает тень его.
И часы с кукушкой ночи рады,
Все слышней их четкий разговор.
В щелочку смотрю я. Конокрады
Зажигают под холмом костер.
И, пророча близкое ненастье,
Низко, низко стелется дымок.
Мне не страшно. Я ношу на счастье
Темно-синий шелковый шнурок.

/9/2. Май

БЕССОННИЦА

Где-то кошки жалобно мяукают,
Звук шагов я издали ловлю...
– Хорошо твои слова баюкают:
Третий месяц я от них не сплю.
Ты опять, опять со мной, бессонница!

Неподвижный лик твой узнаю.
Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти Господа моля.
Но все мне памятна до боли
Тверская скудная земля.
Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.
И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных, загорелых баб.

1913. Осень

Углем наметил на левом боку
Место, куда стрелять,
что, красавица, что, беззаконница?
Разве плохо я тебе пою?
Окна тканью белою завешены,
Полумрак струится голубой...
Или дальней вестью мы утешены,
Отчего мне так легко с тобой?

1912

Чтоб выпустить птицу – мою тоску –
В пустынную ночь опять.
Милый! Не дрогнет твоя рука,
И мне недолго терпеть.
Вылетит птица – моя тоска, –
Сядет на ветку и станет петь.
Чтоб тот, кто спокоен в своем доме,
Раскрывши окно, сказал:
«Голос знакомый, а слов не пойму», –
И опустил глаза.

31 января 1914

Петербург

III

Помолись о нищей, о потерянной,
О моей живой душе,
Ты, всегда в путях своих уверенный,
Свет узревший в шалаше.
И тебе, печально-благодарная,
Я за это расскажу потом,
Как меня томила ночь угарная,
Как дышало утро льдом.
В этой жизни я немного видела,
Только пела и ждала.
Знаю: брата я не ненавидела
И сестры не предала.
Вижу выцветший флаг над таможней
И над городом желтую муть.
Вот уж сердце мое осторожней
Замирает, и больно вздохнуть.
Стать бы снова приморской девчонкой,
Туфли на босу ногу надеть,
И закладывать косы коронкой,
И взволнованным голосом петь.
Все глядеть бы на смутные главы
Херсонесского храма с крыльца
И не знать, что от счастья и славы
Безнадежно дряхлеют сердца.

1913

Плотно сомкнуты губы сухие.
Жарко пламя трех тысяч свечей.
Отчего же Бог меня наказывал
Каждый день и каждый час?
Или это Ангел мне указывал
Свет, невидимый для нас...
1912. Май

Флоренция

Так лежала княжна Евдокия
На сапфирной душистой парче.
И, согнувшись, бесслезно молилась
Ей о слепеньком мальчишке мать,
И кликуша без голоса билась,
Воздух силясь губами поймать.
А пришедший из южного края
Черноглазый, горбатый старик,
Словно к двери небесного рая,
К потемневшей ступеньке преник.

1913. Осень

Дал Ты мне молодость трудную.
Столько печали в пути.
Как же мне душу скудную
Богатой Тебе принести?
Долгую песню, льстивая,
О славе поет судьба.
Господи! я нерадивая,
Твоя скупая раба.
Ни розою, ни былинкою
Не буду в садах Отца.
Я дрожу над каждой соринкою,
Над каждым словом глупца.

19 декабря 1912

Солнце комнату наполнило
Пылью желтой и сквозной.
Я проснулась и припомнила:
Милый, нынче праздник твой.
Оттого и оснеженная
Даль за окнами тепла,
Оттого и я, бессонная,
Как причастница спала.

8 ноября 1913

Ты пришел меня утешить, милый,
Самый нежный, самый кроткий...
От подушки приподняться нету силы,
А на окнах частые решетки.
Мертвой, думал, ты меня застанешь,
И принес веночек неискusstный.
Как улыбкой сердце больно ранишь,
Ласковый, насмешливый и грустный.
Что теперь мне смертное томленье!
Если ты еще со мной побудешь,
Я у Бога вымолю прощенье,
И тебе, и всем, кого ты любишь.

1913. Май

Петербург

Умирая, томлюсь о бессмертии.
Низко облако пыльной мглы...
Пусть хоть голые красные черти,
Пусть хоть чан зловонной смолы.
Приползайте ко мне, лукавьте,
Угрозы из ветхих книг,
Только память вы мне оставьте,
Только память в последний миг.
Чтоб в томительной веренице
Не чужим показался ты,
Я готова платить сторицей
За улыбки и за мечты.
час, наклонясь, напоит
Прозрачную сулемой...
А люди придут, зарюют
Мое тело и голос мой.

1912

Смертный

Ты письмо мое, милый, не комкай,
До конца его, друг, прочти.

Надоело мне быть незнакомкой,
Быть чужой на твоём пути.
Не гляди так, не хмурься гневно,
Я любимая, я твоя.
Не пастушка, не королева
И уже не монашенка я –
В этом сером, будничном платье,
На стоптанных каблуках...
Но, как прежде, жгуче объятье,
Тот же страх в огромных глазах.
Ты письмо мое, милый, не комкай,
Не плачь о заветной лжи
И его в твоей бедной котомке
На самое дно положи.

1912

ИСПОВЕДЬ

Умолк простивший мне грехи,
Лиловый сумрак гасит свечи,
И темная епитрахиль
Накрыла голову и плечи.
Не тот ли голос: «Дева! Встань...»
Удары сердца чаще, чаще...
Прикосновение сквозь ткань
Руки, рассеянно крестящей.

1911. Царское Село

В ремешках пенал и книги были,
Возвращалась я домой из школы.
Эти липы, верно, не забыли
Нашу встречу, мальчик мой веселый.
Только, ставши лебедем надменным,
Изменился серый лебеденок.

А на жизнь мою лучом нетленным
Грусть легла, и голос мой незвонок.

1912. Царское Село

Со дня Купальницы-Аграфены
Малиновый платок хранит.
Молчит, а ликует, как Царь Давид.
В морозной келье белы стены,
И с ним никто не говорит.
Приду и стану на порог,
Скажу: «Отдай мне мой платок!»

1912. Осень

Я с тобой не стану пить вино,
Оттого что ты мальчишка озорной.

3 Зах. 870

Вечерние часы перед столом,
Непоправимо белая страница,
Мимоза пахнет Ниццей и теплом,
В луче луны летит большая птица.
И, туго косы на ночь заплетя,
Как будто завтра будут нужны косы,
В окно гляжу я, больше не грустя,
На море, на песчаные откосы.
Какую власть имеет человек,
Который даже нежности не просит...
Я не могу поднять усталых век,
Когда мое он имя произносит.

1913. Лето

Знаю я – у вас заведено
С кем попало целоваться под луной.
А у нас тишь да гладь,
Божья благодать.
А у нас светлых глаз
Нет приказу подымать.

1913. Декабрь

IV

Как вплелась в мои темные косы
Серебристая белая прядь –

Только ты, соловей безголосый,
Эту муку сумеешь понять.
Чутким слухом далекое слышишь
И на тонкие ветки ракии,
Весь нахохлившись, смотришь – не дышишь,
Если песня чужая звучит.
И еще так недавно, недавно
Замирали вокруг тополя,
И звенела и пела отравно
Несказанная радость твоя.
1912

Я пришла тебя сменить, сестра,
У лесного, у высокого костра.
Поседели твои волосы. Глаза
Замутила, затуманила слеза.
Ты уже не понимаешь пенья птиц,
Ты ни звезд не замечаешь, ни зарниц.
И давно удары бубна не слышны,
А я знаю, ты боишься тишины.
Я пришла тебя сменить, сестра,
У лесного, у высокого костра.
Ты пришла меня похоронить.
Где же заступ твой, где лопата?
Только флейта в руках твоих.
Я не буду тебя винить,
Разве жаль, что давно, когда-то,
Навсегда мой голос затих.
Мои одежды надень,
Позабудь о моей тревоге,
Дай ветру кудрями играть.
Ты пахнешь, как пахнет сирень,
А пришла по трудной дороге,
Чтобы здесь озаренной стать.
И одна ушла, уступая,
Уступая место другой,
И неверно брела, как слепая,
Незнакомой узкой тропой.
И все чудилось ей, что пламя
Близко. Бубен держит рука.
И она как белое знамя,
И она как свет маяка.

СТИХИ О ПЕТЕРБУРГЕ

I
Вновь Исакий в облаченьи
Из литого серебра...
Стынет в грозном нетерпеньи
Конь Великого Петра.
Ветер душный и суровый
С черных труб сметает гарь...
Ах! своей столицей новой
Недоволен Государь.

II
Сердце бьется ровно, мерно,
Что мне долгие года!
Ведь под аркой на Галерной
Наши тени навсегда.
Сквозь опущенные веки
Вижу, вижу, ты со мной –
И в руке твоей навеки
Неоткрытый веер мой.
Оттого, что стали рядом
Мы в блаженный миг чудес.
В миг, когда над Летним Садам
Месяц розовый воскрес –
Мне не надо ожиданий
У постылого окна
И томительных свиданий,
Ах! любовь утолена.

Ты свободен, я свободна,
Завтра лучше, чем вчера –
Над Невую темноводной,
Под улыбкою холодной
Императора Петра.

1913

Меня покинул в новолуние
Мой друг любимый. Ну, так что ж!
Шутил: «Канатная плясунья!
Как ты до мая доживешь?»
Ему ответила, как брату,
Я, не ревнуя, не ропща,
Но не заменят мне утрату
Четыре новые плаща.
Пусть страшен путь мой, пусть опасен,
Еще страшнее путь тоски...
Как мой китайский зонтик красен,
Натерты мелом башмачки.
Оркестр веселое играет,
И улыбаются уста,
Но сердце знает, сердце знает,
Что ложа пятая пуста!

1912

Знаю, знаю – снова лыжи
Сухо заскрипят,
В синем небе месяц рыжий,
Луг так сладостно-покат.
Во дворце горят окошки,
Тишиной удалены,
Ни тропинки, ни дорожки,
Только проруби темны.
Ива, дерево русалок,
Не мешай мне на пути,
В снежных ветках черных галок,
Черных галок приюти.

1913. Октябрь

Царское Село

ВЕНЕЦИЯ

Золотая голубятня у воды,
Ласковой и млеюще зеленой;
Протертый коврик под иконой,
В прохладной комнате темно,
И густо плющ темно-зеленый
Завил широкое окно.
От роз струится запах сладкий,
Трещит лампадка, чуть горя.
Пестро расписаны укладки
Рукой любовной кустаря.
И у окна белеют пальцы...
Твой профиль тонок и жесток.
Ты зацелованные пальцы
Брезгливо прячешь под платок.
Заметают ветерок соленый
Черных лодок узкие следы.
Столько нежных, странных лиц в толпе.
В каждой лавке яркие игрушки:
С книгой лев на вышитой подушке,
С книгой лев на мраморном столбе.
Как на древнем, выцветшем холсте,
Стынет небо тускло-голубое,
Но не тесно в этой тесноте,
И не душно в сырости и зное.

1912. Август

А сердцу стало страшно биться,
Такая в нем теперь тоска...
И в косах спутанных таится
Чуть слышный запах табака.

1912

ГОСТЬ

Все, как раньше. В окна столовой
Бьет мелкий метельный снег.
И сама я не стала новой,
А ко мне приходил человек.
Я спросила: «Чего ты хочешь?»
Он сказал: «Быть с тобой в аду».
Я смеялась: «Ах, напророчишь
Нам обоим, пожалуй, беду».
Но, поднявши руку сухую,
Он слегка потрогал цветы:
«Расскажи, как тебя целуют,
Расскажи, как целуешь ты».
И глаза, глядящие тускло,
Не сводил с моего кольца.
Ни один не двинулся мускул
Просветленно-злого лица.
О, я знаю: его отрада –
Напряженно и страстно знать,
Александру Блоку
Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье.
Тихо в комнате просторной,
А за окнами мороз.
Там малиновое солнце
Над лохматым сизым дымом...
Как хозяин молчаливый
Ясно смотрит на меня.
У него глаза такие,
Что запомнить каждый должен,
Мне же лучше, осторожной,
В них и вовсе не глядеть.
Но запомнится беседа,
Дымный полдень, воскресенье,
В доме сером и высоком
У морских ворот Невы.

1914. Январь

Что ему ничего не надо,
Что мне не в чем ему отказать.
/ января 1914

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

В то время я гостила на земле.
Мне дали имя при крещении – Анна,
Сладчайшее для губ людских и слуха,
Так дивно знала я земную радость
И праздников считала не двенадцать,
А столько, сколько было дней в году.
Я, тайному велению покорна,
Товарища свободного избрав,
Любила только солнце и деревья.
И осенью, однажды, иностранку
Я встретила в лукавый час зари,
И вместе мы купались в теплом море.
Ее одежда странной мне казалась,
Еще страннее – губы. А слова,
Как звезды, падали сентябрьской ночью.
И стройная меня учила плавать,
Одной рукой поддерживая тело
Неопытное на тугих волнах.
И часто, стоя в голубой воде,
Она со мной неспешно говорила,
И мне казалось, что вершины леса
Слегка шумят, или хрустит песок,
Иль голосом серебряным волынка
Вдали поет о вечере разлук.
Но слов ее я помнить не могла
И часто ночью с болью просыпалась.
Мне чудился полуоткрытый рот,

Ее глаза и гладкая прическа.
Как вестника небесного, молила
Я девушку печальную тогда:
«Скажи, скажи, зачем угасла память,
И, так томительно лаская слух,
Ты отняла блаженство повторенья...»
И только раз, когда я виноград
В плетеную корзинку собирала,
А смуглая сидела на траве,
Глаза закрыв и распустивши косы,
И томною была и утомленной
От запаха тяжелых синих ягод
И пряного дыханья дикой мяты,
Она слова чудесные вложила
В сокровищницу памяти моей.
И, полную корзинку уронив,
Припала я к земле сухой и душной,
Как к милому, когда поет любовь.
1913

БЕЛАЯ СТАЯ
БЪЛАЯ СТАЯ
I 111ХОГВОГЕНIЯ
АННЫ АХМАТОВОЙ.
ПЕТРОГРАДЪ.

П.н (4те 1ьство ГнпсрГюреп.
1917.

I
Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так что сделался каждый день
Поминальным днем, –
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.
1915

Твой белый дом и тихий сад оставлю.
Да будет жизнь пустынна и светла.
Тебя, тебя в моих стихах прославлю,
Как женщина прославить не могла.
И ты подругу помнишь дорогую
В тобою созданном для глаз ее раю,
А я товаром редкостным торгую –
Твою любовь и нежность продаю.

УЕДИНЕНИЕ
Так много камней брошено в меня,
Что ни один из них уже не страшен,
И стройной башней стала западня,
Высокою среди высоких башен.
Строителей ее благодарю,
Пусть их забота и печаль минует.
Отсюда раньше вижу я зарю,
Здесь солнца луч последний торжествует.
И часто в окна комнаты моей
Влетают ветры северных морей,
И голубь ест из рук моих пшеницу...
А не дописанную мной страницу –
Божественно спокойна и легка –
Допишет Музы смуглая рука.
1914

ПЕСНЯ О ПЕСНЕ
Она сначала обожжет,
Как ветерок студеной,
А после в сердце упадет
Одной слезой соленой.
И злomu сердцу станет жаль
Чего-то. Грустно будет.
Но эту легкую печаль
Оно не позабудет.

Слаб голос мой, но воля не слабеет,
Мне даже легче стало без любви.
Высоко небо, горный ветер веет,
И непорочны помыслы мои.
Ушла к другим бессонница-сиделка,
Я не томлюсь над серою золой,
И башенных часов кривая стрелка
Смертельной мне не кажется иглой.
Как прошлое над сердцем власть теряет!
Освобожденье близко, все прощу,
Следя, как луч взбегает и сбегает
По влажному весеннему плещу.
Я только сею. Собрать
Придут другие. Что же!
И жниц ликующую рать
Благослови, о Боже!
А чтоб Тебя благодарить
Я смела совершенней,
Позволь мне миру подарить
То, что любви нетленней.

1916

Был он ревнивым, тревожным и нежным,
Как Божие солнце, меня любил,
А чтобы она не запела о прежнем,
Он белую птицу мою убил.
Промолвил, войдя на закате в светлицу:
«Люби меня, смейся, пиши стихи!»
И я закопала веселую птицу
За круглым колодцем у старой ольхи.
Ему обещала, что плакать не буду,
Но каменным сделалось сердце мое,
И кажется мне, что всегда и повсюду
Услышу я сладостный голос ее.

1914

Тяжела ты, любовная память!
Мне в дыму твоём петь и гореть,
А другим – это только пламя,
Чтоб остывшую душу греть.
Чтобы греть пресыщенное тело,
Им надобны слезы мои...
Для того ль я, Господи, пела,
Для того ль причастилась любви!
Дай мне выпить такой отравы,
Чтобы сделалась я немой,
И мою бесславную славу
Осиянным забвением смой.

1914

Потускнел на небе синий лак,
И слышнее песня окарины.
Это только дудочка из глины,
Не на что ей жаловаться так.
Кто ей рассказал мои грехи,
И зачем она меня прощает?
Или этот голос повторяет
Мне твои последние стихи?..

1912

В.С. Срезневской
Вместо мудрости – опытность, пресное
Неутоляющее питье.
А юность была как молитва воскресная...
Мне ли забыть ее?
Столько дорог пустынных исхожено
С тем, кто мне не был мил,
А! это снова ты. Не отроком влюбленным,
Но мужем дерзостным, суровым, непреклонным
Ты в этот дом вошел и на меня глядишь.
Страшна моей душе предгрозовая тишь.
Ты спрашиваешь, что я сделала с тобою,

Врученным мне навек любовью и судьбою.
Я предала тебя. И это повторять –
О, если бы ты мог когда-нибудь устать!
Так мертвый говорит, убийцы сон тревожа,
Так Ангел смерти ждет у рокового ложа.
Прости меня теперь. Учил прощать Господь.
В недуге горестном моя томится плоть,
А вольный дух уже почиет безмятежно.
Я помню только сад, сквозной, осенний, нежный,
И крики журавлей, и черные поля...
О, как была с тобой мне сладостна земля!
Столько поклонов в церквах положено
За того, кто меня любил...
Стала забывчивей всех забывчивых,
Тихо плывут года.
Губ нецелованных, глаз не улыбочивых
Мне не вернуть никогда.

1913

Муза ушла по дороге,
Осенней, узкой, крутой,
И были смуглые ноги
Обрызганы крупной росой.
Я долго ее просила
Зимы со мной подождать,
Но сказала: «Ведь здесь могила,
Как ты можешь еще дышать?»
Я голубку ей дать хотела,
Ту, что всех в голубятне белей,
Но птица сама полетела
За стройной гостьей моей.
Я, глядя ей вслед, молчала,
Я любила ее одну,
А в небе заря стояла,
Как ворота в ее страну.

1915

Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.
М. Лозинскому
Они летят, они еще в дороге,
Слова освобожденья и любви,
А я уже в предпесенной тревоге,
И холоднее льда уста мои.
Но скоро там, где дикие березы,
Прильнувши к окнам, сухо шелестят, –
Венцом червонным заплетутся розы
И голоса незримых прозвучат.
А дальше – свет невыносимо щедрый,
Как красное горячее вино...
Уже душистым раскаленным ветром
Сознание мое опалено.

1916

О, это был прохладный день
В чудесном городе Петровом.
И эту песню я невольно
Отдам на смех и поруганье,
Затем что нестерпимо больно
Душе любовное молчанье.

1915

Лежал закат костром багровым,
И медленно густела тень.
Ты только тронул грудь мою,
Как лиру трогали поэты,
Чтоб слышать кроткие ответы
На требовательное «люблю!».
Тебе не надо глаз моих,
Пророческих и неизменных,

Но за стихом ты ловишь стих,
Молитвы губ моих надменных.

1913

Я так молилась: «Утоли
Глухую жажду песнопенья!»
Но нет земному от земли
И не было освобожденья.
Как дым от жертвы, что не мог
Взлететь к престолу Сил и Славы,
А только стелется у ног,
Молитвенно целуя травы, –
Так я, Господь, простерта ниц:
Коснется ли огонь небесный
Моих сомкнувшихся ресниц
И немоты моей чудесной?
Есть в близости людей заветная черта,
Ее не перейти влюбленности и страсти,
Пусть в жуткой тишине сливаются уста,
И сердце рвется от любви на части.
И дружба здесь бессильна, и года
Высокого и огненного счастья,
Когда душа свободна и чужда
Медлительной истоме сладострастья.
Стремящиеся к ней безумны, а ее
Достижшие поражены тоскою...
Теперь ты понял, отчего мое
Не бьется сердце под твоей рукою.

1915

Все отнято: и сила, и любовь.
В немилый город брошенное тело
Не радо солнцу. Чувствую, что кровь
Во мне уже совсем похолодела.
Веселой Музы нрав не узнаю:
Она глядит и слова не проронит,
А голову в веночке темном клонит,
Изнеможенная, на грудь мою.
И только совесть с каждым днем страшней
Беснуется: великой хочет дани.
Закрыв лицо, я отвечала ей...
Но больше нет ни слез, ни оправданий.

1916

Нам свежесть слов и чувства простоту
Терять не то ль, что живописцу – зренье
Или актеру – голос и движенье,
А женщине прекрасной – красоту?
Но не пытайся для себя хранить
Тебе дарованное небесами:
Осуждены – и это знаем сами –
Мы расточать, а не копить.
Иди один и исцеляй слепых,
Чтобы узнать в тяжелый час сомненья
Учеников злорадное глумленье
И безразличие толпы.

1915

ОТВЕТ

Гр. В.А. Комаровскому
Какие странные слова
Принес мне тихий день апреля.
Был блаженной моей колыбелью
Темный город у грозной реки
И торжественной брачной постелью,
Над которой держали венки
Молодые твои серафимы,
Город, горькой любовью любимый.
Солеею молений моих
Был ты, строгий, спокойный, туманный.
Там впервые предстал мне жених,
Указавши мой путь осиянный,

И печальная Муза моя,
Как слепую, водила меня.
Ты знал, во мне еще жива
Страстная, страшная неделя.
Я не слыхала звонов тех,
Что плавали в лазури чистой.
Семь дней звучал то медный смех,
То плач струился серебристый.
А я, закрыв лицо мое,
Как перед вечною разлукой,
Лежала и ждала ее
Еще не названною мукой.

1914

II

9 ДЕКАБРЯ 1913

Самые темные дни в году
Светлыми стать должны.
Я для сравнения слов не найду –
Так твои губы нежны.
Только глаза подымать не смей,
Жизнь мою храня.
Первых фиалок они светлей,
А смертельные для меня.
Вот поняла, что не надо слов,
Оснеженные ветки легки...
Сети уже разостлал птицелов
На берегу реки.
Как ты можешь смотреть на Неву,
Как ты можешь всходить на мосты?..
Я недаром печальной слышу
С той поры, как привиделся ты.
Черных ангелов крылья остры,
Скоро будет последний суд.
И малиновые костры
Словно розы в снегу растут.
Под крышей промерзшей пустого жилья
Я мертвенных дней не считаю,
Читаю посланья Апостолов я,
Слова Псалмопевца читаю.
Но звезды синеют, но иней пушист,
И каждая встреча чудесней, –
А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песни Песней.

1915

Целый год ты со мной неразлучен,
А как прежде и весел и юн!
Неужели же ты не измучен
Смутной песней затравленных струн, –
Тех, что прежде, тугие, звенели,
А теперь только стонут слегка,
И моя их терзает без цели
Восковая, сухая рука...
Верно, мало для счастья надо
Тем, кто нежен и любит светло,
Что ни ревность, ни гнев, ни досада
Молодое не тронут чело.
Тихий, тихий, и ласки не просит,
Только долго глядит на меня
И с улыбкой блаженной выносит
Страшный бред моего забытья.

1914

Древний город словно вымер,
Странен мой приезд.
Над рекой своей Владимир
Поднял черный крест.
Липы шумные и вязы
По садам темны,
Звезд иглистые алмазы

К Богу взнесены.

Путь мой жертвенный и славный

Здесь окончу я.

И со мной лишь ты, мне равный,

Да любовь моя.

1914

Еще весна таинственная млела,

Блуждал прозрачный ветер по горам,

Чернеет дорога приморского сада,

желты и свежи фонари.

И озеро глубокое синело,

Крестителя нерукотворный храм.

Ты был испуган нашей первой встречей,

А я уже молилась о второй, –

И вот сегодня снова жаркий вечер...

Как солнце низко стало над горой...

Ты не со мной, но это не разлука,

Мне каждый миг – торжественная весть.

Я знаю, что в тебе такая мука,

что ты не можешь слова произнести.

1917

РАЗЛУКА

Вечерний и наклонный

Предо мною путь.

Вчера еще, влюбленный,

Молил: «Не забудь».

А нынче только ветры

да крики пастухов,

взволнованные кедры

у чистых родников.

1914

Я очень спокойная. Только не надо

со мною о нем говорить.

Ты милый и верный, мы будем друзьями...

гулять, целоваться, стареть...

и легкие месяцы будут над нами,

как снежные звезды, лететь.

1914

Не в лесу мы, довольно аукать, –

я насмешек таких не люблю...

что же ты не приходишь баюкать

уязвленную совесть мою?

у тебя заботы другие,

у тебя другая жена...

и глядит мне в глаза сухие

Петербургская весна.

Трудным кашлем, вечерним жаром

наградит по заслугам, убьет.

на Неве под млеющим паром

начинается ледоход.

1914

Господь немилостив к жнецам и садоводам.

Звеня, косые падают дожди

все обещало мне его:

Край неба, тусклый и червонный,

и милый сон под Рождество,

и Пасхи ветер многозвенный,

и прутья красные лозы,

и парковые водопады,

и две большие стрекозы

на ржавом чугуне ограды.

и я не верить не могла,

что будет дружен он со мною,

когда по горным склонам шла

горячей каменной тропею.

и, прежде небо отражавшим, водам

пестрят широкие плащи.

в подводном царстве и луга, и нивы,

А струи вольные поют, поют,
На взбухших ветках лопаются сливы,
И травы легшие гниют.
И сквозь густую водяную сетку
Я вижу милое твое лицо,
Притихший парк, китайскую беседку
И дома круглое крыльцо.
1915

Как невеста, получаю
Каждый вечер по письму,
Поздно ночью отвечаю
Другу моему:
«Я гощу у смерти белой
По дороге в тьму.
Зла, мой ласковый, не делай
В мире никому».
И стоит звезда большая
Между двух стволов,
Так спокойно обещаю
Исполнение снов.
1915

Божий Ангел, зимним утром
Тайно обручивший нас,
С нашей жизни беспечальной
Глаз не сводит потемневших.
Оттого мы любим небо,
Тонкий воздух, свежий ветер
И чернеющие ветки
За оградою чугунной.
Оттого мы любим строгий,
Многоводный, темный город,
4 Зах. 870

Ведь где-то есть простая жизнь и свет,
Прозрачный, теплый и веселый...
Там с девушкой через забор сосед
Под вечер говорит, и слышат только пчелы
Нежнейшую из всех бесед.
А мы живем торжественно и трудно
И чтим обряды наших горьких встреч,
Когда с налету ветер безрассудный
Чуть начатую обрывает речь.
Но ни на что не променяем пышный
Гранитный город славы и беды,
Широких рек сияющие льды,
Бессолнечные, мрачные сады
И голос Музы еле слышный.
1915

Подошла. Я волненья не выдал,
Равнодушно глядя в окно.
И разлуки наши любим,
И часы недолгих встреч.
1914

Села, словно фарфоровый идол,
В позе, выбранной ею давно.
Быть веселой – привычное дело,
Быть внимательной – это трудней...
Или томная лень одолела
После мартовских пряных ночей?
Утомительный гул разговоров,
Желтой люстры безжизненный зной,
И мельканье искусных проборов
Над приподнятой легкой рукой.
Улыбнулся опять собеседник
И с надеждой глядит на нее...
Мой счастливый, богатый наследник,
Ты почти завещанье мое.
1914

ПОБЕГ

О.А. Кузьминой–Караваевой
«Нам бы только до взморья добраться,
Дорогая моя!» – «Молчи...»
И по лестнице стали спускаться,
Задыхаясь, искали ключи.
Мимо зданий, где мы когда-то
Танцевали, пили вино,
Мимо белых колонн Сената,
Туда, где темно, темно.
«Что ты делаешь, ты безумный!» –
«Нет, я только тебя люблю!
Этот ветер – широкий и шумный,
Будет весело кораблю!»
Горло тесно ужасом сжато,
Нас в потемках принял челнок...
Крепкий запах морского каната
Задрожавшие ноздри обжег.
«Скажи, ты знаешь наверно:
я не сплю? Так бывает во сне...»
Только весла плескались мерно
По тяжелой невиской волне.
А черное небо светало,
Нас окликнул кто-то с моста,
Я руками обеими сжала
На груди цепочку креста.
Обессиленную, на руках ты,
Словно девочку, внес меня,
Чтоб на палубе белой яхты
Встретить свет нетленного дня.
1914

О тебе вспоминаю я редко
И твоей не пленяюсь судьбой,
Но с души не стирается метка
Незначительной встречи с тобой.
Красный дом твой нарочно миную,
Красный дом твой над мутной рекой,
Но я знаю, что горько волную
Твой пронизанный солнцем покой.
Пусть не ты над моими устами
Наклонялся, моля о любви,
Пусть не ты золотыми стихами
Обессмертил томленья мои –
я над будущим тайно колдую,
Если вечер совсем голубой,
И предчувствую встречу вторую,
Неизбежную встречу с тобой.
1913

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ
Уже кленовые листья
На пруд слетают лебединый,
И окровавлены кусты
Неспешно зреющей рябины,
И ослепительно стройна,
Поджав незябнущие ноги,
На камне северном она
Сидит и смотрит на дороги.
Я чувствовала смутный страх
Пред этой девушкой воспетой.
Играли на ее плечах
Лучи скудеющего света.
И как могла я ей простить
Восторг твоей хвалы влюбленной...
Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной.
1916

Вновь подарен мне дремотой
Наш последний звездный рай –
Город чистых водометов,

Золотой Бахчисарай.
Там, за пестрою оградой,
У задумчивой воды,
Вспоминали мы с отрадой
Царскосельские сады
И орла Екатерины
Вдруг узнали – это тот!
Он слетел на дно долины
С пышных бронзовых ворот.
Чтобы песнь прощальной боли
Дольше в памяти жила,
Осень смуглая в подоле
Красных листьев принесла
И посыпала ступени,
Где прощалась я с тобой
И откуда в царство тени
Ты ушел, утешный мой!

1916

Все мне видится Павловск холмистый,
Круглый луг, неживая вода,
Самый томный и самый тенистый,
Ведь его не забыть никогда.
Как в ворота чугунные въедешь,
Тронет тело блаженная дрожь,
Не живешь, а ликуешь и бредишь
Иль совсем по-иному живешь.
Поздней осенью свежий и колкий
Бродит ветер, безлюдно рад.
В белом инее черные елки
На подтаявшем снеге стоят.
Бессмертник сух и розов. Облака
На свежем небе вылеплены грубо.
Единственного в этом парке дуба
Листва еще бесцветна и тонка.
Лучи зари до полночи горят.
Как хорошо в моем затворе тесном!
О самом нежном, о всегда чудесном
Со мною Божьи птицы говорят.
Я счастлива. Но мне всего милей
Лесная и пологая дорога,
Убогий мост, скривившийся немного,
И то, что ждать осталось мало дней.

1916

III

МАЙСКИЙ СНЕГ

Пс. 6, ст. 7

Прозрачная ложится пелена
На свежий дерн и незаметно тает.
И исполненный жгучего бреда
Милый голос, как песня, звучит,
И на медном плече Кифареда
Красногрудая птичка сидит.

1915

тестокая, студеная весна
Налившиеся почки убивает.
И ранней смерти так ужасен вид,
Что не могу на Божий мир глядеть я.
Во мне печаль, которой царь Давид
По-царски одарил тысячелетья.

1916

Зачем притворяешься ты
То ветром, то камнем, то птицей?
Зачем улыбаешься ты
Мне с неба кровавой зарницей?
Не мучь меня больше, не тронь!
Пусти меня к вещим заботам...
Шатается пьяный огонь
По высохшим серым болотам.

И Муза в дырявом платке
Протяжно поет и уныло.
В жестокой и юной тоске
Ее чудотворная сила.
1915

Пустых небес прозрачное стекло,
Большой тюрьмы белесое строенье
И хода крестного торжественное пенье
Над Волховом, синеющим светло.
Сентябрьский вихрь, листья с березы свежав,
Кричит и мечется среди ветвей,
А город помнит о судьбе своей:
Здесь Марфа правила и правил Аракчеев.
1914

Июль 1914

I
Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели,
И осина уже не дрожит.
Стало солнце немилостью Божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.
Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:
«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затмения небесных светил.
Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Тот голос, с тишиной великой споря,
Победу одержал над тишиной.
Во мне еще, как песня или горе,
Последняя зима перед войной.
Белее сводов Смольного собора,
Таинственней, чем пышный летний сад,
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат».
1914

II
Можжевельника запах сладкий
От горящих лесов летит.
Над ребятами стонут солдатки,
Вдовий плач по деревне звенит.
Не напрасно молебны служились,
О дожде тосковала земля:
Красной влагой тепло окропились
Затоптанные поля.
Низко, низко небо пустое,
И голос молящего тих:
«Ранят тело твое пресвятое,
Мечут жребий о ризах твоих».
1914

Она была. Не знали мы, что скоро
В тоске предельной поглядим назад.
1917

Мы не умеем прощаться, –
Все бродим плечо к плечу.
Уже начинается смеркаться,
Ты задумчив, а я молчу.
В церковь войдем, увидим,
Отпеванье, крестины, брак,
Не взглянув друг на друга, выйдем...
Отчего все у нас не так?
Или сядем на снег примятый
На кладбище, легко вздохнем,
И ты палкой чертишь палаты,
Где мы будем всегда вдвоем.

УТЕШЕНИЕ

Там Михаил Архистратиг
Его зачислил в рать свою.
Н. Гумилев
Вестей от него не получишь больше,
Не услышишь ты про него.
В объятой пожарами, скорбной Польше
Не найдешь могилы его.
Пусть дух твой станет тих и покоен,
Уже не будет потерь:
Он Божьего воинства новый воин,
О нем не грусти теперь.
И плакать грешно, и грешно томиться
В милом, родном дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику своему.

1914

Лучше б мне частушки задорно выкликать,
А тебе на хриплой гармонике играть,
И, уйдя, обнявшись, на ночь за овсы,
Потерять бы ленту из тугой косы.
Лучше б мне ребеночка твоего качать,
А тебе полтинник за день выручать,
И ходить на кладбище в поминальный день
Да смотреть на белую Божию сирень.

1914

МОЛИТВА

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар.
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

1915

«Где, высокая, твой цыганенок,
Тот, что плакал под черным платком,
Где твой маленький первый ребенок,
Что ты знаешь, что помнишь о нем?»
«Доля матери – светлая пытка,
Я достойна ее не была.
В белый рай растворилась калитка,
Магдалина сыночка взяла.
Каждый день мой – веселый, хороший,
Заблудилась я в длинной весне,
Только руки тоскуют по ноше,
Только плач его слышу во сне.
Станет сердце тревожным и томным,
И не помню тогда ничего,
Все брожу я по комнатам темным,
Все ищу колыбельку его».

1914

Столько раз я проклинала
Это небо, эту землю,
Этой мельницы замшелой
Тяжко машущие руки!
А во флигеле покойник,
Прям и сед, лежит на лавке,
Как тому назад три года.
Так же мыши книги точат,
Так же влево пламя клонит
Стеариновая свечка.
И поет, поет постылый
Бубенец нижегородский
Незатейливую песню
О моем веселье горьком.

А раскрашенные ярко
Прямо стали георгины
Вдоль серебряной дорожки,
Где улитки и полынь.
Так случилось: заточенье
Стало родиной второю,
А о первой я не смею
И в молитве вспоминать.
Ни в лодке, ни в телеге
Нельзя попасть сюда.
Стоит на гиблом снеге
Глубокая вода.
Усадьбу осаждает
Уже со всех сторон...
Ах! близко изнывает
Такой же Робинзон.
Пойдет взглянуть на сани,
На лыжи, на коня,
А после на диване
Сидит и ждет меня,
И шпорою короткой
Рвет коврик пополам.
Теперь улыбки кроткой
Не видеть зеркалам.

1916

Вижу, вижу лунный лук
Сквозь листву густых ракич,
Слышу, слышу ровный стук
Неподкованных копыт.
Что? И ты не хочешь спать,
В год не мог меня забыть,
Не привык свою кровать
Ты пустою находить?
Не с тобой ли говорю
В остром крике хищных птиц,
Не в твои ль глаза смотрю
С белых, матовых страниц?
Что же кружишь, словно вор,
У затихшего жилья?
Или помнишь уговор
И живую ждешь меня?
Засыпаю. В душный мрак
Месяц бросил лезвие.
Снова стук. То бьется так
Сердце теплое мое.

1915

Бесшумно ходили по дому,
Не ждали уже ничего.
Меня привели к больному,
И я не узнала его.
Он сказал: «Теперь слава Богу»,
И еще задумчивей стал.
«Давно мне пора в дорогу,
Я только тебя поджидал.
Так меня ты в бреду тревожишь,
Все слова твои берегу.
Скажи: ты простить не можешь?»
И я сказала: «Могу».
Казалось, стены сияли
От пола до потолка.
На шелковом одеяле
Сухая лежала рука.
А закинутый профиль хищный
Стал так страшно тяжел и груб,
И было дыханья не слышно
У искусанных темных губ.
Но вдруг последняя сила
В синих глазах ожила:

«Хорошо, что ты отпустила,
Не всегда ты доброй была».
И стало лицо моложе,
Я опять узнала его
И сказала: «Господи Боже,
Прими раба Твоего».

1914

Подошла я к сосновому лесу.
Жар велик, да и путь не короткий.
Отодвинул дверную завесу,
Вышел седенький, светлый и кроткий.
Поглядел на меня прозорливец
И промолвил: «Христова невеста!
Не завидуй удаче счастливиц,
Там тебе уготовано место.
Позабудь о родительском доме,
Уподобься небесному крину.
Будешь, хвораю, спать на соломе
И блаженную примешь кончину».
Верно, слышал святитель из кельи,
Как я пела обратной дорогой
О моем несказанном веселье,
И дивясь, и радуясь много.

1914

Так раненого журавля
Зовут другие: курлы, курлы!
Когда осенние поля
И рыхлы, и теплы...
И я, больная, слышу зов,
Шум крыльев золотых
Из плотных низких облаков
И зарослей густых:
«Пора лететь, пора лететь
Над полем и рекой,
Ведь ты уже не можешь петь
И слезы со щеки стереть
Ослабнувшей рукой».

1915

Буду тихо на погосте
Под доской дубовой спать,
Будешь, милый, к маме в гости
В воскресенье прибегать –
Через речку и по горке,
Так что взрослым не догнать,
Издаека, мальчик зоркий,
Будешь крест мой узнавать.
Знаю, милый, можешь мало
Обо мне припоминать:
Не бранила, не ласкала,
Не водила причащать.
Высокомерьем дух твой помрачен,
И оттого ты не познаешь света.
Ты говоришь, что вера наша – сон,
И марево – столица эта.
Ты говоришь – моя страна грешна,
А я скажу – твоя страна безбожна.
Пускай на нас еще лежит вина, –
Все искупить и все исправить можно.
Вокруг тебя – и воды, и цветы.
Зачем же к нищей грешнице стучишься?
Я знаю, чем так тяжело болен ты:
Ты смерти ищешь и конца боишься.
/ января 1917

Приду туда, и отлетит томленье.
Мне ранние приятны холода.
Таинственные, темные селенья –
Хранилища молитвы и труда.
Спокойной и уверенной любви

Не перевозмочь мне к этой стороне:
Ведь капелька новгородской крови
Во мне – как льдинка в пенном вине.
И этого никак нельзя поправить,
Не растопил ее великий зной,
И что бы я ни начинала славить –
Ты, тихая, сияешь предо мной.

1916

ПАМЯТИ 19 ИЮЛЯ 1914
Мы на сто лет состарились, и это
Тогда случилось в час один:
Короткое уже кончалось лето,
Дымилось тело вспаханных равнин.
Вдруг запестрела тихая дорога,
Плач полетел, серебряно звеня.
Закрыв лицо, я умоляла Бога
До первой битвы умертвить меня.
Из памяти, как груз отныне лишней,
Исчезли тени песен и страстей.
Ей – опустевшей – приказал Всевышний
Стать страшной книгой грозových вестей.

1916

IV
Н.Г. Чулковой
Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело-сухие,
И теплый ветер нежен и упруг.
И легкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаешь,
А песню ту, что прежде надоела,
Как новую с волнением поешь.

1915

То пятое время года,
Только его славословь.
Дыши последней свободой,
Оттого что – это любовь.
Высоко небо взлетело,
Легки очертанья вещей,
И уже не празднует тело
Годовщину грусти своей.

1913

Выбрала сама я долю
Другу сердца моего:
Отпустила я на волю
В Благовещенье его.
Да вернулся голубь сизый,
Бьется крыльями в стекло.
Как от блеска дивной ризы,
Стало в горнице светло.

1915

СОН
Я знала, я снюсь тебе,
Оттого не могла заснуть.
Мутный фонарь голубел
И мне указывал путь.
Ты видел царицын сад,
Затейливый белый дворец
И черный узор оград
У каменных гулких крылец.
Ты шел, не зная пути,
И думал: «Скорей, скорей,
О, только б ее найти,
Не проснуться до встречи с ней».
А сторож у красных ворот
Окликнул тебя: «Куда!»
Хрустел и ломался лед,
Под ногой чернела вода.

«Это озеро, – думал ты, –
На озере есть островок...»
И вдруг из темноты
Поглядел голубой огонек.
В жестком свете скудного дня
Проснувшись, ты застонал
И в первый раз меня
По имени громко назвал.

1915

БЕЛЫЙ ДОМ

Морозное солнце. С парада
Идут и идут войска.
Я полдню январскому рада,
И тревога моя легка.
Здесь помню каждую ветку
И каждый силуэт.
Сквозь инея белую сетку
Малиновый каплет свет.
Здесь дом был почти что белый,
Стеклянное крыльцо.
Столько раз рукой помертвелой
Я держала звонок-кольцо.
Столько раз... Играйте, солдаты,
А я мой дом отыщу,
Узнаю по крыше покатою,
По вечному плющу.
Но кто его отодвинул,
В чужие унес города
Или из памяти вынул
Навсегда дорогу туда...
Волянки вдали замирают.
Снег летит, как вишневый цвет...
И, видно, никто не знает,
Что белого дома нет.

1914

Долго шел через поля и села,
Шел и спрашивал людей:
«Где она, где свет веселый
Серых звезд – ее очей?
Ведь настали, тускло пламенея,
Дни последние весны.
Все мне чаще снится, все нежнее
Мне о ней бывают сны!»
И пришел в наш град угрюмый
В предвечерний тихий час,
О Венеции подумал
И о Лондоне зараз.
Стал у церкви темной и высокой
На гранит блестящих ступеней
И молил о наступленьи срока
Встречи с первой радостью своей.
А над смуглым золотом престола
Разгорался Божий сад лучей:
«Здесь она, здесь свет веселый
Серых звезд – ее очей».

1915

Широк и желт вечерний свет,
Нежна апрельская прохлада.
Ты опоздал на десять лет,
Но все-таки тебе я рада.
Сюда ко мне поближе сядь,
Гляди веселыми глазами:
Вот эта синяя тетрадь –
С моими детскими стихами.
Прости, что я жила скорбя
И солнцу радовалась мало.
Прости, прости, что за тебя
Я слишком многих принимала.

Я не знаю, ты жив или умер, –
На земле тебя можно искать
Нет, царевич, я не та,
Кем меня ты видеть хочешь,
И давно мои уста
Не целуют, а пророчат.
Не подумай, что в бреду
И замучена тоскою
Громко кличу я беду:
Ремесло мое такое.

А умею научить,
Чтоб нежданное случилось,
Как навеки приручить,
Ту, что мельком полюбилась.
Славы хочешь? – у меня
Попроси тогда совета,
Только это – западня,
Или только в вечерней думе
По усопшем светло горевать.
Все тебе: и молитва дневная,
И бессонницы млеющий жар,
И стихов моих белая стая,
И очей моих синий пожар.
Мне никто сокровенней не был,
Так меня никто не томил,
Даже тот, кто на муку предал,
Даже тот, кто ласкал и забыл.

1915
Где ни радости, ни света.

Ну, теперь иди домой
Да забудь про нашу встречу,
А за грех твой, милый мой,
Я пред Господом отвечу.

1915
Из памяти твоей я выну этот день,
Чтоб спрашивал твой взор беспомощно-туманный:

Где видел я персидскую сирень,
И ласточек, и домик деревянный?
При имени моем ты будешь вспоминать
Внезапную тоску неназванных желаний
И в городах задумчивых искать
Ту улицу, которой нет на плане.
При виде каждого случайного письма,
При звуке голоса за приоткрытой дверью
Ты будешь думать: вот она сама
Пришла на помощь моему неверью.

1915
Не хулил меня, не славил,
Как друзья и как враги.
Только душу мне оставил
И сказал: побереги.
Там тень моя осталась и тоскует,
В той светло-синей комнате живет,
Гостей из города за полночь ждет
И образок эмалевый целует.
И в доме не совсем благополучно:
Огонь зажгут, а все-таки темно...
Не оттого ль хозяйке новой скучно,
Не оттого ль хозяин пьет вино
И слышит, как за тонкою стеною
Пришедший гость беседует со мною?

1917
Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
И одно меня тревожит:
Если он теперь умрет,
Ведь ко мне Архангел Божий

За душой его придет.
Как тогда ее я спрячу,
Как от Бога утаю?
Та, что так поет и плачет,
Быть должна в Его раю.

1915

Сочинил же какой-то бездельник,
что бывает любовь на земле.
И от лени или со скуки
Все поверили, так и живут:
Ждут свиданий, боятся разлуки
И любовные песни поют.
Но иным открывается тайна,
И почиет на них тишина...
Я на это наткнулась случайно
И с тех пор все как будто больна.

1917

Небо мелкий дождик сеет
На зацветшую сирень.
За окном крылами веет
Белый, белый Духов День.
Нынче другу возвратиться
Из-за моря – крайний срок.
Все мне дальний берег снится,
Камни, башни и песок.
Вот на крайнюю из башен
Я взойду, встречая свет...
Да в стране болот и пашен
И в помине башен нет.
Только сяду на пороге,
Там еще густая тень.
Помоги моей тревоге,
Белый, белый Духов День!

1916

Я знаю, ты моя награда
За годы боли и труда,
За то, что я земным отрадам
Не предавалась никогда,
За то, что я не говорила
Возлюбленному: «Ты любим»,
За то, что всем я все простила.
Ты будешь Ангелом моим.

1916

Да, я любила их, те сборища ночные, –
На маленьком столе стаканы ледяные,
Над черным кофеем пахучий, тонкий пар,
Камина красного тяжелый, зимний жар,
Веселость едкую литературной шутки
И друга первый взгляд, беспомощный и жуткий.

1917

МИЛОМУ

Голубя ко мне не присылай,
Писем беспокойных не пиши,
Ветром мартовским в лицо не вей.
Я вошла вчера в зеленый рай,
Где покой для тела и души
Под шатром тенистых тополей.
И отсюда вижу городок,
Будки и казармы у дворца,
Надо льдом китайский желтый мост.
Третий час меня ты ждешь – продрог,
А уйти не можешь от крыльца
И дивишься, сколько новых звезд.
Серой белкой прыгну на ольху,
Ласочкой пугливой пробегу,
Лебедью тебя я стану звать,
Чтоб не страшно было жениху
В голубом кружащемся снегу

Мертвую невесту поджидать.

1915

Юнии Анреп

Судьба ли так моя переменялась,

Иль вправду кончена игра?

Где зимы те, когда я спать ложилась

В шестом часу утра?

По-новому, спокойно и сурово,

Живу на диком берегу.

Ни праздного, ни ласкового слова

Уже промолвить не могу.

Не верится, что скоро будут святки.

Степь трогательно зелена.

Сияет солнце. Лижет берег гладкий

Как будто теплая волна.

Когда от счастья томной и усталой

Бывала я, то о такой тиши

С невыразимым трепетом мечтала

И вот таким себе я представляла

Посмертное блуждание души.

1916

Как белый камень в глубине колодца,

Лежит во мне одно воспоминанье.

Я не могу и не хочу бороться:

Оно – веселье и оно – страданье.

Мне кажется, что тот, кто близко взглянет

В мои глаза, его увидит сразу.

Печальней и задумчивее станет

Внимающего скорбному рассказу.

Я ведаю, что боги превращали

Людей в предметы, не убив сознанья,

Чтоб вечно жили дивные печали.

Ты превращен в мое воспоминанье.

1916

Первый луч – благословенье Бога –

По лицу любимому скользнул,

И дремавший побледнел немного,

Но еще покойнее уснул.

Верно, поцелуем показалась

Теплота небесного луча...

Так давно губами я касалась

Милых губ и смуглого плеча...

А теперь, усопших бестелесней,

В неутешном странствии моем,

Я к нему влетаю только песней

И ласкаюсь утренним лучом.

1916

Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой,

Смотрю взволнованно на темные палаты?

Уже привыкшая к высоким, чистым звонам,

Уже судимая не по земным законам,

Я, как преступница, еще влекусь туда,

На место казни долгой и стыда.

И вижу дивный град, и слышу голос милый,

Как будто нет еще таинственной могилы,

Где, день и ночь, склоняюсь, в жары и холода,

Должна я ожидать Последнего Суда.

1917

У САМОГО МОРЯ

I

Бухты изрезали низкий берег,

Все паруса убежали в море,

А я сушила соленую косу

За версту от земли на плоском камне.

Ко мне приплывала зеленая рыба,

Ко мне прилетала белая чайка,

А я была дерзкой, злой и веселой

И вовсе не знала, что это – счастье.

В песок зарывала желтое платье,
Чтоб ветер не сдул, не унес бродяга,
И уплывала далеко в море,
На темных, теплых волнах лежала.
Когда возвращалась, маяк с востока
Уже сиял переменным светом,
И мне монах у ворот Херсонеса
Говорил: «Что ты бродишь ночью?»
Знали соседи – я чую воду,
И если рыли новый колодец,
Звали меня, чтоб нашла я место
И люди напрасно не трудились.
Я собирала французские пули,
Как собирают грибы и чернику,
И приносила домой в подоле
Осколки ржавые бомб тяжелых.
И говорила сестре сердито:
«Когда я стану царицей,
Выстрою шесть броненосцев
И шесть канонерских лодок,
Чтобы бухты мои охраняли
До самого Фиолента»...
А вечером перед кроватью
Молилась темной иконке,
Чтоб град не побил черешен,
Чтоб крупная рыба ловилась
И чтобы хитрый бродяга
Не заметил желтого платья.
Я с рыбаками дружбу водила.
Под опрокинутой лодкой часто
Во время ливня с ними сидела,
Про море слушала, запоминала,
Каждому слову тайно веря.
И очень ко мне рыбаки привыкли.
Если меня на пристани нету,
Старший за мною слал девчонку,
И та кричала: «Наши вернулись!
Нынче мы камбалу жарить будем».
Сероглаз был высокий мальчик,
На полгода меня моложе.
Он принес мне белые розы,
Мускатные белые розы,
И спросил меня кротко: «Можно
С тобой посидеть на камнях?»
Я смеялась: «На что мне розы?
Только колются больно!» – «Что же
Он ответил, – тогда мне делать,
Если так я в тебя влюбился».
И мне стало обидно: «Глупый! –
Я спросила, – что ты – царевич?»
Это был сероглазый мальчик,
На полгода меня моложе.
«Я хочу на тебе жениться, –
Он сказал, – скоро стану взрослым
И поеду с тобой на север...»
Заплакал высокий мальчик,
Оттого что я не хотела
Ни роз, ни ехать на север.
Плохо я его утешала:
«Подумай, я буду царицей,
На что мне такого мужа?»
«Ну, тогда я стану монахом, –
Он сказал, – у вас в Херсонесе».
«Нет, не надо лучше: монахи
Только делают, что умирают.
Как придешь – одного хоронят,
А другие, знаешь, не плачут».
Ушел не простившись мальчик,

Унес мускатные розы,
И я его отпустила,
Не сказала: «Побудь со мною».
А тайная боль разлуки
Застонала белою чайкой
Над серой полынной степью,
Над пустынной, мертвой Корсунью.

II

Бухты изрезали низкий берег,
Дымное солнце упало в море.
Вышла цыганка из пещеры,
Пальцем меня к себе поманила:
«Что ты, красавица, ходишь боса?
Скоро веселой, богатой станешь,
Знатного гостя жди до Пасхи,
Знатному гостю кланяться будешь;
Ни красотой твоей, ни любовью,
Песней одною гостя приманишь».
Я отдала цыганке цепочку
И золотой крестильный крестик.
Думала радостно: «Вот он, милый,
Первую весть о себе мне подал».
Но от тревоги я разлюбила
Все мои бухты и пещеры;
Я в камыше гадюк не пугала,
Крабов на ужин не приносила,
А уходила по южной балке
За виноградники в каменоломню, –
Туда не короткой была дорога.
И часто случалось, что хозяйка
Хутора нового мне кивала,
Кликала издали: «Что не заходишь?
Все говорят – ты приносишь счастье».
Я отвечала: «Приносят счастье
Только подковы да новый месяц,
Если он справа в глаза посмотрит».
В комнаты я входить не любила.
Дули с востока сухие ветры,
Падали с неба крупные звезды,
В нижней церкви служили молебны
О морях, уходящих в море,
И заплывали в бухту медузы, –
Словно звезды, упавшие за ночь,
Глубоко под водой голубели.
Как журавли курлыкают в небе,
Как беспокойно трещат цикады,
Как о печали поет солдатка, –
Все я запомнила чутким слухом,
Да только песни такой не знала,
Чтобы царевич со мной остался.
Девушка стала мне часто сниться
В узких браслетах, в коротком платье,
С дудочкой белой в руках прохладных.
Сядет спокойная, долго смотрит,
И о печали моей не спросит,
И о печали своей не скажет,
Только плечо мое нежно гладит.
Как же царевич меня узнает,
Разве он помнит мои приметы?
Кто ему дом наш старый укажет?
Дом наш совсем вдали от дороги.
Осень сменилась зимой дождливой,
В комнате белой от окон дуло;
И плющ мотался по стенке сада.
Приходили на двор чужие собаки,
Под окошком моим до рассвета выли.
Трудное время для сердца было.
Так я шептала, на двери глядя:

«Боже, мы мудро царствовать будем,
Строить над морем большие церкви
И маяки высокие строить.
Будем беречь мы воду и землю,
Мы никого обижать не станем».

III

Вдруг подобрело темное море,
Ласточки в гнезда свои вернулись,
И сделалась красной земля от маков,
И весело стало опять на взморье.
За ночь одну наступило лето.
Так мы весны и не видали.
И я совсем перестала бояться,
Что новая доля минет.
А вечером в Вербную Субботу,
Из церкви придя, я сестре сказала:
«На тебе свечку мою и четки,
Библию нашу дома оставлю.
Через неделю настанет Пасха,
И мне давно пора собираться, –
Верно царевич уже в дороге,
Морем за мной он сюда приедет».
Молча сестра на слова дивилась,
Только вздохнула, помнила верно
Речи цыганкины у пещеры.
«Он привезет тебе ожерелье
И с голубыми камнями кольца?»
«Нет, – я сказала, – мы не знаем,
Какой он подарок мне готовит».
Были мы с сестрой однолетки,
И так друг на друга похожи,
Что маленьких нас различала
Только по родинкам наша мама.
С детства сестра ходить не умела,
Как восковая кукла лежала;
Ни на кого она не сердилась
И вышивала плащаницу,
Бредила даже во сне работой;
Слышала я, как она шептала:
«Плащ Богородицы будет синим...
Боже, апостолу Иоанну
Жемчужин для слез достать мне негде».
Дворик зарос лебедой и мятой,
Ослик щипал траву у калитки,
И на соломенном длинном кресле
Лена лежала, раскинув руки,
Все о работе своей скучала, –
В праздник такой грешно трудиться.
И приносил к нам соленый ветер
Из Херсонеса звон пасхальный.
Каждый удар отдавался в сердце,
С кровью по жилам растекался.
«Леночка, – я сестре сказала, –
я уйду сейчас на берег.
Если царевич за мной приедет,
Ты объясни ему дорогу.
Пусть он меня в степи нагонит.
Хочется на море мне сегодня».
«Где же ты песенку услышала,
Ту, что царевича приманит?» –
Глаза приоткрыв, сестра спросила:
«В городе ты совсем не бываешь,
А здесь поют не такие песни».
К самому уху ее склонившись,
Я прошептала: «Знаешь, Лена,
Ведь я сама придумала песню,
Лучше которой нет на свете».
И не поверила мне и долго,

Долго с упреком она молчала.

IV

Солнце лежало на дне колодца,
Грелись на камнях сколопендры,
И убегало перекасти-поле,
Словно паяц горбатый кривляясь,
А высоко взлетевшее небо
Как Богородицын плащ синело, –
Прежде оно таким не бывало.
Легкие яхты с полдня гонялись,
Белых бездельниц столпилось много
У Константиновской батареи, –
Видно им ветер нынче удобный.
Тихо пошла я вдоль бухты к мысу,
К черным, разломанным, острым скалам,
Пеной покрытым в часы прибоя,
И повторяла новую песню.
Знала я: с кем бы царевич ни был,
Слышит он голос мой, смутившись, –
И оттого мне каждое слово
Как Божий подарок было мило.
Первая яхта не шла – летела,
И догоняла ее вторая,
А остальные едва виднелись.
Как я легла у воды – не помню,
Как задремала тогда – не знаю,
Только очнулась и вижу: парус
Близко полощется. Передо мною,
По пояс стоя в воде прозрачной,
Шарит руками старик огромный
В щелях глубоких скал прибрежных,
Голосом хриплым зовет на помощь.
Громко я стала читать молитву,
Как меня маленькую учили,
Чтобы мне страшное не приснилось,
Чтоб в нашем доме бед не бывало.
Только я молвила: «Ты Хранитель!»
Вижу – в руках старика белеет
Что-то, и сердце мое застыло...
Вынес моряк того, кто правил
Самой веселой, крылатой яхтой,
И положил на черные камни.
Долго я верить себе не смела,
Пальцы кусала, чтобы очнуться:
Смуглый и ласковый мой царевич
Тихо лежал и глядел на небо.
Эти глаза зеленее моря
И кипарисов наших темнее, –
Видела я, как они погасли...
Лучше бы мне родиться слепую.
Он застонал и невнятно крикнул:
«Ласточка, ласточка, как мне больно!»
Верно я птицей ему показалась.
В сумерки я домой вернулась.
В комнате темной было тихо,
И над лампадкой стоял высокий,
Узкий малиновый огонечек.
«Не приходил за тобой царевич, –
Лена сказала, шаги услышав:
Я прождала его до вечерни
И посылала детей на пристань».
«Он никогда не придет за мною,
Он никогда не вернется, Лена.
Умер сегодня мой царевич».
Долго и часто сестра крестилась;
Вся повернувшись к стене, молчала.
Я догадалась, что Лена плачет.
Слышала я – над царевичем пели:

«Христос воскрес из мертвых», –
И несказанным светом сияла
Круглая церковь.

1914

ПОДОРОЖНИК

Анна Ахматова

ПОДОРОЖНИК

ПЕТРОГРАД

1921

Сразу стало тихо в доме,
Облетел последний мак,
Замерла я в долгой дреме
И встречаю ранний мрак.
Плотно заперты ворота,
Вечер черен, ветер тих.
Где веселье, где забота,
Где ты, ласковый жених?
Не нашелся тайный перстень,
Прождала я много дней,
Нежной пленницей песня
Умерла в груди моей.
Ты – отступник: за остров зеленый
Отдал, отдал родную страну,
Просыпаться на рассвете
Оттого, что радость душит,
И глядеть в окно каюты
На зеленую волну,
Наши песни и наши иконы
И над озером тихим сосну.
Для чего ты, лихой ярославец,
Коль еще не лишился ума,
Загляделся на рыжих красавиц
И на пышные эти дома?
Так теперь и кощунствуй, и чванься,
Православную душу губи,
В королевской столице останься
И свободу свою полюби.
Для чего ж ты приходишь и стонешь
Под высоким окошком моим?
Знаешь сам, ты и в море не тонешь,
И в смертельном бою невредим.
Да, не страшны ни море, ни битвы
Тем, кто сам потерял благодать.
Оттого-то во время молитвы
Попросил ты тебя поминать.
Слепнево
Иль на палубе в ненастье,
В мех закутавшись пушистый,
Слушать, как стучит машина,
И не думать ни о чем,
Но, предчувствуя свиданье
С тем, кто стал моей звездой,
От соленых брызг и ветра
С каждым часом молодеть.
И в тайную дружбу с высоким,
Как юный орел темноглазым,
Я, словно в цветник предосенний,
Походкою легкой вошла.
Там были последние розы,
И месяц прозрачный качался
На серых, густых облаках...
Петербург
Словно ангел, возмутивший воду,
Ты взглянул тогда в мое лицо,
Возвратил и силу, и свободу,
А на память чуда взял кольцо.
Мой румянец жаркий и недужный
Стерла богомольная печаль,

Когда о горькой гибели моей
Весть поздняя его коснется слуха,
Не станет он ни строже, ни грустней,
Но, побледневши, улыбнется сухо.
И сразу вспомнит зимний небосклон
И вдоль Невы несущуюся вьюгу,
И сразу вспомнит, как поклялся он
Бережь свою восточную подругу.
А ты теперь тяжелый и унылый,
Отрекшийся от славы и мечты,
Но для меня непоправимо милый,
И чем темней, тем трогательней ты.
Ты пьешь вино, твои нечисты ночи,
Что наяву, не знаешь, что во сне,
Но зелены мучительные очи,
Покоя, видно, не нашел в вине.
Памятным мне будет месяц вьюжный,
Северный встревоженный февраль.
Февраль 1916

Царское Село

Пленник чужой! Мне чужого не надо,
Я и своих-то устала считать.
Так отчего же такая отрада
Эти вишневые видеть уста?
Пусть он меня и хулит, и бесславит,
Слышу в словах его сдавленный стон.
Нет, он меня никогда не заставит
Думать, что страстно в другую влюблен.
И никогда не поверю, что можно
После небесной и тайной любви
И сердце только скорой смерти просит,
Кляня медлительность судьбы.
Все чаще ветер западный приносит
Твои упреки и твои мольбы.
Но разве я к тебе вернуться смею?
Под бледным небом родины моей
Я только петь и вспоминать умею,
А ты меня и вспоминать не смей.
Так дни идут, печали умножая.
Как за тебя мне Господа молить?
Ты угадал: моя любовь такая,
Что даже ты ее не мог убить.
Я спросила у кукушки,
Сколько лет я проживу...
Сосен дрогнули верхушки,
Желтый луч упал в траву,
Но ни звука в чаще свежей,
Я иду домой,
И прохладный ветер нежит
Лоб горячий мой.
По неделе ни слова ни с кем не скажу,
Все на камне у моря сижу,
И мне любо, что брызги зеленой волны,
Словно слезы мои, солонны.
Были весны и зимы, да что-то одна
Мне запомнилась только весна.
Стали ночи теплее, подтаивал снег,
Вышла я поглядеть на луну,
И спросил меня тихо чужой человек,
Между сосенок встретив одну:
– Ты не та ли, кого я повсюду ищу,
Снова смеяться и плакать тревожно
И проклинать поцелуи мои.
О которой с младенческих лет,
Как о милой сестре, веселюсь и грущу? –
Я чужому ответила: – Нет!
А как свет поднебесный его озарил,
Я дала ему руки мои,

И он перстень таинственный мне подарил,
Чтоб меня уберечь от любви.
И назвал мне четыре приметы страны,
Где мы встретиться снова должны:
Море, круглая бухта, высокий маяк,
А всего непременно полынь...
И как жизнь началась, пусть и кончится так.
Я сказала, что знаю: аминь!
Ты всегда таинственный и новый,
Я тебе послушней с каждым днем.
Но любовь твоя, о друг суровый,
Испытание железом и огнем.
Запрещаешь петь и улыбаться,
А молиться запретил давно.
Только б мне с тобою не расстаться,
Остальное все равно!
Так, земле и небесам чужая,
Я живу и больше не пою,
Проплывают льдины, звеня,
Небеса безнадежно бледны.
Ах, за что ты караешь меня,
Я не знаю моей вины.
Если надо – меня убей,
Но не будь со мною суров.
От меня не хочешь детей
И не любишь моих стихов.
Все по-твоему будет: пусть!
Обету верна своему,
Отдала тебе жизнь, но грусть
Я в могилу с собой возьму.
В каждых сутках есть такой
Смутный и тяжелый час.
Громко говорю с тоской,
Не раскрывши сонных глаз.
Словно ты у ада и у рая
Отнял душу вольную мою.
1917. Декабрь
И она стучит, как кровь,
Как дыхание тепла,
Как счастливая любовь,
Рассудительна и зла.
Земная слава как дым,
Не этого я просила.
Любовникам всем моим
Я счастье приносила.
Один и сейчас живой,
В свою подругу влюбленный,
И бронзовым стал другой
На площади оснеженной.
Это просто, это ясно,
Это всякому понятно,
Ты меня совсем не любишь,
Не полюбишь никогда.
Для чего же так тянуться
Мне к чужому человеку,
Для чего же каждый вечер
Мне молиться за тебя?
Для чего же, бросив друга
И кудрявого ребенка,
Бросив город мой любимый
И родную сторону,
Черной нищенкой скитаюсь
По столице иноземной?
О, как весело мне думать,
Что тебя увижу я!
О нет, я не тебя любила,
Палима сладостным огнем,
Так объясни, какая сила

В печальном имени твоём.
Передо мною на колени
Ты стал, как будто ждал венца,
И смертные коснулись тени
Спокойно юного лица.
И ты ушел. Не за победой,
За смертью. Ночи глубоки!
О, ангел мой, не знай, не ведай
Моей теперешней тоски.
Но если белым солнцем рая
В лесу осветится тропа,
Но если птица полевая
Взлетит с колючего снопа,
Я слышу иволги всегда печальный голос
И лета пышного приветствую ущерб,
А к колосу прижатый тесно колос
С змеиным свистом срезывает серп.
И стройных жниц короткие подолы,
Как флаги в праздник, по ветру летят.
Теперь бы звон бубенчиков веселых,
Сквозь пыльные ресницы долгий взгляд.
Не ласки жду я, не любовной лести
В предчувствии неотвратимой тьмы,
Но приходи взглянуть на рай, где вместе
Блаженны и невинны были мы.
Я знаю: это ты, убитый,
Мне хочешь рассказать о том,
И снова вижу холм изрытый
Над окровавленным Днестром.
Забуду дни любви и славы,
Забуду молодость мою,
Душа темна, пути лукавы,
Но образ твой, твой подвиг правый
До часа смерти сохраню.
Как страшно изменилось тело,
Как рот измученный поблек!
Я смерти не такой хотела,
Не этот назначала срок.
Казалось мне, что туча с тучей
Сшибется где-то в вышине,
И молнии огонь летучий
И голос радости могучей,
Как Ангелы, сойдут ко мне.
Я окошка не завесила,
Прямо в горницу гляди.
Оттого мне нынче весело,
Что не можешь ты уйти.
Называй же беззаконницей,
Надо мной глумись со зла:
Я была твоей бессонницей,
Я тоской твоей была.
Эта встреча никем не воспета,
И без песен печаль улеглась.
Наступило прохладное лето,
Словно новая жизнь началась.
Сводом каменным кажется небо,
Уязвленное желтым огнем,
И нужнее насущного хлеба
Мне единое слово о нем.
Ты, росой окропляющий травы,
Вестью душу мою оживи, –
Не для страсти, не для забавы,
Для великой земной любви.
И вот одна осталась я
Считать пустые дни.
О вольные мои друзья,
О лебеди мои!
И песней я не скличу вас,

Слезами не верну,
Но вечером в печальный час
В молитве помяну.
Настигнут смертною стрелой
Один из вас упал,
И черным вороном другой,
Меня целуя, стал.
Но так бывает: раз в году,
Когда растает лед,
В Екатерининском саду
Стою у чистых вод
И слышу плеск широких крыл
Над гладью голубой.
Не знаю, кто окно раскрыл
В темнице гробовой.
От любви твоей загадочной,
Как от боли, в крик кричу,
Стала желтой и припадочной,
Еле ноги волочу.
Новых песен не насвистывай,
Песней долго ль обмануть,
Но когти, когти неистовой
Мне чахоточную грудь,
Чтобы кровь из горла хлынула
Поскорее на постель,
Чтобы смерть из сердца вынула
Навсегда проклятый хмель.
Чем хуже этот век предшествующих? Разве
Тем, что в чаду печали и тревог
Он к самой черной прикоснулся язве,
Но исцелить ее не мог.
Еще на западе земное солнце светит,
И кровли городов в его лучах блестят,
А здесь уж белая дома крестами метит
И кличет воронов, и вороны летят.
Теперь никто не станет слушать песен,
Предсказанные наступили дни.
Моя последняя, мир больше не чудесен,
Не разрывай мне сердца, не звени.
Еще недавно ласточкой свободной
Свершала ты свой утренний полет,
А ныне станешь нищенкой голодной,
Не достучишься у чужих ворот.
По твердому гребню сугроба
В мой белый таинственный дом,
Такие притихшие оба,
В молчании нежном идем.
И слаще всех песен пропетых
Мне этот исполненный сон,
Качание веток задетых
И шпор твоих легонький звон.
Мурка, не ходи, там сыч
На подушке вышит,
Мурка серый, не мурлычь,
Дедушка услышит.
Няня, не горит свеча,
И скребутся мыши,
Я боюсь того сыча,
Для чего он вышит?
1 еперь прощай, столица,
Прощай, весна моя,
Уже по мне томится
Корельская земля.
Поля и огороды
Спокойно зелены,
Еще глубоки воды,
И небеса бледны.
Болотная русалка,

Хозяйка этих мест,
Глядит, вздыхая жалко,
На колокольный крест.
А иволга, подруга
Моих безгрешных дней,
Вчера, вернувшись с юга,
Кричит среди ветвей,
Что стыдно оставаться
До мая в городах,
В театре задышаться,
Скучать на островах.
Но иволга не знает,
Русалке не понять,
Как сладко мне бывает
Его поцеловать.
И все-таки сегодня
На тихом склоне дня
Уйду. Страна Господня,
Прими к себе меня!

6 Зи. 870

Ждала его напрасно много лет,
Похоже это время на дремоту,
Но воссиял неугасимый свет
Тому три года в Вербную Субботу.
Мой голос оборвался и затих –
С улыбкой предо мной стоял жених.
А за окном со свечками народ
Неспешно шел. О, вечер богомольный!
Слегка хрустел апрельский тонкий лед,
И над толпою голос колокольный,
Как утешенье вешнее, звучал,
И черный ветер огоньки качал.
И белые нарциссы на столе,
И красное вино в бокале плоском
Я видела как бы в рассветной мгле.
Моя рука, закапанная воском,
Дрожала, принимая поцелуй,
И пела кровь: блаженная, ликуй!
ночью

Стоит на небе месяц, чуть живой,
Средь облаков струящихся и мелких,
И у дворца угрюмый часовой
Глядит, сердясь, на башенные стрелки.
Течет река неспешно по долине,
Многооконный на пригорке дом,
И мы живем, как при Екатерине,
Молебны служим, урожая ждем.
Перенеся двухдневную разлуку,
К нам едет гость вдоль нивы золотой,
Целует бабушке в гостиную руку
И губы мне на лестнице крутой.
На шее мелких четок ряд,
В широкой муфте руки прячу,
Глаза рассеянно глядят
И больше никогда не плачут.
Идет домой неверная жена,
Ее лицо задумчиво и строго,
А верную в тугих объятьях сна
Сжигает негасимая тревога.
Что мне до них? Семь дней тому назад,
Вздыхнувши, я прости сказала миру,
Но душно там, и я пробралась в сад
Взглянуть на звезды и потрогать лиру.
И кажется лицо бледней
От лиловеющего шелка,
Почти доходит до бровей
Моя незавитая челка.
И не похожа на полет

Походка медленная эта,
Как будто под ногами плот,
А не квадратики паркета.
А бледный рот слегка разжат,
Неровно трудное дыхание,
И на груди моей дрожат
Цветы не бывшего свиданья.
Бывало я с утра молчу
О том, что сон мне пел.
Румяной розу и лучу,
И мне – один удел.
С покатых гор ползут снега,
А я белей, чем снег,
Но сладко снятся берега
Разливных мутных рек,
Еловой рощи свежий шум
Покойнее рассветных дум.
И целый день, своих пугаясь стонов,
В тоске смертельной мечется толпа,
А за рекой на траурных знаменах
Зловещие смеются черепа.
Вот для чего я пела и мечтала,
Мне сердце разорвали пополам,
Как после залпа сразу тихо стало,
Смерть выслала дозорных по дворам.
Ты мог бы мне сниться и реже,
Ведь часто встречаемся мы,
Но грустен, взволнован и нежен
Ты только в святилище тьмы.
И слаще хвалы серафима
Мне губ твоих милая лесть...
О, там ты не путаешь имя
Мое. Не вздыхаешь, как здесь.
Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византийства
От русской Церкви отлетал,
Проводила друга до передней,
Постояла в золотой пыли.
С колоколенки соседней
Звуки важные текли.
Брошена! Придуманное слово, –
Разве я цветок или письмо?
А глаза глядят уже сурово
В потемневшее трюмо.
Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.
Покинув рощи родины священной
И дом, где муза, плача, изнывала,
Я, тихая, веселая жила
На низком острове, который, словно плот,
Остановился в пышной Невской дельте.
О, зимние таинственные дни,
И милый труд, и легкая усталость,
И розы в умывальном кувшине!
Был переулочек снежным и недлинным,
И против двери к нам стеной алтарной
Воздвигнут храм Святой Екатерины.

Как рано я из дома выходила,
И часто по нетронутomu снегу
Свои следы вчерашние напрасно
На бледной чистой пелене ища,
И вдоль реки, где шхуны, как голубки
Друг к другу нежно, нежно прижимаясь,
О сером взморье до весны тоскуют,
Я подходила к старому мосту.
Там комната, похожая на клетку,
Под самой крышей в грязном шумном доме,
Где он, как чиж, свистал перед мольбертом
И жаловался весело, то грустно
О радости не бывшей говорил.
Как в зеркало, глядела я тревожно
На серый холст, и с каждою неделей
Все горше и страннее было сходство
Мое с моим изображеньем новым.
Теперь не знаю, где художник милый,
С которым я из голубой мансарды
Через окно на крышу выходила,
Чтоб видеть снег, Неву и облака,
Но чувствую, что Музы наши дружны
Беспечной и пленительною дружбой,
Как девушки, не знавшие любви.

ЗАРЕ

(с португальского)

Тот счастлив, кто прошел среди мучений,
Среди тревог и страсти жизни шумной,
Подобно розе, что цветет бездумно,
И легче по водам бегущей тени.
Так жизнь твоя была чужда заботе,
Как тонкий сон, но сладостный и нежный:
Проснулась... улыбнулась... и небрежно
Вернулась ты к нарушенной дремоте.

Июль 1920

ANNO DOMINI

А И И А А Х Д I А Т U 15 А

ANNO DOMINI

С Т И Х I» Т II О I' К И II И

КНИГА ТРКТМ I

нид MI иR итого*

Л » и о л п » н 11 о к

К К 1' Л И II

1 0 2 3

НОВЫЕ СТИХИ

В те баснословные года.

Тютчев

СОГРАЖДАНAM

И мы забыли навсегда,
Заключены в столице дикой,
Озера, степи, города
И зори родины великой.
В кругу кровавом день и ночь
Долит жестокая истома...
Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома,
За то, что, город свой любя,
А не крылатую свободу,
Мы сохранили для себя
Его дворцы, огонь и воду.
Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит.
Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.

1920

Видел я тот венец златокованный...

Не завидуй такому венцу!

Оттого, что и сам он ворованный,

И тебе он совсем не к лицу.
Туго согнутой веткой терновой
Мой венец на тебе заблестит.
Ничего, что росой багровою
Он изнеженный лоб освежит.
8 мая 1922

БЕЖЕЦК

Там белые церкви и звонкий, светящийся лед,
Там милого сына цветут васильковые очи.
Над городом древним алмазные русские ночи
И серп поднебесный желтее, чем липовый мед.
Там выюги сухие взлетают с заречных полей,
И люди, как ангелы, Божьему Празднику рады,
Прибрали светлицу, зажгли у киота лампы,
И книга Благая лежит на дубовом столе.
Там строгая память, такая скупая теперь,
Свои терема мне открыла с глубоким поклоном;
Но я не вошла, я захлопнула страшную дверь;
И город был полон веселым рождественским звоном.
26 дек. 1921

Я с тобой, мой ангел, не лукавил,
Как же вышло, что тебя оставил
За себя наложницей в неволе
Всей земной непоправимой боли?
Под мостами полыньи дымятся,
Над кострами искры золотятся,
Грозный ветер окаянно воет,
И шальная пуля за Невою
Ищет сердце бедное твое.
И одна в доме оледенелом,
Белая лежишь в сияньи белом,
Славя имя горькое мое.
В тот давний год, когда зажглась любовь
Как крест престольный в сердце обреченном,
Ты кроткою голубкой не прильнула
К моей груди; но коршуном когтила.
Изменой первой, вином проклятья
Ты напоила друга своего.
Но час настал в зеленые глаза
Тебе глядеться, у жестоких губ
Молить напрасно сладостного дара
И клятв таких, каких ты не слыхала,
Каких еще никто не произнес.
Так отравивший воду родника
Для вслед за ним идущего в пустыне
Сам заблудился и, возжаждав сильно,
Источника во мраке не узнал.
Он гибель пьет, прильнув к воде прохладной,
Но гибелью ли жажду утолить?
Неправда, у тебя соперниц нет.
Ты для меня не женщина земная,
А солнца зимнего утешный свет
И песня дикая родного края.
Когда умрешь, не стану я грустить,
Не крикну, обезумевши: Воскресни!
Но вдруг пойму, что невозможно жить
Без солнца телу и душе без песни.
Земной отрадой сердца не томи,
Не пристращайся ни к жене, ни к дому,
У своего ребенка хлеб возьми,
Чтобы отдать его чужому.
И будь слугой смиреннейшим того,
Кто был твоим крошечным супостатом,
И назови лесного зверя братом,
И не проси у Бога ничего.
Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,

Им песен я своих не дам.
Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.
А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.
И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час;
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.
Что ты бродишь, неприкаянный,
Что глядишь ты не дыша?
Верно понял: крепко спаяна
На двоих одна душа.
Будешь, будешь мной утешенным,
Как не снилось никому,
А обидишь словом бешеным –
Станет больно самому.
Веет ветер лебединый,
Небо синее в крови,
Наступают годовщины
Первых дней твоей любви.
Ты мои разрушил чары,
Годы плыли, как вода.
Отчего же ты не старый,
А такой, как был тогда?
Даже звонче голос нежный,
Только времени крыло
Осенило славой снежной
Безмятежное чело.
Ангел, три года хранивший меня,
Вознесся в лучах и огне,
Но жду терпеливо сладчайшего дня,
Когда он вернется ко мне.
Как щеки запали, бескровны уста,
Лица не узнать моего;
Ведь я не прекрасная больше, не та,
Что песней смутила его.
Давно на земле ничего не боюсь,
Прощальные помня слова.
Я в ноги ему, как войдет, поклонюсь,
А прежде кивала едва.
Шепчет: «Я не пожалею
Даже то, что так люблю –
Или будь совсем моею,
Или я тебя убью».
Надо мной жужжит, как овод,
Непрестанно столько дней
Этот самый скучный довод
Черной ревности твоей.
Горе душит, не задушит,
Слух чудовищный бродит по городу,
Забирается в дома, как тать.
Уж не сказку ль про Синюю Бороду
Перед тем, как засну, почитать.
Как седьмая всходила на лестницу,
Как сестру молодую звала,
Милых братьев иль страшную вестницу,
Затаивши дыханье, ждала...
Пыль взмывается тучею снежною,
Скачут братья на замковый двор,
И над шеей безвинной и нежною
Не подымется скользкий топор.
Этой сказкою нынче утешена,
Я, наверно, спокойно усну.

что же сердце колотится бешено,
что же вовсе не клонит ко сну?
Вольный ветер слезы сушит,
А веселье чуть погладит,
Сразу с бедным сердцем сладит.

1922

Заболеть бы как следует, в жгучем бреду
Повстречаться со всеми опять,
В полном ветра и солнца приморском саду
По широким аллеям гулять.

Даже мертвые нынче согласны придти,
И изгнанники в доме моем.

Ты ребенка за ручку ко мне приведи,
Так давно я скучаю о нем.
Буду с милыми есть голубой виноград,
Буду пить ледяное вино

И глядеть, как струится седой водопад
На кремнистое влажное дно.

За озером луна остановилась
И кажется отворенным окном
В притихший, ярко освещенный дом,
Где что-то нехорошее случилось.

Хозяина ли мертвым привезли,
Хозяйка ли с любовником сбежала,
Иль маленькая девочка пропала
И башмачок у заводи нашли.

С земли не видно. Страшную беду
Почувствовав, мы сразу замолчали.

Заупокойно филины кричали,
И душный ветер буйствовал в саду.

В.К. Шилейко

Как мог ты, сильный и свободный,
Забуть у ласковых колен,

что грех карают первородный
Уничтожение и тлен.

Зачем ты дал ей на забаву
Всю тайну чудотворных дней,

Она твою развеет славу
Рукою хищною своей.

Стыдись, и творческой печали
Не у земной жены моли.

Таких в монастыри ссылали
И на кострах высоких жгли.

ИЗ КНИГИ БЫТИЯ

И встретил Иаков в долине Рахиль,
Он ей поклонился, как странник бездомный.

Стада подымали горячую пыль,
Источник был камнем завален огромным.

Он камень своею рукой отвалил
И чистой водою овец напоил.

Но стало в груди его сердце грустить,
Болезнь, как открытая рана,

И он согласился за деву служить
Семь лет пастухом у Лавана.

Рахиль! Для того, кто во власти твоей,
Семь лет, словно семь ослепительных дней.

Но много премудр сребролюбец Лаван,
И жалость ему незнакома.

Он думает: каждый простится обман
Во славу Лаванова дома.

И Лию незрячую твердой рукой
Приводит к Иакову в брачный покой.

Течет над пустыней высокая ночь,
Роняет прохладные росы,

и стонет Лаванова младшая дочь,
Терзая пушистые косы.

Сестру проклиняет и Бога хулит,
И Ангелу Смерти явиться велит.

И снится Иакову сладостный час,
Прозрачный источник долины,
Веселые взоры Рахилиных глаз
И голос ее голубиный:
Иаков, не ты ли меня целовал
И черной голубкой своей называл?

ПРИЧИТАНИЕ

В.А. Щеголевой

Господеви поклонитесь
Во Святем Дворе Его.
Спит юродивый на паперти,
На него глядит звезда.
И, крылом задетый ангельским,
Колокол заговорил
Не набатным, грозным голосом,
А прощаясь навсегда.
И выходят из обители,
Ризы древние отдав,
Чудотворцы и святители,
Опираясь на клюки.
Серафим – в леса Саровские
Стадо сельское пасти,
Анна в Кашин, уж не княжители,
Лен колючий теревить.
Провожает Богородица,
Сына кутает в платок,
Старой нищенкой оброненный
У Господнего крыльца.

1922

РАЗЛУКА

Вот и берег северного моря,
Вот граница наших бед и слав, –
Не пойму, от счастья или горя
Плачешь ты, к моим ногам припав.
Мне не надо больше обреченных:
Пленников, заложников, рабов,
Только с милым мне и непреклонным
Буду я делить и хлеб и кров.

ДВА ОТРЫВКА ИЗ СКАЗКИ

«О ЧЕРНОМ КОЛЬЦЕ»

I

Мне от бабушки-татарки
Были редкостью подарки;
И зачем я крещена,
Горько гневалась она.
А пред смертью подобрела
И впервые пожалела
И вздохнула: «Ах, года!
Вот и внучка молода».
И, простивши нрав мой вздорный,
Завещала перстень черный,
Так сказала: «Он по ней,
С ним ей будет веселей».

II

Я друзьям моим сказала:
«Горя много, счастья мало»,
И ушла, закрыв лицо;
Потеряла я кольцо.
И друзья мои сказали:
«Мы кольцо везде искали,
Возле моря на песке
И меж сосен на лужке».
И, догнав меня в аллее,
Тот, кто был других смелее,
Уговаривал меня
Подождать до склона дня.
Я совету удивилась
И на друга рассердилась,

Что глаза его нежны:
«И на что вы мне нужны?
Только можете смеяться,
Друг пред другом похваляться
Да цветы сюда носить».
Всем велела уходить.
ANNO DOMINI MCMXXI
Nec sine te, nec Iesum
vivere possum.

Н. Рыковой

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?
Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес,
И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам,
Никому, никому не известное,
Но от века желанное нам.

1921

Путник милый, ты далече,
Но с тобою говорю.
В небесах зажглися свечи
Провожающих зарю.
Путник мой, скорей направо
Обрати свой светлый взор:
Здесь живет дракон лукавый,
Мой властитель с давних пор.
А в пещере у дракона
Нет пощады, нет закона.
И висит на стенке плеть,
Чтобы песен мне не петь.
Сослужу тебе верную службу, –
Ты не бойся, что горько люблю!
Я за нашу веселую дружбу
Всех святителей нынче молю.
За тебя отдала первородство
И взамен ничего не прошу,
Оттого и лохмотья сиротства
Я как брачные ризы ношу.

1921

Нам встречи нет. Мы в разных станах,
Туда ль зовешь меня, наглец,
И дракон крылатый мучит,
Он меня смиренью учит,
Чтоб забыла дерзкий смех,
Чтобы стала лучше всех.
Путник милый, в город дальний
Унеси мои слова,
Чтобы сделался печальней
Тот, кем я еще жива.

1921

Где брат поник в кровавых ранах,
Принявши ангельский венец?
И ни молящие улыбки,
Ни клятвы дикие твои,
Ни призрак млеющий и зыбкий
Моей счастливейшей любви
Не обольстят...

1921

Страх, во тьме перебирая вещи,
Лунный луч наводит на топор.
За стеною слышен стук зловещий –
Что там, крысы, призрак или вор?
В душной кухне плещется водою,

Половицам шатким счет ведет,
С глянцевитой черною бородою
За окном чердачным промелькнет –
И притихнет. Как он зол и ловок,
Спички спрятал и свечу задул.
Лучше бы поблескиванье дул
В грудь мою направленных винтовок,
Лучше бы на площади зеленой
На помост некрашенный прилечь
О, жизнь без завтрашнего дня!
Ловлю измену в каждом слове,
И убывающей любви
Звезда восходит для меня.
Так незаметно отлетать,
Почти не узнавать при встрече.
Но снова ночь. И снова плечи
В истоме влажной целовать.
Тебе я милой не была,
Ты мне постыл. А пытка длилась,
И, как преступница, томилась
Любовь, исполненная зла.
То словно брат. Молчишь, сердит.
Но если встретимся глазами –
И под клики радости и стоны
Красной кровью до конца истечь.
Прижимаю к сердцу крестик гладкий:
Боже, мир душе моей верни!
Запах тленья обморочно сладкий
Веет от прохладной простыни.

1921

Тебе клянусь я небесами,
В огне расплавится гранит.

1921

Кое-как удалось разлучиться
И постылый огонь потушить.
Враг мой вечный, пора научиться
Вам кого-нибудь вправду любить.
Я-то вольная. Все мне забава, –
Ночью Муза слетит утешать,
А наутро притащится слава
Погремушкой над ухом трещать.
Обо мне и молиться не стоит
И, уйдя, оглянуться назад.
Черный ветер меня успокоит,
Веселит золотой листопад.
Как подарок, приму я разлуку
И забвение, как благодать.
Но, скажи мне, на крестную муку
Ты другую посмеешь послать?

1921

А, ты думал – я тоже такая,
Что можно забыть меня,
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня.
Или стану просить у знахарок
В наговорной воде корешок
И пришлю тебе страшный подарок –
Мой заветный душистый платок.
Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь.
Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенным чадом –
Я к тебе никогда не вернусь.

1921

Пусть голоса органа снова грянут,
Как первая весенняя гроза:
Из-за плеча твоей невесты глянут

Мои полузакрытые глаза.
Семь дней любви, семь грозных лет разлуки,
Война, мятеж, опустошенный дом,
В крови невинной маленькие руки,
Седая прядь над розовым виском.
Прощай, прощай, будь счастлив, друг прекрасный,
Верну тебе твой сладостный обет,
Но берегись твоей подруге страстной
Поведать мой неповторимый бред, –
Затем, что он пронизет жгучим ядом
Ваш благостный, ваш радостный союз;
А я иду владеть чудесным садом,
Где шелест трав и восклицанья муз.

1921

Чугунная ограда,
Сосновая кровать.
Как сладко, что не надо
Мне больше ревновать.
Постель мне стелют эту
С рыданьем и мольбой;
Теперь гуляй по свету
Где хочешь. Бог с тобой.
Теперь твой слух не ранит
Неистовая речь,
А Смоленская нынче именинница.
Синий ладан над травой стелется,
И струится пенье панихидное,
Не печальное нынче, а светлое.
И приводят румяные вдовушки
На кладбище мальчиков и девочек
Поглядеть на могилы отцовские,
А кладбище – роща соловьиная,
От сиянья солнечного замерло.
Принесли мы Смоленской Заступнице,
Принесли Пресвятой Богородице
На руках во гробе серебряном
Наше солнце, в муке погасшее, –
Александра, лебедя чистого.
Теперь никто не станет
Свечу до утра жечь.
Добились мы покою
И непорочных дней...
Ты плачешь – я не стою
Одной слезы твоей.

1921

ОА.Г.С.

Пророчишь, горькая, и руки уронила,
Прилипла прядь волос к бескровному челу,
И улыбаешься – о, не одну пчелу
Румяная улыбка соблазнила
И бабочку смутила не одну.
Как лунные глаза светлы, и напряженно
Далеко видящий остановился взор.
То мертвому ли сладостный укор,
Или живым прощаешь благосклонно
Твое изнеможенье и позор?

1921

Я гибель накликала милым,
И гибли один за другим.
О, горе мне! Эти могилы
Предсказаны словом моим.
Как вороны кружатся, чужа
Горячую свежую кровь,
Так дикие песни, ликуя,
Моя насылала любовь.
С тобою мне сладко и знойно,
Ты близок, как сердце в груди.

7 зи. 870

Долгим взглядом твоим истомленная,
И сама научилась томить.
Из ребра твоего сотворенная,
Как могу я тебя не любить?
Быть твоею сестрою отрадною
Мне завещано древней судьбой,
А я стала лукавой и жадною
И сладчайшей твоею рабой.
Но когда замираю, смиренная,
На груди твоей снега белей,
Как ликует твое умудренное
Сердце – солнце отчизны моей!

1921

Дай руки мне, слушай спокойно,
Тебя заклинаю: уйди.
И пусть не узнаю я, где ты.
О Муза, его не зови,
Да будет живым, не воспетым
Моей не узнавший любви.

1921

ГОЛОС ПАМЯТИ

Мир – лишь луч от лика друга,
Все иное – тень его.

Н. Гумилев

Широко распахнуты ворота,
Липы нищенски обнажены,
И темна сухая позолота
Нерушимой вогнутой стены.
Гулом полны алтари и склепы,
И за Днепр широкий звон летит.
Так тяжелый колокол Мазепы
Над Софийской площадью гудит.
Все грозней бушует, непреклонный,
Словно здесь еретиков казнят,
А в лесах заречных, примиренный,
Веселит пушистых лисенят.

1921

Почернел, искривился бревенчатый мост,
И стоят лопухи в человеческий рост,
И крапивы дремучей поют леса,
Тот август, как желтое пламя,
Пробившееся сквозь дым,
Что по ним не пройдет, не блеснет коса.
Вечерами над озером слышен вздох,
И по степам расползся корявый мох.

Я встречала там
Двадцать первый год,
Сладок был устам
Черный, душистый мед.
Сучья рвали мне
Платья белый шелк,
На кривой сосне
Соловей не молк,
На условный крик
Выйдет из норы,
Словно леший дик,
А нежней сестры.
По полю бегом,
Через речку вплавь,
Да зато потом
Не скажу: оставь.
Тот август поднялся над нами,
Как огненный серафим.
И в город печали и гнева
Из тихой Корельской земли
Мы двое – воин и дева –
Студеным утром вошли.
Что случилось с нашей столицей,

Кто солнце на землю низвел?
Казался летящей птицей
На штандарте черный орел.
На дикий лагерь похожим
Стал город пышных смотров,
Слепило глаза прохожим
Сверканье пик и штыков.
И серые пушки гремели
На Троицком гулком мосту,
А липы еще зеленели
В таинственном Летнем Саду.
И брат мне сказал: «Настали
Для меня великие дни.
Теперь ты наши печали
И радость одна храни».
Как будто ключи оставил
Хозяйке усадьбы своей,
А ветер восточный славил
Ковыли приволжских степей.

ВСТРЕЧА

Зажженных рано фонарей
Шары висячие скрежещут,
Все праздничнее, все светлей
Снежинки, пролетая, блещут.
И, ускоряя ровный бег,
Как бы в предчувствии погони,
Сквозь мягко падающий снег
Под синей сеткой мчатся кони.
И раззолоченный гайдук
Стоит недвижно за санями,
И странно ты глядишь вокруг
Пустыми светлыми глазами.

1919

Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.
Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Далеко в лесу огромном,
Возле синих рек,
Жил с детьми в избушке темной
Бедный дровосек.
Младший сын был ростом с пальчик, –
Как тебя унять,
Спи, мой тихий, спи, мой мальчик,
Я дурная мать.
Долетают редко вести
К нашему крыльцу,
Подарили белый крестик
Твоему отцу.
Было горе, будет горе,
Горю нет конца,
Да хранит святой Егорий
Твоего отца.
Пока не свалюсь под забором
И ветер меня не добьет,
Мечта о спасении скором
Меня, как проклятие, жжет.
Упрямая, жду, что случится,
Как в песне случится со мной,
Уверенно в дверь постучится
И, прежний, веселый, дневной,
Войдет он и скажет: «Довольно,
Ты видишь, я тоже простил»,

Не будет ни страшно, ни больно.

Ни роз, ни архангельских сил.

Затем и в беспамятстве смуты

я сердце мое берегу,

что смерти без этой минуты

Представить себе не могу.

1921

На пороге белом рая,

Оглянувшись, крикнул: жду,

Завещал мне, умирая,

Благостность и нищету.

И когда прозрачно небо,

Видит, крыльями звеня,

Как делюсь я коркой хлеба

С тем, кто просит у меня.

А когда, как после битвы.

Облака плывут в крови,

Слышит он мои молитвы,

И слова моей любви.

1921

Заплаканная осень, как вдова

В одеждах черных, все сердца туманит...

Перебирая мужнины слова,

Она рыдать не перестанет.

И будет так, пока тишайший снег

Не сжалится над скорбной и усталой...

Забвенья боли и забвенья нег –

За это жизнь отдать не мало.

1921

Соблазна не было. Соблазн в тиши живет,

Он постника томит, святителя гнетет

И в полночь майскую над молодой черницей

Кричит истомно раненой орлицей.

А сим распутникам, сим грешницам любезным

Неведомо объятье рук железных.

Буду черные грядки холить,

Ключевой водой поливать;

Полевые цветы на воле,

Их не надо трогать и рвать.

Пусть их больше, чем звезд зажженных

В сентябрьских небесах –

Для детей, для бродяг, для влюбленных

Вырастают цветы на полях.

А мои – для святой Софии

В тот единственный светлый день,

Когда возгласы литургии

Возлетят под дивную сень.

И, как волны приносят на сушу

То, что сами на смерть обрекли,

Принесу покаянную душу

И цветы из Русской земли.

Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом,

Ни даже предчувствием тайным моим;

Зачем же в ночи перед темным порогом

Ты медлишь, как будто счастьем томим?

Не выйду, не крикну: «О, будь единым,

До смертного часа будь со мной!»

Я только голосом лебединым

Говорю с неправедною луной.

1915

I

Покинув рощи родины священной

И дом, где муза, плача, изнывала,

Я, тихая, веселая, жила

На низком острове, который, словно плот,

Остановился в пышной Невской дельте.

О, зимние, таинственные дни

И милый труд, и легкая усталость,

И розы в умывальном кувшине!
Был переулок снежным и недлинным.
И против двери к нам стеной алтарной
Воздвигнут храм Святой Екатерины.
Как рано я из дома выходила,
И часто по нетронутому снегу,
Свои следы вчерашние напрасно
На бледной, чистой пелене ища,
И вдоль реки, где шхуны, как голубки,
Друг к другу нежно, нежно прижимаясь,
О сером взморье до весны тоскуют,
Я подходила к старому мосту.
Там комната, похожая на клетку,
Под самой крышей в грязном шумном доме,
Где он, как чиж, свистал перед мольбертом
И жаловался весело, то грустно
О радости не бывшей говорил.
Как в зеркало глядела я тревожно
На серый холст, и с каждою неделей
Все горше и страннее было сходство
Мое с моим изображеньем новым.
Теперь не знаю, где художник милый,
С которым я из голубой мансарды
Через окно на крышу выходила,
Чтоб видеть снег, Неву и облака,
Но чувствую, что Музы наши дружны
Беспечной и пленительною дружбой,
Как девушки, не знавшие любви.

II
Смеркается, и в небе темно-синем,
Где так недавно храм Ерусалимский
Таинственным сиял великолепьем,
Лишь две звезды над путаницей веток,
И снег летит откуда-то не сверху,
А словно подымается с земли,
Ленивый, ласковый и осторожный.
Мне странною в тот день была прогулка.
Когда я вышла, ослепил меня
Прозрачный отблеск на вещах и лицах,
Как будто всюду лепестки лежали
Тех желто-розовых некрупных роз,
Название которых я забыла.
Безветренный, сухой, морозный воздух
Так каждый звук лелеял и хранил,
Что мнилось мне: молчанья не бывает.
И на мосту, сквозь ржавые перила
Просовывая руки в рукавичках,
Кормили дети пестрых жадных уток,
Что кувыркались в проруби чернильной.
Тебе покорной! Ты сошел с ума!
Покорна я одной Господней воле.
Я не хочу ни трепета, ни боли,
Мне муж палач, а дом его тюрьма.
Но видишь ли! Ведь я пришла сама;
Декабрь рождался, ветры выли в поле,
И было так светло в твоей неволе,
А за окошком сторожила тьма.
Так птица о прозрачное стекло
Всем телом бьется в зимнее ненастье,
И кровь пятнает белое крыло.
Теперь во мне спокойствие и счастье.
Прощай, мой тихий, ты мне вечно мил
За то, что в дом свой странницу пустил.

1921

ТРОСТНИК

Я играю и них во всех пяти.

Б. Пастернак

И ропщет мыслящий тростник.

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
Ф. Тютчев
Что отдал – то твое.
Ш. Руставели

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

М. Лозинскому

Почти от залетейской тени
В тот час, как рушатся миры,
Примите этот дар весенний
В ответ на лучшие дары,
Чтоб та, над временами года,
Несокрушима и верна,
Души высокая свобода,
Что дружбою наречена, –
Мне улыбнулась так же кротко,
Как тридцать лет тому назад...
И Сада Летнего решетка,
И оснеженный Ленинград
Возникли, словно в книге этой
Из мглы магических зеркал,
И над задумчивого Летой
Тростник оживший зазвучал.

Май 1940

Ленинград

Привольем пахнет дикий мед,
Пыль – солнечным лучом,
Фиалкою – девичий рот,
А золото – ничем.
Водю пахнет резеда
И яблоком – любовь,
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь.
И напрасно наместник Рима
Мыл руки пред всем народом
Под зловещие крики черни;
И шотландская королева
Напрасно с узких ладоней
Стирала красные брызги
В душном мраке царского дома.

1934

Ленинград

Если плещется лунная жуть,
Город весь в ядовитом растворе.
Без малейшей надежды заснуть
Вижу я сквозь зеленую муть
И не детство мое, и не море,
И не бабочек брачный полет
Над грядой белоснежных нарциссов
В тот какой-то шестнадцатый год...
А застывший навек хоровод
Надмогильных твоих кипарисов.

декабрь 1928

Ленинград

Не прислал ли лебедя за мною,
Или лодку, или черный плот? –
Он в шестнадцатом году весной
Обещал, что скоро сам придет.
Он в шестнадцатом году весной
Говорил, что птицей прилечу
Через мрак и смерть к его покою,
Прикоснусь крылом к его плечу.
Мне его еще смеются очи
И теперь, шестнадцатой весной.
Что мне делать! Ангел полуночи
До зари беседует со мной.

1936

Москва

ТВОРЧЕСТВО

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один все победивший звук.
Так вокруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава,
Как по земле идет с котомкой лихо.
Но вот уже слышались слова
И легких рифм сигнальные звоночки,
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

1936

Ленинград

От тебя я сердце скрыла,
Словно бросила в Неву...
Прирученной и бескрылой
Я в доме твоём живу.
Только... ночью слышу скрипы.
Что там – в сумраках чужих? –
Шереметевские липы...
Перекличка домовых...
Осторожно подступает,
Как журчание воды,
К уху жарко приникает
Черный шепоток беды –
И бормочет, словно дело
Ей всю ночь возиться тут:
«Ты уют захотела,
Знаешь, где он – твой уют?»

1936

Ленинград

БОРИС ПАСТЕРНАК

Он, сам себя сравнивший с конским глазом,
Косится, смотрит, видит, узнает,
И вот уже расплавленным алмазом
Сияют лужи, изнывает лед.
В лиловой мгле покоятся задворки,
Платформы, бревна, листья, облака.
Свист паровоза, хруст арбузной корки,
В душистой лайке робкая рука.
Звенит, гремит, скрежещет, бьет прибоем
И вдруг притихнет, – это значит, он
Пугливо пробирается по хвоям,
Чтоб не спугнуть пространства чуткий сон.
И это значит, он считает зерна
В пустых колосьях, это значит, он
К плите дарьяльской, проклятой и черной,
Опять пришел с каких-то похорон.
И снова жжет московская истома,
Звенит вдали смертельный бубенец –
Кто заблудился в двух шагах от дома,
Где снег по пояс и всему конец?..
За то, что дым сравнил с Лаокооном,
Кладбищенский воспел чертополох,
За то, что мир наполнил новым звоном
В пространстве новом отраженных строф, –
Он награжден каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была его наследством,
А он ее со всеми разделил.

19 января 1936

Ленинград

Одни глядятся в ласковые взоры,
Другие пьют до солнечных лучей,
А я всю ночь веду переговоры
С неукротимой совестью своей.
Я говорю: «Твое несую я бремя
Тяжелое, ты знаешь, сколько лет».
Но для нее не существует время,
И для нее пространства в мире нет.
И снова черный масленичный вечер,
Зловещий парк, неспешный бег коня.
И полный счастья и веселья ветер,
С небесных круч слетевший на меня.

ВОРОНЕЖ

О.М.

И город весь стоит оледенелый.
Как под стеклом деревья, стены, снег.
По хрусталикам я прохожу несмело.
Узорных санок так неверен бег.
А над Петром воронежским – вороны,
Да тополя, и свод светло-зеленый,
Размытый, мутный, в солнечной пыли,
И Куликовской битвой веют склоны
Могучей, победительной земли.
И тополя, как сдвинутые чаши,
Над нами сразу зазвенят сильнее,
Как будто пьют за ликованье наше
На брачном пире тысячи гостей.

1936

Ленинград

А надо мной спокойный и двурогий
Стоит свидетель... О, туда, туда,
Туда – по Подкапризовой дороге,
Где лебеди и мертвая вода.

1936

Ленинград

Я над ними склонюсь, как над чашей,
В них заветных заметок не счесть –
Окровавленной юности нашей
Это черная нежная весть.
Тем же воздухом, так же над бездной
Я дышала когда-то в ночи,
В той ночи и пустой и железной,
Где напрасно зови и кричи.
О, как прямо дыханье гвоздики,
Мне когда-то приснившейся там, –
Это кружатся Эвридики,
Бык Европу везет по волнам.
Это наши проносятся тени
Над Невой, над Невой, над Невой,
Это плещет Нева о ступени,
Это пропуск в бессмертие твой.
Это ключики от квартиры,
О которой теперь ни гугу...
Это голос таинственной лиры,
На загробном гостящей лугу.

/957

КАВКАЗСКОЕ

Здесь Пушкина изгнанье началось
И Лермонтова кончилось изгнанье.
Здесь горных трав легко благоуханье,
И только раз мне видеть удалось
У озера, в густой тени чинары,
В тот предвечерний и жестокий час –
Сияние неутоленных глаз
Бессмертного любовника Тамары.

/927

Кисловодск

ХУДОЖНИКУ

Мне все твоя мерещится работа,
Твои благословенные труды:
Лип, навсегда осенних, позолота
И синь сегодня созданной воды.
Подумай, и тончайшая дремота
Уже ведет меня в твои сады,
Где, каждого пугаясь поворота,
В беспмятстве ищу твои следы.
Войду ли я под свод преображенный,
Твоей рукою в небо превращенный,
Чтоб остудился мой постылый жар?..
Там стану я блаженною навеки
И, раскаленные смежая веки,
Там снова обрету я слезный дар.
1924

Тот город, мной любимый с детства,
В его декабрьской тишине
Моим промотанным наследством
Сегодня показался мне.
Все, что само давалось в руки,
Что было так легко отдать:
Душевный жар, молений звуки
И первой песни благодать –
Все унеслось прозрачным дымом,
Истлело в глубине зеркал...
И вот уж о невозвратимом
Скрипач безносый заиграл.
Но с любопытством иностранки,
Плененной каждой новизной,
Глядела я, как мчатся санки,
И слушала язык родной.
И дикой свежестью и силой
Мне счастье веяло в лицо,
Как будто друг от века милый
Всходил со мною на крыльцо.
1929

МУЗА

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.
И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».
1924

Годовщину веселую празднуй –
Ты пойми, что сегодня точь-в-точь
Нашей первой зимы – той, алмазной –
Повторяется снежная ночь.
Пар валит из-под царских конюшен,
Погружается Мойка во тьму,
Свет луны, как нарочно, притушен,
И куда мы идем – не пойму.
В грозных айсбергах Марсово поле,
И лебяжья лежит в хрусталях...
Чья с моею сравняется доля,
Если в сердце веселье и страх.
И трепещет, как дивная птица,
Голос твой у меня над плечом.
И внезапным согретый лучом
Снежный прах так тепло серебрится.
9–10 июля 1939

ЗАКЛИНАНИЕ

Из тюремных ворот,
Из заохтенских болот,
Путем нехоженым,

Лугом некошеным,
Сквозь ночной кордон,
Под пасхальный звон,
Незванный,
Несуженый, –
Приди ко мне ужинать.

Апрель 1936

Ленинград

СОНЕТ

Совсем не тот таинственный художник,
Избороздивший Гофмановы сны, –
Из той далекой и чужой весны
Мне чудится смиренный подорожник.
Он всюду рос, им город зеленел,
Он украшал широкие ступени,
И с факелом свободных песнопений
Психея возвращалась в мой придел.
А в глубине четвертого двора
Под деревом плясала детвора
В восторге от шарманки одноногой,
И была жизнь во все колокола...
А бешеная кровь меня к тебе вела
Сужденной всем, единственной дорогой.

1941

Ленинград

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических страстей.
По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.
Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.
Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.

1940

ДАНТЕ

...mio be] San Giovanni.

Inferno

Он и после смерти не вернулся
В старую Флоренцию свою.
Этот, уходя, не оглянулся,
Этому я эту песнь пою. –
Факел, ночь, последнее объятье,
За порогом дикий вопль судьбы.
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог ее забыть.
Но босой, в рубахе покаянной,
Со свечой зажженной не прошел
По своей флоренции желанной,
Вероломной, низкой, долгожданной.

лето 1936

Разлив

КЛЕОПАТРА

I am air and firer...

Shakespeare

Александрейские чертоги
Покрыла сладостная тень.

Пушкин

Уже целовала Антония мертвые губы,
Уже на коленях пред Августом слезы лила...
И предали слуги. Грохочут победные трубы
Под римским орлом, и вечерняя стелется мгла.
И входит последний плененный ее красотою,
Высокий и статный, и шепчет в смятении он:
«Тебя – как рабыню... в триумфе пошлет пред

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna собою.

Но шеи лебяжьей все так же спокоен наклон.
А завтра детей закуют. О, как мало осталось
Ей дела на свете – еще с мужиком пошутить
И черную змейку, как будто прощальную жалость,
На смуглую грудь равнодушной рукой положить.

январь 1940

Ленинград

Так просто можно жизнь покинуть эту,
Бездумно и безболно догореть.
Но не дано Российскому поэту
Такою светлой смертью умереть.
Всего верней свинец душе крылатой
Небесные откроет рубежи,
Иль хриплый ужас лапою косматой
Из сердца, как из губки, выжмет жизнь.

20-е годы

ИВА

И дряхлый пук дсреи.

Пушкин

А я росла в узорной тишине,
В прохладной детской молодого века.
И не был мил мне голос человека,
А голос ветра был понятен мне.
Я лопухи любила и крапиву,
Но больше всех серебряную иву.
И, благодарная, она жила
Со мной всю жизнь, плакучими ветвями
Бессонницу овеивала снами.
И странно! – я ее пережила.
Там пень торчит, чужими голосами
Другие ивы что-то говорят
Под нашими, под теми небесами.
И я молчу... Как будто умер брат.

январь 1940

Ленинград

ПРО стихи

Нарбуту

Это – выжимки бессонниц,
Это – свеч кривых нагар,
Это – сотен белых звонниц
Первый утренний удар...
Это – теплый подоконник
Под черниговской луной,
Это – пчелы, это донник,
Это пыль, и мрак, и зной.

Апрель 1940

Москва

ИЗ ЦИКЛА «ЮНОСТЬ»

Пятнадцатилетние руки
Тот договор подписали
Среди цветочных киосков
И грамофонного треска,
Под взглядом косым и пьяным
Газовых фонарей.

И старше была я века

Ровно на десять лет.

А на закат наложен
Был белый траур черемух,
Что осыпался мелким,
Душистым, сухим дождем...
И облака сквозили
Кровавой цусимской пеной,
И плавно ландо катили
Теперешних мертвецов...

А нам бы тогдашний вечер
Показался бы маскарадом,
Показался бы карнавалом,

феерией grand-gala...
От дома того – ни щепки,
Та вырублена аллея,
Давно опочили в музее
Те шляпы и башмачки.
Ты неотступен, как совесть,
Как воздух, всегда со мною,
Зачем же зовешь к ответу?
Свидетелей знаю твоих:
То Павловского вокзала
Раскаленный музыкой купол
И водопад белогривый
У Бабловского дворца.

1940

ПОДВАЛ ПАМЯТИ

О, погреб памяти.

Хлебников

Но сущий вздор, что я живу грустя
И что меня воспоминанье точит.
Не часто я у памяти в гостях,
Да и она всегда меня морочит.
Когда спускаюсь с фонарем в подвал,
Мне кажется – опять глухой обвал
За мной по узкой лестнице грохочет.
Чадит фонарь, вернуться не могу,
Я знаю, что иду туда, к врагу.
И я прошу как милости... Но там
Темно и тихо. Мой окончен праздник!
Уж тридцать лет, как проводили дам,
От старости скончался тот проказник...
Я запоздала. Экая беда!

Нельзя мне показаться никуда.

Но я касаюсь живописи стен

И у камина греюсь. Что за чудо!

Сквозь эту плесень, этот чад и тлен

Сверкнули два живые изумруда.

И кот мяукнул. Ну, идем домой!

Но где мой дом и где рассудок мой?

январь 1940

Так отлетают темные души...

– Я буду бредить, а ты не слушай.

Зашел ты нечаянно, ненароком –

Ты никаким ведь не связан сроком,

Побудь же со мною теперь подольше.

Помнишь, мы были с тобою в Польше?

Первое утро в Варшаве... Кто ты?

Ты уж другой или третий? – «Сотый!»

– А голос совсем такой, как прежде.

Знаешь, я годы жила в надежде,

Что ты вернешься, и вот – не рада.

Мне ничего на земле не надо,

Ни громов Гомера, ни Дантова дива.

Скоро я выйду на берег счастливый:

И Троя не пала, и жив Эбани,

И все потонуло в душистом тумане.

Я б задремала под ивой зеленой,

Да нет мне покоя от этого звона.

Что он? – то с гор возвращается стадо?

Только в лицо не дохнула прохлада.

Или идет священник с дарами?

А звезды на небе, а ночь над горами...

Или сзывают народ на вече? –

– «Нет, это твой последний вечер!»

1940

Ленинград. Фонтанный Дом

Когда человек умирает,

Изменяются его портреты.

По-другому глаза глядят, и губы

Улыбаются другой улыбкой.

Я заметила это, вернувшись

С похорон одного поэта.

И с тех пор проверяла часто,

И моя догадка подтвердилась.

1940

Ленинград

ДВУСТИШИЕ

От других мне хвала – что зола,

От тебя и хула – похвала.

1931

Не недели, не месяцы – годы

Расставались. И вот наконец

Холодок настоящей свободы

И седой над висками венец.

Больше нет ни измен, ни предательств,

И до света не слушаешь ты,

Как струится поток доказательств,

Несравненной моей правоты.

1940

И, как всегда бывает в дни разрыва,

К нам постучался призрак первых дней,

ПОСЛЕДНИЙ ТОСТ

Я пью за разоренный дом,

За злую жизнь мою,

За одиночество вдвоем,

И за тебя я пью, –

За ложь меня предавших губ,

За мертвый холод глаз,

За то, что мир жесток и груб,

За то, что БОГ не спас.

1934

И ворвалась серебряная ива

Седым великолепием ветвей.

Нам, исступленным, горьким и надменным,

Не смеющим глаза поднять с земли,

Запела птица голосом блаженным

О том, как мы друг друга берегли.

1944

ЛЕНИНГРАД В МАРТЕ 1941

Садran solaire на Меншиковом доме.

Подняв волну, проходит пароход.

О, есть ли что на свете мне знакомей,

Чем шпилей блеск и отблеск этих вод!

Как щелочка чернеет переулок.

Садятся воробьи на провода.

У наизусть затверженных прогулок

Соленый привкус – тоже не беда.

СТАНСЫ

Стрелецкая луна. Замоскворечье... Ночь.

Как крестный ход, идут часы Страстной Недели...

Я вижу страшный сон. Неужто в самом деле

Никто, никто, никто не может мне помочь.

В Кремле не надо жить – Преображенец прав,

Там зверства древнего еще кишат микробы:

Бориса дикий страх и всех Иванов злобы,

И Самозванца спесь взамен народных прав.

Апрель 1940

Москва

НЕЧЕТ

Седьмой сборник

стихотворений

Анны Ахматовой

1936–1946

Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется.

Тютчев

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

М. Лозинскому

Почти что от летейской тени
В тот час, как рушатся миры,
Примите этот дар весенний
В ответ на лучшие дары –
Чтоб та, над временами года,
Несокрушима и верна,
Души высокая свобода,
Что дружбою наречена,
Мне улыбнулась так же кротко,
Как тридцать лет тому назад...
И Сада Летнего решетка,
И оснеженный Ленинград
Возникли словно в книге этой
Из мглы магических зеркал...
И над задумчивою Летою
Тростник оживший зазвучал.

29 мая 1940

Тот город, мне любимый с детства,
В его декабрьской тишине
Моим промотанным наследством
Сегодня показался мне.

Все, что само давалось в руки,
Что было так легко отдать:
Душевный жар, молений звуки
И первой песни благодать –
Все унеслось прозрачным дымом,
Истлело в глубине зеркал...

И вот уж о невозвратимом
Скрипач безносый заиграл.
Но с любопытством иностранки,
Плененной каждой новизной,
Глядела я, как мчатся санки,
И слушала язык родной.

И дикой свежестью и силой
Мне счастье веяло в лицо,
Как будто друг от века милый
Всходил со мною на крыльцо.

1929

ПУШКИН

Кто знает, что такое слава?
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть.

7 марта 1943

Ташкент

В ПАРКЕ

(Девяностые годы)

В тени елизаветинских боскетов
Гуляют пушкинских красавиц внучки. –
Все в скромных канотье, в тугих корсетах,
И держат зонтик сморщенные ручки.
Мопс на цепочке, в сумочке драже,
И компаньонка с Жип или Бурже.

1940

ИВА

...и дряхлый пук дерев.

Пушкин

А я росла в узорной тишине,
В прохладной детской молодого века.
И не был мил мне голос человека,
А голос ветра был понятен мне.

Я лопухи любила и крапиву,
Но больше всех серебряную иву.
И благодарная, она жила
Со мной всю жизнь, плакучими ветвями
Бессонницу овеивала снами.
И странно! – я ее пережила.
Там пень торчит, чужими голосами
Другие ивы что-то говорят
Под нашими, под теми небесами,
И я молчу... Как будто умер брат.
1940. 18 янв.

ВОРОНЕЖ

о.м.

И город весь стоит оледенелый.
Как под стеклом деревья, стены, снег.
По хрусталям я прохожу несмело.
Узорных санок так неверен бег.
А над Петром воронежским – вороны,
Да тополя, и свод светло-зеленый,
Размытый, мутный, в солнечной пыли,
И Куликовской битвы веют склоны
Могучей, победительной земли.
И тополя, как сдвинутые чаши,
Над нами сразу зазвонят сильнее,
Как будто пьют за ликование наше
На брачном пире тысячи гостей.
4 марта 1936

4. Не

\239

Пятнадцатилетние руки
Тот договор подписали
Среди цветочных киосков
И граммофонного треска,
Под взглядом косым и пьяным
Газовых фонарей.
А на закат наложен
Был белый траур черемух,
Что осыпался мелким,
Душистым, сухим дождем...
И облака сквозили
Кровавой Цусимской пеной,
И плавно ландо катили
Теперешних мертвецов.
А нам бы тогдашний вечер
Показался бы маскарадом,
Показался бы карнавалом,
Феерией grand-gala...
От дома того ни щепки,
Та вырублена аллея,
Давно опочили в музее
Те шляпы и башмачки.
Ты неотступен, как совесть,
Как воздух, всегда со мною –
Зачем же зовешь к ответу? –
Свидетелей знаю твоих:
То Павловского вокзала
Накаленный музыкой купол
ТВОРЧЕСТВО
Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, все победивший звук.
Так вокруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава,

Как по земле идет с котомкой лихо...

Но вот уже слышались слова
И легких рифм сигнальные звоночки,
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

5 ноября 1936

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.
И водопад белогривый
У Бабловского дворца.

то

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.
Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене, –
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.

1940. 21 янв.

И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.
У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить,
А не то... Горячий шелест лета,
Словно праздник за моим окном
Я давно предчувствовала это –
Светлый день и опустелый дом.

22 июня 1939

КЛЕОПАТРА

I am air and fire...

Shakespeare

Александрийские чертоги

Покрыла сладостная тень.

Пушкин

Уже целовала Антония мертвые губы,
Уже на коленях пред Августом слезы лила.
И предали слуги. Грохочут победные трубы
Под римским орлом, и вечерняя стелется мгла.
И входит последний плененный ею красотою,
Высокий и статный, и шепчет в смятении он:
«Тебя – как рабыню, в триумфе пошлет пред
собой...»

Но шею лебяжьей все так же спокоен наклон.
А завтра детей закуют. О, как мало осталось
Ей дела на свете – еще с мужиком пошутить
И черную змейку, как будто прощальную жалость,
На смуглую грудь равнодушной рукой положить.

1940. 7 февр.

К СМЕРТИ

Ты все равно придешь – зачем же не теперь?
Я жду тебя – мне очень трудно.
Я потушила свет и отворила дверь
Тебе, такой простой и чудной.
Прими для этого какой угодно вид,
Ворвись отравленным снарядам
Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит,
Иль отрави тифозным чадом,
Иль сказочкой, придуманной тобой
И всем до тошноты знакомой, –
Чтоб я увидела верх шапки голубой

И бледного от страха управдома.
Мне все равно теперь. Клубится Енисей,
Звезда Полярная сияет.
И синий блеск возлюбленных очей
Последний ужас застигает.

19 августа 1939
В Сороковом году

I

АВГУСТ 1940

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит.

Крапиве, чертополоху
Украстить ее предстоит.
И только могильщики лихо
Работают, дело не ждет.
И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идет.

А после она выплывает,
Как труп на весенней реке,
Но матери сын не узнает,
И внук отвернется в тоске.

И клонятся головы ниже.

Как маятник, ходит луна...

Так вот – над погибшим Парижем

Такая теперь тишина.

5 авг. 1940

II

СОВРЕМЕННОЦА

Всегда нарядней всех, всех розовой и выше,
Зачем всплываешь ты со дна погибших лет? –
И память хищная передо мной колышет
Прозрачный профиль твой за стеклами карет.
Как спорили тогда – ты ангел или птица,
Соломинкой тебя назвал поэт.

Равно на всех сквозь черные ресницы
Дарьяльских глаз струился нежный свет.

О тень! прости меня, но ясная погода,
Флобер, бессонница и поздняя сирень
Тебя, красавицу тринадцатого года,
И твой безоблачный и равнодушный день

Напомнили, а мне такого рода
Воспоминанья не к лицу. О тень!

9 авг. 1940

III

TO THE LONDONERS

И сделалась война на небе.

Апокал.

Двадцать четвертую драму Шекспира

Пишет время бесстрастной рукой.

Сами участники чумного пира,

Лучше мы Гамлета, Цезаря, Лира

Будем читать над свинцовой рекой;

Лучше сегодня голубку Джульетту

С пеньем и факелом в гроб провожать,

Лучше заглядывать в окна к Макбету,

Вместе с наемным убийцей дрожать, –

Только не эту,

не эту,

не эту,

Эту уже мы не в силах читать!

1940

IV

Уж я ль не знала бессонницы

Все пропасти и тропы,

Но эта как топот конницы

Под вой одичалой трубы.

Вхожу в дома опустелые,

В недавний чей-то уют.

Всё тихо. Лишь тени белые
В чужих зеркалах плывут.
И что там в тумане? – Дания,
Нормандия или тут
Сама я бывала ранее,
И это переиздание
Навек забытых минут.
1940

Годовщину последнюю празднуй –
Ты пойми, что сегодня точь-в-точь
Нашей первой зимы – той, алмазной,
Повторяется снежная ночь.
Пар валит из-под царских конюшен,
Погружается Мойка во тьму,
Свет луны как нарочно притушен,
И куда мы идем – не пойму.
В грозных айсбергах Марсово поле,
И лебязья лежит в хрусталях...
Чья с моею сравнивается доля,
Если в сердце веселье и страх.
И трепещет, как дивная птица,
Голос твой у меня над плечом.
И внезапным согретый лучом
Снежный прах так тепло серебрится.
9–10 июля 1939

Уже безумие крылом
Души покрыло половину
И поит огненным вином,
И манит в черную долину.
И поняла я, что ему
Должна я уступить победу,
Прислушиваясь к своему,
Уже как бы к чужому бреду.
И не позволит ничего
Оно мне унести с собою, –
Как ни упрашивать его
И как ни докучать мольбою:
Ни милую прохладу рук,
Ни лип взволнованные тени,
Ни отдаленный легкий звук –
Слова последних утешений.
1940. 4 мая

Одни глядятся в ласковые взоры,
Другие пьют до солнечных лучей,
А я всю ночь веду переговоры
С неукротимой совестью моей.
Я говорю: «Твое несую я бремя
Тяжелое, ты знаешь, сколько лет».
Но для нее не существует время,
И для нее пространства в мире нет.
И снова черный масленичный вечер,
Зловещий парк, неспешный бег коня.
И полный счастья и веселья ветер,
С небесных круч слетевший на меня.
Но зоркий надо мною и двурогий
Стоит свидетель... о, туда, туда,
Туда по Подкапризовой дороге,
Где лебеди и мертвая вода.

3 ноября 1936
Когда человек умирает,
Изменяются его портреты.
По-другому глаза глядят, и губы
Улыбаются другой улыбкой.
Я заметила это, вернувшись
С похорон одного поэта.
И с тех пор проверяла часто,
И моя догадка подтвердилась.
1940. 21 янв.

ЗАКЛИНАНИЕ

Из тюремных ворот,
Из заохтенских болот,
Путем нехоженым,
Лугом некошеным,
Сквозь ночной кордон,
Под пасхальный звон,
Незванный,
Несуженый, –
Приди ко мне ужинать.
1936. 15 апр.

ИЗ ЦИКЛА

«СТАРАЯ МОСКВА»

ТРЕТИЙ ЗАЧАТЬЕВСКИЙ

Переулочек, переул...
Горло петелькой затянул.
Тянет свежесть с Москва-реки,
В окнах теплятся огоньки.
Покосился гнилой фонарь,
С колокольни идет звонарь.
Как по левой руке – пустырь,
А по правой руке – монастырь,
А напротив – высокий клен
Красным заревом обагрен. –
А напротив высокий клен
Ночью слушает долгий стон:
Мне бы тот найти образок,
Оттого что мой близок срок,
Мне бы снова мой черный платок,
Мне бы невской воды глоток.

то

От тебя я сердце скрыла,
Словно бросила в Неву,
Прирученной и бескрылой
Я в доме твоём живу.
Только... ночью слышу скрипы.
Что там – в сумраках чужих?
Шереметевские липы,
Перекличка домовых.
Осторожно подступает,
Как журчание воды
Жарко к уху приникает
Черный шепоток беды
И бормочет, словно дело
Ей всю ночь возиться тут:
Ты уюта захотела,
Знаешь, где он – твой уют.
30 октября 1936

ВРОДЕ МОНОЛОГА

Так вот он – тот осенний пейзаж,
Которого я так всю жизнь боялась:
И небо как пылающая бездна,
И звуки города, как с того света
Услышанные, чуждые навеки.
Как будто все, с чем я внутри себя
Всю жизнь боролась, получило жизнь
Отдельную и воплотилось в эти
Слепые стены, в этот черный сад.
А в ту минуту за плечом моим
Мой бывший дом еще следил за мною
Прищуренным, неблагоклонным оком,
Тем навсегда мне памятным окном.
Пятнадцать лет – пятнадцатью веками
Гранитными как будто притворились,
Но и сама была я как гранит:
Теперь моли, терзайся, называй
Морской царевной. Все равно. Не надо...
Но надо было мне себя уверить,

Что это все случилось много раз,
И не со мной одной – с другими тоже –
И даже хуже. Нет, не хуже – лучше.
И голос мой – и это, верно, было
Всего страшней – сказал из темноты:
«Пятнадцать лет назад ты песней
Встречала этот день, ты небеса,
И хоры звезд, и хоры вод молила
Приветствовать торжественную встречу
С тем, от кого сегодня ты ушла...
Так вот твоя серебряная свадьба:
Зови гостей, красуйся, торжествуй!»
1942. Март

Ташкент

Так отлетают темные души...
«Я буду бредить, а ты не слушай.
Зашел ты нечаянно, ненароком –
Ты никаким ведь не связан сроком,
Побудь же со мною теперь подольше.
Помнишь, мы были с тобою в Польше.
Первое утро в Варшаве... Кто ты?
Ты уж другой или третий? – «Сотый!»
А голос совсем такой, как прежде.
Знаешь, я годы жила в надежде,
Что ты вернешься, – и вот – не рада.
Мне ничего на земле не надо:
Ни громов Гомера, ни Дантова дива.
Скоро я выйду на берег счастливый:
И Троя не пала, и жив Эбани.
И все потонуло в душистом тумане.
Я б задремала под ивой зеленой,
Да нет мне покоя от этого звона.
Что он? – то с гор возвращается стадо,
Только в лицо не дохнула прохлада.
Или идет священник с Дарами,
И звезды на небе, и ночь над горами,
Или сзывают народ на вече?»
«Нет, это твой последний вечер».

1940

Нет, это не я, это кто-то другой страдает.
Я бы так не могла, а то, что случилось,
Пусть черные сукна покроют,
И пусть унесут фонари.

Ночь.

1939

ПОДВАЛ ПАМЯТИ

Но сущий вздор, что я живу грустя
И что меня воспоминанье точит.
Не часто я у памяти в гостях,
Да и она всегда меня морочит.
Когда спускаюсь с фонарем в подвал,
Мне кажется – опять глухой обвал
За мной по узкой лестнице грохочет.
Чадит фонарь, вернуться не могу,
Я знаю, что иду туда, к врагу.
И я прошу как милости... Но там
Темно и тихо. Мой окончен праздник!
Уж тридцать лет, как проводили дам,
От старости скончался тот проказник...
Я опоздала. Экая беда!
Нельзя мне показаться никуда.
Но я касаюсь живописи стен
И у камина греюсь. Что за чудо!
Сквозь эту плесень, этот чад и тлен
Сверкнули два живые изумруда.
И кот мяукнул. Ну, идем домой!
Но где мой дом и где рассудок мой?

1940. 18 янв.

PRO DOMO MEA

I

Один идет прямым путем,
Другой идет по кругу
И ждет возврата в отчий дом,
Ждет прежнюю подругу.
А я иду (за мной беда)
Не прямо и не косо.
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.

II

Но я предупреждаю вас,
Что я живу в последний раз.
Ни ласточкой, ни кленом,
Ни тростником и ни звездой,
Ни родниковой водой,
Ни колокольным звоном –
Не стану я людей смущать
И сны чужие навещать
Неутоленным стоном.

1940

DANTE

...mio bel San Giovanni.

Inferno

Он и после смерти не вернулся
В старую Флоренцию свою.
Этот, уходя, не оглянулся,
Этому я эту песнь пою.
Факел, ночь, последнее объятье,
За порогом дикий вопль судьбы.
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог ее забыть, –
Но босой, в рубахе покаянной,
Со свечой зажженной не прошел
По своей флоренции желанной,
Вероломной, низкой, долгожданной.
17 авг. 1936

Разлив

РАСПЯТИЕ

1

Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: Почто меня оставил!
А матери: О не рыдай мене...

2

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где мать твоя стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

[1940] 1943

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ ЦИКЛА

«РАЗРЫВ»

I

Не недели, не месяцы – годы
Расставались, и вот, наконец,
Холодок настоящей свободы
И седой над висками венец.
Больше нет ни измен, ни предательств,
И до света не слушаешь ты,
Как струится поток доказательств,
Несравненной моей правоты.

II

И, как всегда бывает в дни разрыва,
К нам постучался призрак первых дней,
И ворвалась серебряная ива
Седым великолепием ветвей.
Нам, исступленным, горьким и надменным.
Не смеющим глаза поднять с земли,

Запела птица голосом блаженным
О том, как мы друг друга берегли.
1944. 23 сент.

НАДПИСЬ НА «ПОДОРОЖНИКЕ»

Совсем не тот таинственный художник,
Избороздивший Гофмановы сны,
Из той далекой и чужой весны
Мне чудится смиренный подорожник.
Он всюду рос, им город зеленел,
Он украшал широкие ступени,
И с факелом свободных песнопений
Психея возвращалась в мой придел.
А в глубине четвертого двора
Под деревом плясала детвора
В восторге от шарманки одноногой.
И била жизнь во все колокола,
А бешеная кровь меня к тебе вела
Сужденной всем единственной дорогой.
1941. 18 янв.

258 I Анна Ахматова. Собрание сочинений _
ЛЕНИНГРАД ВЕСНОЙ 1941

Sadran solaire на Меншиковом Доме.
Подняв волну, проходит пароход.
О, есть ли что на свете мне знакомей,
Чем спилей блеск и отблеск этих вод.
Как щелочка чернеет переулок,
Садятся воробьи на провода.
У наизусть запомненных прогулок
Соленый привкус. Тоже не беда...
из поэмы «1913 год»

I

Все равно подходит расплата –
Видишь там, за вьюгой крупчатой,
Театральные арапчата
Затевают опять возню.
А вокруг старый город Питер,
(Что народу бока повытер,
Как тогда народ говорил),
В гривах, в сбруях, в мучных обозах,
В размалеванных чайных розах
И под тучей вороньих крыл.
Но летит, улыбаясь мнимо,
Осиянна, непостижима,
Над Маринскою сценой прима,
И острит опоздавший сноб.
Звук оркестра, как с того света, –
Не предчувствием ли рассвета
По рядам пробежал озноб.

II

Были святки кострами согреты,
И валились с мостов кареты,
И весь траурный город плыл
По неведомому назначенью,
По Неве иль против теченья, –
Только прочь от своих могил.
На Галерной чернела арка,
В Летнем тонко пела флюгарка,
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл.
Оттого, что по всем дорогам,
Оттого, что ко всем порогам
Приближалась медленно тень –
Становилось темно в гостиной,
Жар не шел из пасти каминной,
И в кувшинах вяла сирень.
И всегда, в духоте морозной,
Предвоенной, блудной и грозной,
Потаенный носился гул,

Но тогда он был слышен глухо,
Он почти не касался слуха
И в сугробах невских тонул.
ПУТЕМ ВСЕЯ ЗЕМЛИ
...и настало ему время идти путем всея земли.

Кн. Царств
...и Ангел поклялся живущим,
что времени больше не будет.
Апокал.

I
Прямо под ноги пулям,
Расталкивая года,
По январям и июлям
Я проберусь туда...
Никто не увидит ранку,
Крик не услышит мой. –
Меня – китежанку
Позвали домой.
И гнались за мною
Сто тысяч берез,
Стеклою стеною
Струился мороз.
У давних пожарищ
Обугленный склад.
«Вот пропуск, товарищ,
Пустите назад».
И воин спокойно
Отводит штык –
Как пышно и знойно
Тот остров возник:
И красная глина,
И яблочный сад, –
O salve, Regina! –
Пылает закат.
Тропиночка круто
Взбиралась, дрожа.
Мне надо кому-то
Здесь руку пожать...
Но хриплой шарманки
Не слушаю стон, –
Не тот китежанке
Послышался звон.

II
Окопы, окопы, –
Заблудишься тут.
От старой Европы
Остался лоскут,
Где в облаке дыма
Горят города.
И вот уже Крыма
Темнеет гряда.
Я плакальщиц стаю
Веду за собой.
О, тихого края
Плащ голубой...
Над мертвой медузой
Смущенно стою;
Здесь встретилась с Музой,
Ей клятву даю,
Но громко смеется,
Не верит: «Тебе ль?»
По капельке льется
Душистый апрель.

III
Вечерней порою
Сгущается мгла.
Пусть Гофман со мною
Дойдет до угла.

Он знает, как гулок
Задушенный крик
И чей в переулок
Забрался двойник.
Ведь это не шулки,
Что двадцать пять лет
Мне видится жуткий
Один силуэт.
В какой бы кровати
И где б ни спала,
Из страшных объятий
Вставала бела.
Так, значит, направо –
Вот здесь, за углом.
Спасибо...

– Канава
И маленький дом.
Не знала, что месяц
Во всё посвящен.
С веревочных лестниц
Срывается он,
Спокойно обходит
Покинутый дом,
Где ночь на исходе
За круглым столом
Гляделась в обломок
Разбитых зеркал
И в груди потемок
Зарезанный спал.

IV
Черемуха мимо
Прокралась, как сон,
И кто-то: Цусима!
Сказал в телефон.
Скорее, скорее...
Кончается срок:
«Варяг» и «Кореец»
Пошли на восток.
Там ласточкой реет
Старая боль,
А дальше темнеет
Форт Шаброль, –
Как прошлого века
Заброшенный склеп,
Где старый калека
Оглох и ослеп.
Суровы и хмуры,
Его сторожат
С винтовками буры –
Назад, назад!
(Чистейшего звука
Высокая власть,
Как будто разлука
Натешилась всласть –
Знакомые зданья
Из смерти сквозят,
И будет свиданье
Печальней стократ
Всего, что когда-то
Случилось со мной...
Столицей распятой
Иду я домой).

V
Великую зиму
Я долго ждала,
Как белую схиму
Ее приняла.
И в легкие сани

Спокойно сажусь...
Я к вам, китежане,
До ночи вернусь.
За древней стоянкой
Один переход.
Теперь с китежанкой
Никто не пойдет:
Ни брат, ни соседка,
Ни первый жених, –
Лишь хвойная ветка
Да солнечный стих,
Оброненный нищим
И поднятый мной.
В последнем жилище
Меня упокой.
1940. 10–13 марта

II

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЦИКЛ

I

И та, что сегодня прощается с милым,
Пусть боль свою в силу она переплавит,
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит.
Июль 1941

II

ПЕРВЫЙ ДАЛЬНОБОЙНЫЙ
В ЛЕНИНГРАДЕ

И в пестрой суете людской
Все изменилось вдруг,
Но это был не городской,
Да и не сельский звук.
На грома дальнего раскат
Он, правда, был похож, как брат,
Но в громе влажность есть
Высоких нежных облаков
И вождедение лугов –
Веселых ливней весть.
А этот был, как пекло, сух,
И не хотел смятенный слух
Поверить по тому,
Как расширялся он и рос,
Как равнодушно гибель нес
Ребенку моему.

1941. Сентябрь

III

Птицы смерти в зените стоят.
Кто идет выручать Ленинград? –
Не шумите вокруг, он дышит,
Он живой еще, он все слышит,
Как на влажном балтийском дне
Сыновья его бредят во сне.
И из недр его вопли: «Хлеба!»
До седьмого восходят неба.
Пусть отворят райскую дверь,
Пусть помогут ему теперь.
1941. 28 сент.

Самолет

IV

НОХ

СТАТУЯ «НОЧЬ» В ЛЕТНЕМ САДУ

Ноченька!

В звездном покрывале,
В траурных маках, с бессонной совой,
Доченька!

Как мы тебя укрывали
Свежей садовой землей.
Пусты теперь Дионисовы чаши,
Заплаканы взоры любви...

Это проходят над городом нашим

Страшные сестры твои.

30 мая 1942

Ташкент

V

Памяти моего соседа,

ленинградского мальчика

Вали Смирнова

1

Щели в саду вырыты,

Не горят огни.

Питерские сироты,

Детоньки мои.

Под землей не дышится,

Боль сверлит висок,

Сквозь бомбежку слышится

Детский голосок.

2

Постучись кулачком – я открою.

Я тебе открывала всегда.

Я теперь за высокой горою,

За пустыней, за ветром и зноем,

Но тебя не предам никогда.

Твоего я не слышала стоны,

Хлеба ты у меня не просил.

Принеси же мне ветку клена

Или просто травинки зеленых,

Как ты прошлой весной приносил.

Принеси же мне горсточку чистой,

Нашей невиской студеной воды,

И с головки твоей золотистой

Я кровавые смою следы.

1941. 23 апр.

Ташкент

VI

ПОБЕДИТЕЛЯМ

Сзади Нарвские были ворота,

Впереди была только смерть,

Так советская шла пехота

Прямо в желтые жерла берт.

Вот о вас и напишут книжки:

«Жизнь свою за други своя»,

Незатейливые парнишки –

Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки –

Внуки, братики, сыновья.

1944. 29 февр.

Ташкент

VII*

27 ЯНВАРЯ 1944

И в ночи январской, беззвездной,

Сам дивясь небывалой судьбе,

Возвращенный из смертной бездны,

Ленинград салютует себе.

ПРИЧИТАНИЕ

Ленинградскую беду

Руками не разведаю,

Слезами не смою,

В землю не зарюю.

За версту я обойду

Ленинградскую беду.

Я не взглядом, не намеком,

Я не словом, не попреки,

Я земным поклоном

В поле зеленом

Помяну.

1944

Ленинград

Под № VII первоначально было записано стихотворение «А вы,

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
мои друзья последнего призыва...», затем перенесенное в другой раздел
книги (см. с. 288).

ИЗ ЭПИЛОГА

Моему городу

Так под кровлей фонтанного Дома,
Где вечерняя бродит истома
С фонарем и связкой ключей,
Я аюкалась с дальним эхом,
Неуместным смущая смехом
Непробудную сонь вещей,
Где, свидетель всего на свете,
На закате и на рассвете
Смотрит в комнату старый клен
И, предвидя нашу разлуку,
Мне иссохшую черную руку
Как за помощью тянет он.
А земля под ногой гудела,
И такая звезда глядела,
В мой еще не брошенный дом,
И ждала условного звука:
Это где-то там, у Тобрука,
Это где-то здесь за углом.
Ты не первый и не последний
Темный слушатель светлых бредней,
Мне какую готовишь месть?
Ты не выпьешь, только пригубишь
Эту горечь из самой глубины –
Это вечной разлуки весть.
Положи мне руку на темя,
Пусть теперь остановится время
На тобою данных часах.
Нас несчастье не минует,
1942 авг.

БЕЗ ДАТЫ

А человек, который для меня
Теперь никто, а был моей заботой
И утешеньем самых горьких лет, –
Уже бредет как призрак по окраинам,
По закоулкам и задворкам жизни,
Тяжелый, одурманенный безумьем,
С оскалом волчьим.
Боже, Боже, Боже!
Как пред Тобой я тяжко согрешила,
Оставь мне жалость хоть...
(13 янв. 1945)

И кукушка не закукует

В опаленных наших лесах.
А не ставший моей могилой,
Ты, гранитный, кромешный, милый,
Побледнел, помертвел, затих.
Разлучение наше мнимо:
Я с тобою неразлучима,
Тень моя на стенах твоих,
Отраженье мое в каналах,
Звук шагов в Эрмитажных залах,
И на гулких сводах мостов –
И на старом Волковом Поле,
Где могу я рыдать на воле
В чаще новых твоих крестов.

НЕИМКЕНН

(Вторая годовщина)

I

Нет, я не выплакала их.
Они внутри скипелись сами.
И все проходит пред глазами
Давно без них, всегда без них.

II

Без них меня томит и душит

Обиды и разлуки боль.
Проникла в кровь – трезвит и сушит
Их всежигающая соль.
Но мнится мне: в сорок четвертом,
И не в июня ль первый день,
Как на шелку возникла стертом
Твоя страдальческая тень.
Еще на всем печать лежала
Великих бед, недавних гроз, –
И я свой город увидала
Сквозь радугу последних слез.

31 мая 1946

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова.
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем –
Навеки!

23 февраля 1942

Ташкент

Справа раскинулись пустыри,
С древней, как мир, полоской зари.
Слева, как виселицы, фонари.

Раз, два, три...

А надо всем еще галочий крик, –
И помертвелого месяца лик
Совсем ни к чему возник.

Это – из песни не той и не той,
Это – когда будет век золотой,
Это – когда окончится бой,
Это – когда я встречу с тобой.

1944. 29 апр.

Ташкент

Опять подошли «незабвенные» даты
И нет среди них ни одной не проклятой.
И даже сегодняшний ветреный день
Преступно хранит прошлогоднюю тень,
Как тихий, но явственный стук из подполья,
И сердце на стук отзывается болью.

Я все заплатила до капли, до дна.

Я буду свободна, я буду одна...

Но ломятся в комнату липы и клены

Гудит и бесстыдствует табор зеленый

И к брюху мостов подкатила вода

И все как тогда, и все как тогда...

1945 [лето] 16 июня

Фонтанный Дом

ОСВОБОЖДЕННАЯ

Чистый ветер ели колышет,

Чистый снег заметает поля.

Больше вражьего шага не лышит,

Отдыхает моя земля.

1945

Ленинград

А в книгах я последнюю страницу
Всегда любила больше всех других, –

Когда уже совсем не интересны

Герой и героиня, и прошло

Так много лет, что никого не жалко,

И, кажется, сам автор

Уже начало повести забыл,

И даже «вечность поседела»,

Как сказано в одной прекрасной книге.

Но вот сейчас, сейчас
Все кончится, и автор снова будет
Бесповоротно одинок, а он
Еще старается быть остроумным
Или язвит, прости его, Господь! –
Прилаживая пышную концовку,
Такую, например:

«И только в двух домах
В том городе (название неизвестно)
Остался профиль кем-то обведенный
На белоснежной извести стены,
Не женский, не мужской, но полный тайны.
И, говорят, когда лучи луны
Зеленой, жесткой, среднеазиатской –
По этим стенам в полночь пробегают,
В особенности в новогодний вечер,
То слышится какой-то легкий звук,
Причем одни его считают плачем,
Другие разбирают в нем слова.
Но это чудо всем поднадоело.
Приезжих мало, местные привыкли.
И, говорят, в одном из тех домов
Уже ковром закрыт проклятый профиль».

1943. 25 ноября

Ташкент

ПАМЯТИ ДРУГА

И в день Победы, нежный и туманный,
Когда заря, как зарево, красна,
Вдовою у могилы безымянной
Хлопочет запоздалая весна.

Она с колен подняться не спешит,
Дохнет на почку и траву погладит,
И бабочку с плеча на землю ссадит,
И первый одуванчик распушит.

1945. 8 ноября

III

Я не была здесь лет семьсот,
Но ничего не изменилось.
Все так же льется Божья милость
С непререкаемых высот,
Все те же хоры звезд и вод,
Все так же своды неба черны,
Все тот же ветер носит зерна,
И ту же песню мать поет.

Он прочен – мой азийский дом,
И беспокоиться не надо.

Еще приду. Цвети, ограда,
Будь полон, чистый водоем.

5 мая 1944

Ташкент

S.

Это рысьи глаза твои, Азия,
Что-то высмотрели во мне,
Что-то выразнили подспудное
И рожденное тишиной,
И томительное, и трудное,
Как полдневный Термезский зной,
Словно вся прапамять в сознание
Раскаленной лавой текла,
Словно я свои же рыдания
Из чужих ладоней пила.

1945

Г. Г.

Заснуть огорченной,
Проснуться влюбленной,
Увидеть, как красен мак.
Какая-то сила

Сегодня входила
В твоё святилище, мрак!
Мангалочий дворик,
Как дым твой горек
И как твой тополь высок...

Шехерезада
Идет из сада...
Так вот ты какой, восток!

1942. Весна
Какая есть – желаю вам другую
Получше. Больше счастьем не торгую,
Как шарлатаны и оптовики...
Пока вы мирно отдыхали в Сочи,
Ко мне уже ползли такие ночи,
И я такие слышала звонки!
[Не знатной путешественницей в кресле
Я выслушала каторжные песни,
А способом узнала их иным...

.....]

Над Азией – весенние туманы,
И яркие до ужаса тюльпаны
Ковром заткали много сотен миль.
О, что мне делать с этой чистотой,
Что делать с неподкупностью простою?
О, что мне делать с этими людьми!
Мне зрительницей быть не удавалось,
И почему-то я всегда вклинялась
В запретнейшие зоны естества.
Целительница нежного недуга,
Чужих мужей вернейшая подруга
И многих безутешная вдова.
Седой венец достался мне недаром,
И щеки, опаленные пожаром,
Уже людей пугают смуглотой.
Но близится конец моей гордыне,
Как той, другой – страдальце Марине, –
Придется мне напиться пустотой.
И ты придешь под черной епанчою,
С зеленоватой страшною свечою,
И не откроешь предо мной лица...
Но мне недолго мучиться загадкой:
Чья там рука под белою перчаткой
И кто прислал ночною пришлеца?

24 июня 1942

Ташкент

НОВОСЕЛЬЕ

I

ХОЗЯЙКА

Е.С. Б-ой

В этой горнице колдунья
До меня жила одна:
Тень ее еще видна
Накануне полнолуния,
Тень ее еще стоит
У высокого порога,
И уклончиво и строго
На меня она глядит.
Я сама не из таких,
Кто чужим подвластен чарам,
Я сама... но, впрочем, даром
Тайн не выдаю своих.

5 авг. 1943

Ташкент

II

ГОСТИ

«...Ты пьян... И все равно пора нах хауз...»

Состарившийся Дон Жуан
И вновь помолодевший Фауст

Столкнулись у моих дверей
Из кабака и со свиданья,
Иль это было лишь ветвей
Под черным ветром колыханье,
Зеленой магией лучей,
Как ядом залитых, и все же
На двух знакомых мне людей
До отвращения похожих.

11 ноября 1943

III

ИЗМЕНА

Не оттого, что зеркало разбилось,
Не оттого, что ветер выл в трубе,
Не оттого, что в мысли о тебе
Уже чужое что-то просочилось, –
Не оттого, совсем не оттого
Я на пороге встретила его.

27 февраля 1944

Ташкент

IV

ГИБЕЛЬ

Как будто страшной песенки
Веселенький припев
Идет по шаткой лесенке,
Разлуку одолев.

Не я к нему, а он ко мне –
И голуби в окне...

ЯВЛЕНИЕ ЛУНЫ

I

Ал. К.

Из перламутра и агата,
Из задымленного стекла,
Так неожиданно покато
И так торжественно плыла, –
Как будто Лунная Соната
Нам сразу путь пересекла.

25 сент. 1944

II

Как в трапезной, скамейки, стол, окно
С огромною серебряной луною.

Мы кофе пьем и черное вино,
Мы музыкою бредим – все равно...

И двор в плуще,

И ты в плаще

По слову моему.

Не он ко мне, а я к нему –

Во тьму,

во тьму,

во тьму.

16 октября 1943

Ташкент

И зацветает ветка над стеною.
В изгнании сладость острая была,
Неповторимая, пожалуй, сладость.
Бессмертных роз, сухого винограда
Нам родина пристанище дала.

1945. Май

INTERIEUR

Когда лежит луна ломтем Чарджуйской дыни

На краешке окна, и духота кругом,

Когда закрыта дверь, и заколдован дом

Воздушной веткой голубых глициний,

И в чашке глиняной холодная вода,

И полотенца снег, и свечка восковая, –

Как для обряда все. И лишь, не уставая,

Грохочет тишина, –

Из страшной черноты Рембрандтовских углов

Склубится что-то вдруг и спрячется туда же,

Но я не встрепелюсь, не испугаюсь даже...
Здесь одиночество меня поймало в сети,
Хозяйкин черный кот глядит, как глаз столетий,
И в зеркале двойник не хочет мне помочь.
Я буду сладко спать. Спокойной ночи, ночь.
28 марта 1944

Ташкент

ВСТУПЛЕНИЕ

К ТАШКЕНТСКОЙ ПОЭМЕ

Все небо в рыжих голубях,
Решетки в окнах – дух гарема.
Как почка, набухает тема,
Мне не уехать без тебя, –
Моя Ташкентская поэма.
Но, может, вспомню на лету,
Как запылал Ташкент в цвету.
Весь белым пламенем объят,
Горяч, пахуч, замысловат,
Невероятен...

Так было в том году проклятом,
Когда опять мамзель Фифи
Хамила, как в семидесятом.
А мне переводить Лютфи,
Мне писем ждять перед закатом.
И яблони, прости их Боже,
Как от венца в любовной дрожи,
Арык на местном языке,
Сегодня пущенный, лепечет.
А я дописываю «Нечет»
Опять в предпесенной тоске.
До середины мне видна
Моя поэма. В ней прохладно,
Как в доме, где душистый мрак,
И окна заперты от зноя,
И где пока что нет героя,
Но крышу кровью залил мак...

1943. 8 ноября

Кто чего боится,
То с тем и случится, –
Ничего бояться не надо.
Эта песня пета,
Пета, да не эта,
А другая тоже
На нее похожа...

Боже!

Ташкент

ТАШКЕНТСКИЕ НАБРОСКИ

I

Все опять возвратится ко мне:
Раскаленная ночь и томленье,
Словно Азия бредит во сне,
Халимы соловьиное пенье,
И кровавых тюльпанов цветенье...
И незримое благословенье
Ветерком шелестнет по стране.

10 дек. 1943

II

И в памяти, словно в узорной укладке:
Седая улыбка всезнающих уст,
Могильной чалмы благородные складки
И царственный карлик – гранатовый куст.

16 марта 1944

Как ни стремилась к Пальмире я
Золотоглавой,
Но суждено здесь дожить мне до
Первой розы.
Персик цветет, и фиалок дым
Черно-лиловый...

Кто мне посмеет сказать, что здесь

Злая чужбина.

78 апр. 1944

Ташкент

IV

День шел за днем – и то и се

Как будто бы происходило

Обыкновенно, но чрез все

Уж одиночество сквозило.

Припахивало табаком,

Мышами, сундуком открытым

И обступало ядовитым

Туманцем.

1944

Ленинград

De profundis... Мое поколение

Мало меду вкусило. И вот

Только ветер гудит в отдалении,

Только память о мертвых поет.

Наше было не кончено дело,

Наши были часы сочтены.

До желанного водораздела,

До вершины великой весны*,

До неистового цветенья

Оставалось лишь раз вздохнуть...

Две войны, мое поколение,

Освещали твой страшный путь.

1944. 23 марта

Ташкент

ДВА ОТРЫВКА ИЗ ПОЭМЫ

БЕЗ НАЗВАНИЯ

I

(НА СМОЛЕНСКОМ)

А все, кого я на земле застала,

Вы, века прошлого дряхлеющий посев.

В автографе на л. 51 об., по-видимому, описка: «великой горы».

Вот здесь кончалось все: обеды у Донона,

Интриги и чины, балет, текущий счет...

На ветхом цоколе дворянская корона,

И ржавый ангелок сухие слезы льет.

Восток еще лежал непознанным пространством

И громыхал вдали, как грозный вражий стан,

А с Запада несло Викторианским чванством,

Летели конфетти, и подвывал канкан...

II

А вы, мои друзья последнего призыва,

Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.

Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,

А крикнуть на весь мир все ваши имена.

Да что там имена! – захлопываю святцы;

И на колени все – багровый хлынул свет,

Рядами стройными выходят ленинградцы,

Живые с мертвыми. Для Бога мертвых нет.

1942. Авг.

Дюрмснь

ПОДМОСКОВНОЕ

Е.В. и Св. Шервинским

Где на четырех высоких лапах

Колокольни звонкие бока

Поднялись, где в поле мятный запах,

И гуляют маки в красных шляпах,

И течет Московская река, –

Все бревенчато, дощато, гнуто...

Полноценно цедится минута

На часах песочных. – Этот сад

Всех садов и всех лесов дремучей,

И над ним, как над бездонной кручей,

Недреманное глядит из тучи

Словно много сотен лет назад.

1943. 1 сент.

Ташкент

ТРИ ОСЕНИ

И я наблюдала почти без ошибки
Три осени в каждом году.
И первая – праздничный беспорядок
Вчерашнему лету назло,
И листья летят, словно клочья тетрадок,
И запах дымка так ладанно-сладок,
Все влажно, пестро и светло.
И первыми в танец вступают березы,
Накинув сквозной убор,
Стряхнув второпях мимолетные слезы
На соседку через забор.
Но эта бывает – чуть начата повесть –
Минута, секунда – и вот
Приходит вторая – бесстрашна, как совесть,
Мрачна, как воздушный налет.
Все кажутся сразу бледнее и старше,
Разграблен летний уют,
И труб золотых отдаленные марши
В пахучем тумане плывут...
И в волнах холодных его фимиама
Закрыта высокая твердь,
Но ветер рванул, распахнулось и прямо
Всем стало понятно – кончается драма,
И это не третья осень – а смерть.

1943. 6 ноября

Ташкент

Наше священное ремесло
Существует тысячи лет.
С ним и без света миру светло,
Но еще ни один не сказал поэт,
Что мудрости нет, и старости, нет,
А может, и смерти нет.

1944. 25 июля

Ленинград

У кладбища направо пылил пустырь,
А за ним голубела река.
Ты сказал мне: «Офелия, иди в монастырь
Или замуж за дурака».
Принцы только такое всегда говорят,
Но я эту запомнила речь.
Пусть струится она сто веков подряд
Горностаевой мантией с плеч.

1909-1945

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЕ СТРОКИ

I

Пятым действием драмы
Веет воздух осенний,
Каждая клумба в парке
Кажется свежей могилой.
Справлена горькая тризна,
И больше нечего делать.
Что же я медлю, словно
Скоро случится чудо.
Так тяжелую лодку долго
У пристани слабой рукою
Удерживать можно, прощаясь
С тем, кто остался на суше.

II

Все души милых на высоких звездах.
Как хорошо, что некого терять
И можно плакать. Царскосельский воздух
Был создан, чтобы песни повторять.
У берега серебряная ива
Касается сентябрьских ярких вод.

Из прошлого восставши, молчалива
Ко мне навстречу тень моя идет.
Здесь столько лир повешено на ветки,
Но и моей, как будто, место есть...
А этот дождик, солнечный и редкий,
Мне утешенье и благая весть.

III

И царскосельские хранительные сени.

Пушкин

О, горе мне – они тебя сожгли...
И надругались над тобой злодеи.
Здесь был фонтан, высокие аллеи,
Громада парка древнего вдали,
Заря была самой себя алее,
В апреле запах прели и земли,
И первый поцелуй.

1945. 8 ноября

И увидел месяц лукавый,
Притаившийся у ворот,
Как свою посмертную славу
Я меняла на вечер тот.
Теперь меня позабудут,
И книги сгниют в шкафу...
Ахматовской звать не будут
Ни улицу, ни строфу.

1946. 27 янв.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Он прав – опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит...
Как памятник началу века,
Там этот человек стоит,
Когда он Пушкинскому Дому,
Прощаясь, помахал рукой
И принял смертную истому
Как незаслуженный покой.

1946. 7 июня

НАДПИСЬ НА ПОРТРЕТЕ

Т. В-ой

Дымное исчадье полнолуния,
Белый мрамор в сумраке аллей,
Роковая девочка, плясунья,
Лучшая из всех камней.
От таких и погибали люди.
За такой Чингиз послал посла,
И такая на кровавом блюде
Голову Крестителя несла.

1946. 15 июня

ПРЕДЫСТОРИЯ

Я теперь живу не там...

Пушкин

Россия Достоевского. Луна
Почти на четверть скрыта колокольней.
Торгуют кабаки, летят пролетки,
Пятиэтажные растут «громады» –
В Гороховой, у Знаменья, под Смольным. –
Везде танцклассы, вывески менял,
А рядом: Henriette, Basile, Andre
И пышные гроба – «Шумилов-старший».
Но, впрочем, город мало изменился.
Не я одна, но и другие тоже
Заметили, что он подчас умеет
Прикинуться старинной литографией,
Не первоклассной, но вполне пристойной,
Семидесятью, кажется, годов.
Особенно зимой, перед рассветом,
Иль в сумерки – тогда за воротами
Темнеет жесткий и прямой Литейный,
Еще не опозоренный модерном,

И визави меня живут – Некрасов
И Салтыков... Обоим по доске
Мемориальной. О, как было б страшно
Им видеть эти доски! Прохожу.
А в Старой Руссе пышные канавы,
И в садиках подгнившие беседки,
И стекла окон так черны, как прорубь,
Том 4. Не нет 1295
И мнится, там такое приключилось,
Что лучше не заглядывать, – уйдем!
Не с всяким местом сговориться можно,
Чтобы оно свою открыло тайну
(А в Оптиной мне больше не бывать).
Шуршанье юбок, клетчатые пледы,
Ореховые рамы у зеркал,
Каренинской красою изумленных,
И в коридорах узких те обои,
Которыми мы любовались в детстве
Под желтой керосиновой лампой,
И тот же плюш на креслах...
Все разночинно, наспех, как-нибудь...
Отцы и деды непонятны. Земли
Заложены. И в Бадене – рулетка.
И женщина с прозрачными глазами
(Такой глубокой синевы, что море
Нельзя не вспомнить, поглядевши в них),
С редчайшим именем и белой ручкой,
И добротой, которую в наследство
Я от нее как будто получила, –
Ненужный дар моей жестокой жизни...
Страну знобит, а старый эпилептик
Все понял и на всем поставил крест.
Вот он сейчас перемешает все
И сам над первозданным беспорядком,
Как некий дух, взнесется. Полночь бьет.
Перо скрипит, и многие страницы
Семеновским припахивают Плацом.
Так вот когда мы вздумали родиться
И, безошибочно отмерив время,
Чтоб ничего не пропустить из зрелищ
Невиданных, простились с небытьем.
1940. 3 сент. Ленинград – 1943. (окт.) Ташкент
ИЗ ЛЕНИНГРАДСКИХ ЭЛЕГИЙ

Т
Есть три эпохи у воспоминаний.
И первая – как бы вчерашний день.
Душа под сводом их благословенным,
И тело в их блаженствует тени.
Еще не замер смех, струятся слезы,
Пятно чернил не стерто со стола –
И, как печать на сердце, поцелуй,
Единственный, прощальный, незабвенный...
Но это продолжается недолго...
Уже не свод над головой, а где-то
В глухом предместье дом уединенный,
Где холодно зимой, а летом жарко,
Где есть паук и пыль на всем лежит,
Где истлевают пламенные письма,
Исподтишка меняются портреты,
Куда как на могилу ходят люди,
А возвратившись, моют руки мылом
И стряхивают беглую слезинку
С усталых век – и тяжело вздыхают...
Но тикают часы, весна сменяет
Одна другую, розовеет небо,
Меняются названья городов,
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, и не с кем вспоминать.

И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам.
И, раз проснувшись, видим, что забыли
Мы даже путь в тот дом уединенный,
И, задыхаясь от стыда и гнева,
Бежим туда, но (как во сне бывает)
Там все другое: люди, вещи, стены,
И нас никто не знает – мы чужие!
Мы не туда попали... Боже мой!
И вот когда горчайшее приходит:
Мы сознаем, что не могли б вместить
То прошлое в границы нашей жизни,
И нам оно почти что так же чуждо,
Как нашему соседу по квартире,
Что тех, кто умер, мы бы не узнали,
А те, с кем нам разлуку Бог послал,
Прекрасно обошлись без нас – и даже
Все к лучшему...
1945. 4 февр.

II

Нине Антоновне Ольшевской
Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.

Тютчев

Меня, как реку,
Жестокая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь, в другое русло,
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов.
О! Как я много зрелищ пропустила.
И занавес вздымался без меня
И так же падал. Сколько я друзей
Своих ни разу в жизни не встречала,
О, сколько очертаний городов
Из глаз моих могли бы вызвать слезы,
А я один на свете город знаю
И ощупью его во сне найду.
И сколько я стихов не написала,
И тайный хор их бродит вокруг меня
И, может быть, еще когда-нибудь
Меня замучит...
И женщина какая-то мое
Единственное место заняла,
Мое законнейшее имя носит,
Оставивши мне кличку, из которой
Я сделала, что можно...
Я не в свою, увы, могилу лягу.
Но иногда весенний шалый ветер,
Иль сочетанье слов в случайной книге,
Или улыбка чья-то вдруг потянут
Меня в несостоявшуюся жизнь.
В таком году произошло бы то-то,
А в этом – это: ездить, видеть, думать,
И вспоминать, и в новую любовь
Входить, как в зеркало, с тупым сознанием
Измены и еще вчера не бывшей
Морщинкой...
Но если бы оттуда посмотрела
Я на свою теперешнюю жизнь,
Я б умерла от зависти.
1945. 2 сент.

Кого когда-то называли люди
Царем в насмешку, Богом в самом деле,
Кто был убит – и чье орудье пытки
Согрето теплотой моей груди...
Вкусили смерть Свидетели Христовы,
И сплетницы-старухи, и солдаты,

И прокуратор Рима – все прошли.
Там, где когда-то возвышалась арка,
Где море билось, где чернел утес, –
Их выпили в вине, вдохнули с пылью жаркой
И с запахом бессмертных роз.
Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор – к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней – царственное слово.
1945

CINQUE

За тебя косою воды напьюсь.
О.М.

I

Как у облака на краю,
Вспоминаю я речь твою,
А тебе от речи моей
Стали ночи светлее дней.
Так, отторгнутые от земли,
Высоко мы, как звезды, шли.
Ни отчаянья, ни стыда
Ни теперь, ни потом, ни тогда,
Но живого и наяву,
Слышишь ты, как тебя зову.
И ту дверь, что ты приоткрыл,
Мне захлопнуть не хватит сил.
27 ноября 1945

II

Истлевают звуки в эфире,
И заря притворилась тьмой.
В навсегда онемевшем мире
Два лишь голоса: твой и мой.
И под ветер с незримых ладог,
Сквозь почти колокольный звон,
В легкий блеск перекрестных радуг
Разговор ночной превращен.
1945. 20 дек.

III

Я не любила с давних дней,
Чтобы меня жалели,
А с каплей жалости твоей
Иду, как с солнцем в теле.
Вот отчего вокруг заря.
Иду я, чудеса творя,
Вот отчего!

1945. 20 дек.

IV

Знаешь сам, что не стану славить
Нашей встречи горчайший день.
Что тебе на память оставить?
Тень мою – на что тебе тень?
Посвященье сожженной драмы,
От которой и пепла нет?
Или вышедший вдруг из рамы
Новогодний страшный портрет?
Или слышимый еле-еле
Звон березовых угольков,
Или то, что мне не успели
Досказать про чужую любовь?
1946. 6 янв.

V

Не дышали мы сонными маками,
И своей мы не знаем вины.
Под какими же звездными знаками
Мы на горе себе рождены? –
И какое кромешное варево
Поднесла нам январская тьма,
И какое незримое зарево

Нас до света сводило с ума?

1946. 11 янв.

[Мы с тобою, друг мой, не разделим
То, что разделить велел нам Бог,
Мы тобою скатерть не расстелем,
Не поставим на нее пирог.]
Черную и прочную разлуку
Я несусь с тобою наравне.
Что ж ты плачешь? – дай мне лучше руку,
Обещай опять прийти во сне.
Мне с тобою, как горе с горою...
Мне с тобой на свете встречи нет.
[Но весенней, лунною порою
Через звезды мне пришли привет.]
Только б ты полночною порою
Через звезды мне прислал привет.
1946. 15 февр.

И время прочь, и пространство прочь,
Я все разглядела сквозь белую ночь –
И нарцисс в хрустале
У тебя на столе,
И сигары синий дымок.
И то зеркало, где
Как в чистой воде,
Ты сейчас отразиться мог.
И время прочь, и пространство прочь...
Только ты мне не можешь помочь.

13 июня 1946

Многое еще, наверно, хочет
Быть воспетым голосом моим,
То, что бессловесное, грохочет,
Иль во тьме подземный камень точит,
Или пробивается сквозь дым.
У меня не выяснены счёты
С пламенем, и ветром, и водой...
Оттого-то мне мои дремоты
Вдруг такие распахнут ворота
И ведут за черною звездой.

1942

Ташкент

Я всем прощенье дарую
И в Воскресение Христа
Меня предавших в лоб целую,
А не предавшего – в уста.
1946 апр.

Москва

БЕГ ВРЕМЕНИ
Седьмой сборник
стихотворений
Анны Ахматовой
1962

ВЕРЕНИЦА ЧЕТВЕРОСТИШИЙ

Что войны, что чума? – конец их виден скорый,
Им приговор почти произнесен.
Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен?

1961

ИМЯ

Татарское, дремучее
Пришло из никогда.
К любой беде липучее.
Само оно – беда.
А слава лебедью плыла
Сквозь золотистый дым,
А ты, любовь, всегда была
Отчаяньем моим.
А тебе еще мало по-русски,
И ты хочешь на всех языках

Знать, как круты подъемы и спуски
И почему у нас совесть и страх.

1962

К СТИХАМ

Вы так вели по бездорожью,
Как в мрак падучая звезда.
Вы были горечью и ложью,
А утешеньем – никогда*.
Я всем прощенье дарую
И в Воскресение Христа
Меня предавших в лоб целую,
А не предавшего – в уста.

1948. На Пасхе

* В рукописи четверостишие «К стихам» имеет № I, а под №
вписано: «Хулимые, хвалимые...», являющееся восьмистишием:

II

Хулимые, хвалимые, Войдете вы в забвение.
Ваш голос прост и дик, Как люди входят в храм.
Вы – неперебиваемые Мое благословение
Ни на один язык. Я вам на это дам.

КОНЕЦ ДЕМОНА

Словно Врубель наш вдохновенный,
Лунный луч тот профиль чертил.
И поведал ветер блаженный
То, что Лермонтов утаил.

1961

Взоры огненной огня
И усмешка Леля...
Не обманывай меня.

Первое апреля!

1963. 31 марта, Комарове

И вовсе я не пророчица,
Жизнь светла, как горный ручей,
А просто мне петь не хочется –
Под звон тюремных ключей.

30-е годы

О своем я уже не заплачу,
Но не видеть бы мне на земле
Золотое клеймо неудачи
На еще безмятежном челе.

1962

В каждом древе Распятый Господь,
В каждом колосе тело Христово,
И молитвы пречистое слово
Исцеляет болящую плоть.

1946. Фонтанный Дом

И было сердцу ничего не надо, –
Когда пила я этот жгучий зной...
«Онегина» – воздушная громада,
Как облако стояло надо мной.

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ИЗ ЦИКЛА «ЮНОСТЬ»

Мои молодые руки
Тот договор подписали
Среди цветочных киосков
И граммофонного треска,
Под взглядом косым и пьяным
Газовых фонарей.

И старше была я века

Ровно на десять лет.

А на закат наложен
Был белый траур черемух,
Что осыпался мелким,
Душистым, сухим дождем...
И облака сквозили
Кровавой Цусимской пеной,
И плавно ландо катили
Теперешних мертвецов...

А нам бы тогдашний вечер
Показался бы маскарадом,
Показался бы карнавалом,
Феерией grand-gala...
От дома того ни щепки,
Та вырублена аллея,
Давно опочили в музее
Те шляпы и башмачки.
Кто знает, как пусто небо
На месте упавшей башни,
Кто знает, как тихо в доме,
Куда не вернулся сын.
Ты неотступен, как совесть,
Как воздух, всегда со мною –
Зачем же зовешь к ответу?
Свидетелей знаю твоих:
То Павловского вокзала
Накаленный музыкой купол

I

Один идет прямым путем,
Другой идет по кругу
И ждет возврата в отчий дом,
Ждет прежнюю подругу.
А я иду – за мной беда,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.

1940

II

Но я предупреждаю вас,
Что я живу в последний раз.
Ни ласточкой, ни кленом,
Ни тростником и ни звездой,
Ни родниковой водой,
Ни колокольным звоном –
Не стану я людей смущать
И сны чужие навещать
Неутоленным стоном.
И водопад белогривый
У Бабловского дворца.
1940. Фонтанный Дом (осень?)
Так отлетают темные души...
«Я буду бредить, а ты не слушай.
Зашел ты нечаянно, ненароком,
Ты никаким ведь не связан сроком,
Побудь же со мною теперь подольше.
Помнишь, мы были с тобою в Польше?
Первое утро в Варшаве... Кто ты?
Ты уж другой или третий? – «Сотый!» –
А голос совсем такой, как прежде.
Знаешь, я годы жила в надежде,
Что ты вернешься – и вот не рада.
Мне ничего на земле не надо:
Ни громов Гомера, ни Дантова дива,
Скоро я выйду на берег счастливый,
И Троя не пала, и жив Эбани.
И все потонуло в душистом тумане.
Я б задремала под ивой зеленой,
Да нет мне покоя от этого звона.
Что он? – то с гор возвращается стадо,
Только в лицо не дохнула прохлада.
Или идет священник с Дарами,
А звезды на небе и ночь над горами,
Или сзывают народ на вече?»
– «Нет, это твой последний вечер!»

1940

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит.

Крапиве, чертополоху
Украстить ее предстоит.
И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!
И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идет.
А после она выплывает,
Как труп на весенней реке, –
Но матери сын не узнает,
И внук отвернется в тоске.
И клонятся головы ниже,
Как маятник, ходит луна.
Так вот – над погибшим Парижем
Такая теперь тишина.
Не прислал ли лебедя за мною,
Или лодку, или черный плот?
Он в шестнадцатом году весной
Обещал, что скоро сам придет.
Мне его еще смеются очи
И теперь, шестнадцатой весной.
Что мне делать? Ангел полуночи
До зари беседует со мной.

1936

Москва (Нащокинский у Ардовых)
Если плещется лунная жуть,
Город весь в ядовитом растворе,
Без малейшей надежды заснуть
Вижу я сквозь зеленую муть
И не детство мое, и не море,
И не траурниц брачный полет
Над грядой царскосельских нарциссов
В тот какой-то шестнадцатый год, –
А застывший навек хоровод
Надмогильных твоих кипарисов.

1928

ПОСЛЕДНЕЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

У меня одна дорога:
От окна и до порога.
Лагерная песня

I

День шел за днем – и то и се
Как будто бы происходило
Обыкновенно, но чрез все
Уж одиночество сквозило.
Припахивало табаком,
Мышами, сундуком открытым
И обступало ядовитым
Туманцем...

1944. Лето

Ленинград

II

Лучше б я по самые плечи
Вбила в землю проклятое тело,
Если б знала, чему навстречу,
Обгоняя солнце – летела.

1944, июль

Ленинград

МУЗЫКА

д. д. ш.

В ней что-то чудотворное горит,
И на глазах ее края гранятся.
Забудут? – вот чѐм удивили!
Меня забывали сто раз.
Сто раз я лежала в могиле,
Где, может быть, я и сейчас.
А Муза и глохла и слеpla,
В земле истлевала зерном,
Чтоб после, как феникс из пепла,

В эфире восстать голубом.

21 февраля 1957. Ленинград

Опять подошли «незабвенные даты».

И нет среди них ни одной не проклятой.

Но самой проклятой восходит заря,

Я знаю, колотится сердце не зря –

От звонкой минуты пред бурей морскою

Оно наливается мутной тоскою.

Она одна со мною говорит,

Когда другие подойти боятся.

Когда последний друг отвел глаза,

Она была со мной в моей могиле

И пела, словно первая гроза

Иль будто все цветы заговорили.

1958

Последние четыре строки вписаны Ахматовой от руки.

На прошлом я черный поставила крест,

Чего же ты хочешь, товарищ Зюйд-Вест?

Что ломаются в комнату липы и клены,

Гудит и бесчинствует табор зеленый,

И к брюху мостов подкатила вода,

И всё как тогда, и всё как тогда...

А в Мраморном крайнее пусто окно*,

Там пью я с тобой ледяное вино.

И там прощаюсь с тобою навек,

Мудрец и безумец – дурной человек.

1944. Лето

Фонтанный Дом

ПРИМОРСКИЙ СОНЕТ

Здесь все меня переживет,

Все, даже ветхие скворешни

И этот воздух, воздух вешний,

Морской свершивший перелет.

И голос вечности зовет

С неодолимостью нездешней,

И над цветущею черешней

Сиянье легкий месяц льет.

И кажется такой нетрудной,

Белея в чаще изумрудной,

Дорога не скажу куда...

Там средь стволов еще светлее,

И всё похоже на аллею

У царскосельского пруда.

/958. Комарове

ЛЕТНИЙ САД

Я к розам хочу, в тот единственный сад,

Где лучшая в мире стоит из оград.

Где статуи помнят меня молодой,

А я их под невскою помню водой.

В душистой тиши между царственных лип

Мне мачт корабельных мерещится скрип.

И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,

Любуясь красой своего двойника.

И замертво спят сотни тысяч шагов

Врагов и друзей, друзей и врагов.

А шествию теней не видно конца

От вазы гранитной до двери дворца.

Там шепчутся белые ночи мои

О чьей-то высокой и тайной любви.

И все перламутром и яшмой горит,

Но света источник таинственно скрыт.

1959. Лето

ПОРТРЕТ АВТОРА В МОЛОДОСТИ

Он не траурный, он не мрачный,

Он почти как сквозной дымок,

Полуброшенной новобрачной

Черно-белый легкий венок,

А под ним тот профиль горбатый.

И парижской челки атлас,
И зеленый, продолговатый,
Очень зорко видящий глаз.
ПОДВАЛ ПАМЯТИ

О, погреб памяти.

Хлебников

Но сущий вздор, что я живу грустя
И что меня воспоминанье точит.
Не часто я у памяти в гостях,
Да и она меня всегда морочит,
Когда спускаюсь с фонарем в подвал,
Мне кажется – опять глухой обвал
Уже по узкой лестнице грохочет.
Чадит фонарь, вернуться не могу,
А знаю, что иду туда, к врагу.
И я прошу как милости... Но там
Не стражай меня грозной судьбой
И великою северной скукой.
Нынче праздник наш первый с тобой,
И зовут этот праздник – разлукой.
Ничего, что не встретим зарю,
Что луна не блуждала над нами,
Я сегодня тебя одарю
Небывальми в мире дарами:
Отраженьем моим на воде
В час, как речке вечерней не спится,
Взглядом тем, что падучей звезде
Не помог в небеса возвратиться.
Эхом голоса, что изнемог,
А тогда был и свежий и летний, –
За*. 870

Темно и тихо. Мой окончен праздник!
Уж тридцать лет, как проводили дам,
От старости скончался тот проказник...
Я опоздала. Экая беда!

Нельзя мне показаться никуда.
Но я касаюсь живописи стен
И у камина греюсь. Что за чудо!
Сквозь эту плесень, этот чад и тлен
Сверкнули два зеленых изумруда.
И кот мяукнул. Ну, идем домой!
Но где мой дом и где рассудок мой?
18 января 1940

Чтоб ты слышать без трепета мог
Воронья подмосковного сплетни,
Чтобы сырость октябрьского дня
Стала слаще, чем майская нега...
Вспоминай же, мой ангел, меня,
Вспоминай хоть до первого снега.

Москва

Ярославское шоссе

ОТРЫВОК

...И мне показалось, что это огни
Со мною летят до рассвета,
И я не дозналась – какого они,
Глаза эти странные, цвета.
И все трепетало и пело вокруг,
И я не узнала – ты враг или друг,
Зима это или лето.

Москва. 1959

МАРТОВСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Прошлогодних сокровищ моих
Мне надолго, к несчастью, хватит,
Знаешь сам, половины из них
Злая память никак не истратит:
Набок сбившийся куполок,
Грай вороний, и вопль паровоза,
И как будто отбившая срок

Ковылявшая в поле береза,
И огромных библейских дубов
Полуночная тайная сходка,
И из чьих-то приплывшая снов
И почти затонувшая лодка...
Побелив эти пашни чуть-чуть,
Там предзимье уже побродило,
Дали все в непроглядную мусть
Ненароком оно превратило.
И казалось, что после конца
Никогда ничего не бывает...
Кто же бродит опять у крыльца
И по имени нас окликает?
Кто приник к ледяному стеклу
И рукою, как веткою, машет?..
А в ответ в паутином углу
Зайчик солнечный в зеркале пляшет.
то ?

ИЗ КНИГИ «ВЕНОК МЕРТВЫМ»
УЧИТЕЛЬ

Памяти Иннокентия Анненского
А тот, кого учителем считаю,
Как тень прошел и тени не оставил,
Весь яд впитал – всю эту одурь выпил,
И славы ждал... Он славы не дождался, –
Он был предвестьем, предзнаменованием
Всего, что с нами после совершилось,
Всех пожалел, во всех вдохнул томленья –
И задохнулся...

1945

De profundis! Мое поколение
Мало меду вкусило. И вот
Только ветер гудит в отдаленьи,
Только память о мертвых поет.
Наше было не кончено дело,
Наши были часы сочтены,
До желанного водораздела,
До вершины великой весны,
До неистового цветенья
Оставалось лишь раз вздохнуть.
Две войны, мое поколение,
Освещали твой страшный путь.

23 марта 1944

Ташкент

О. Мандельштаму
над ними склонюсь, как над чашей,
них заветных заметок не счесть –
НАС ЧЕТВЕРО

(Комаровскиг наброски)

Ужели и гитане гибкой

Все муки Данта суждены?

О. м.

Таким я вижу облик Ваш и взгляд.

Б. П.

О, Муза Плача...

м. ц.

...и отступилась я здесь от всего,
От земного всякого блага,
Духом, хранителем «места сего»
Стала лесная коряга.
Все мы немного у жизни в гостях,
Жить – это только привычка.
Чудится мне на воздушных путях
Двух голосов перекличка. –
Двух? А еще у восточной стены,
В зарослях крепкой малины,
Темная, свежая ветвь бузины...
Это – письмо от Марины.

1961, ноябрь

Гавань, больница

Окровавленной юности нашей

Это черная нежная весть.

Тем же воздухом, так же над бездной

Я дышала когда-то в ночи,

В той ночи и пустой и железной,

Где напрасно зови и кричи.

О, как пряно дыханье гвоздики,

Мне когда-то приснившейся там, –

Там, где кружатся Эвридики,

Бык Европу везет по волнам,

Там, где наши проносятся тени

Над Невою, над Невою, над Невою.

Там, где плещет Нева о ступени, –

Это пропуск в бессмертие твой.

Это ключики от квартиры,

О которой теперь ни гу-гу...

Это голос таинственной лиры,

На загробном гостящей лугу.

1957

ПОЗДНИЙ ОТВЕТ

М. Ц.

Белорученка моя, чернокнижника

Невидимка, двойник, пересмешник...

Что ты прячешься в черных кустах? –

То забьешься в дырявый скворешник,

То блеснешь на погибших крестах...

То кричишь из Маринкиной башни:

Борису Пастернаку

И снова осень валит Тамерланом,

В арбатских переулках – тишина.

За полустанком или за туманом

Дорога непроезжая черна.

Так вот она, последняя! И ярость

Стихает – все равно что мир оглох...

Могучая Евангельская старость

И тот горчайший Гефсиманский вздох.

«Я сегодня вернулась домой,

Полюбуйтесь, родимые пашни,

Что за это случилось со мной!

Поглотила любимых пучина,

И разграблен родительский дом...»

Мы сегодня с тобою, Марина,

По столице полночной идем,

А за нами таких миллионы,

И безмолвнее шествия нет...

А вокруг погребальные звоны

Да московские хриплые стоны

Вьюги, наш заматающей след.

1940. 16 марта

ФОНТАННЫЙ ДОМ

ПАМЯТИ БОРИСА ПАСТЕРНАКА

Как птица, мне ответит эхо.

Б. П.

I

Умолк вчера неповторимый голос,

И нас покинул собеседник роц,

Он превратится в жизнь дающий колос

Или в тончайший, им воспетый дождь.

И все цветы, что только есть на свете,

Навстречу этой смерти расцвели.

Но сразу стало тихо на планете,

Носящей имя скромное... Земли.

1960

В больнице

Москва

II

Словно дочка слепого Эдипа,
Муза к смерти провидца вела,
А одна сумасшедшая липа
В этом траурном мае цвела –
Прямо против окна, где когда-то
Он поведал мне, что перед ним
Вьется путь золотой и крылатый,
Где он Вышнею волей- храним.

1960

Москва

Памяти Бориса Пильняка

Все это разгадаешь ты один...
Когда бессонный мрак вокруг клокочет,
Тот солнечный, тот ландышевый клин
Врывается во тьму декабрьской ночи, –
И по тропинке я к тебе иду,
И ты смеешься беззаботным смехом,
Но хвойный лес и камыши в пруду
Ответствуют каким-то странным эхом.
О, если этим мертвого бужу,
Прости меня, я не могу иначе:
Я о тебе, как о своем, тужу
И каждому завидую, кто плачет,
Кто может плакать в этот страшный час
О тех, кто там лежит на дне оврага...
Но выкипела, не дойдя до глаз,
Глаза мои не освежила влага.

Н.П.

И сердце то уже не отзовется
На голос мой, ликуя и скорбя.
Все кончено... И песнь моя несется
В пустую ночь, где больше нет тебя.

М.З.

Словно дальнему голосу внемлю,
А вокруг ничего, никого.
В эту черную добрую землю
Вы положите тело его.

Ни гранит, ни плакучая ива
Прах легчайший не осенят,
Только ветры морские с залива,
Чтоб оплакать его, прилетят...

1958. Комарова

Лето

ПАМЯТИ АНТЫ

Пусть это даже из другого цикла...
Мне видится улыбка ясных глаз,
И «умерла» так жалостно приникло
К прозванью милому,
как будто первый раз
я слышала его.

/960

Памяти М. Булгакова

Вот это я тебе, взамен могильных роз,
Взамен кадильного куренья;
Ты так сурово жил и до конца донес
Великолепное презренье.
Ты пил вино, ты как никто шутил
И в душных стенах задышался,
И гостью страшную ты сам к себе впустил
И с ней наедине остался.
И нет тебя, и все вокруг молчит
О скорбной и высокой жизни,
Лишь голос мой, как флейта, прозвучит
И на твоей безмолвной тризне.
О, кто подумать мог, что полоумной мне,
Мне, плакальщице дней не бывших,
Мне, тлеющей на медленном огне,
Всех пережившей, все забывшей,

Придется поминать того, кто, полный сил,
И светлых замыслов, и воли,
Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь смертельной боли.

март 1940

Фонтанный Дом

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ 30-х годов*

I

ПОСВЯЩЕНИЕ

Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними – «каторжные норы»
И смертельная тоска.
Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат.
Мы не знаем. Мы повсюду те же.
Слышим лишь ключей постылый скрежет
Да шаги тяжелые солдат.
Подымались, как к обедне ранней.
По столице одичалой шли.
Там встречались, мертвых бездыханней,
Солнце ниже и Нева туманней...
А надежда все поет вдали.
Приговор. И сразу слезы хлынут.

Ото всех уже отделена.

Словно с болью жизнь из сердца вынут,

* Далее в некоторых вариантах планов и рукописей книги «Бег времени» 1962–1963 гг. следуют либо цикл «Requiem (1935–1941)», либо раздел «Из стихотворений 30-х годов», куда включены также и отдельные части «Реквиема» как самостоятельные стихотворения. Печатаем раздел «Из стихотворений 30-х годов» в соответствии с перечнем этого раздела в машинописной копии РГАЛИ, ф. 13, оп. 1, ел. хр. 80. Текст выверен по машинописи РГАЛИ, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 84.

Словно грубо навзничь опрокинут,

Но идет... шатается... одна...

Где теперь невольные подруги

Двух моих осатанелых лет?

Что им чудится в сибирской вьюге?

Что мерещится им в лунном круге?

Им я шлю прощальный свой привет.

март 1940

Уводили тебя на рассвете.

За тобой, как на выносе, шла.

В темной горнице плакали дети.

У божницы свеча оплыла.

На губах твоих холод иконки,
Смертный пот на челе... не забыть!

Буду я, как стрелецкие женки,

Под кремлевскими башнями выть.

1935

Нет, это не я, это кто-то другой страдает.

Я бы так не могла. А то, что случилось,

Пусть черные сукна покроют.

И пусть унесут фонари.

Ночь.

ПРИГОВОР

И упало каменное слово

На мою еще живую грудь.

Ничего, ведь я была готова,

Справлюсь с этим как-нибудь.

У меня сегодня много дела:

Надо память до конца убить,

Надо, чтоб душа окаменела,

Надо снова научиться жить.

А не то... Горячий шелест лета

Словно праздник за моим окном.

Я давно предчувствовала этот

Светлый день и опустелый дом.

1939

К СМЕРТИ

Ты все равно придешь. Зачем же не теперь?
Я жду тебя. Мне очень трудно.
Я потушила свет и отворила дверь
Тебе, такой простой и чудной.
Прими для этого какой угодно вид,
Ворвись отравленным снарядом,
Иль с гирькой подкрадись как опытный бандит,
Иль отрави тифозным чадом,
Иль сказочкой, придуманной тобой
И всем до тошноты знакомой,
Чтоб я увидела верх шапки голубой
И бледного от страха управдома.
Уже безумие крылом
Души накрыло половину,
И поит огненным вином,
И манит в черную долину.
И поняла я, что ему
Должна я уступить победу,
Прислушиваясь к своему
Уже как бы к чужому бреду.
И не позволит ничего
Оно мне унести с собою,
Как ни упрашивать его
И как ни докучать мольбою.
Ни сына страшные глаза –
Окаменелое страданье, –
Ни день, когда пришла гроза,
Ни час тюремного свиданья,
Ни милую прохладу рук,
Ни лип взволнованные тени,
Ни отдаленный легкий звук –
Слова последних утешений.

4 мая 1940

Мне все равно теперь. Струится Енисей,
Звезда полярная сияет.
И синий блеск возлюбленных очей
Последний ужас затмевает.

19 августа 1939

Фонтанный Дом

РАСПЯТИЕ

«Не рыдай мене, мати.
во гробе [сущу] зрящи»

1

Хор ангелов великий час восславил.
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто меня оставил!»
А матери: «О не рыдай мене...»

2

Магдалина билась и рыдала.
Ученик любимый каменел.
А туда, где молча мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

1940

Фонтанный Дом

ЭПИЛОГ

1

Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жесткие страницы
Страдание выводит на щеках,
Как локоны из пепельных и черных
Серебряными делаются вдруг,
Улыбка вянет на губах покорных,
И в сухоньком смешке дрожит испуг.
И я молюсь не о себе одной,

А обо всех, кто там стоял со мною
И в лютый холод, и в июльский зной
Под красною ослепшею стеною.

2

Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас.
И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,
И ту, что, красивой потрянув головой,
Сказала: «Сюда прихожу, как домой».
Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.
Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.
О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде.
И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомильонный народ,
Пусть так же оне поминают меня
В канун моего погребального дня.
А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне, –
Согласье на это даю торжество,
Но только с условием: не ставить его
Ни около моря, где я родилась
(Последняя с морем разорвана связь),
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.
Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забыть громыхание черных марушь,
Забыть, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.
И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слезы струится подтаявший снег,
И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

Около 10 марта 1940

Фонтанный Дом

[Записано 29 октября 1962. Москва]

II

Привольем пахнет дикий мед,
Пыль – солнечным лучом,
Фиалкою – девичий рот,
А золото – ничем.
Водою пахнет резеда
И яблоком – любовь,
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь...
И напрасно наместник Рима
Мыл руки пред всем народом
Под зловещие крики черни
И Шотландская королева
Напрасно с узких ладоней
Стирала красные брызги
В душном мраке царского дома.

1937

[СТАНСЫ

Стрелецкая луна. Замоскворечье. Ночь.
Как крестный ход идут часы Страстной Недели...
Я вижу страшный сон. Неужто в самом деле
Никто, никто, никто не может мне помочь?
В Кремле не надо жить, – Преображенец прав,
Там зверства древнего еще кишат микробы:
Бориса дикий страх, и всех Иванов злобы,
И Самозванца спесь взамен народных прав.]

1940

Москва

НЕМНОГО ГЕОГРАФИИ

О.М.

Не столицей европейской
С первым призом за красоту –
Душной ссылкой енисейской,
Пересадкою на Читу,
На Ишим, на Иргиз безводный,
На прославленный Акбасар,
Пересылкою в лагерь Свободный,
В трупный сумрак прогнивших нар, –
Показался мне город этот
Этой полночью голубой,
Он, воспетый первым поэтом,
Нами грешными – и тобой.

[В лесу голосуют деревья.

Н.Заболоцкий]

И вот, наперекор тому,
Что смерть глядит в глаза,
Опять по слову твоему
Я голосую за:
То, чтоб дверью стала дверь,
Звонок опять звонком,
Чтоб сердцем стал угрюмый зверь
В груди. А дело в том,
Что суждено нам всем узнать,
Что значит третий год не спать,
Что значит утром узнавать
О тех, кто в ночь погиб.

С АРМЯНСКОГО

Я приснюсь тебе черной овцою
На нетвердых, сухих ногах,
Подойду, заблею, завою:
«Сладко ль ужинал, падишах?
Я знаю, с места не сдвинуться
Под тяжестью Виевых век.
О, если бы вдруг откинуться
В какой-то семнадцатый век.
С душистою веткой березовой
Под Троицу в церкви стоять,
С боярынею Морозовой
Сладимый медок попивать,
А после на дровнях в сумерки
В навозном снегу тонуть...
Какой сумасшедший Суриков
Мой последний напишет путь?

ЗАКЛИНАНИЕ

Из тюремных ворот,
Из заохтенских болот,
Путем нехоженым,
Лугом некошеным,
Сквозь ночной кордон,
Под пасхальный звон,
Ты вселенную держишь, как бусу,
Светлой волей Аллаха храним...
И пришелся ль сынок мой по вкусу
И тебе и деткам твоим?»

Незванный,

Несуженый, –

Приди ко мне ужинать.

ТАШКЕНТСКИЕ СТРАНИЦЫ

Это рысьи глаза твои, Азия,
Что-то высмотрели во мне,
Что-то выразнили подспудное,
И рожденное тишиной,
И томительное, и трудное,
Как полдневный Термезский зной.
Словно вся прапамять в сознание

Раскаленной лавой текла,
Словно я свои же рыдания
Из чужих ладоней пила.

1945

В ТИФУ

Где-то ночка молодая,
Звездная, морозная...
Ой, худая, ой, худая
Голова тифозная.
Про себя воображает,
На подушке мечется,
Знать не знает, знать не знает,
Что во всем ответчица,
Что за речкой, что за садом
Кляча с гробом тащится,
Меня под землю не надо б,
Я одна – рассказчица.

1942. Ташкент. ТАШМИ

(в тифозном бреду)

I

Как ни стремилась к Пальмире я
Золотоглавой,
Но суждено мне дожить здесь до
Первой розы.
Персик цветет, и фиалок дым
Черно-лиловый...
Кто мне посмеет сказать, что здесь
Злая чужбина.

II

Разве я стала совсем не та,
Что там, у моря,
Разве забыли мои уста
Твой привкус, горе?!
На этой древней сухой земле
Я снова дома...
Китайский ветер поет во мгле,
И все знакомо...

1944. Ташкент

СМЕРТЬ

I

Я была на краю чего-то,
Чему верного нет названья...
Зазывающая дремота,
От себя самой ускользанье...

II

А я уже стою на подступах к чему-то,
Что достается всем, но разной ценой...

INTERIEUR

Когда лежит луна ломтем Чарджуйской дыни
На краешке окна, и духота кругом,
Когда закрыта дверь, и заколдован дом
Воздушной веткой голубых глициний,
И в чашке глиняной холодная вода,
И полотенца снег, и свечка восковая,
Горит, как в детстве, мотыльков сзывая,
Грохочет тишина, моих не слыша слов,
Тогда из черноты Рембрандтовских углов
Склубится что-то вдруг и спрячется туда же,
Но я не встрепелюсь, не испугаюсь даже...
Здесь одиночество меня поймало в сети.
Хозяйкин черный кот глядит, как глаз столетий,
И в зеркале двойник не хочет мне помочь.
Я буду сладко спать. Спокойной ночи, ночь.

1944. Ташкент

Весна. Балахона

Я не была здесь лет семьсот,
Но ничего не изменилось.
Все так же льется Божья милость

С непререкаемых высот,
Все те же хоры звезд и вод,
Все так же своды неба черны,
Все тот же ветер носит зерна,
И ту же песню мать поет.
Он прочен – мой азийский дом,
И беспокоиться не надо.
На этом корабле есть для меня каюта
И ветер в парусах и страшная минута
Прощания с моей родной страной.
Дюрмень. 1942. Август

III

И комната, в которой я болею,
В последний раз болею на земле,
Как будто упирается в аллею
Могучих белоствольных тополей,
А этот первый – это самый главный,
В величии своем самодержавный,
Но как заплещет, возликует он,
Когда, минуя тусклое оконце,
Моя душа взлетит, чтоб встретить солнце,
И смертный уничтожит сон.
Еще приду. Цвети, ограда!
Будь полон, чистый водоем!

1944. Ташкент

...Я сошел с ума.

Из застольного тоста
В ту ночь мы сошли друг от друга с ума,
Светила нам только зловещая тьма,
Свое бормотали арыки,
И Азией пахли гвоздики.
И мы проходили сквозь город чужой,
Сквозь дымную песнь и полуночный зной, –
Одни под созвездием Змея,
Взглянуть друг на друга не смея.
То мог быть Каир или даже Багдад,
Но, увы, не Варшава, не Ленинград, –
И горькое это несходство
Душило, как воздух сиротства.
И чудилось: рядом шагают века,
И в бубен незримая била рука,
И звуки, как тайные знаки,
Пред нами кружились во мраке.
Мы были с тобою в таинственной мгле,
Как будто бы шли по ничейной земле,
Но месяц алмазной фелукой
Вдруг выплыл над встречей-разлукой...
И если вернется к тебе эта ночь,
Ее не гони, как проклятую, прочь,
И знай, что приснилась кому-то
Священная эта минута.

1959 Ленинград

Какая есть. Желая вам другую,
Получше. Больше счастьем не торгую,
Как шарлатаны и оптовики...
Пока вы мирно отдыхали в Сочи,
Ко мне уже ползли такие ночи,
И я такие слышала звонки!
Не знатной путешественницей в кресле
Я выслушала каторжные песни,
А способом узнала их иным...
Над Азией – весенние туманы,
И яркие до ужаса тюльпаны,
Ковром заткали много сотен миль.
О, что мне делать с этой чистотой,
Что делать с неподкупностью простотой?
О, что мне делать с этими людьми?
Мне зрительницей быть не удавалось,

И почему-то я всегда вторгалась
В запретнейшие зоны естества.
Целительница нежного недуга,
В машинописной копии РГАЛИ (ф. 13, оп. 1, ед. хр. 80) текст
обозначен первой строкой (на л. 44), далее – начиная от строки: «Седой
венец достался мне недаром».
Чужих мужей вернейшая подруга
И многих – безутешная вдова.
Седой венец достался мне недаром,
И щеки, опаленные пожаром,
Уже людей пугают смуглотой.
Но близится конец моей гордыне,
Как той, другой – страдальце Марине, –
Придется мне напиться пустотой.
И ты придешь под черной епанчой,
С зеленоватой страшною свечой,
И не откроешь предо мной лица,
Но мне не долго мучиться загадкой,
Чья там рука под белою перчаткой
И кто прислал ночного пришлеца.
24 июня 1942. Ташкент
ИЗ ЦИКЛА

«ЛЕНИНГРАДСКИЕ ЭЛЕГИИ»

ЧЕТВЕРТАЯ

Меня, как реку,
Жестокая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь, в другое русло,
Мимо другого потекла она.
И я своих не знаю берегов.
О! как я много зрелищ пропустила.
И занавес вздымался без меня
И так же падал. Сколько я друзей
Своих ни разу в жизни не встречала.
О, сколько очертаний городов
Из глаз моих могли бы вызвать слезы,
А я один на свете город знаю
И ощупью его во сне найду.
О, сколько я стихов не написала,
И тайный хор их бродит вокруг меня
И, может быть, еще когда-нибудь
Меня задушит...
Мне ведомы начала и концы,
И жизнь после конца, и что-то,
О чем теперь я лучше промолчу.
И женщина какая-то мое
Единственное место заняла,
Мое законнейшее имя носит,
Оставивши мне кличку, из которой
Я сделала, пожалуй, все, что можно...
Я не в свою, увы, могилу, лягу.
Но иногда весенний шалый ветер,
Иль сочетание слов в случайной книге,
Или улыбка чья-то вдруг потянут
Меня в несостоявшуюся жизнь.
В таком году произошло бы то-то,
А в этом – это: ездить, видеть, думать,
И вспоминать и в новую любовь
Входить как в зеркало, с тупым сознанием
Измены и еще вчера не бывшей
Морщинкой...
Но если бы оттуда посмотрела
Я на свою теперешнюю жизнь,
Я б умерла от зависти.
1945. Фонтанный Дом
2 сентября
(Задумано еще в Ташкенте)

ПЯТАЯ

Есть три эпохи у воспоминаний.

И первая – как бы вчерашний день.
Душа под сводом их благословенным
И тело в их блаженствует тени.
Еще не замер смех, струятся слезы,
Пятно чернил не стерто со стола
И, как печать на сердце, поцелуй –
Единственный, прощальный, незабвенный...
Но это продолжается недолго...
Уже не свод над головой, а где-то
В глухом предместье дом уединенный,
Где холодно зимой, а летом жарко,
Где есть паук, и пыль на всем лежит,
Где истлевают пламенные письма,
Исподтишка меняются портреты,
Куда, как на могилу, ходят люди,
А возвратившись, моют руки мылом
И стряхивают беглую слезинку
С усталых век – и тяжело вздыхают...
Но тикают часы, весна сменяет
Одна другую, розовеет небо,
Меняются названья городов,
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать.
И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам.
И, раз проснувшись, видим, что забыли
Мы даже путь в тот дом уединенный,
И, задыхаясь от стыда и гнева,
Бежим туда, но (как во сне бывает)
Там все другое: люди, вещи, стены,
И нас никто не знает – мы чужие!
Мы не туда попали... Боже мой!
И вот когда горчайшее приходит:
Мы сознаем, что не могли б вместить
То прошлое в границы нашей жизни,
И нам оно почти что так же чуждо,
Как нашему соседу по квартире,
Что тех, кто умер, мы бы не узнали,
А те, с кем нам разлуку Бог послал,
Прекрасно обошлись без нас – и даже
Всё к лучшему...

/945

Фонтанный Дом

ПЕСЕНКИ

первая

ДОРОЖНАЯ

(Голос из темноты)

кто чего боится,
То с тем и случится, –
Ничего бояться не надо.

Эта песня пета,
Пета, да не эта,

А другая, тоже
На нее похожа...

[Боже.]

Стой, прохожий!

вторая

ЗАСТОЛЬНАЯ

Под узорной скатертью
Не видать стола.

Я стихам не матью –
Мачехой была.

Эх, бумага белая,
Строчек ровный ряд.
Сколько раз глядела я,
Как они горят.

Сплетней изувечены,

Биты кистенем,
Мечены, мечены
Каторжным клеймом.

третья
ЛЮБОВНАЯ

За тебя я заплатила
Чистоганом,
Ровно десять лет ходила
Под наганом,
Ни направо, ни налево
Не глядела,
А за мной худая слава
Шелестела.

четвертая
ЛИШНЯЯ

Тешил – ужас, грела – вьюга,
Вел вдоль смерти – мрак...
Отняты мы друг у друга.
Разве можно так?
Если хочешь, расколдую,
Доброй быть позволь:
Выбирай себе любую,
Но не эту боль.

пятая
ПОСЛЕДНЯЯ

Не смеялась и не пела,
Целый день молчала,
А всего с тобой хотела
С самого начала:
Беззаботной первой ссоры,
Полной светлых бредней,
т. 870

И безмолвной, черствой, скорой
Трапезы последней.

шестая

ПЕСЕНКА ПРОХОЖЕГО
Услаждала бредами,
Пением могил.
Награждала бедами
Свыше всяких сил.
Занавес неподнятый,
Хоровод теней.

Оттого и отнятый
Был мне всех родней.
Это все поведано
Самой глуби роз,
Но забыть мне не дано
Вкус вчерашних слез.

1964

АНТИЧНАЯ СТРАНИЧКА

СМЕРТЬ СОФОКЛА

Тогда царь понял, что умер Софокл.
Легенда

На дом Софокла в ночь слетел с небес орел,
И мрачно хор цикад вдруг зазвенел из сада.
А в этот час уже в бессмертье гений шел,
Минуя вражий стан у стен родного града.
Так вот когда царю приснился странный сон:
Сам Дионис ему снять повелел осаду,
Чтоб шумом не мешать обряду похорон
И дать афинянам почтить его отраду.

1961

АЛЕКСАНДР У ФИВ

Наверно, страшен был и грозен юный царь,
Когда он произнес: «Ты уничтожишь Фивы».
И старый вождь узрел тот город горделивый,
Каким он знал его еще когда-то встарь.
Все, все предать огню! И царь перечислял

И башни, и врата, и храмы – чудо света,
Но вдруг задумался и, просветлев, сказал:
«Ты только присмотри, чтоб цел был дом Поэта».

1961, октябрь
Больница в Гавани
ТАЙНЫ ремесла

I

МУЗА

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.
И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

1924

II

ТВОРЧЕСТВО

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, все победивший звук.
Так вокруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава,
Как по земле идет с котомкой лихо.
Но вот уже послышались слова
И легких рифм сигнальные звоночки, –
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

1936

III

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.
Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.
Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.

то

IV

Как и жить мне с этой обузой,
А еще называют музой,
Говорят: «Ты с ней на лугу...»
Говорят: «Божественный лепет...»
Жестче, чем лихорадка, оттреплет,
И опять весь год ни гу-гу.

V

ПОЭТ

Подумаешь, тоже работа, –
Беспечное это житье:
Подслушать у музыки что-то
И выдать шутя за свое.
И чье-то веселое скерцо
В какие-то строки вложив
Поклясться, что бедное сердце
Так стонет среди блещущих нив.
А после подслушать у леса,

У сосен, молчалиниц на вид,
Пока дымовая завеса
Тумана повсюду стоит.
Налево беру и направо,
И даже, без чувства вины,
Немного у жизни лукавой
И все – у ночной тишины.

VI

ЧИТАТЕЛЬ

Не должен быть очень несчастным
И главное скрытным. О нет! –
Чтоб быть современнику ясным,
Весь настезь распахнут поэт.
И рампа торчит под ногами,
Все мертвенно, пусто, светло,
Лайм-лайта холодное пламя
Его заклеимило чело.
А каждый читатель как тайна,
Как в землю закопанный клад,
Пусть самый последний, случайный,
Всю жизнь промолчавший подряд.
Там все, что природа запрячет,
Когда ей угодно, от нас.
Там кто-то таинственно плачет
В какой-то назначенный час.
И сколько там сумрака ночи,
И тени, и сколько прохлад.
Там те незнакомые очи
До света со мной говорят.
За что-то меня упрекают
И в чем-то согласны со мной...
Так исповедь льется немая.
Беседы блаженнейшей зной.
Наш век на земле быстротечен
И тесен назначенный круг,
А он неизменен и вечен –
Поэта неведомый друг.

VII

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Одно, словно кем-то встревоженный гром,
С дыханием жизни врывается в дом,
Смеется, у горла трепещет,
И кружится, и рукоплещет.
Другое, в полночной родясь тишине,
Не знаю откуда крадется ко мне,
Из зеркала смотрит пустого
И что-то бормочет сурово.
А есть и такие: средь белого дня,
Как будто почти что не видя меня,
Струятся по белой бумаге,
Как чистый источник в овраге.
А вот еще: тайное бродит вокруг –
Не звук и не цвет, не цвет и не звук, –
Гранится, меняется, вьется,
А в руки живым не дается.
Но это... по капельке выпило кровь,
Как в юности злая девчонка – любовь,
И, мне не сказавши ни слова,
Безмолвием сделалось снова.
И я не знавала жесточе беды –
Ушло, и его протянулись следы
К какому-то крайнему краю,
А я без него... умираю.

1959

VIII

ПРО СТИХИ

Памяти Вл. Н арбу та
Это

Это

Это

выжимки бессонниц,
свеч кривых нагар,
сотен белых звонниц

Текста «Эпиграммы» нет в машинописи (ед. хр. 80), но в «перечне»
она заключает цикл «Тайны ремесла». Текст выверен по ед. хр. 79, л. 11.

Первый утренний удар...

Это теплый подоконник
Под черниговской луной,
Это – пчелы, это – донник,
Это – пыль, и мрак, и зной.

ЭПИГРАММА*

(В электричке)

Могла ли Биче словно Дант творить,
Или Лаура жар любви восславить?

Я научила женщин говорить...

Но, Боже, как их замолчать заставить?!

1958

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ ОДА

(Безымянный переулочек – Девяностые годы.)

А в переулочке забор дощатый...

Н. Г.

Ты поэт местного, царскосельского значения.

Н. П.

Настоящую оду

Нашептало... Пстой,

Царскосельскую одурь

Прячу в ящик пустой,

В роковую шкатулку,

В кипарисный ларец,

А тому переулочку

Наступает конец.

Здесь не Темник, не Шуя –

Город парков и зал,

Но тебя опишу я,

Как свой Витебск – Шагал.

Тут ходили по струнке,

Мчался рыжий рысак,

Тут еще до чугулки

Был знатнейший кабак.

Фонари на предметы

Лили матовый свет,

И придворной кареты

Промелькнул силуэт.

Так мне хочется, чтобы

Появиться могли

Голубые сугробы

С Петербургом вдали.

Здесь не древние клады,

А дощатый забор,

Интендантские склады

И извозчичий двор.

Шепелявя неловко

И с грехом пополам,

Молодая чертовка

Там гадают гостям.

Там солдатская шутка

Льется, желчь не тая...

Полосатая будка

И махорки струя.

Драли песнями глотку

И клялись попадьей,

Пили допоздна водку,

Заедали кутьей.

Ворон криком прославил

Этот призрачный мир...

А на розвальнях правил

Великан-кирасир.

3 августа 1961

Комарове

ИЗ «ЧЕРНЫХ ПЕСЕН»

I

Прав, что не взял меня с собой

И не назвал своей подругой,

Я стала песней и судьбой,

Сквозной бессонницей и вьюгой.

Меня бы не узнали вы

На пригородном полустанке

В той молодящейся, увы! –

И деловитой парижанке.

II

Слова, чтоб тебя оскорбить...

Аннинский

Всем обещалям вопреки

И перстень сняв с моей руки,

Забыл меня на дне.

Ничем не мог ты мне помочь.

Зачем же снова, в эту ночь

Свой дух прислал ко мне?

Он строен был и юн и рыж,

Он женщиною был,

Шептал про Рим, манил в Париж,

Как плакальщица выл,

Он больше без меня не мог...

Пускай позор, пускай острог!

Я без него могла.

Комарово

1961. Лето

ПОЧТИ В АЛЬБОМ

Услышишь гром и вспомнишь обо мне,

Подумаешь: она грозы желала...

Полоска неба будет твердо алой,

А сердце будет как тогда – в огне.

Случится это в тот московский день,

Когда я город навсегда покину

И устремлюсь к желанному притину,

Свою меж вас еще оставив тень.

Москва

1961

МЕЛХОЛА

(Из книги царств)

И возлюби Мелхола, дочь Саулова, Давида,

И рече Саул: дам ему ю, и будет ему в соблазн.

(Книга царств)

И отрок играет безумцу царю,

И ночь беспощадную рушит,

И громко победную кличет зарю,

И призраки ужаса душит.

И царь благосклонно ему говорит:

«Огонь в тебе, юноша, дивный горит,

И я за такое лекарство

Отдам тебе дочку и царство».

А царская дочка глядит на певца,

Ей песен не нужно, не нужно венца,

В душе ее скорбь и обида,

Но хочет Мелхола – Давида.

Бледнее, чем мертвая, рот ее сжат,

В зеленых глазах исступленье,

Сияют одежды, и стройно звенят

Запястья при каждом движеньи.

Как тайна, как сон, как праматерь лилит!

Не волей своею она говорит:

«Наверно, с отравой мне дали питье,

И мой помрачается дух,

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

Бесстыдство мое – унижение мое,
Бродяга, разбойник, пастух!
Зачем же никто из придворных вельмож,
Увы, на него не похож!..
А солнца лучи... а звезды в ночи...
А эта холодная дрожь...»

1959–1961

ЭХО

В прошлое давно пути закрыты,
И на что мне прошлое теперь?
Что там? – окровавленные плиты,
Или замурованная дверь,
Или эхо, что еще не может
Замолчать, хотя я так прошу.
С этим эхом приключилось то же,
Что и с тем, что в сердце я ношу.

1960

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

И в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

(1922)

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не бережит,
Не кажется обетованным раем.
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.
Да, для нас это грязь на калошах,
Да, для нас это хруст на зубах.
И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чем не замешанный прах,
Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно – своею.

1961. Больница в Гавани

ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА

Вы напишете о нас наискосок.

И. Бродский

Мне с Морозовою класть поклоны,
С падчерицей Ирода плясать,
С дымом улетать с костра Дидоны,
Чтобы с Жанной на костер опять.
Господи! Ты видишь, я устала
Воскресать, и умирать, и жить.
Все возьми, но этой розы алой
Дай мне свежесть снова ощутить.

9 августа 1962

Комарово

НАСЛЕДНИЦА

От Сарскосельских лип...

Пушкин

Казалось мне, что песня спета
Средь этих опустелых зал.
О, кто бы мне тогда сказал,
Что я наследую все это:
Фелицу, лебедя, мосты
И все китайские затеи,
Дворца сквозные галереи
И липы дивной красоты.
И даже собственную тень,
Всю искаженную от страха,
И покаянную рубаху,
И замогильную сирень.

1959. 20 ноября. Ленинград

Если б все, кто помощи душевной

У меня просил на этом свете:

Все юродивые и немые,

Брошенные жены и калеки,
Каторжники и самоубийцы
Мне прислали по одной копейке, –
Стала б я «богаче всех в Египте»,
Как говаривал Кузмин покойный.
Но они не слали мне копейки,
Вот она, плодоносная осень!
Поздновато ее привели.

А пятнадцать блаженнейших весен
Я подняться не смела с земли,
Я так близко ее разглядела,
К ней припала, ее обняла,
А она в обреченное тело
Силу тайную тайно лила.

13 сентября 1962

Комарове (ночь)

Запад клеветал и сам же верил,
И роскошно предавал Восток.
Юг мне воздух очень скупко мерил,
Усмехаясь из-за бойких строк.
Но стоял как на коленях клевер,
Влажный ветер пел в жемчужный рог,
Так мой верный друг, мой старый Север
Утешал меня, как только мог.
В нехорошей стыла я истоме,
А своей со мной делились силой,
И я стала всех сильнее на свете,
Так что даже это мне не трудно.

1961

Задыхалась в смраде и крови,
Не могла я больше в этом доме...
Вот когда железная Суоми
Молвила: «Ты все узнаешь, кроме
Радости. А ничего – живи».

1964

Комарове

СОЖЖЕННАЯ ТЕТРАДЬ

(ШИПОВНИК ЦВЕТЕТ)

And thou art distant in humanity.
Keats

ОТРЫВОК ПОСВЯЩЕНИЯ

Вместо праздничного поздравленья
Этот ветер жесткий и сухой
Принесет вам только запах тленья,
Привкус дыма и стихотворенья,
Что моей написаны рукой...

24 дек.

СОЖЖЕННАЯ ТЕТРАДЬ

Уже красуется на книжной полке
Твоя благополучная сестра,
А над тобою звездных стай осколки
И под тобою угольки костра.
Как ты молила, как ты жить хотела,
Как ты боялась едкого огня,
Но вдруг твое затрепетало тело,
А голос, улетаая, клял меня.
И сразу все зашелестели сосны
И отразились в недрах лунных вод,
А вокруг костра священнейшие весны
Уже вели надгробный хоровод.

1961

НАЯВУ

И время прочь, и пространство прочь,
Я все разглядела сквозь белую ночь:
И нарцисс в хрустале у тебя на столе,
И сигары синий дымок,
И то зеркало, где, как в чистой воде,
Ты сейчас отразиться мог.

И время прочь, и пространство прочь...

Но и ты мне не можешь помочь.

1946. Лето

ВО СНЕ

Черную и прочную разлуку

я несус с тобою наравне.

Что ж ты плачешь? Дай мне лучше руку,

Обещай опять прийти во сне.

Мне с тобою как горе с горою...

Мне с тобой на свете встречи нет.

Только б ты полночною порою

Через звезды мне прислал привет.

1946

ВОСПОМИНАНИЕ

Ты выдумал меня. Такой на свете нет,

Такой на свете быть не может.

Ни врач не исцелит, не утолит поэт, –

Тень призрака тебя и день и ночь тревожит.

Мы встретились с тобой в невероятный год,

Когда уже иссякли мира силы,

Все было в трауре, все никло от невзгод,

И были свежи лишь могилы.

Без фонарей как смоль был черен невский вал,

Глухонемая ночь вокруг стеной стояла...

Так вот когда тебя мой голос вызывал!

Что делала – сама еще не понимала.

И ты пришел ко мне, как бы звездой ведом,

По осени трагической ступая,

В тот навсегда опустошенный дом,

Откуда унеслась стихов казенных стая.

СОН

Сладко ль видеть неземные сны?

А. Блок

Был вещим этот сон или не вещим...

Марс воссиял среди небесных звезд,

Он алым стал, искрящимся, зловещим,

А мне в ту ночь приснился твой приезд.

Он был во всем... И в баховской чаконе,

И в розах, что напрасно расцвели,

И в деревенском колокольном звоне

Над чернотой распаханной земли,

И в осени, что подошла вплотную

И вдруг, раздумав, спряталась опять.

О август мой, как мог ты весть такую

Мне в годовщину страшную отдать!

Чем отплачу за царственный подарок?

Куда идти и с кем торжествовать?

И вот пишу, как прежде без помарок,

Мои стихи в сожженную тетрадь.

1956

Москва – Старки

По той дороге, где Донской

Вел рать великую когда-то,

Где ветер помнит супостата,

Где месяц желтый и рогатый, –

я шла, как в глубине морской..

Шиповник так благоухал,

что даже превратился в слово,

и встретить я была готова

моей судьбы девятый вал.

1956

Под Коломной

ДВЕ ПЕСЕНКИ

ПЕРВАЯ

[Без названия]

Таинственной невестречи

Пустынны торжества,

Несказанные речи,

Безмолвные слова.
Нескрещенные взгляды
Не знают, где им лечь.
И только слезы рады,
Что можно долго течь.
Шиповник Подмосковья,
Увы! при чем-то тут...
И это все любовью
Бессмертной назовут.
1956

ДРУГАЯ

Несказанные речи
я больше не твержу,
Но в память той нсвстрсчи
Шиповник посажу.
Как сияло там и пело
Встречи нашей чудо,
я вернуться не хотела
Никуда оттуда.
Горькой было мне усладой
Счастье вместо долга,
Говорила с кем не надо,
Говорила долго.
Пусть влюбленных страсти душат,
Требуя ответа,
Мы же, милый, только души
У предела света.
7956

В РАЗБИТОМ ЗЕРКАЛЕ

Непоправимые слова
я слушала в тот вечер звездный,
И закружилась голова,
Как над пылающею бездной.
И гибель выла у дверей,
И ухал черный сад, как филин,
И город, смертно обессилен,
Был Трои в этот час древней.
Тот час был нестерпимо ярок
И, кажется, звенел до слез.
Ты отдал мне не тот подарок,
Который издалека вез.
Казался он пустой забавой
В тот вечер огненный тебе.
И стал он тонкою отравой
В моей загадочной судьбе.
И он всех бед моих предтеча, –
Не будем вспоминать о нем...
Несостоявшаяся встреча
Еще рыдает за углом.
1956

Ты опять со мной, подруга осень!

Ин. Анненский

Пусть кто-то еще отдыхает на юге
И нежится в райском саду.
Здесь северно очень – и осень в подруги
я выбрала в этом году.
Вижу я, лебядь тешится моя!

Пушкин

Ты напрасно мне под ноги мечешь
И величье, и славу, и власть.
Знаешь сам, что не этим излечишь
Песнопения светлую страсть.
Разве этим развеешь обиду?
Или золотом лечат тоску?
Может быть, я и сдамся для виду.
Не притронусь я дулом к виску.
Живу, как в чужом, мне приснившемся доме
Где, может быть, я умерла.

И, кажется, будто глядится Суоми
В пустые свои зеркала.
Иду между черных приземистых елок,
Там вереск на ветер похож.
И светится месяца тусклый осколок,
Как финский зазубренный нож.
Сюда принесла я блаженную память
Последней невесты с тобой –
Холодное, чистое, легкое пламя
Победы моей над судьбой.
1956. Комарове

Смерть стоит все равно у порога,
Ты гони ее или зови.
А за нею темнеет дорога,
По которой ползла я в крови,
А за нею десятилетия
Скуки, страха и той пустоты,
О которой могла бы пропеть я,
Да боюсь, что расплачешься ты.
Что ж, прощай. Я живу не в пустыне.
Ночь со мной и всегдашняя Русь.
Так спаси же меня от гордыни,
В остальном я сама разберусь.
9 апреля 1958

Москва

(СОНЕТ-ЭПИЛОГ)

Ромео не было, Эней, конечно, был.
Ахм.

Против воли я твой, царица, берег покинул.
«Энеида», песнь 6, 460

Говорит Дидона:

Не пугайся – я еще похожей
Нас теперь изобразить могу.
Призрак ты иль человек прохожий,
Тень твою зачем-то берегу.
Был недолго ты моим Энеем, –
Я тогда отделалась костром,
Друг о друге мы молчать умеем.
И забыл ты мой проклятый дом.
И забыл те в ужасе и в муке
Сквозь огонь протянутые руки
И надежды окаянной весть.
Ты не знаешь, что тебе простили.
Создан Рим, плывут стада флотилий,
И победу славословит лесть.

1956

Комарове

[ЧЕРЕЗ МНОГО ЛЕТ]

Последнее слово

...Men che dramma

Di sangue m'è rimasa, che non Iremi.

PUTS. XXX

Ты стихи мои требуешь прямо,
Проживешь как-нибудь и без них,
Ведь в крови не осталось и грамма,
Не впитавшего горечи их.
Мы сжигаем несбыточной жизни
Золотые и пышные дни.
И о встрече в Небесной Отчизне
Нам ночные не шепчут огни.
Но от наших великолепий
Холодочка струится волна,
Словно мы на таинственном склепе
Чьи-то, вздрогнув, прочли имена.
Нет на свете разлуки бездонней,
Лучше б сразу тогда – наповал...
И ты знаешь, что нас разлученней
В этом мире никто не бывал*.

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
1962

Москва

* Первоначально рукой Ахматовой последняя строка была записана:
«Никогда и нигде не бывал». Возможно, это описка; надо: «Никогда и
никто ие бывал». Впоследствии строка переделана.

После цикла «Сожженная тетрадь» в машинописи РГАЛИ, ф. 13,
оп. 1, ед. хр. 80, ранней редакции книги «Бег времени» следовала поэма
«Путем всея земли» (неполный текст) с эпитафией: «Состарился Царь
Давид, и настало ему время идти путем всея земли». Кн. Царств.

БЕГ ВРЕМЕНИ

1963

Пала седьмая заиеса тумана,
Та, за которой приходит весна.

Т. К.

ТАЙНЫ ремесла

Муза

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.
И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

1924

ТВОРЧЕСТВО

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, все победивший звук.
Так вокруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава,
Как по земле идет с котомкой лихо.
Но вот уже послышались слова
И легких рифм сигнальные звоночки, –
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.
1936. Осень. Фонтанный Дом
Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.
Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.
Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.

1940

Как и жить мне с этой обузой,
А еще называют музой,
Говорят: «Ты с ней на лугу»,
Говорят: «Божественный лепет...»
Жестче, чем лихорадка, оттреплет,
И опять весь год ни гу-гу.
Подумаешь, тоже работа, –
Беспечное это житье:
Подслушать у музыки что-то

И выдать шутя за свое.
И чье-то веселое скерцо
В какие-то строки вложив,
Поклясться, что бедное сердце
Так стонет среди блещущих нив.
А после подслушать у леса,
У сосен, молчальниц на вид,
Пока дымовая завеса
Тумана повсюду стоит.
Налево беру и направо.
И даже, без чувства вины,
Немного у жизни лукавой
И все – у ночной тишины.

ЧИТАТЕЛЬ

Не должен быть очень несчастным
И главное скрытным. О нет! –
Чтоб быть современнику ясным,
Весь настежь распахнут поэт.
И рампа торчит под ногами,
Все мертвенно, пусто, светло,
Лайм-лайта холодное пламя
Его заклеимило чело.
А каждый читатель как тайна,
Как в землю закопанный клад,
Пусть самый последний, случайный,
Всю жизнь промолчавший подряд.
Там все, что природа запрячет,
Когда ей угодно, от нас.
Там кто-то таинственно плачет
В какой-то назначенный час.
И сколько там сумрака ночи,
И тени, и сколько прохлад.
Там те незнакомые очи
До света со мной говорят.
За что-то меня упрекают
И в чем-то согласны со мной...
Так исповедь льется немая.
Беседы блаженнейший зной.
Наш век на земле быстротечен
И тесен назначенный круг.
А он неизменен и вечен –
Поэта неведомый друг.

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Одно, словно кем-то встревоженный гром,
С дыханием жизни врывается в дом,
Смеется, у горла трепещет,
И кружится, и рукоплещет.
Другое, в полночной родясь тишине,
Не знаю откуда крадется ко мне,
Из зеркала смотрит пустого
И что-то бормочет сурово.
А есть и такие: среди белого дня,
Как будто почти что не видя меня,
Струятся по белой бумаге,
Как чистый источник в овраге.
А вот еще: тайное бродит вокруг –
Не звук и не цвет, не цвет и не звук, –
Гранится, меняется, вьется,
А в руки живым не дается.
Но это... по капельке выпило кровь,
Как в юности злая девчонка – любовь,
И, мне не сказавши ни слова,
Безмолвием сделалось снова.
И я не знавала жесточе беды –
Ушло, и его протянулись следы
К какому-то крайнему краю,
А я без него... умираю.

/959

ЭПИГРАММА

Могла ли Биче словно Дант творить,
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить,
Но, Боже, как их замолчать заставить?!

1958

ПРО СТИХИ НАРБУТА

н.х.

Это – выжимки бессонниц,
Это – свеч кривых нагар,
Это – сотен белых звонниц
Первый утренний удар...
Это теплый подоконник
СТИХИ ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ
Если плещется лунная жуть,
Город весь в ядовитом растворе.
Без малейшей надежды заснуть
Вижу я сквозь зеленую муть
И не детство мое, и не море,
И не траурниц брачный полет
Над грядой царскосельских нарциссов
В тот какой-то шестнадцатый год,
А застывший навек хоровод
Надмогильных твоих кипарисов.

1928. ФОНТАННЫЙ ДОМ

ДВУСТИШИЕ

От других мне хвала, что зола,
От тебя и хула – похвала.

1931

Под черниговской луной,
Это – пчелы, это – донник.
Это – пыль, и мрак, и зной.

1940

Зачем вы отравили воду
И с грязью мой смешали хлеб?
Зачем последнюю свободу
Вы превращаете в вертеп –
За то, что я не издевалась
Над горькой гибелью друзей,
За то, что я верна осталась
Печальной Родине моей.
Пусть так, без палача и плахи
Поэту на земле не быть,
Нам покаянные рубахи,
Нам со свечой идти и выть...

ПОСЛЕДНИЙ ТОСТ

Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем
И за тебя я пью, –
За ложь меня предавших уст,
За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и пуст,
За то, что Бог не спас.

1934 ?

Привольем пахнет дикий мед,
Пыль – солнечным лучом,
Фиалкою – девичий рот,
А золото – ничем.
Водю пахнет резеда
И яблоком – любовь,
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь.
И напрасно наместник Рима
Мыл руки пред всем народом
Под зловещие крики черни,
И Шотландская королева
Напрасно с узких ладоней

Стирала красные брызги
В душном мраке царского дома...

1933

В лесу голосуют деревья.

Н. Заболоцкий

И вот: наперекор тому,
Что смерть глядит в глаза,
Опять по слову твоему
Я голосую за:
То, чтоб дверью стала дверь,
Звонок опять звонком,
Чтоб сердцем стал угрюмый зверь
В груди. А дело в том,
Что суждено нам всем узнать,
Что значит третий год не спать,
Что значит утром узнавать
О тех, кто в ночь погиб.
Не прислал ли лебедя за мною,
Или лодку, или черный плот –
Он в шестнадцатом году весною
Обещал, что скоро сам придет.
Он в шестнадцатом году весною
Говорил, что птицей прилечу
Через мрак и смерть к его покою,
Прикоснусь крылом к его плечу.
Мне его еще смеются очи
И теперь, шестнадцатой весной.
Что мне делать! Ангел полуночи
До зари беседует со мной.

1936. Москва

Памяти Н.В.Н.

Одни глядятся в ласковые взоры,
Другие пьют до солнечных лучей,
Мои молодые руки
Тот договор подписали
Среди цветочных киосков
И граммофонного треска,
Под взглядом косым и пьяным
Газовых фонарей.
И старше была я века
Ровно на десять лет.
А на закат наложен
А я всю ночь веду переговоры
С неукротимой совестью моей.
Я говорю: «Твое несусь я бремя
Тяжелое, ты знаешь сколько лет», –
Но для нее не существует время
И для нее пространства в мире нет.
И снова черный масляничный вечер,
Зловещий парк, спокойный бег коня
И полный счастья и веселья ветер,
С небесных круч слетевший на меня.
А надо мной и зоркий и двурогий
Стоит свидетель. О! туда, туда,
Туда – по Подкапризовой дороге,
Где лебеди и черная вода.
1936. Фонтанный дом. Осень
Был белый траур черемух,
Что осыпался мелким,
Душистым, сухим дождем...
И облака сквозили
Кровавой Цусимской пеной,
И плавно ландо катили
Теперешних мертвецов...
А нам бы тогдашний вечер
Показался бы маскарадом,
Показался бы карнавалом,
Феерией grand-gala.

От дома того – ни щепки,
Та вырублена аллея,
Давно опочили в музее
Те шляпы и башмачки.
Кто знает, как пусто небо
На месте упавшей башни,
Кто знает, как тихо в доме.
Куда не вернулся сын.
Ты неотступен, как совесть,
Как воздух, всегда со мною, –
Зачем же зовешь к ответу?
Свидетелей знаю твоих:
То Павловского вокзала
Накаленный музыкой купол
И водопад белогривый
У Бабловского дворца.

I

Один идет прямым путем,
Другой идет по кругу
И ждет возврата в отчий дом,
Ждет прежнюю подругу.
А я иду – за мной беда,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.

II

Но я предупреждаю вас,
Что я живу в последний раз.
Ни ласточкой, ни кленом,
Ни тростником и ни звездой,
Ни родниковой водой,
Ни колокольным звоном –
Не буду я людей смущать
И сны чужие посещать
Неутоленным стоном.
Так отлетают темные души...
«Я буду бредить, а ты не слушай.
ТРЕТИЙ ЗАЧАТЬЕВСКИЙ
(1918)

Переулочек, переул...
Горло петелькой затянул.
Тянет свежесть с Москвы-реки,
В окна теплятся огоньки.
Покосился гнилой фонарь –
С колокольни идет звонарь.
Как по левой руке – пустырь,
А по правой руке – монастырь,
А напротив высокий клен
Красным заревом обагрен.
А напротив высокий клен
Ночью слушает долгий стон.
Мне бы тот найти образок,
Оттого что мой близок срок.
Мне бы снова мой черный платок,
Мне бы невской воды глоток.

1940

Зашел ты нечаянно, ненароком,
Ты никаким ведь не связан сроком,
Побудь же со мною теперь подольше.
Помнишь, мы были с тобою в Польше?
Первое утро в Варшаве... Кто ты?
Ты уж другой или третий?» – «Сотый!»
«А голос совсем такой, как прежде.
Знаешь, я годы жила в надежде,
Что ты вернешься, – и вот не рада.
Мне ничего на земле не надо:
Ни громов Гомера, ни Дантова дива,
Скоро я выйду на берег счастливый,

И Троя не пала, и жив Эбани.
И все потонуло в душистом тумане.
Я б задремала под ивой зеленой,
Да нет мне покоя от этого звона.
Что он? – то с гор возвращается стадо,
Только в лицо не дохнула прохлада.
Или идет священник с Дарами,
А звезды на небе, а ночь над горами,
Или сзывают народ на вече?»
– «Нет, это твой последний вечер».

1940

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит.
Крапиве, чертополоху
Украстить ее предстоит.
И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!
И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идет.
А после она выплывает,
Как труп на весенней реке, –
Но матери сын не узнает,
И внук отвернется в тоске.
И клонятся головы ниже,
Как маятник, ходит луна.
Так вот – над погибшим Парижем
Такая теперь тишина.

1940. Осень. Фонтанный Дом

ПУТЕМ ВСЕЯ ЗЕМЛИ

Прямо под ноги пулям,
Расталкивая года,
По январям и июлям
Я проберусь туда...
Никто не увидит ранку,
Крик не услышит мой,
Меня, китежанку,
Позвали домой.
И гнались за мною
Сто тысяч берез,
Стеклянную стеною
Струился мороз.
У давних пожарищ
Обугленный склад.
«Вот пропуск, товарищ,
Пустите назад...»
И воин спокойно
Отводит штык.
Как пышно и знойно
Тот остров возник.
И красная глина,
И яблочный сад...
O salve, Regina!
Пылает закат. –
Тропиночка круто
Взбиралась, дрожа.
Мне надо кому-то
Здесь руку пожать...
Но хриплой шарманки
Не слушаю стон.
Не тот китежанке
Послышался звон.
Окопы, окопы, –
Заблудишься тут!
От старой Европы
Остался лоскут,
Где в облаке дыма
Горят города...
И вот уже Крыма

Темнеет гряда.
Я плакальщиц стаю
Веду за собой.
О, тихого края
Плащ голубой!..
Над мертвой медузой
Смущенно стою;
Здесь встретилась с музой,
Ей клятву даю,
Но громко смеется,
Не верит – «Тебе ль?..»
По капелькам льется
Душистый апрель.
И вот уже славы
Высокий порог,
Но голос лукавый
Предостерег:
«Сюда ты вернешься,
Вернешься не раз,
Но снова споткнешься
О крепкий алмаз.
Ты лучше бы мимо,
Ты б лучше назад,
Хулима, хвалима,
В отеческий сад».
Черемуха мимо
Прокралась, как сон,
И кто-то «Цусима!»
Сказал в телефон.
Скорее, скорее –
Кончается срок:
«Варяг» и «Кореец»
Пошли на восток...
Там ласточкой реет
Старая боль...
А дальше темнеет
Форт Шаброль,
Как прошлого века
Заброшенный склеп,
Где старый калека
Оглух и ослеп.
Суровы и хмуры,
Его сторожат
С винтовками буры.
Назад, назад!
Великую зиму
Я долго ждала,
Как белую схиму
Ее приняла.
И в легкие сани
Спокойно сажусь...
Я к вам, китежане,
До ночи вернусь...
За древней стоянкой
Один переход.
Теперь с китежанкой
Никто не пойдет:
Ни брат, ни соседка,
Ни первый жених,
Лишь хвойная ветка
Да солнечный стих,
Оброненный нищим,
Да поднятый мной...
В последнем жилище
Меня упокой.
Март 1940. Ленинград
Ташкентские страницы
ТАШКЕНТСКИЕ СТРАНИЦЫ

СМЕРТЬ

I

Я была на краю чего-то,
Чему верного нет названья...
Зазывающая дремота,
От себя самой ускользанье...

II

А я уже стою на подступах к чему-то,
Что достается всем, но разную ценой...
На этом корабле есть для меня каюта,
И ветер в парусах, и страшная минута
Прощания с моей родной страной.
Дюрмень. 1942. Август

III

И комната, в которой я болею,
В последний раз болею на земле,
Как будто упирается в аллею
Высоких белоствольных тополей,
А этот первый – этот самый главный,
В величии своем самодержавный*,
Но как заплещет, возликует он,
Когда, минуя тусклое оконце,
Моя душа взлетит, чтоб встретить солнце,
И смертный уничтожит сон.

INTERIEUR

Когда лежит луна ломтем Чарджуйской дыни
На краешке окна, и духота кругом,
Когда закрыта дверь, и заколдован дом
Воздушной веткой голубых глициний,
И в чашке глиняной холодная вода,
И полотенца снег, и свечка восковая
Горит, как в детстве, мотыльков сзывая,
Грохочет тишина, моих не слыша слов,
Тогда из черноты Рембрандтовских углов
Склубится что-то вдруг и спрячется туда же,
Но я не встрепелюсь, не испугаюсь даже...
Здесь одиночество меня поймало в сети.
Хозяйкин черный кот глядит, как глаз столетий,
* Далее текст не дописан.

И в зеркале двойник не хочет мне помочь.
Я буду сладко спать. Спокойной ночи, ночь.

1944. Ташкент. Весна. Балахана

Я не была здесь лет семьсот,
Но ничего не изменилось...
Все так же льется Божья милость

С непререкаемых высот,
Все те же хоры звезд и вод,
Все так же своды неба черны,
И так же ветер носит зерна,
И ту же песню мать поет.
Он прочен – мой азийский дом,
И беспокоиться не надо.

Еще приду. Цвети, ограда!
Будь полон, чистый водоем!

1944. Ташкент

Как ни стремилась к Пальмире я
Золотоглавой,
Но суждено мне дожить здесь до
Первой розы.
Персик цветет, и фиалок дым
Черно-лиловый...
Кто мне посмеет сказать, что здесь
Злая чужбина.

II

Разве я стала совсем не та,
Что там, у моря,
Разве забыли мои уста
Твой привкус, горе?!

На этой древней сухой земле
Я снова дома...
Китайский ветер поет во мгле,
И все знакомо...

1944. Ташкент

В ТИФУ

Где-то ночка молодая,
Звездная, морозная...
Ой, худая, ой, худая
Голова тифозная.
Про себя воображает,
На подушке мечется,
Знать не знает, знать не знает,
Что во всем ответчица,
Что за речкой, что за садом
Кляча с гробом тащится,
Меня под землю не надо б,
Я одна – рассказчица.

1942. Ташкент. ТАШМИ

(в тифозном бреде)

А умирать поедem в Самарканд
На родину бессмертных роз...
(В тифозном бреде)
Это рысьи глаза твои, Азия,
Что-то высмотрели во мне,
Что-то выразнили подспудное,
И рожденное тишиной,
И томительное, и трудное,
Как полдневный Термезский зной.
Словно вся прапамять в сознание
Раскаленной лавой текла,
Словно я свои же рыдания
Из чужих ладоней пила.

1945

ПОСЛЕДНЕЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

У меня одна дорога:

От окна и до порога.

Песня

I

День шел за днем – и то и се
Как будто бы происходило
Обыкновенно, но чрез все
Уж одиночество сквозило.
Припахивало табаком,
Мышами, сундуком открытым
И обступало ядовитым
Туманцем...

1944. Лето. Ленинград

ИЗ ЦИКЛА «ЛЕНИНГРАДСКИЕ ЭЛЕГИИ»

ЧЕТВЕРТАЯ

Меня, как реку,
Жестокая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь, в другое русло,
Мимо другого потекла она.
И я своих не знаю берегов.
О! как я много зрелищ пропустила.
И занавес вздымался без меня
И так же падал. Сколько я друзей
Своих ни разу в жизни не встречала.
О, сколько очертаний городов
Из глаз моих могли бы вызвать слезы,
А я один на свете город знаю
И ощупью его во сне найду.
О, сколько я стихов не написала,
И тайный хор их бродит вокруг меня
И, может быть, еще когда-нибудь
Меня задушит...

Мне ведомы начала и концы,

И жизнь после конца, и что-то,
О чем теперь я лучше промолчу.
И женщина какая-то мое
Единственное место заняла,
Мое законнейшее имя носит,
Оставивши мне кличку, из которой
Я сделала, пожалуй, все, что можно.
Я не в свою, увы, могилу, лягу.
Но иногда весенний шалый ветер,
Иль сочетание слов в случайной книге,
Или улыбка чья-то вдруг потянут
Меня в несостоявшуюся жизнь.
В таком году произошло бы то-то,
А в этом – это: ездить, видеть, думать,
И вспоминать, и в новую любовь
Входить, как в зеркало, с тупым сознанием
Измены и еще вчера не бывшей
Морщинкой...

Но если бы оттуда посмотрела
Я на свою теперешнюю жизнь,
Я б умерла от зависти.
1945. Фонтанный дом. 2 сентября
(Задумано еще в Ташкенте)

ПЯТАЯ

Есть три эпохи у воспоминаний.
И первая – как бы вчерашний день.
Душа под сводом их благословенным
И тело в их блаженствует тени.
Еще не замер смех, струятся слезы,
Пятно чернил не стерто со стола
И, как печать на сердце, поцелуй –
Единственный, прощальный, незабвенный...
Но это продолжается недолго...
Уже не свод над головой, а где-то
В глухом предместье дом уединенный,
Где холодно зимой, а летом жарко,
Где есть паук, и пыль на всем лежит,
Где истлевают пламенные письма,
Исподтишка меняются портреты,
Куда как на могилу ходят люди,
А возвратившись, моют руки мылом
И стряхивают беглую слезинку
С усталых век – и тяжело вздыхают...
Но тикают часы, весна сменяет
Одна другую, розовеет небо,
Меняются названья городов,
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать.
И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам.
И, раз проснувшись, видим, что забыли
Мы даже путь в тот дом уединенный
И, задыхаясь от стыда и гнева,
Бежим туда, но (как во сне бывает)
Там все другое: люди, вещи, стены,
И нас никто не знает – мы чужие!
Мы не туда попали... Боже мой!
И вот когда горчайшее приходит:
Мы сознаем, что не могли б вместить
То прошлое в границы нашей жизни,
И нам оно почти что так же чуждо,
Как нашему соседу по квартире;
Что тех, кто умер, мы бы не узнали,
А те, с кем нам разлуку Бог послал,
Прекрасно обошлись без нас – и даже
Всё к лучшему...

1940–1945

Фонтанный Дом

Кого когда-то называли люди
Царем – в насмешку, Богом – в самом деле,
Кто был убит и чье орудье пытки
Согрето теплотой моей груди...
Познали смерть Свидетели Христовы,
И сплетницы-старухи, и солдаты,
И Прокуратор Рима – все прошли.
Там, где когда-то возвышалась арка,
Где море билось, где чернел утес,
Их выпили в вине, вдохнули с пылью жаркой
И с запахом бессмертных роз.
Ржавеет золото, и истлевает сталь,
Крошится мрамор, к смерти все готово...
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней – царственное слово.

1945 ?. Фонтанный Дом
ВЕРЕНИЦА ЧЕТВЕРОСТИШИЙ

I

БЕГ ВРЕМЕНИ

Что войны, что чума? – конец им виден скорый,
Их приговор почти произнесен,
Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен?
1961

II

ИМЯ

Татарское, дремучее
Пришло из никогда.
К любой беде липучее.
Само оно – беда.

III

За такую скоморошину,
Откровенно говоря,
Мне свинцовую горошину
Ждать бы от секретаря.

IV

А тебе еще мало по-русски,
И ты хочешь на всех языках
Знать, как круты подъемы и спуски
И почему у нас совесть и страх.

V

К СТИХАМ

Вы так вели по бездорожью,
Как в мрак падающая звезда.
Вы были горечью и ложью,
А утешеньем – никогда.

VI

В каждом древе распятый Господь
В каждом колосе Тело Христово,
И молитвы пречистое слово
Исцеляет болящую плоть.

VII

КОНЕЦ ДЕМОНА

Словно Врубель наш вдохновенный,
Лунный луч тот профиль чертил.
И поведал ветер блаженный
То, что Лермонтов утаил.

VIII

И было сердцу ничего не надо,
Когда пила я этот жгучий зной.
«Онегина» воздушная громада,
Как облако, стояла надо мной.

IX

Я всем прощение дарю
И в Воскресение Христа
Меня предавших в лоб целую,
А не предавшего – в уста.

X

О своем я уже не заплачу,
Но не видеть бы мне на земле
Золотое клеймо неудачи
На еще безмятежном челе.

1962

XI

Взоры огненной огня

И усмешка Леля...

Не обманывай меня,

Первое апреля!

31 марта 1963. Комарово

СТИХИ ИЗ СОЖЖЕННОЙ ТЕТРАДИ

(ШИПОВНИК ЦВЕТЕТ)

And thou art distant in humanity.

Keats

СОЖЖЕННАЯ ТЕТРАДЬ

Уже красуется на книжной полке

Твоя благополучная сестра,

А над тобою звездных стай осколки

И под тобою угольки костра.

Как ты молила, как ты жить хотела,

Как ты боялась едкого огня,

Но вдруг твое затрепетало тело,

А голос, улетаая, клял меня.

И сразу все зашелестели сосны

И отразились в недрах лунных вод,

А вокруг костра священнейшие весны

Уже вели надгробный хоровод.

1961

ВМЕСТО ПОСВЯЩЕНИЯ

Вместо праздничного поздравленья

Этот ветер жесткий и сухой

Принесет вам только запах тленья,

Привкус дыма и стихотворенья,

что моей написаны рукой.

24 дек. Ленинград

И увидел месяц лукавый,

Притаившийся у ворот,

Как свою посмертную славу

я меняла на вечер тот.

Теперь меня позабудут

И книги сгниют в шкафу, –

Ахматовской звать не будут

Ни улицу, ни строфу.

1946

ВО СНЕ

Черную и прочную разлуку

я несу с тобою наравне.

Что ж ты плачешь? Дай мне лучше руку,

Обещай опять прийти во сне.

НАЯВУ

И время прочь, и пространство прочь,

И все разглядела сквозь белую ночь:

И нарцисс в хрустале у тебя на столе,

И сигары синий дымок,

И то зеркало, где, как в чистой воде,

Ты сейчас отразиться мог.

И время прочь, и пространство прочь...

Но и ты мне не можешь помочь.

1946. Лето. Фонтанный Дом

Мне с тобою как горе с горою...

Мне с тобой на свете встречи нет.

Только б ты полночною порою

Через звезды мне прислал привет.

1946

Дорогою ценой и нежданной

Я узнала, что помнишь и ждешь.

А быть может, и место найдешь

Ты – могилы моей безымянной.

1946, Август. Фонтанный Дом

За тебя я заплатила

Чистоганом,

Ровно десять лет ходила

Под наганом.

Ни налево, ни направо

Не глядела,

А за мной худая слава

Шелестела.

1955. Красная Конница*

* Текст стихотворения «За тебя я заплатила...», введенный в состав цикла «Из Сожженной тетради», повторен Ахматовой в цикле «Песенки» под № III. «Любовная» (без даты). Позже заглавие «Любовная» получила другая «Песенка» – «А ведь мы с тобой//Не любились...» – см. т. 2. Кн. 1. С. 175.

ПЕСЕНКА

Таинственной невстречи

Пустынны торжества,

Несказанные речи,

Безмолвные слова.

Нескрещенные взгляды

Не знают, где им лечь,

И только слезы рады,

Что можно долго течь.

Шиповник Подмосковья,

Увы! при чем-то тут...

И это всё любовью

Бессмертной назовут.

1956

ДРУГАЯ ПЕСЕНКА

Как сияло там и пело

Встречи нашей чудо,

Я вернуться не хотела

Никуда оттуда.

Горькой было мне усладой

Счастье вместо долга,

Говорила с кем не надо,

Говорила долго.

Пусть влюбленных страсти душат,

Требуя ответа,

Мы же, милый, только души

У предела света.

СОН

Сладко ль видеть неземные сны?

А. Блок

Был вещим этот сон или не вещим...

Марс воссиял среди небесных звезд,

Он алым стал, искрящимся, зловещим,

А мне в ту ночь приснился твой приезд, –

Он был во всем... И в баховской чаконе,

И в розах, что напрасно расцвели,

И в деревенском колокольном звоне

Над чернотой распаханной земли,

И в осени, что подошла вплотную

И вдруг, раздумав, спряталась опять.

О август мой, как мог ты весть такую

Мне в годовщину страшную отдать!

Чем отплатчу за царственный подарок?

Куда идти и с кем торжествовать?

И вот пишу, как прежде без помарок,

Мои стихи в сожженную тетрадь.

14 авг. 1956

Старки – Москва

По той дороге, где Донской

Вел рать великую когда-то,

Где ветер помнит супостата,
Где месяц желтый и рогатый, –
я шла, как в глубине морской...

Шиповник так благоухал,
что даже превратился в слово,
и встретить я была готова
моей судьбы девятый вал.

7956. Под Коломной

ВОСПОМИНАНИЕ

Ты выдумал меня. Такой на свете нет,
Такой на свете быть не может.
Ни врач не исцелит, не утолит поэт, –
Тень призрака тебя и день и ночь тревожит.

Мы встретились с тобой в невероятный год,
Когда уже иссякли мира силы,
Всё было в трауре, все никло от невзгод,
и были свежи лишь могилы.

Без фонарей как смоль был черен невольский вал,
Глухая ночь вокруг стеной стояла...

Так вот когда тебя мой голос вызывал,
что делала – сама еще не понимала.
и ты пришел ко мне, как бы звездой ведом,
По осени трагической ступая,
в тот навсегда опустошенный дом,
откуда унеслась стихов казенных стая.

7956. 73 авг.

В РАЗБИТОМ ЗЕРКАЛЕ

Непоправимые слова

я слушала в тот вечер звездный,
и закружилась голова,
как над пылающею бездной.

и гибель выла у дверей,
и ухал черный сад, как филин,
и город, смертно обессилен,
был Трои в этот час древней.

Тот час был нестерпимо яростен
и, кажется, звенел до слез.
ты отдал мне не тот подарок,
который издавека вез.

казался он пустой забавой
в тот вечер огненный тебе.

а был он мировой славой
и грозным вызовом Судьбе.

и он всех бед моих предтеча, –
не будем вспоминать о нем –
несостоявшаяся встреча

еще рыдает за углом.

1956

ты опять со мной, подруга осень!

ин. анненский

пусть кто-то еще отдыхает на юге
и нежится в райском саду.

лебядь тешится моя!

пушкин

ты напрасно мне под ноги мечешь
и величье, и славу, и власть,
разве этим и вправду излечишь
песнопения светлую страсть,

разве этим развеешь обиду,
или золотом лечат тоску,

может быть, я и сдамся для виду,
не притронусь я дулом к виску.

здесь северно очень – и осень в подруги
я выбрала в этом году.

живу, как в чужом, мне приснившемся доме,
где, может быть, я умерла.

и, кажется, будто глядится Суоми
в пустые свои зеркала.

Иду между черных приземистых елок,
Там вереск на ветер похож.
И светится месяца тусклый осколок,
Как финский зазубренный нож.
Сюда принесла я блаженную память
Последней невстречи с тобой –
Холодное, чистое, легкое пламя
Победы моей над судьбой.

1956. Комарове

Смерть стоит все равно у порога,
Ты гони ее или зови.
А за нею темнеет дорога,
По которой ползла я в крови,
А за нею десятилетия
Скуки, страха и той пустоты,
О которой могла бы пропеть я,
Да боюсь, что расплачешься ты.
Что ж, прощай! – Я живу не в пустыне,
Ночь со мной и всегдашняя Русь.
Так спаси же меня от гордыни,
В остальном я сама разберусь.

Москва

СОНЕТ-ЭПИЛОГ

Против воли я твой, царица, берег покинул.
«Энеида», песнь 6, 460

Ромео не было, Эней, конечно, был.

А.

Не пугайся, – я еще похожей
Нас теперь изобразить могу.
Призрак ты иль человек прохожий,
Тень твою зачем-то берегу.
Был недолго ты моим Энеем,
Я тогда отделалась костром,
Друг о друге мы молчать умеем.
И забыл ты мой проклятый дом.
И забыл те в ужасе и в муке
Сквозь огонь протянутые руки
И надежды окаянной весть.
Ты не знаешь, что тебе простили.
Создан Рим, плывут стада флотилий,
И победу славословит лесть.

1962

Комарове

ЧЕРЕЗ МНОГО ЛЕТ

...Men che dramma

Di sangue m'e rimasa, che non tremi.

Purg. XXX

Ты стихи мои требуешь прямо,
Проживешь как-нибудь и без них,
Пусть в крови не осталось и грамма
Не впитавшего горечи их.
Мы сжигаем немислимой жизни
Золотые и пышные дни.
И про встречу в небесной Отчизне
Нам ночные не шепчут огни.
И от наших великолепий
Холодочка струится волна,
Словно мы на таинственном склепе
Чьи-то, вздрогнув, прочли имена.
Нет на свете разлуки бездонней,
Лучше б сразу тогда... наповал! –
И, наверное, нас разлученней
В этом мире никто не бывал.

1962. Москва

ПРИМОРСКИЙ СОНЕТ

Здесь все меня переживет,
Все, даже ветхие скворешни,
И этот воздух, воздух вешний,

Морской свершивший перелет.

И голос вечности зовет
С неодолимостью неждешней,
И над цветущей черешней
Сиянье легкий месяц льет,
И кажется такой нетрудной,
Белея в чаще изумрудной,
Дорога не скажу куда...
Там средь стволов еще светлее,
И всё похоже на аллею
У царскосельского пруда.

1958. Комарова

МУЗЫКА

Д.Д.Ш.

В ней что-то чудотворное горит,
И на глазах ее края гранятся.
Она одна со мною говорит,
Когда другие подойти боятся.
Когда последний друг отвел глаза,
Она была со мной в моей могиле
И пела, словно первая гроза,
Иль будто все цветы заговорили.

1958

ЛЕТНИЙ САД

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград.
Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой.
В душистой тиши между царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится скрип.
И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.
И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.
А шествию теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.
Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.
И все перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

1959

ПОРТРЕТ АВТОРА В МОЛОДОСТИ

Он не траурный, он не мрачный,
Он почти как сквозной дымок,
Полуброшенной новобрачной
Черно-белый легкий венок,
А под ним тот профиль горбатый.
И парижской челки атлас.
И зеленый, продолговатый,
Очень зорко видящий глаз.

1958

ИЗ ЦИКЛА «ПЕСЕНКИ»

I

ПЕРВАЯ (ДОРОЖНАЯ)

Кто чего боится,
То с тем и случится, –
Ничего бояться не надо.
Эта песня пета,
Пета, да не эта,
А другая, тоже
На нее похожа.
Боже!

II

ЗАСТОЛЬНАЯ

Под узорной скатертью
Не видать стола.
Я стихам не матерью,
Мачехой была.

Эх! – бумага белая,
Строчек ровный ряд.
Сколько раз глядела я,
Как они горят,
Сплетней изувечены,
Биты кистенем,
Мечены, мечены
Каторжным клеймом.

III

ЛЮБОВНАЯ

За тебя я заплатила
Чистоганом,
Ровно десять лет ходила
Под наганом.
Ни налево, ни направо
Не глядела,
А за мной худая слава
Шелестела.

7956

IV

ЛИШНЯЯ

Тешил ужас, грела вьюга,
Вел вдоль смерти мрак...
Отняты мы друг у друга.
Разве можно так?
Если хочешь, расколдую,
Доброй быть позволь.
Выбирай себе любую,
Но не эту боль.

V

ПОСЛЕДНЯЯ

Не смеялась и не пела,
Целый день молчала,
А всего с тобой хотела
С самого начала:
Беззаботной первой ссоры,
Полной светлых бредней,
И безмолвной, черствой, скорой
Трапезы последней.

ПОДВАЛ ПАМЯТИ

О, погреб памяти.

Хлебников

Но сущий вздор, что я живу грустя
И что меня воспоминанье точит.
Не часто я у памяти в гостях,
Да и она всегда меня морочит,
Когда спускаюсь с фонарем в подвал,
Мне кажется – опять глухой обвал
Уже по узкой лестнице грохочет.
Чадит фонарь, вернуться не могу,
А знаю, что иду туда, к врагу.
И я прошу как милости... Но там
Темно и тихо. Мой окончен праздник!
Уж тридцать лет, как проводили дам,
От старости скончался тот проказник...
Я опоздала. Экая беда!
Нельзя мне показаться никуда.
Но я касаюсь живописи стен
И у камина греюсь. Что за чудо!
Сквозь эту плесень, этот чад и тлен
Сверкнули два живые изумруда.
И кот мякнул. Ну, идем домой!
Но где мой дом и где рассудок мой?

ТО

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

I

ОТРЫВОК

...И мне показалось, что это огни

Со мною летят до рассвета,
И я не дозналась – какого они,
Глаза эти странные, цвета.
И все трепетало и пело вокруг,
И я не узнала – ты враг или друг,
Зима это или лето.

1959. Москва

II

МАРТОВСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Прошлогодних сокровищ моих
Мне надолго, к несчастью, хватит,
Знаешь сам, половины из них
Злая память никак не истратит:
Набок сбившийся куполок,
Грай вороний и вопль паровоза,
И как будто отбившая срок
Ковылявшая в поле береза,
И огромных библейских дубов
Полуночная тайная сходка,
И из чьих-то приплывшая снов
И почти затонувшая лодка...
Побелив эти пашни чуть-чуть,
Там предзимье уже побродило,
Дали все в непроглядную муть
Ненароком оно превратило.
И казалось, что после конца
Никогда ничего не бывает...
Кто же бродит опять у крыльца
И по имени нас окликает?
Кто приник к ледяному стеклу
И рукою, как веткою, машет?..
А в ответ в паутинном углу
Зайчик солнечный в зеркале пляшет.

1960. Москва

III

Не стражай меня грозной судьбой
И великою северной скукой.
Нынче праздник наш первый с тобой,
И зовут этот праздник – разлукой.
Ничего, что не встретим зарю,
Что луна не блуждала над нами,
Я сегодня тебя одарю
Небывальными в мире дарами:
Отраженьем моим на воде
В час, как речке вечерней не спится,
Взглядом тем, что падучей звезде
Не помог в небеса возвратиться.
Эхом голоса, что изнемог,
А тогда был и свежий и летний, –
Чтоб ты слышать без трепета мог
Воронья подмосковного сплетни,
Чтобы сырость октябрьского дня
Стала слаще, чем майская нега...
Вспоминай же, мой ангел, меня,
Вспоминай хоть до первого снега.

1959. Москва

АНТИЧНАЯ СТРАНИЧКА

I

СМЕРТЬ СОФОКЛА

Тогда царь понял, что умер Софокл.
Легенда
На дом Софокла в ночь слетел с небес орел,
И мрачно хор цикад вдруг зазвенел из сада.
А в этот час уже в бессмертье гений шел,
Минуя вражий стан у стен родного града.
Так вот когда царю приснился странный сон:
Сам Дионис ему снять повелел осаду,
Чтоб шумом не мешать обряду похорон

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

И дать афинянам почтить его отраду.

1961

II

АЛЕКСАНДР У ФИВ

Наверно, страшен был и грозен юный царь,
Когда он произнес: «Ты уничтожишь Фивы».

И старый вождь узрел тот город горделивый,
Каким он знал его еще когда-то встарь.

Все, все предать огню! И царь перечислял
И башни, и врата, и храмы – чудо света! –

Опять подошли «незабвенные» даты.

И нет среди них ни одной не проклятой.

Но самой проклятой восходит заря,

Я знаю: колотится сердце не зря –

От звонкой минуты пред бурей морскою

Оно наливается мутной тоскою.

На прошлом я черным поставила крест,

Чего же ты хочешь, товарищ Зюйд-Вест?

Что ломаются в комнату липы и клены,

Гудит и бесчинствует табор зеленый,

И к брюху мостов подкатила вода,

И всё как тогда, и всё как тогда...

А в Мраморном крайнее пусто окно,

Там пью я с тобой ледяное вино.

И там прощаюсь с тобою навек,

Мудрец и безумец – дурной человек.

1944. Лето. Фонтанный Дом

Но вдруг задумался и, просветлев, сказал:

«Ты только присмотри, чтоб цел был Дом Поэта».

1961, октябрь

Больница в Гавани

(под кислородом)

КНИГА «ВЕНОК МЕРТВЫМ»

НОВОГОДНЯЯ БАЛЛАДА*

И месяц, скучая в облачной мгле,

Бросил в горницу тусклый взор.

Там шесть приборов стоят на столе,

И один только пуст прибор.

Это муж мой, и я, и друзья мои,

Мы Новый встречаем год,

Отчего мои пальцы словно в крови

И вино, как отравы, жжет?

Хозяин, поднявши первый стакан,

Был важен и недвижим:

«Я пью за землю родных полян,

В которой мы все лежим»,

А друг, поглядевши в лицо мое

И вспомнив Бог весть о чем,

Воскликнул: «А я за песни ее,

В которых мы все живем».

* Стихотворение «Новогодняя баллада» записано Ахматовой карандашом на обороте л. 68, на котором стихотворением, имеющим порядковый номер I – «Учитель», начинается цикл «Книга "Венок мертвым"».

«Новогодняя баллада» номера не имеет. Можно предположить, что либо это стихотворение должно было завершать предыдущий раздел, либо Ахматова намеревалась включить его в цикл «Венок мертвым» как первое вводное стихотворение без номера.

Но третий, не знавший ничего,

Когда он покинул свет,

Мыслям моим в ответ

Промолвил: «Мы выпить должны за того,

Кого еще с нами нет».

1923 ?

I

УЧИТЕЛЬ

Памяти Иннокентия Анненского

А тот, кого учителем считаю,

Как тень прошел и тени не оставил,

Весь яд впитал – всю эту одурь выпил,
И славы ждал... Он славы не дождался, –
Он был предвестьем, предзнаменованьем
Всего, что с нами после совершилось,
Всех пожалел, во всех вдохнул томленья –
И задохнулся...

1945

II

De profundis! – Мое поколение
Мало меду вкусило. И вот
Только ветер гудит в отдаленьи,
Только память о мертвых поет.
Наше было не кончено дело,
Наши были часы сочтены,
До желанного водораздела,
До вершины великой весны,
До неистового цветенья
Оставалось лишь раз вздохнуть.
Две войны, мое поколение,
Освещали твой страшный путь.

Ташкент

23 марта 1944

III

Памяти М.А. Булгакова
Вот это я тебе, взамен могильных роз,
Взамен кадильного куренья;
Ты так сурово жил и до конца донес
Великолепное презренье.
Ты пил вино – ты как никто шутил

.....

И гостью страшную ты сам к себе впустил
И с ней наедине остался.
И кто подумать смел, что полоумной мне,
Мне, плакальщице дней погибших,
Мне, тлеющей на медленном огне,
Всех потерявшей, все забывшей,
Придется вспоминать того, кто, полный сил,
И светлых замыслов, и воли,
Все кажется, вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь предсмертной боли.

1940

IV

Памяти Бориса Пильняка
Все это разгадаешь ты один...
Когда бессонный мрак вокруг клокочет,
Тот солнечный, тот ландышевый клин
Врывается во тьму декабрьской ночи, –
И по тропинке я к тебе иду,
И ты смеешься беззаботным смехом,
Но хвойный лес и камыши в пруду
Ответствуют каким-то странным эхом.
О, если этим мертвого бужу,
Прости меня, я не могу иначе:
Я о тебе, как о своем, тужу
И каждому завидую, кто плачет,
Кто может плакать в этот страшный час
О тех, кто там лежит на дне оврага...
Но выкипела, не дойдя до глаз,
Глаза мои не освежила влага.

V

О. Мандельштаму
Я над ними склонюсь, как над чашей,
В них заветных заметок не счесть –
Окровавленной юности нашей
Это черная нежная весть.
Тем же воздухом, так же над бездной
Я дышала когда-то в ночи,
В той ночи и пустой и железной,

Где напрасно зови и кричи.
О, как пряно дыханье гвоздики,
Мне когда-то приснившейся там, –
Там, где кружатся Эвридики,
Бык Европу везет по волнам,
Там, где наши проносятся тени
Над Невой, над Невой, над Невой.
Там, где плещет Нева о ступени, –
Это пропуск в бессмертие твой.
Это ключики от квартиры,
О которой теперь ни гу-гу...
Это голос таинственной лиры,
На загробном гостящей лугу.
/957

VI

М.Ц.

Бслорученька моя, чернокнижница
Невидимка, двойник, пересмешник...
Что ты прячешься в черных кустах?
То забьешься в дырявый скворешник,
То блеснешь на погибших крестах...
То кричишь из Маринкиной башни:
«Я сегодня вернулась домой,
Полюбуйтесь, родимые пашни,
Что за это случилось со мной!
Поглотила любимых пучина,
И разграблен родительский дом...»
Мы сегодня с тобою, Марина,
По столице полночной идем,
А за нами таких миллионы,
И безмолвнее шествия нет...
А вокруг погребальные звоны
Да московские хриплые стоны
Вьюги, наш заматающей след.
1940. 16 марта. Фонтанный Дом

VII

Б. Пастернаку

1

И снова осень валит Тамерланом,
В арбатских переулках тишина,
За полустанком или за туманом
Дорога непроезжая видна.
Так вот она, последняя... И ярость
Стихает, все равно что мир оглох.
Могучая евангельская старость
И тот горчайший гефсиманский вздох.
1947. Фонтанный Дом

2

Как птица, мне ответит эхо
Умолк вчера неповторимый голос,
И нас покинул собеседник рощ.
Он превратится в жизнь дающий колос
Или в тончайший, им воспетый дождь.
И все цветы, что только есть на свете,
Навстречу этой смерти расцвели.
Но сразу стало тихо на планете,
Носящей имя скромное... Земли.
1960

Боткинская больница

3

Словно дочка слепого Эдипа,
Муза к смерти провидца вела,
А одна сумасшедшая липа
В этом траурном мае цвела
Прямо против окна, где когда-то
Он поведал мне, что перед ним
Вьется путь золотой и крылатый,
Где он вышнюю волей храним.

VIII

НАС ЧЕТВЕРО

Комаровские наброски
Ужели и гитане гибкой
Все муки Данта суждены?

О.М.

Таким я вижу облик Ваш и взгляд.

Б.П.

О, Муза Плача...

М.ц.

...и отступилась я здесь от-всего,

От земного всякого блага.

Духом, хранителем «места сего»

Стала лесная коряга.

Все мы недолго у жизни в гостях,

Жить – это только привычка.

Чудится мне на воздушных путях

Двух голосов перекличка.

Двух? – А еще у восточной стены,

В зарослях крепкой малины,

Темная, свежая ветвь бузины,

Это – письмо от Марины.

1961. ноябрь

Гавань (больница)

IX

Памяти М.М.З.

Словно дальнему голосу внемлю,

А вокруг ничего, никого.

В эту черную добрую землю

Вы положите тело его.

Ни гранит, ни плакучая ива

Прах легчайший не осенят,

Только ветры морские с залива,

Чтоб оплакать его, прилетят...

1958. Комарове. Лето

X

ПАМЯТИ АНТЫ

Пусть это даже из другого цикла...

Мне видится улыбка ясных глаз,

И «умерла» так жалостно приникло

К прозванью милому,

Как будто первый раз

Я слышала его.

XI

Памяти Н.П.

И сердце то уже не отзовется

На голос мой, ликуя и скорбя.

Все кончено... И песнь моя несется

В пустую ночь, где больше нет тебя.

1953

XII

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЕ СТРОКИ

Пятым действием драмы

Веет воздух осенний,

Каждая клумба в парке

Кажется свежей могилой,

Справлена чистая тризна,

И больше нечего делать.

Что же я медлю, словно

Скоро случится чудо.

Так тяжелую лодку можно

Удерживать слабой рукою

У пристани долго, прощаясь

С тем, кто остался на суше.

1921. ц. с.

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ ОДА

{Безымянный переулок – Девяностые годы}

А в переулке забор дощатый...

Н.Г.

Ты поэт местного, царскосельского значения.

Н.П.

Настоящую оду

Нашептало... Пстой,

Царскосельскую одурь

Прячу в ящик пустой,

В роковую шкатулку,

В кипарисный ларец,

А тому переулку

Наступает конец.

Здесь не Темник, не Шуя, –

Город парков и зал,

Но тебя опишу я,

Как свой Витебск – Шагал.

Тут ходили по струнке,

Мчался рыжий рысак,

Тут еще до чугулки

Был знатнейший кабак.

Фонари на предметы

Лили матовый свет,

И придворной кареты

Промелькнул силуэт.

Так мне хочется, чтобы

Появиться могли

Голубые сугробы

С Петербургом вдали.

Здесь не древние клады,

А дощатый забор,

Интендантские склады

И извозничий двор.

Шепелявя неловко

И с грехом пополам,

Молодая чертовка

Там гадает гостям.

Там солдатская шутка

Льется, желчь не тая...

Полосатая будка

И махорки струя.

Драли песнями глотку

И клялись попадьей,

Пили допоздна водку,

Заедали кутьей.

Ворон криком прославил

Этот царственный мир,

А на розвальнях правил

Великан-кирасир.

3 августа 1961. Комарове

ИЗ «ЧЕРНЫХ ПЕСЕН»

Слова, чтоб тебя оскорбить.

Анненский

I

Прав, что не взял меня с собой

И не назвал своей подругой,

Я стала песней и судьбой,

Ночной бессонницей и вьюгой.

Меня бы не узнали вы

На пригородном полустанке

В той молодящейся, увы,

И деловитой парижанке.

II

Всем обещаньям вопреки

И перстень сняв с моей руки,

Забыл меня на дне...

Ничем не мог ты мне помочь.

Зачем же снова, в эту ночь

Свой дух прислал ко мне?

Он строен был, и юн, и рыж.
Он женщиною был,
Шептал про Рим, манил в Париж,
Как плакальщица выл,
Он больше без меня не мог...
Пускай позор, пускай острог!
Я без него могла.

1961

Комарове

ПОЧТИ В АЛЬБОМ

Услышишь гром и вспомнишь обо мне,
Подумаешь: она грозы желала...
Полоска неба будет твердо алой,
А сердце будет как тогда – в огне.
Случится это в тот московский день,
Когда я город навсегда покину
И устремлюсь к желанному притину,
Свою меж вас еще оставив тень.

Москва

1961

МЕЛХОЛА

И возлюби Мелхола, дочь Саулова, Давида,
И рече Саул: дам ему ю, и будет ему в соблазн.
Книга Царств

И отрок играет безумцу царю,
И ночь беспощадную рушит,
И громко победную кличет зарю,
И призраки ужаса душит.
И царь благосклонно ему говорит:
«Огонь в тебе, юноша, дивный горит,
И я за такое лекарство

Отдам тебе дочку и царство».

А царская дочка глядит на певца,
Ей песен не нужно, не нужно венца,
В душе ее скорбь и обида,
Но хочет Мелхола – Давида.

Бледнее, чем мертвая, рот ее сжат,
В зеленых глазах исступленье,
Сияют одежды, и стройно звенят
Запястья при каждом движеньи.

Как тайна, как сон, как прама-терь лилит!

Не волей своею она говорит:

«Наверно, с отравой мне дали питье,
И мой помрачается дух,
Бесстыдство мое – унижение мое.

Бродяга, разбойник, пастух!

Зачем же никто из придворных вельмож,

Увы, на него не похож!..

А солнца лучи... а звезды в ночи...
А эта холодная дрожь...»

1959–1961

Что нам разлука? – Лихая забава.

Беды скучают без нас.

Спьяну ли ввалится в горницу слава,

Бьет ли тринадцатый час?

Или забыты, забиты, за... кто там

Так научился стучать?

Вот и идти мне обратно к воротам

Новое горе встречать.

ЭХО

В прошлое давно пути закрыты,

И на что мне прошлое теперь?

Что там? – окровавленные плиты,

Или замурованная дверь,

Или эхо, что еще не может

Замолчать, хотя я так прошу.

С этим эхом приключилось то же,

Что и с тем, что в сердце я ношу.

/960

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

И в мире нет людей бесслеэнсй,
Надменнее и проще нас.

(1922)

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не бередит,
Не кажется обетованным раем.

Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.

Да, для нас это грязь на калошах,
Да, для нас это хруст на зубах.

И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чем не замешанный прах.
Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно – своею.
Больница в Гавани

1961

ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА

Вы напишете о нас наискосок.

И.Б.

Мне с Морозовою класть поклоны,
С падчерицей Ирода плясать,
С дымом улетать с костра Дидоны,
Чтобы с Жанной на костер опять.

Господи! Ты видишь, я устала
Воскресать, и умирать, и жить.
Все возьми, но этой розы алой
Дай мне свежесть снова ощутить.

9 августа 1962

Комарове

Если б все, кто помощи душевной
У меня просил на этом свете:
Все юродивые и немые,
Брошенные жены и калеки,
Каторжники и самоубийцы
Мне прислали по одной копейке, –
Стала б я «богаче всех в Египте»,
Как говаривал Кузмин покойный.

Но они не слали мне копейки,

НАСЛЕДНИЦА

От Сарскосельских лип...

Пушкин

Казалось мне, что песня спета
Средь этих опустелых зал.

О, кто бы мне тогда сказал,

Что я наследую все это:

Фелицу, лебеда, мосты

И все китайские затеи,

Дворца сквозные галереи

И липы дивной красоты.

И даже собственную тень,

Всю искаженную от страха,

И покаянную рубаху,

И замогильную сирень.

1959. 20 ноября

Ленинград

Так не зря мы вместе бедовали,
Даже без надежды раз вздохнуть.

Присягнули – проголосовали

И спокойно продолжают путь.

Не за то, что чистой я осталась,

Словно перед образом – свеча,

Вместе с ними я в ногах валялась

У кровавой куклы палача.

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл,
Я была тогда с моим народом
Там, где мой народ, к несчастью, был.
1961

Вот она, плодоносная осень,
Поздновато ее привели,
А пятнадцать блаженнейших весен
Я подняться не смела с земли. –
А своей со мной делились силой,
И я стала всех сильнее на свете,
Так, что даже это мне не трудно.
1961

Вербное воскресенье
Забудут? – Вот чем удивили,
Меня забывали сто раз,
Сто раз я лежала в могиле,
Где, может быть, я и сейчас,
А Муза и глохла и слепа,
В земле истлевала зерном,
Чтоб после, как феникс из пепла,
В эфире восстать голубом.
Я так близко ее разглядела,
К ней припала, ее обняла,
А она в обреченное тело
Силу тайную тайно лила.
13 сентября 1962. Комарова (ночь)

КОММЕНТАРИИ

Сокращения и условные обозначения, принятые в разделе «Комментарии»

«Аппо Domini МСМХХ1»

«Аппо Domini», 1923

«Бег времени», 1965 «Белая стая», 1917 «Белая стая», 1923

БО 1, БО 2 БП

«Аппо Domini МСМХХ1». Пб.; Берлин: «Петрополис», 1922. На титуле 1921.

«Аппо Domini». Стихотворения. Кн. 3. Изд. 2-е, доп. Пб.; Берлин:

«Петрополис» и «Алконост», 1923. «Бег времени». Стихотворения. М.; Л.:

Сов. писатель, 1965. «Белая стая». Стихотворения. Пг.: «Гиперборей»,

1917. «Белая стая». Стихотворения. Кн. 2. Изд. 4-е, доп. Пб.; Берлин:

«Петрополис» и «Алконост», 1923. Сочинения: В 2 т. М.: Библиотека «Огонек»,

изд. «Правда». 1990//Сост. и подгот. текста М.М. Кралина.

Стихотворения и поэмы. Изд. 2-е. Л.: Сов. писатель, 1976. Б-ка поэта. Большая сер./Сост., подгот. текста и примеч. В.М. Жир-мунского.

«Вечер»

«Из шести книг» «Избранное», 1943 «Подорожник» РТ

«Стихотворения», 1946

«Стихотворения», 1958 «Стихотворения», 1961

Соч., 1986

Соч., 1990

«Тростник»

«Четки», 1914 «Четки», 1923

«Вечер». Стихи. СПб.: «Цех поэтов», 1912.

«Из шести книг». Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1940. Избранное.

Стихи. [Ташкент], 1943.

«Подорожник». Стихотворения. Пб.; Берлин: «Петрополис», 1921 Рабочие тетради А. Ахматовой (РГАЛИ, ИРЛИ). Рукопись. Стихотворения 1909–1945. М.; Л.: ГИХЛ, 1946 (единичные экземпляры уничтоженного тиража).

Стихотворения. М.: ГИХЛ, 1958. Стихотворения 1909–1960. М.: ГИХЛ, 1961.

Сочинения: В 2 т. М.: Худож. литература, 1986. Т. 1 Изд. 1-е/ Сост., подгот. текста и коммент В.А. Черных.

Сочинения: В 2 т. М.: Худож. литература, 1990. Т. 1. Изд. 2-е/ Сост., подгот. текста и коммент. В.А. Черных.

«Тростник». Шестая книга стихотворений. Машинописные планы книги. РНБ. Собрание В. Г. Адмони.

«Четки». Стихи. СПб.: «Гиперборей», 1914.

«Четки». Стихотворения. Кн. 1. Изд. 9-е, доп. Пб.; Берлин: «Петрополис» и «Алконост», 1923.

ГИХЛ

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

РГАЛИ

РГБ

РНБ

Чуковская

(с указанием тома)

Государственное издательство

художественной литературы. Российский государственный

архив литературы и искусства.

Российская государственная

библиотека (бывш. ГБЛ – Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина), М.

Российская национальная библиотека (бывш. Государственная публичная библиотека

им. М.Е. Салтыкова-Щедрина), СПб. Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. В 3

т. М.: «Согласие», 1997.

В четвертый том собрания сочинений Анны Ахматовой вошли семь книг поэта в их авторской редакции. Прежде всего это изданные книги: «Вечер» (1912), «Четки» (1914), «Белая стая» (1917), «Подорожник» (1921), «Аппо Domini» (1923). Все пять книг были составлены Анной Ахматовой, выражают ее свободную авторскую волю.

Именно эти книги открыли для читателей поэта Анну Ахматову, принесли ей всероссийскую, а затем и всемирную славу. Книги «Вечер», «Четки», «Белая стая» и «Подорожник» печатаются по их первым изданиям, «Аппо Domini» – по второму

изданию, вышедшему сразу вслед за первым и вобравшему в себя первое издание «Аппо Domini МСМХХI» в виде одного из разделов. Не перепечатываются разделы «Из книги "Вечер"» в сборнике «Четки» и «Подорожник» в книге «Аппо Domini».

Шестая книга «Тростник» публикуется в ее авторском варианте, который Ахматова

впервые составила в конце 1930-х годов. Она появилась в печати только в виде

раздела «Ива» в сборнике «Из шести книг» (1940), публиковалась в виде раздела

«Тростник» в книгах «Стихотворения», 1961 и «Бег времени», 1965. Наиболее

авторитетные издания сочинений Анны Ахматовой последних десятилетий предлагали

вниманию читателей книгу «Тростник» по сборнику «Бег времени» с дополнением

нескольких не вошедших в этот сборник стихотворений по машинописному экземпляру

книги «Бег времени» 1964–1965 гг. (РГАЛИ) – см. об этом в комментариях В.А.

Черных: Соч., 1990. С. 428–429. М.М. Кралин напечатал «Тростник» по позднему

авторскому списку РНБ (БО 1. С. 179–195). В настоящий том вошел другой, более

ранний вариант книги, составленной Ахматовой в 1940–1944 гг. Этот вариант она

просмотрела и одобрила в более поздние годы, сделав в него одну вставку –

стихотворение «Я над ними склонюсь, как над чашей...» 1957 г., посвященное О.Э.

Мандельштаму.

Над своей седьмой книгой Ахматова работала в течение двух последних

десятилетий. Сохранилось множество вариантов ее композиции и состава. Она

называлась «Седьмая книга», «Нечет», «Бег времени». Мы печатаем три ее варианта

– «Нечет» и «Бег времени» в его первой и второй авторских редакциях 1962 и 1963

гг. (РГАЛИ).

Такой состав четвертого тома даст возможность читателям представить лучшие,

«ключевые», образцы лирики Анны Ахматовой. Стихи расположены так, как это

представляла себе она сама: вне хронологии, в предлагаемой автором

последовательности, дающей каждому «малому» произведению контекст протяженного

на много или несколько произведений лирического сюжета. Публикуется тот вариант

текста, который был напечатан Ахматовой в данном издании книги или включен

в публикуемую нами редакцию рукописи. Даты сохранены только в тех случаях, когда

они проставлены самой Ахматовой в данной книге. Варианты последующих изменений

композиции книг и авторских изменений текстов отдельных стихотворений приведены

в комментариях.

Читателя не должны удивлять повторы некоторых стихотворений в рукописях не

изданных при жизни поэта редакций книг. Прежде всего это касается «Седьмой

книги» в ее разных вариантах.

Поражает настойчивость, с которой Ахматова снова и снова вставляла в новые

редакции рукописи любимые, «ключевые» свои стихи. Примечательны и ее попытки

«отредактировать» тексты, сделать их либо более выразительными, либо более

«проходимыми» – иногда в ущерб художественным достоинствам.

Составитель сохранил в этих случаях варианты текста, которые имеются в разных

редакциях «Седьмой книги».

Сложность представляет выбор текста для публикации в тех случаях, когда

рукопись не содержит полного текста стихотворения, а оно обозначено лишь

названием, одной-двумя строками и датой внизу листа. В этих случаях публикуем

стихотворение по другим автографам или спискам 1960-х годов.

В большинстве случаев в книге сохраняются особенности авторской орфографии и

пунктуации, например написание слов: «башенька», «мятель», «танцовали»,

«масляничный». Там, где введение современных норм орфографии и пунктуации не

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna искажает смысла ахматовского текста, применяются нормы современного русско-го языка (например, введение прописной буквы в начале прямой речи). Используется современное написание слов: лезвие (у Ахматовой – лезвее), ветренный (у Ахматовой – ветряный).

В комментариях приводится история издания книги. Реальные и историко-литературные сведения об отдельных стихотворениях читатель может почерпнуть в тт. 1–3.

Алфавитный указатель произведений Анны Ахматовой, напечатанных в тт. 1–4, поможет читателям в их сопоставительных разысканиях.

ВЕЧЕР

Впервые отдельным изд. – Анна Ахматова. Вечер. Стихи. СПб., Цех Поэтов: 1912. Тираж 300 экз. Книга отпечатана в марте 1912 г. в типографии Ю. Мансфельда. На фронтисписе работа Е.Е. Лансере – стилизованный портрет Музы, имеющей явное сходство с Ахматовой, на фоне царскосельского пруда, с книгой в руке. Заставки А.Е. Белобородова (в книге после «Оглавления» имя художника обозначено как А.Б., из-за чего В.М. Жирмунский ошибочно предположил авторство А. Бенуа, – БП. С. 451). Обложка работы С.М. Городецкого с изображением семиструнной лиры, ставшей общей эмблемой для всех поэтических книг издательства «Цех Поэтов». В рекламном издании «Известия книжных магазинов товарищества М.О. Вольф» воспроизведены одинаковые обложки вышедших одновременно книг «Вечер» Ахматовой и «Дикая порфира» М.А. Зенкевича. В перечне «Издания Цеха Поэта» на последней нумерованной странице книги Ахматовой «Вечер» перечислены как вышедшие, так и готовящиеся книги издательства; среди вышедших: Анна Ахматова. Вечер (предисловие М. Кузмина, фронтиспис в три краски Е. Лансере), СПб., 1912. ц. 90 к.; Вл. Бестужев. Завет. СПб., 1912. ц. 1 р. 80 к.; Сергей Городецкий. Вереница восьмистиший. СПб., 1912. ц. 90 к.; М. Зенкевич. Дикая Порфира. СПб., 1912. ц. 90 к.; Е. Кузьмина-Караваева. Скифские Черепки (фронтиспис в три краски автора). СПб., 1912. ц. 90 к.; Владимир Нарбут. Аллилуйя. СПб., 1912. Среди готовящихся книг: Б. Верхоустинский «Яворчатые гусли», Василий Гиппиус «Роса», Н. Гумилев «Книга Баллад», М. Кузмин «Яблочный Сад», О. Мандельштам «Рако-вина», М. Моравская «Голубые лютики», Владимир Нарбут «Вий». В книжной летописи книга «Вечер» зарегистрирована в выпуске № 46 от 24 ноября 1912 г. – среди книг, поступивших в Главное управление по делам печати с 12 по 19 ноября. Здесь сообщалось, что книга выпущена в восьмую долю листа, размером 14 на 21 см, в ней 86 нумерованных и три нумерованных страницы, объявленная цена 90 коп., вес 10 лотов (128 г), тираж 300 экз. Книга М. Зенкевича имела такой же тираж. Книги выпускались за счет средств авторов. Позже А. Ахматова вспоминала, что издание «Вечера» стоило ей около 100 рублей.

Книга открывалась предисловием М.А. Кузмина (см. т. 1. С. 567–569).

Печ. по этому изданию с исправлением опечаток. В тех случаях, когда можно предположить наличие раннего варианта, позже исправленного автором, сохраняется этот ранний вариант. Например, в стихотворении «Музе» строка 9 в книге «Вечер»: «Знаю, гадая не мне обрывать...» позже была переделана: «Знаю, гадая и мне обрывать...» Сохраняем ранний вариант. Публикуем стихотворение «Смуглый отрок бродил по аллеям...» в его ранней редакции книги 1912 г.: строки 2: «У озерных глухих берегов», 5: «Иглы елей густо и колко», 8: «И разорванный том Парни». Строки 5 и 8 были изменены уже в 1914 г., при публикации стихов из книги «Вечер» в книге «Четки»: «Иглы сосен густо и колко», «И растрепанный том Парни». Строка 2 была изменена Ахматовой лишь в 1950-е годы: «У озерных грустил берегов» – см. об этом: Чуковская, 3. С. 166. По-новому строка была напечатана в издании «Стихотворения», 1958 и в «Беге времени». В книге «Стихотворения», 1961 – ранний вариант; то же в рукописи книги «Бег времени» (РГАЛИ) 1964 г. В стихотворении «Песня последней встречи» сохраняем строку 9, не считая опечаткой стоящее на рифме слово «унылый» (рифма – «милый»):

Я обманут, слышишь, унылый, Переменчивой злой судьбой, –
несмотря на то, что в последующих изданиях строка изменена: «Я обманут моей унылой...». Это изменение сделало рифму менее точной («унылой» – «милый») и изменило согласование слов в предложении: было – «я унылый обманут судьбой», стало – «я обманут моей унылой судьбой». Ранний вариант в поэтической системе Ахматовой возможен, речь идет об «унылом шепоте осеннем», который слышится героине после «последней встречи».

После 1912 г. книга «Вечер» отдельным изданием не выходила. Но раздел «Из книги "Вечер"» включался Ахматовой во все издания второй книги «Четки» и состоял из 30 стихотворений:

Любовь

В Царском Селе

I. «По аллее проводят лошадок...»

II. «...А там мой мраморный двойник...»

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

III. «Смуглый отрок бродил по аллеям...» «И мальчик, что играет на волынке...»
«Любовь покоряет обманно...»
«Сжала руки под темной вуалью...»
«Память о солнце в сердце слабеет...»
«Высоко в небе облачко серело...»
«Дверь полуоткрыта...»
Песня последней встречи
«Как соломинкой, пьешь мою душу...»
«Я сошла с ума, о мальчик странный...»
Похороны
Обман

I. «Весенним солнцем это утро пьяно...»
II. «Жарко веет ветер душный...»
III. «Синий вечер. Ветры кротко стихли...»
IV. «Я написала слова...» «Мне с тобою, пьяным, весело...» «Муж хлестал меня узорчатым...» Песенка
«Я пришла сюда, бездельница...» Белой ночью
«Под навесом темной риги жарко...» «Хорони, хорони меня, ветер!...» Музе
Вечерняя комната* Сероглазый король Рыбак
«Туманом легким парк наполнился...»
В девятом издании 1923 г. (Берлин: «Петрополь» и «Алконост») в разделе «Стихотворения из книги "Вечер" 1909–1911» – 32 стихотворения, добавлены ния «Как соломинкой пьешь мою душу...») и «Он весь сверкает и хрустит...» (после стихотворения «Серо-глазый король»).

В пятом издании книги «Четки» (Пг.: «Прометей», 1918) все 30 стихотворений были датированы:
Любовь 1911. Царское Село
В Царском Селе
I. «По аллее проводят лошадок...»
II. «А там мой мраморный двойник...»
III. «Смуглый отрок бродил
«
Сердце к сердцу не приковано...»
(после стихотворе
«И мальчик, что играет на волынке...» «Любовь покоряет обманно...» «Сжала руки под темной вуалью...» «Память о солнце в сердце слабеет...» «Высоко в небе облачко серело...» «Дверь полуоткрыта...» Песня последней встречи по аллеям...»
1911. Царское Село 1911. Царское Село 1911. Царское Село 1911. Киев
1911. Киев
1911. Царское Село 1911. Царское Село 1911. Царское Село
В последующих изданиях книги «Четки» вместо стихотворения «Вечерняя комната» публиковалось стихотворение «Три раза пытаться приходила...».
«Как соломинкой, пьешь мою душу...» 1911. Царское Село
«Я сошла с ума, о мальчик странный...» 1911. Царское Село
Похороны 1911. Царское Село Обман
I. «Весенним солнцем это утро пьяно...» 1910. Киев
II. «Жарко вест ветер душный...» 1910. Киев
III. «Синий вечер. Ветры кротко стихли...» 1911. Царское Село
IV. «Я написала слова...» 1911. Царское Село «Мне с тобою, пьяным, весело...» 1911
«Муж хлестал меня узорчатым...» 1911. Царское Село
Песенка 1911. Царское Село
«Я пришла сюда, бездельница...» 1911. Царское Село
Белой ночью 1911. Царское Село
«Под навесом темной риги жарко...» 1911. Царское Село
«Хорони, хорони меня, ветер...» 1909. Киев
Музе 1911. Царское Село
«Три раза пытаться приходила...» 1911. Царское Село
Сероглазый король 1910. Царское Село
Рыбак 1911. Царское Село
«Туманом легким парк наполнился...» 1911. Киев
Начиная с первого издания «Четок», стихотворения из книги «Вечер» печатались без тех «условных» названий, которые в книге «Вечер» были даны им по начальным словам первых строк: «И мальчик...», «Любовь по-коряет...», «Сжала руки...» и т.д. В третьем, четвертом и пятом изданиях «Четок» цикл «Обман» печатался с

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna посвящением «М.А. Горенко». Во втором и послед–них изданиях вплоть до девятого – «М.А. Змунчил–ла» (т.е. сохранялась девичья фамилия жены брата, А.А. Горенко). В 1940 г. раздел «Из книги "Вечер"» заключал сборник «Из шести книг». Он имел эпиграф:

La fleur des vignes pousse Et j'ai vingt ans ce soir
Andre Theuriet*.

Эпиграф взят Ахматовой из стихотворения «La Vigne en Fleur» («Виноградник в цветущем») французского поэта Андре Терье (1833–1907). Тот же эпиграф в книге «Стихотворения», 1946 и «Бег времени». Без эпиграфа раздел «Вечер» был напечатан в книге «Стихотворения», 1961.

Содержание раздела «Из книги "Вечер"» в сбор–нике «Из шести книг»:

Любовь (1911) в Царском Селе

I. «По аллею проводят лошадок...»

II. «...А там мой мраморный двойник...»

III. «Смуглый отрок бродил по аллеям...» «И мальчик, что играет на волынке...»

«Любовь покоряет обманно...»

«Сжала руки под темной вуалью...»

«Память о солнце в сердце слабеет...»

«Высоко в небе облачко серело...»

«Дверь полуоткрыта...»

«Хочешь знать, как все это было?..»

Песня последней встречи

«Как соломинкой, пьешь мою душу...»

«Я сошла с ума, о мальчик странный...»

«Я живу, как кукушка в часах...»

Похороны

Обман

I. «Весенним солнцем это утро пьяно...»

II. «Жарко веет ветер душный...»

III. «Я написала слова...»

* Распускается цветок винограда, // А мне сегодня вечером двадцать лет. Андре Терье (фр.).

«Мне с тобою пьяным весело...» «Муж хлестал меня узорчатый...» Песенка

«Я пришла сюда, бездельница...» Белой ночью

«Под навесом темной риги жарко...» «Хорони, хорони меня, ветер!..» Музе

«Три раза пытать приходила...» Сероглазый король (1910) Рыбак Сад

Подражание И.Ф. Анненскому «Туманом легким парк наполнился...» «Я и плакала и каялась...» (1911)

Даты проставлены только в трех стихотворениях.

Содержание раздела «Вечер» в книге «Стихотворения», 1946 – по экземпляру РГАЛИ с правкой, до–полнениями и пометами В.Н. Орлова (фонд В.Н. Ор–лова, РГАЛИ, ф. 2833, оп. 1, ед. хр. 371). Дата – 1945 – в названии книги исправлена В.Н. Орловым на 1946. Книга, не переплетенная, с пометами рукой В.Н. Орлова и впечатанными на свободных частях стра–ниц и вложенными машинописными текстами, допол–няющими состав каждого раздела.

ВЕЧЕР 1909–1911

La fleur des vignes pousse Et j'ai vingt ans ce soir.

Andre Theuriet

I. «Подушка уже горяча...»

II. «Тот же голос, тот же взгляд...» 1909

Читая «Гамлета»

1. «У кладбища направо пылил пустырь...»

2. «И как будто по ошибке...»

«Весенним солнцем это утро пьяно...»

«Жарко веет ветер душный...»

«Я написала слова...»

«На землю саван тягостный возложен...»

Сероглазый король

«Сжала руки под темной вуалью...»

«Память о солнце в сердце слабеет...»

«Три раза пытать приходила...»

«Дверь полуоткрыта...»

«А там мой мраморный двойник...»

Песенка («Я на солнечном восходе...»)

«Хочешь знать, как все это было?..»

«Высоко в небе облачко серело...»

Любовь («То змейкой, свернувшись клубком...»)

«Смуглый отрок бродил по аллеям...»

«И мальчик, что играет на волынке...»
Песня последней встречи
«Как соломинкой, пьешь мою душу...»
«Сердце к сердцу не приковано...»
«Я сошла с ума, о мальчик странный...»
«Меня покинул в новолунье...»
«Муж хлестал меня узорчатым...»
«Мне с тобою пьяным весело...»
«Я пришла сюда, бездельница...»
Белой ночью («Ах, дверь не запирала я...»)
«Под навесом темной риги жарко...»
Сад («Он весь сверкает и хрустит...»)
Подражание И.Ф. Анненскому

1909 1909

«Ленинград»,

1946, № 1*

1910

1910

1910

1910**

1910

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

1911

* Текст и пометы вписаны чернилами.

** Печатный текст строфы 1, чернилами вписаны строфы 2 и 3.

«Я и плакала и каялась...» 1911

«Я живу, как кукушка в часах...» 1911

Таким образом, уже в издании 1946 г. в раздел «Вечер» были включены некоторые стихотворения, ранее в книгу «Вечер» не входившие. Позже Ахматова будет называть их стихами «из первой Киевской тетради», «Предвечерием».

Намерение включить в раздел «Вечер» несколько «более ранних» стихотворений родилось у Ахматовой в середине 1940-х годов. В 1950-е годы она начала активно «вспоминать» и записывать их тексты, которые, как правило, носили печать мастерства Ахматовой 1950-х годов. В РТ 99, л. 30 об. – одна из записей плана:

Предвечерие 1909

Читая «Гамлета»

1) Офелия

2) Ты

3) Interieur

4) Тот же голос, тот же взгляд

5) И когда друг друга проклинали.

В РТ 104, л. 26 об. – запись конца 1961–1962 гг.:

Из Киевской тетради 1909

Сделать «Предвечерье»

1) Хорони, хорони

2) Пришли и сказали

3) Читая «Гамлета» (с английским эпиграфом) 09–45*

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

4) И как будто...

5) Подушка уже горяча

6) Тот же голос

* Т.е. 1909–1945. – Н. К.

7) Interieur (Молюсь оконному лучу)

8) И когда...

1910

Первая Царскосельская тетрадь (Вечер)

1. Жарко веет – лето. Царское Село

2. Первое возвращение – осень Царское Село

Эти стихи открывали раздел «Вечер» в книге «Стихо-творения», 1961, где этот раздел состоял из 21 стихо-творения:

Два стихотворения

1. «Подушка уже горяча...»

2. «Тот же голос, тот же взгляд...» 1909 Читая «Гамлета»

1. «У кладбища направо пылил пустырь...»

2. «И как будто по ошибке...» 1909 «Жарко веет ветер душный...» 1910 «На землю саван тягостный возложен...» 1910 Сероглазый король 1910 Рыбак 1911 «Сжала руки под темной вуалью...» 1911 «Память о солнце в сердце слабеет...» 1911 «Дверь полуоткрыта...» 1911 «...А там мой мраморный двойник...» 1911 Песенка 1911 Любовь 1911 «Смуглый отрок бродил по аллеям...» 1911 «И мальчик, что играет на волынке...» 1911 Песня последней встречи 1911 «Меня покинул в новолунье...» 1911 «Муж хлестал меня узорчатым...» 1911 «Я пришла сюда, бездельница...» 1911 оелю ночью 1911

В 1964 г. Ахматова с помощью Л.К. Чуковской отобрала для раздела «Вечер» книги «Бег времени»

33 стихотворения: 26 – из книги «Вечер» и 7 – из ранних, «вспомненных», возможно «переписанных» в 1940–1950-е годы и даже написанных заново. Состав раздела в книге 1965 г. и в ее рукописях 1964 г. почти совпадает. Содержание раздела «Из книги "Вечер"» в

сборнике «Бег времени»:

«Молюсь оконному лучу...» 1909 Два стихотворения

1. «Подушка уже горяча...»

2. «Тот же голос, тот же взгляд...» 1909 Читая «Гамлета»

1. «У кладбища направо пылил пустырь...»

2. «И как будто по ошибке...» 1909 «И когда друг друга проклинали...» 1909 Первое возвращение 1910 Любовь 1911 «...А там мой мраморный двойник...» 1911 «Смуглый отрок бродил по аллеям...» 1911 «И мальчик, что играет на волынке...» 1911 «Сжала руки под темной вуалью...» 1911 «Память о солнце в сердце слабеет...» 1911 «Высоко в небе облачко серело...» 1911 «Сердце к сердцу не приковано...» 1911 «Дверь полуоткрыта...» 1911 «Хочешь знать, как все это было?...» 1911 Песня последней встречи 1911 «Как соломинкой, пьешь мою душу...» 1911 «Я живу, как кукушка в часах...» 1911 «Мне с тобою пьяным весело...» 1911 «Жарко веет ветер душный...» 1910 «Я написала слова...» 1911 «Муж хлестал меня узорчатым...» 1911 Песенка 1911 «Я пришла сюда, бездельница...» 1911

* В рукописи текст отсутствует. – Н.К.

Белой ночью 1911

Музе 1911

Сероглазый король 1910

Рыбак 1911

«Мурка, не ходи, там сыч...» 1911

«Меня покинул в новолунье...» 1911

«Туманом легким парк наполнился...» 1912

В рукописи книги «Бег времени», 1964 (РГАЛИ) есть также стихотворение «Три раза пытать приходи-ла...». В современных изданиях раздел «Вечер» печатался по-разному. В.А. Черных опубликовал его приближенно к композиции книги «Бег времени»: вначале «Из первой (Киевской) тетради» – семь стихотворений, затем, начиная со стихотворения «Любовь», – текст книги «Вечер», дополненный несколькими стихо-творениями из сборника «Четки» и из раздела «Вечер» в сборнике «Из шести книг», так что в разделе «Вечер» стало 56 стихотворений (Соч., 1986 и Соч., 1990. С. 20–48).

В бп. С. 25–50 В.М. Жирмунским воспроизведена композиция книги «Вечер» с поправками, сделанными Ахматовой в текстах отдельных стихотворений при их издании в сборнике «Из шести книг», «Стихотворения», 1961 и «Бег времени». После основного текста следуют дополнения – 10 стихотворений, частично совпадающих с составом «Предвечерия», частично входящих в сборник «Четки» и «Подорожник» –

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
БП. С. 50–54.

М.М. Кралин в БО 1. С. 23–44 публикует «Вечер» по тексту сборника «Из шести книг», который признает «наиболее соответствующим авторской воле», вводя в основной текст стихи будущего «Предвечерия» (без этого названия, стихи открывают книгу), но исключив ряд стихотворений, как это было сделано в сборнике «Из шести книг». Всего в разделе «Вечер» в БО 1 оказалось 45 стихотворений.

ЧЕТКИ

Впервые отдельным изданием – «Четки. Стихи. СПб.: «Гиперборей», 1914. Вторая книга Ахматовой вышла 15 марта 1914 г. (по ст. ст.) тиражом 1000 экз. Книга состояла из четырех разделов и пятого нелюбопытного – «Стихи из книги "Вечер"», где были перепечатаны из книги «Вечер» 30 стихотворений (см. С. 464–465). В книгу вошли 52 новых стихотворения, из которых до выхода книги в журналах и альманахах было опубликовано 28.

Печ. по этому изданию. Книга была сразу распродана, и в том же году потребовалось ее переиздание. За 1914–1923 гг. книга издавалась одиннадцать раз (из них три раза без разрешения автора, что Ахматова называла «контрафакцией») (см. Т. 1. С. 579).

Композиция книги «Четки» от издания к изданию менялась незначительно. В третьем, четвертом и пятом изданиях после стихотворения «Прогулка» следовало стихотворение «После ветра и мороза было...». После «Безвольно пощады просят...» – «В последний раз мы встретились тогда...». Третий раздел начинался стихотворением «Вижу выцветший флаг над таможней...», вторым следовало «Помолись о нищей, о потерянной...». В стихотворении «Солнце комнату наполнило...» заглавие «8 ноября 1913 г.» стало его датой. Этих изменений нет в последнем, дополненном девятом издании «Четок», 1923. По-видимому, за основу этой книги было принято первое или второе издание «Четок» 1914 и 1915 гг. Между стихотворениями «После ветра и мороза было...» и «...И на ступеньки встретить...» в девятом издании было помещено стихотворение «Косноязычно славивший меня...», без даты. Между стихотворениями «Отрывок» и «Настоящую нежность не спутаешь...» – «Горят твои ладони...», без даты, но с обозначением места написания двумя буквами: «Ц.С.» Над текстом стихотворения «В ремешках пенал и книги были...» – посвящение: Н. Гумилеву. Третий раздел заканчивался стихотворением «Будешь жить, не зная лиха...», без даты. Завершило всю книгу трехстишие «Простишь ли мне эти ноябрьские дни...», с датой – Ноябрь 1913.

Петербург. После этого шли стихотворения из книги «Вечер». Наиболее существенные изменения в текстах отдельных стихотворений после первого издания книги «Четки» следующие.

В стихотворении «Я научилась просто, мудро жить...» в строке 12 написание «На башеньке», сохранявшееся во втором и третьем изданиях, было заменено более современным: «На башенке...». В стихотворении «Бессонница» строка 9 «Окна тканью белою завешаны» печаталась, начиная с первого издания, как «завешены»; в девятом издании форма: «завешаны». В стихотворении «Помолись о нищей, о потерянной...» строка 3, начиная со второго издания, печаталась: «Ты, в своих путях всегда уверенный». В стихотворении «Плотно сомкнуты губы сухие...» строка 4 в ряде изданий: «На душистой сапфирной парче». В стихотворении «Сердце бьется ровно, мерно...» в строке 8 эпитет «Неоткрытый веер мой» в девятом издании заменен на «нераскрытый». Строка 16: «Ах! любовь утолена...», начиная со второго издания, изменена: «Вся любовь утолена».

В стихотворении «Я пришла тебя сменить, сестра...» строка 25 в восьмом и девятом изданиях «Четок», а также в журнале «Аполлон» печаталась: «И наверно брела, как слепая...». В других изданиях, начиная с первого, – «И неверно брела, как слепая...». Во всех этих случаях мы оставляем варианты текстов первого издания «Четок».

В дальнейшем раздел «Из книги "Четки"» входил в сборники Ахматовой 1940, 1946, 1961 и 1965 гг. В сборнике «Из шести книг» он получил эпиграф из стихотворения Е.А. Баратынского «Оправдание».

Прости ж навек! Но знай, что двух виновных,
Не одного, найдутся имена

В стихах моих, в преданиях любовных...

Баратынский

Содержание раздела «Из книги "Четки"» в сборнике «Из шести книг»:

Смятение

I. «Было душно от жгучего света...» (1913)

II. «Не любишь, не хочешь смотреть?..»

III. «Как велит простая учтивость...» Прогулка

Вечером

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

«Все мы бражники здесь, блудницы...» «После ветра и мороза было...» «Косноязычно славивший меня...» «...И на ступеньки встретить...» «Безвольно пощады просят...»
«Покорно мне воображенья...» Отрывок
«Настоящую нежность не спутаешь...»
«Не будем пить из одного стакана...»
«У меня есть улыбка одна...»
«Столько просьб у любимой всегда!..»
«В последний раз мы встретились тогда...»
«Здравствуй! Легкий шелест слышишь...»
«Цветов и неживых вещей...»
«Каждый день по-новому тревожен...»
«Он длится без конца – янтарный, тяжкий день!..»
Голос памяти
«Я научилась просто, мудро жить...»
«Здесь все то же, то же, что и прежде...» (1912)

Бессонница

«Ты знаешь, я томлюсь в неволе...» «Углем наметил на левом боку...» «Вижу выцветший флаг над таможей...» 8 ноября 1913

«Ты пришел меня утешить, милый...» (1913)

«Умирая, томлюсь о бессмертии...»

«Ты письмо мое, милый, не комкай...»

«Со дня Купальницы-Аграфены...»

«Я с тобой не стану пить вино...»

«Вечерние часы перед столом...»

«Как вплелась в мои темные косы...»

«Я пришла тебя сменить, сестра...» (1912)

Стихи о Петербурге

I. «Вновь Исакий в облаченьи...»

II. «Сердце бьется ровно, мерно...» «Меня покинул в новолунье...» (1912) «Знаю, знаю – снова лыжи...» Венеция

«Протертый коврик под иконой...» Гость

«Я пришла к поэту в гости...»

«В то время я гостила на земле...»

«Простишь ли мне эти ноябрьские дни...» (1913)

Даты проставлены только под шестью стихотворе-

Содержание раздела «Четки» в книге «Стихотворения», 1946 – по экземпляру РГАЛИ с правкой и пометами В.Н. Орлова и вложенными машинописными текстами, (фонд В.Н. Орлова РГАЛИ, ф. 2833, оп. 1, ед. хр. 371):

ниями.

ЧЕТКИ

1912-1913

Прости ж навек! Но знай, что двух виновных,

Не одного, найдутся имена

В стихах моих, в преданиях любовных...

Баратынский

«Туманом легким парк наполнился...» Бессонница

«Безвольно пощады просят...» Отрывок («...И кто-то, во мраке

1912 1912 1912

дерев незримый...») «Слаб голос мой, но воля не слабеет...» «Я научилась просто, мудро жить...» «Здесь все то же, то же, что и прежде...» Венеция

«Потускнел на небе синий лак...» «Протертый коврик под иконой...» «Помолись о нищей, о потерянной...»

1912 1912 1912 1912

1912 1912

1912 май, Флоренция

* Здесь и далее в комментариях звездочкой слева помечены стихотворения, отпечатанные на машинке (страницы вложены в книгу или отпечатаны на ее страницах).

*«Умирая, томлюсь о бессмертии...» 1912

*«Ты письмо мое, милый, не комкай...» 1912

*«В ремешках пенал и книги были...» 1912.

Царское Село

*«Дал Ты мне молодость трудную...» 1912.

19 декабря.

*«Горят твои ладони...» Царское Село *«Косноязычно славивший меня...» *«Будешь жить, не зная лиха...»

*«Приходи на меня посмотреть...» («Нива».

1912. № 44)

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

*«Как вплелась в мои темные косы...» 1912
«Я пришла тебя сменить, сестра...» 1912
«Все мы бражники здесь, блудницы...» 1913 Смятение
I. «Было душно от жгучего света...» 1913
II. «Не любишь, не хочешь смотреть?...» 1913
III. «Как велит простая учтивость...» 1913 «Проводила друга до передней...» 1913
«У меня есть улыбка одна...» 1913 «...И на ступеньки встретить...» 1913 «То пятое время года...» 1913 «О, это был прохладный день...» 1913 «Как страшно изменилось тело...» 1913 Возвращение («Вижу выцветший флаг над таможенной...») 1913
«О тебе вспоминаю я редко...» 1913 Стихи о Петербурге
I. «Вновь Исакий в облаченьи...» 1913
II. «Сердце бьется ровно, мерно...» 1913 Вечером («Звенела музыка в саду...») 1913 Прогулка («Перо задело о верх экипажа...») 1913 «Ты пришел меня утешить, милый...» 1913 «Вечерние часы перед столом...» 1913 Голос памяти («Что ты видишь, тускло на стену смотря...») 1913
«Покорно мне воображенье...» 1913
«Ты знаешь, я томлюсь в неволе...» 1913
«Цветов и неживых вещей...» 1913
«Каждый день по-новому тревожен...» 1913
«Твой белый дом и тихий сад оставлю...» 1913 «Он длится без конца, – янтарный, тяжкий день!..» 1913 «Со дня Купальницы-Аграфены...» 1913 «Не будем пить из одного стакана...» 1913 В зеркале («На шее мелких четок ряд...») 1913
«Знаю, знаю – снова лыжи...» 1913 «Здравствуй! Легкий шелест слышишь...» 1913
*Последнее письмо («О спутник мой 1913, осень, Слеп-неосторожный!..») нсво. Сб. «Скри-жаль», 1917, 1.
*« Мальчик сказал мне: "Как это больно..."» 1913 осень
*«Высокис своды костела...» 1913 ноябрь
*«Плотно сомкнуты губы сухие...» 1913 осень
*«Я так молилась: "Утоли..."» 1913 8 ноября 1913 («Солнце комнату наполнило...») 1913
«Простишь ли мне эти ноябрьские дни?...» 1913
«Столько просьб у любимой всегда!..» 1913
«Настоящую нежность не спутаешь...» 1913
«Я с тобой не стану пить вино...» 1913
9 декабря 1913 («Самые темные дни в году...») 1913
Содержание раздела «Четки» в книге «Стихотворения», 1961:
ЧЕТКИ
«Безвольно пощады просят...» 1912
«Слаб голос мой, но воля не слабеет...» 1912
Венеция 1912
«Потускнел на небе синий лак...» 1912
«Ты письмо мое, милый, не комкай...» 1912
«Как вплелась в эти темные косы...» 1912
Смятение
1. «Было душно от жгучего света...»
2. «Не любишь, не хочешь смотреть?...»
3. «Как велит простая учтивость...» 1913
«Проводила друга до передней...» 1913
«...И на ступеньки встретить...» 1913
«То пятое время года...» 1913
«О, это был прохладный день...» 1913
«Вижу выцветший флаг над таможенной...» 1913 Стихи о Петербурге
1. «Вновь Исакий в облаченьи...»
2. «Сердце бьется ровно, мерно...» 1913 Вечером 1913 Прогулка 1913 «Вечерние часы перед столом...» 1913 «Покорно мне воображенье...» 1913, Слепнсво «Цветов и неживых вещей...» 1913 «Каждый день по-новому тревожен...» 1913
«Не будем пить из одного стакана...» 1913
В зеркале 1913
«Знаю, знаю – снова лыжи...» 1913
«Настоящую нежность не спутаешь...» 1913
«Я с тобой не стану пить вино...» 1913
В 1964 г. Ахматова с помощью Л.К. Чуковской отобрала для раздела «Четки» (сборник «Бег времени») 39 стихотворений. Почти в том же составе раздел появился в книге 1965 г. Содержание раздела «Из книги "Четки"» в книге «Бег

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
времени»:

Смятение

1. «Было душно от жгучего света...»

2. «Не любишь, не хочешь смотреть?..»

3. «Как велит простая учтивость...» 1913

Прогулка 1913

«Я не любви твоей прошу...» 1914

«После ветра и мороза было...» 1914

Вечером 1913

«Все мы бражники здесь, блудницы...» 1 января 1913*

«...И на ступеньки встретить...» 1913

«Безвольно пощады просят...» 1912

«В последний раз мы встретились тогда...» 1914

«Покорно мне воображенье...» Слепнево.1913

Отрывок 1912

«Не будем пить из одного стакана...» 1913

«У меня есть улыбка одна...» 1913

«Настоящую нежность не спутаешь...» 1913

«Проводила друга до передней...» 1913"

«Столько просьб у любимой всегда!..» 1913

«Здравствуй! Легкий шелест слышишь...» 1913

«Цветов и неживых вещей...» 1913

«Каждый день по-новому тревожен...» 1913

«Он длится без конца – янтарный,

тяжкий день!..» 1912

Голос памяти 1913

«Я научилась просто, мудро жить...» 1912

Бессонница 1912

«Ты знаешь, я томлюсь в неволе...» 1913

«Углем наметил на левом боку...» 1914

«Вижу выцветший флаг над таможей...» 1913

«Ты письмо мое, милый, не комкай...» 1912

«Со дня Купальницы-Аграфены...» Осень 1913

«Я с тобой не стану пить вино...» 1913

«Вечерние часы перед столом...» 1913

«Как вплелась в мои темные косы...» 1912

Стихи о Петербурге

1. «Вновь Исакий в облачеиьи...»

2. «Сердце бьется ровно, мерно...» 1913

«Знаю, знаю – снова лыжи...» 1913

Венеция 1912

Гость 1 января 1914

«Я пришла к поэту в гости...» 1914

А в рукописи 1964 г. (РГАЛИ) первая строка: «Все мы вышли из небылицы...».

** В рукописи 1964 г. (РГАЛИ) отсутствовало.

В наиболее авторитетных посмертных изданиях раздел «Четки» печатался по-разному.

В.М. Жирмунский (БП) напечатал «Четки», «следуя порядку» первого издания, поместив в «Дополнения» стихи, включенные в состав сборника позднее.

В.А. Черных в изданиях Соч., 1987 и Соч., 1990 воспроизводит «полный состав

книги» (54 стихотворения), ориентируясь на книгу «Бег времени» и дополняя

раздел стихотворениями из всех изданий «Четок». Примерно так же публикует

«Четки» М.М. Кралин (БО 1, 56 стихотворений).

БЕЛАЯ СТАЯ

Впервые отдельным изданием – «Белая стая. Стихотворения Анны Ахматовой». Пг.:

«Гиперборей», 1917. Книга вышла в свет в сентябре 1917 г., тираж 2000 экз. В

книгу вошли 83 стихотворения, составившие разделы I-IV. Раздел V – поэма «У

самого моря». В периодической печати, сборниках и альманахах до выхода книги

было опубликовано 65 стихотворений и поэма.

Печ. по этому изданию.

Наиболее существенные отличия текстов первого издания книги «Белая стая» от

последующих таковы. В стихотворении «Слаб голос мой, но воля не слабеет...»

строка 8 «Смертельной мне не кажется иглой» печаталась так вплоть до сборника

«Из шести книг»; в дальнейшем была изменена Ахматовой: «Смертельной мне не

кажется стрелой», – см. об этом: Чуковская, 1. С 106-107.

В стихотворении «Ответ» («какие странные слова...») строка 12 в журнале

«Аполлон» и в первых двух изданиях «Белой стаи» печаталась: «Еще не названною

мукой». В дальнейшем она была изменена: «Еще не названную мукой». В.М.

Жирмунский считал ранний вариант опечаткой, однако мы полагаем, что в

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna поэтической системе Ахматовой могла существовать и такая форма. В стихотворении «Потускнел на небе синий лак...» последние строки (7–8) по «Белой стае», 1917 были воспроизведены в книге «Бег времени», 1965. В журнале «Гиперборей» 1913 г., в сборнике «Из шести книг», «Стихотворения», 1961 и др. печатался иной вариант: Сквозь листву растрепанной ольхи Солнце землю косо освещает. В стихотворении «Зачем притворяешься ты...» строка 4: «Мне с неба кровавой зарницей» – позже была заменена: «Мне с неба внезапной зарницей» («Стихотворения», 1958). Возможно, замена сделана по цензурным условиям. Уже эти немногие примеры показывают, что первое издание сборника «Белая стая» было важным этапом становления ахматовских текстов. Второе издание – «Белая стая. Стихотворения Анны Ахматовой». СПб., Книгоиздательство «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1918 – композиционно повторяет первое издание: те же четыре раздела стихотворений и поэма «У самого моря». Отличия от первого издания: отсутствуют четыре стихотворения: «Еще весна таинственная млела...», «Подошла. Я волненья не выдал...», «О тебе вспоминаю я редко...» и «Лучше б мне частушки задорно выкликать...». Вместо них на те же страницы вставлены: «И мнится, голос человека...», «Как площади эти обширны...», «Когда в мрачнейшей из столиц...» и «Для того ль тебя носила...» В 1919 г. без разрешения автора («контра-факция») в Тифлисе вышло «избранное» из книги «Белая стая»: «Белая стая. Избранные стихотворения Анны Ахматовой». Тифлис: Издательство «Кавказский Посредник», 1919. В книге было 27 стихотворений. Разделов нет. Текст поэмы отсутствует. Тексты полностью повторяют первое издание. Третье издание вышло в 1922 г. – «Анна Ахматова. Белая стая. Стихотворения». Третье издание. Пг.: «Алконост», 1922. Тексты впервые напечатаны по со-временной орфографии. В книге 89 стихотворений, раз-делы I–IV. Поэмы нет. Как во втором издании, вклю-чены стихотворения: «И мнится, голос человека...», «Как площади эти обширны...», «Когда в мрачнейшей из столиц...», «Для того ль тебя носила...». Кроме того, вновь включены стихотворения «Лучше б мне частушки задорно выкликать...» (С. 113) и «Еще весна таинст-венная млела...» (С. 115), которые были в первом и отсутствовали во втором издании. Впервые включены в книгу «Белая стая»: «Мне не надо счастья малого...» с датой – 1914. Лето; «Город сгинул, последнего дома...» с датой – 1916. Слепнево; «О, есть неповторимые сло-ва...» с датой – 1916. Зима. Севастополь. Этими сти-хотворениями завершается книга. Четвертое издание вышло в 1923 г. в составе трех-томника: «Анна Ахматова. Стихотворения. Книга вто-рая. "Белая стая". Издание четвертое, дополненное». Пб.; Берлин: Издательства «Петрополис» и «Алконост», 1923. На обороте титульного листа: «Настоящая книга отпечатана совместно издательствами "Петропо-лис" и "Алконост" в типографии Зинабург и К° в Берлине в ноябре 1922». В четвертом издании 92 стихотворения, составляющие разделы I–IV, и поэма «У самого моря», не выделенная в V раздел. По сравнению со всеми предыдущими изданиями четвертое является наиболее полным, учитывающим ис-правления, сделанные в предыдущих изданиях, главным образом в третьем. Уточнены многие даты, например. «Уединение»: было – 1914, стало – 1913. Слепнево. Лето. Во многих случаях добавлены сведения о месте написания: «Царское Село», «Слепнево», «Петербург». В нескольких стихотворениях указаны посвящения: Н.В.Н. – т.е. Николаю Владимировичу Недоброво, А.Л. – Артуру Сергеевичу Лурье, – которых не бы-ло в предыдущих изданиях. Дополнения и уточнения сделаны, очевидно, при участии автора. Содержание книги «Белая стая». Стихотворения. Книга вторая. Издание 4-е, дополненное. Пб.; Берлин: «Петрополис» и «Алконост», 1923: Горю и ночью дорога светла. Анненский I «Думали: нищие мы, нету у нас ничего...» 1915 «Твой белый дом и тихий сад оставлю...» 1913 Уединение 1913. Слепнево Лето Песня о песне «Слаб голос мой, но воля не слабеет...» «Был он ревнивым, тревожным и нежным...» «Тяжела ты, любовная память!..» «Потускнел на небе синий лак...» «Вместо мудрости – опытность, пресное...» «А! Это снова ты. Не отроком влюбленным...» «Муза ушла по дороге...» «Я улыбаться перестала...» «Они летят, они еще в дороге...» «О, это был прохладный день...» «Я так молилась: "Утоли..."» «Есть в близости людей

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
заветная черта...» «Все отнято: и сила, и любовь...»
«Нам свежесть слов и чувства
простоту...» Ответ
«Был блаженной моей колыбелью...»
II
9 декабря 1913 года
«Как ты можешь смотреть на Неву...»
«Под крышей промерзшей пустого жилья...»
«Целый год ты со мной неразлучен...»
«Древний город словно вымер...»
«И мнится – голос человека...»
Разлука
«Чернеет дорога приморского сада...»
1916
1912. Царское
[Село]
1914
1914
1912
1913
1916. Слепнево. Лето
1915. Царское Село
1915. Царское Село. Весна
1916. Слепнево. Лето
1913 1913
1915. Петербург. Весна
1916. Севасто-поль. Осень
1915
1914. Царское Село. Весна 1914
1914 1915 1914 1914 1917 1914 1914
«Не в лесу мы, довольно аукать...» «Господь немилостив к жнецам и садоводам...»
«Все обещало мне его...» «Как невеста, получаю...»
«Божий Ангел, зимним утром...»
«Ведь где-то есть простая жизнь и свет...»
«Как площади эти обширны...»
Побег
«Когда в мрачнейшей из столиц...»
Царскосельская статуя
«Вновь подарен мне дремотой...»
«Все мне видится Павловск холмистый...» «Бессмертник сух и розов. Облака...»
III
Майский снег
«Зачем притворяешься ты...» «Пустых небес прозрачное стекло...» Июль
I. «Пахнет гарью. Четыре недели...»
II. «Можжевельника запах сладкий...»
«Тот голос, с тишиной великой споря...» «Мы не умеем прощаться...» Утешение
«Для того ль тебя носила...» Молитва
«Где, высокая, твой цыганенок...» «Столько раз я проклинала...»
«Ни в лодке, ни в телеге...»
1914 1915 1916
1915. Хювинк-кя. Осень 1914
1915 1917
1914. Лето
1916. Август. Песочная Бухта 1916. Осень 1916. Севасто-поль. Осень 1915
1916
1916 1915 1914 1914
20 июля 1914.
Слепнево
20 июля 1914.
Слепнево
1914
1917
1914. Царское Село
1918. Петербург
1915
1914
1915. Июль. Слепнево 1916
«Вижу, вижу лунный лук...» «Бесшумно ходили по дому...»

Моей сестре («Подошла я
к сосновому лесу...») «Так раненого журавля...» «Буду тихо на погосте...»
«Высокомерьем дух твой помрачен...» «Приду туда, и отлетит томление...» «Стал
мне реже сниться, слава Богу...» «Будем вместе, милый, вместе...» Памяти 19 июля
1914

IV

«Перед весной бывают дни такие...» «То пятое время года...» «Выбрала сама я
долю...»

Белый дом

«Долго шел через поля и села...» «Широк и желт вечерний свет...»

«Я не знаю, ты жив или умер...»

«Нет, царевич, я не та...»

«Из памяти твоей я выну этот день...»

«Не хулил меня, не славил...»

«Там тень моя осталась и тоскует...»

«Двадцать первое. Ночь. Понедельник...»

«Небо мелкий дождик сеет...»

«Я знаю, ты моя награда...»

«Да, я любила их, те сборища ночные...»

«Не тайны и не печали...»

1915

1914. Июль.

Слепнево

1914. Дарница.

Лето

1915

1915

1 января 1917 1916

1915 1916

1915 1913

1915. Весна. Петербург 1915. Март. Царское Село 1914

1915. Весна 1915. Весна. Царское Село

1915. Лето. Слепнево 1915

1915 1915 1917 1917

1916. Весна. Слепнево 1916

1917

Милому

«Судьба ли так моя переменялась...»

«Как белый камень в глубине колодца...»

«Первый луч – благословенье Бога...» «Не оттого ль, уйдя от легкости
проклятой...» «Родилась я ни поздно, ни рано...» «Лучше б мне частушки задорно
выкликать...» «Мне не надо счастья малого...» «Еще весна таинственная млела...»
«Город сгинул, последнего дома...» «О, есть неповторимые слова...»

V

1915. Февраль. Царское Село

1916. Севастопо-ль. Декабрь 1916. Севастопо-ль. Лето 1916

1917

1914

1914. Лето 1917. Весна 1916. Слепнево 1916. Зима. Севастополь

1914

У самого моря

После 1923 г. как отдельная книга «Белая стая» не печаталась.

Под этим названием и под названием «Из книги "Белая стая"» часть ее текстов
входила в качестве разде-лов в сборники: «Из шести книг», «Стихотворения», 1946;
«Стихотворения», 1961 и «Бег времени». Во всех случаях композиция книги
разрушалась. Не со-хранялось пятичастное построение, изменялся порядок
стихотворений. Иногда в раздел «Белая стая» включа-лись произведения, ранее
входившие в другие книги. Многие произведения, напечатанные в третьем и
чет-вертом изданиях «Белой стаи» 1922–1923 гг., оказа-лись в 1940-е и в 1960-е
годы «непроходными» через препоны цензуры. Большую роль играли также
сооб-ражения объема книги – Анне Ахматовой хотелось опубликовать как можно
больше новых стихов, объемы старых книг сокращались. Наконец, форма раздела
диктовала новый порядок произведений, заставляла «отсекать» отдельные линии
сюжета или темы. Иногда «усечение» состава раздела «Белая стая» диктовалось
стремлением выстроить стихотворения по хронологии (с точностью до года). Так был
сформирован состав книги 1946 г. Раздел назывался здесь «Белая стая. 1914–
1916».

Раздел «Из книги "Белая стая"» в сборнике «Из шести книг» не имеет разделов,

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
открывается не стихотворением «Думали: нищие мы...», а вторым стихотворением
книги: «Твой белый дом и тихий сад оставлю...» Другой «зачин» задает и другой
тон книге – более интимный, более углубленный в личные переживания. В разделе 86
стихотворений, – т.е. по полноте он почти приближается к четвертому,
дополненному изданию «Белой стаи». Последовательность произведений также почти
буквально повторяет книгу, иногда отдельные стихотворения переставлены местами.
Исключены: «Думали: нищие мы...», «Тот голос, с тишиной великой споря...»,
«Утешение», «Для того ль тебя носила...», «Стал мне реже снится, слава
Богу...», «Высокомерьем дух твой помрачен...», «Не хулил меня, не славил...»,
«Город сгинул, последнего дома...». Вместе с тем в раздел включены стихотворения
из «Белой стаи», 1917, которые Ахматова изымала из ее поздних изданий –
«Подошла. Я волненья не выдал...», «О тебе вспоминаю я редко...». Изъятия
стихотворений ослабили гражданское содержание книги «Белая стая» –
взгляд поэта в прошлое страны «в тоске предельной», плач по убитым на войне и
расстрелянным; в ряде лирических стихотворений о любви, возможно, криминалом
оказалась их обращенность к Богу и церкви.
Содержание раздела «Из книги "Белая стая"» в сборнике «Из шести книг»:
«Твой белый дом и тихий сад оставлю...» 1913
Уединение 1914
Песня о песне
«Слаб голос мой, но воля не слабеет...»
«Был он ревнивым, тревожным и нежным...» 1914
«Тяжела ты, любовная память!..»
«Потускнел на небе синий лак...»
«Вместо мудрости – опытность, пресное...»
«А! Это снова ты. Не отроком влюбленным...»
«Муза ушла по дороге...»
«Я улыбаться перестала...»
«Они летят, они еще в дороге...»
«О, это был прохладный день...»
«Я так молилась: "Утоли..."»
«Есть в близости людей заветная черта...»
«Все отнято: и сила, и любовь...» 1916
«Нам свежесть слов и чувства простоту...»
Ответ
«Был блаженной моей колыбелью...» 9 декабря 1913
«Как ты можешь смотреть на Неву...» 1914
«Под крышей промерзшей пустого жилья...»
«Целый год ты со мной неразлучен...» 1915. Весна
«Древний город словно вымер...»
«И мнится – голос человека...»
Разлука
«Чернеет дорога приморского сада...»
«Не в лесу мы, довольно аукать...»
«Господь немилостив к жнецам и садоводам...»
«Все обещало мне его...»
«Как невеста, получаю...»
«Божий ангел, зимним утром...»
«Ведь где-то есть простая жизнь и свет...»
«О тебе вспоминаю я редко...» 1913
«Как площади эти обширны...»
Побег 1914
«Когда в мрачнейшей из столиц...» 1916
Царскосельская статуя
«Все мне видится Павловск холмистый...»
«Вновь подарен мне дремотой...» 1916
«Бессмертник сух и розов. Облака...»
«Подошла. Я волненья не выдал...» 1914
Майский снег
«Зачем притворяешься ты...»
«Пустых небес прозрачное стекло...»
Июль 1914
«Мы не умеем прощаться...»
Молитва
«Где, высокая, твой цыганенок...»
«Столько раз я проклинала...» 1915
«Ни в лодке, ни в телеге...» «Вижу, вижу лунный лук...» «Бесшумно ходили по
дому...»

Моей сестре 1914

«Так раненого журавля...»

«Буду тихо на погосте...»

«Приду туда, и отлетит томленьё...»

«Будем вместе, милый, вместе...» 1915

Памяти 19 июля 1914

«Перед весной бывают дни такие...» 1915

«То пятое время года...» «Выбрала сама я долю...»

Сон 1915

«Морозное солнце. С парада...» 1914

494 I Анна А

а Ахматова. Собрание сочинений

«

«

:Долго шел через поля и села...» :Широк и желт вечерний свет...» :Я не знаю, ты жив или умер...» :Нет, царевич, я не та...»

1915

«Из памяти твоей я выну этот день...»

«Там тень моя осталась и тоскует...»

«Двадцать первое. Ночь. Понедельник...»

«Небо мелкий дождик сеет...»

«Я знаю, ты моя награда...»

«Да, я любила их, те сборища ночные...»

«Не тайны и не печали...»

Милому

«Судьба ли так моя переменилась...» 1916

«Как белый камень в глубине колодца...»

«Первый луч – благословенье Бога...»

«Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой...» 1917

«Родилась я ни поздно, ни рано...» 1913

«Лучше б мне частушки задорно выкликать...»

«Еще весна таинственная млела...»

«Мне не надо счастья малого...»

«О, есть неповторимые слова...» 1916

Содержание раздела «Белая стая» в книге «Стихотворения», 1946 – по экземпляру РГАЛИ с правкой, дополнениями и пометами В.Н. Орлова и вложенными машинописными текстами (фонд В.Н. Орлова.

Горю и ночью дорога светла.

Анненский

Гость («Все как раньше: в окна столовой...») 1914

РГАЛИ, ф. 2833, оп. 1, ед. хр. 371):

БЕЛАЯ СТАЯ

1914–1916

«

«

«

После ветра и мороза было...» В последний раз мы встретились тогда... Мурка не ходи, там сыч...»

1914 1914 1914

*Тамаре Карсавиной («Как песню, слагаешь ты легкий танец...») Март 1914

«Я пришла к поэту в гости...» Январь 1914

«Ты мог бы мне сниться и реже...» 1914

«Углем наметил на левом боку...» 1914

«Земная слава как дым...» 1914

*«Подошла. Я волненья не выдал...» 1914

*«Божий ангел, зимним утром...» 1914

Июль 1914

*1. «Пахнет гарью. Четыре недели...» 20 июля 1914. Слепнево

*П. «Можжевельника запах сладкий...» 20 июля 1914. Слепнево

*«Тот голос, с тишиной великой споря...» 1914

*Утешение («Вестей от него не получишь больше...») Село 1914. Царское

«Вместо мудрости – опытность, пресное...» 1914

«Как ты можешь смотреть на Неву...» 1914

Разлука («Вечерний и наклонный...») 1914

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

«Чернеет дорога...» 1914
«Где высокая, твой цыганенок...» 1914
«Не в лесу мы, довольно аукать...» 1914
«Был блаженной моей колыбелью...» 1914
«Лучше б мне частушки...» 1914
«Тяжела ты, любовная память...» 1914
Ответ («Какие странные слова...») 1914
Уединение («Так много камней брошено в меня...») 1914
Побег («Нам бы только до взморья добраться...») 1914
*«Мне не надо счастья малого...» 1914. лето
Белый дом («Морозное солнце. С парада...») 1914
*«Я не любви твоей прошу...» 1914 «Звезда» 1946. № 1
«Древний город словно вымер...» 1914. Киев
«Бесшумно ходили по дому...» *«Подошла я к сосновому лесу...»
«Пустых небес прозрачное стекло...»
«Был он ревнивым, тревожным и нежным...»
Милому
«Так раненого журавля...»
Сон («Я знала, я снюсь тебе...») «Перед весной бывают дни такие...»
«Я улыбаться перестала...»
«Долго шел через поля и села...»
«Целый год ты со мной неразлучен...»
«Широк и желт вечерний свет...»
«Из памяти твоей я выну этот день...»
«Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом...»
«Дай мне долгие годы недуга...»
*«Думали: нищие мы, нету у нас ничего...»
*«Под крышей промерзшей пустого жилья...»
*«Столько раз я проклинала...»
*«Стал мне реже снится, слава Богу...» *«Будем вместе, милый, вместе...» *«Нет, царевич, я не та...»
*«Не хулил меня, не славил...» *«Не тайны и не печали...»
«Буду тихо на погосте...»
«Есть в близости людей заветная черта...»
«Выбрала сама я долю...»
«Ведь где-то есть простая жизнь и свет...»
«Нам свежесть слов и чувства простоту...»
«Я не знаю, ты жив или умер...»
«Зачем притворяешься ты...»
«Все мне видится Павловск холмистый...»
1914
1914, лето. Дарница
1914. Новгород 1914
1915 1915 1915 1915 1915 1915 1915 1915 1915 1915 1915
1915, июль, Слепнево «Северные записки» 1915
1915 1915
1914. Сб. «Три-надцать поэтов». Пг., 1917 1915 1915 1915 1915 1915 1915 1915 1915
1915
«Господь немилостив к жнецам и садоводам...» Колыбельная («Далеко в лесу огромном...») «Тот август, как желтое пламя...» *«Родилась я ни поздно, ни рано...» *«Как страшно изменилось тело...»
«Как невеста, получаю...» «Муза ушла по дороге...» Эпические отрывки
I. «В то время я гостила на земле...»
II. «Покинув рощи родины священной...»
III. «Смеркается, и в небе темно-синем...» «Словно ангел, возмутивший воду...»
«Я знаю, ты моя награда...» Майский снег
«Небо мелкий дождик сеет...» «Первый луч – благословенье Бога...» «Они летят, они еще в дороге...» «Бессмертник сух и розов. Облака...»
«А! это снова ты. Не отроком влюбленным...»
«Вижу, вижу лунный лук...»
«Как люблю, как любила глядеть я...»
«Я окошка не завесила...»

- «Эта встреча никем не воспета...»
Песня о песне
«Как белый камень в глубине колодца...» Памяти 19 июля 1914 года «когда в
мрачнейшей из столиц...»
* Вписана лишь первая строка. – Н.К.
1915 1915 1915 1915
1915. Сб. «Три-надцать поэтов». Пг., 1917*
1915 1915
1913 1915 1915 1915 1916 1916 1916 1916 1916
1916 Слепнево. Сб. «Три-дцать поэтов». Пг., 1917 1916 1916
1916. Сб. «Ши-повник». 1922 1916
1916 1916 1916 1916 1916
«Все отнято: и сила, и любовь...» 1916, 24 октября
Севастополь. Сб.
«Тринадцать по-
этов», Пг., 1917
*«Город сгинул, последнего дома...» 1916. Слепнево
*«0, есть неповторимые слова...» 1916, зима.
Севастополь
«Приду туда, и отлетит томлень...» 1916
«Все обещало мне его...» 1916
Царскосельская статуя 1916
«По неделе ни слова ни с кем не скажу...» 1916
«Вновь подарен мне дремотой...» 1916
«Ни в лодке, ни в телеге...» 1916
«Судьба ли так моя переменялась...» 1916
«Черная вилась дорога...» [1916]* «Нива».
1913
*«Ждала его напрасно много лет...» 1916
*«Бывало, я с утра молчу...» 1916 (Акростих)
Раздел «Белая стая» в книге «Стихотворения», 1961 состоит из 37 стихотворений
1914–1916 гг. и отрывка из поэмы «У самого моря». Содержание раздела:
«После ветра и мороза было...» 1914
«В последний раз мы встретились тогда...» 1914
«Я пришла к поэту в гости...» 1914
Разлука 1914
«Не в лесу мы, довольно аукать...» 1914
«Был блаженной моей колыбелью...» 1914
«Лучше б мне частушки задорно выкликать...» 1914
Уединение 1914
«Пустых небес прозрачное стекло...» 1914, Новгород
Из поэмы «У самого моря» 1914
«Был он ревнивым, тревожным и нежным...» 1914
«Перед весной бывают дни такие...» 1915
* Дата исправлена чернилами: 1913. – Н.К.
«Я улыбаться перестала...» 1915
«Целый год ты со мной неразлучен...» 1915
«Широк и желт вечерний свет...» 1915
«Из памяти твоей я выну этот день...» 1915
«Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом...» 1915
«Не тайны и не печали...» 1915
«Есть в близости людей заветная черта...» 1915
«Ведь где-то есть простая жизнь и свет...» 1915
«Нам свежесть слов и чувства простоту...» 1915
«Я не знаю, ты жив или умер...» 1915
«Зачем притворяешься ты...» 1915
«Все мне видится Павловск холмистый...» 1915
«Муза ушла по дороге...» 1915 Эпические отрывки
1. «Покинув рощи родины священной...»
2. «Смеркается, и в небе темно-синем...» 1914–1916 Майский снег 1916 «Они летят,
они еще в дороге...» 1916 «Бессмертник сух и розов. Облака...» 1916
«Я окошка не завесила...» 1916
«Как белый камень в глубине колодца...» 1916
«Эта встреча никем не воспета...» 1916
«Приду туда, и отлетит томлень...» 1916
Царскосельская статуя 1916
«Вновь подарен мне дремотой...» 1916, Севастополь
«Бывало, я с утра молчу...» 1916

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

В книге 1961 г. все стихотворения 1913 г. оказались в разделе «Четки», начиная с 1917 г. – в разделе «Подорожник». К подлинной ахматовской книге «Белая стая» этот хронологический ряд имеет лишь отдаленное отношение.

В 1964 г. Анна Ахматова с помощью Л.К. Чуковской отобрала для раздела «Белая стая» книги «Бег времени» 77 стихотворений (включая отрывок из поэмы «У самого моря»). После редакционной работы в Ленинградском отделении издательства «Советский писатель» в разделе осталось 66 произведений. Были изъяты из рукописи:

«Думали: нищие мы, нету у нас ничего...» Песня о песне
«Божий Ангел, зимним утром...»

Побег

Июль 1914

I. «Пахнет гарью. Четыре недели...»

II. «Можжевельника запах сладкий...» «Где, высокая, твой цыганенок...» «Долго шел через поля и села...»

«Там тень моя осталась и тоскует...» «Я знаю, ты моя награда...» «Мне не надо счастья малого...»

Содержание раздела «Из книги "Белая стая"» в сборнике «Бег времени»:

«Твой белый дом и тихий сад оставлю...» 1913

Уединение 1914

«Слаб голос мой, но воля не слабеет...» 1912

«Был он ревнивым, тревожным и нежным...» 1914

«Тяжела ты, любовная память!..» 1914

«Потускнел на небе синий лак...» 1912

«Вместо мудрости – опытность, пресное...» 1913

«А! Это снова ты. Не отроком влюбленным...» 1916

«Муза ушла по дороге...» 1915

«Я улыбаться перестала...» 1915

«Они летят, они еще в дороге...» 1916

«О, это был прохладный день...» 1913

«Есть в близости людей заветная черта...» 1915

«Все отнято: и сила, и любовь...» Севастополь.

1916

«Нам свежесть слов и чувства простоту...» 1915

— Том 4. Комментарии. Белая стая

Ответ («Какие странные слова...») Царское Село. 1914

«Был блаженной моей колыбелью...» 1914

«Как ты можешь смотреть на Неву...» 1914

9 декабря 1913 1915

«Целый год ты со мной неразлучен...» 1915

«Черная вилась дорога...» 1916

«Как люблю, как любила глядеть я...» 1916

«И мнится – голос человека...» 1917

Разлука («Вечерний и наклонный...») 1914

«Чернеет дорога приморского сада...» 1914

«Не в лесу мы, довольно аукать...» 1914

«Все обещало мне его...» 1916

«Как невеста получаю...» Хювинкка.

1915

«Ведь где-то есть простая жизнь и свет...» 1915

«Как площади эти обширны...» 1917

«Когда в мрачнейшей из столиц...» Песочная бухта. 1916

Царскосельская статуя 1916

«Все мне видится Павловск холмистый...» 1915

«Вновь подарен мне дремотой...» Севастополь.

1916

«Бессмертник сух и розов. Облака...» 1916

«Подошла. Я волненья не выдал...» 1914

Майский снег 1916

«Зачем притворяешься ты...» 1915

«Пустых небес прозрачное стекло...» Новгород. 1914

«Тот голос, с тишиной великой споря...» 1914

«Мы не умеем прощаться...» 1917

Молитва 1915

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

- «Столько раз я проклинала...» Слепнево.
1915
« Ни в лодке, ни в телеге...» 1916
«Вижу, вижу лунный лук...» 1915
«Бесшумно ходили по дому...» Слепнево.
1914
«Так раненого журавля...» 1915
«Буду тихо на погосте...» 1915
«Приду туда, и отлетит томлень...» 1916
Памяти 19 июля 1914 1916
«Перед весной бывают дни такие...» 1915
«То пятое время года...» 1913
Сон («Я знала, я снюсь тебе...») Царское
Село. 1915
«Широк и желт вечерний свет...» 1915
«Я не знаю, ты жив или умер...» 1915
«Из памяти твоей я выну этот день...» 1915
«Двадцать первое. Ночь. Понедельник...» 1917
«Да, я любила их, те сборища ночные...» 1917
«Не тайны и не печали...» 1915
Милому Царское
Село. 1915
«Судьба ли так моя переменилась...» Севастополь.
Декабрь 1916
«Как белый камень в глубине колодца...» Слепнево.
1916
«Первый луч – благословенье Бога...» 1916
«Лучше б мне частушки задорно выкликать...» 1914
«Еще весна таинственная млела...» Весна 1917
«Город сгинул, последнего дома...» Слепнево.
1916
Из поэмы «У самого моря» 1914
В наиболее авторитетных посмертных изданиях книга «Белая стая» публиковалась следующим образом. В.М. Жирмунский (БП) печатает «Белую стаю» в со-ответствии с композицией первого издания, помещая в «Дополнениях» стихи, включенные в более поздних из-даниях и в книге «Бег времени» (13 произведений). В.А. Черных в Соч., 1986 и Соч., 1990 берет за осно-ву книгу «Бег времени», дополняя раздел стихотворе-ниями из других изданий «Белой стаи». М.М. Кралин ориентируется прежде всего на сборник «Из шести книг», также дополняя раздел стихотворениями из раз-ных изданий книги (всего 97 стихотворений).
- ПОДОРОЖНИК
Впервые отдельным изданием – «Подорожник. Стихотворения». Пб.; Берлин: «Петрополис», 1921. Четвертая книга стихов. Вышла в апреле 1921 г. тира-жом 1000 экз. Обложка и фронтиспис работы худож-ника М.В. Добужинского. Печ. по этому изданию.
- Из 38 стихотворений, составляющих книгу «Подорожник», 18 были написаны в 1917 г. К более ранним годам, после «Четок», но до окончания работы над «Белой стаей», относятся девять стихотворений, в том числе и исключенное из «Белой стаи» по совету Лозинского «Земная слава как дым...». Четыре стихо-творения – из ранних (1913 и даже 1911 г.). В 1918– 1920 гг. написаны пять стихотворений – «Я спросила у кукушки...», «Чем хуже этот век предшествующих? Разве...», «От любви твоей загадочной...», «Ночью» («Стоит на небе месяц, чуть живой...») и «Проплывают льдины, звеня...» – и один перевод, единственный включенный в ахматовские сборники, – «Заре» (португальского поэта Антеро де Кенталь, 1842–1891). Восемнадцать стихотворений до выхода в книге были опубликованы в газетах, журналах и альма-нахах. В 1922 г. книга «Подорожник» была включена в пятую книгу Ахматовой «Аппо Domini MCMXXI» в качестве третьего раздела из 35 стихотворений (книга отпечатана в октябре 1921 г.). При переиздании «Аппо Domini» в 1923 г. издательствами «Петрополис» и «Алконост» (отпечатана в 1922 г.) книга «Подо-рожник» стала четвертым разделом, состоящим из 33 стихотворений. Приводим «содержание» раздела «Подорожник» в составе книги «Аппо Domini MCMXXI»; эпиграф из «Посвящения» к поэме А.С. Пушкина «Полтава», впер-вые в «Аппо Domini MCMXXI». С. 53:
- Узнай, по крайней мере, зиуки, когда-то милые тебе.
Пушкин
(Сразу стало тихо в доме...» 1917. Июль
Ты – отступник: за остров зеленый...» 1917. Слепнево
(Просыпаться на рассвете...» 1917

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

«И в тайную дружбу с высоким...» 1917. Петербург
 :Словно ангел, возмутивший воду...» Февраль 1916.
 Царское Село
 (Когда о горькой гибели моей...» 1917
 :А ты теперь тяжелый и унылый...» 1917. Лето
 (Пленник чужой! мне чужого не надо...» 1917
 ■Я спросила у кукушки...» 1919. 1 июня
 :По неделе ни слова ни с кем не скажу...» Севастополь
 :Ты всегда таинственный и новый...» 1917. декабрь
 (Проплывают льдины, звеня...» 1918. Апрель
 :В каждом сутках есть такой...» 1917
 (Земная слава как дым...»
 :Это просто, это ясно...» 1917. Лето
 (О нет, я не тебя любила...» 1917. Лето
 :Я слышу иволги всегда печальный голос...» 1917. лето
 Как страшно изменилось тело...» 1913
 Я окошка не завесила...»
 Эта встреча никем не воспета...» 1916. Слепнево
 Том 4. Комментарии. Подорожник
 \505
 «И вот одна осталась я...»
 «От любви твоей загадочной...»
 «Чем хуже этот век предшествующих? Разве...»
 «Теперь никто не станет слушать песен...»
 «По твердому гребню сугроба...»
 «Мурка, не ходи, там сыч...»
 «Теперь прощай, столица...»
 «Ждала его напрасно много лет...»
 Ночью
 1918. Осень. Москва
 1919 1917 1917 1914 1917 1916
 1917
 1918. Июль
 «
 «
 «
 «
 «
 «
 Течет река неспешно по долине...» :На шее мелких четок ряд...» И целый день,
 своих путаясь стонув...» Ты мог бы мне снится и реже...» Когда в тоске
 самоубийства...» Проводила друга до передней...»
 Царское Село
 1917 1913 1917 1914 1917
 В книге «Аппо Domini» состав раздела тот же, за исключением двух стихотворений:
 «Теперь прощай, столица...» и «Проводила друга до передней...».
 В сборнике «Из шести книг» в разделе «Из книги "Подорожник"» 31 стихотворение.
 Содержание раздела «Из книги "Подорожник"» в сборнике «Из шести книг»:
 «Сразу стало тихо в доме...» 1917
 «Просыпаться на рассвете...»
 «И в тайную дружбу с высоким...»
 «Словно ангел, возмутивший иоду...»
 «Когда о горькой гибели моей...»
 «А ты теперь тяжелый и унылый...»
 «Пленник чужой! Мне чужого не надо...»
 «Я спросила у кукушки...»
 «По неделе ни слова ни с кем не скажу...»
 «Ты всегда таинственный и новый...»
 «Проплывают льдины, звеня...»
 «В каждом сутках есть такой...»
 «Земная слава, как дым...» 1914
 «Это просто, это ясно...»
 «О нет, я не тебя любила...»
 «Я слышу иволги всегда печальный голос...»
 «Как страшно изменилось тело...» 1913
 «Я окошка не завесила...»
 «Эта встреча никем не воспета...»
 «И вот одна осталась я...»

«От любви твоей загадочной...»
«По твердому гребню сугроба...»
«Мурка, не ходи, там сыч...»
«Ждала его напрасно много лет...»

Ночью

«На шее мелких четок ряд...»
«Бывало, я с утра молчу...»
«Ты мог бы мне снится и реже...»
«Мне голос был. Он звал утешно...» 1917
«Проводила друга до передней...» 1913

Заре

Даты проставлены только под пятью стихотворениями.

Содержание раздела «Подорожник» в книге «Стихотворения, 1946 – по экземпляру РГАЛИ (фонд В.Н. Орлова, ф. 2833, оп. 1, ед. хр. 371).

ПОДОРОЖНИК 1917–1919

Узнай, по крайней мере, звуки, Бывало, милые тебе.

Пушкин

*«Высокомерьем дух твой помрачен...» 1917. 1 января

I. «Не оттого ль, уйдя от легкости
проклятой...» 1917. Январь

II. «Соблазна не было. Соблазн
в тиши живет...» 1917. Январь

III. «Да, я любила их, те сборища
ночные...» 1917. Январь

«Там тень моя осталась и тоскует...» «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...» «По
твердому гребню сугроба...» «Мы не умеем прощаться...» «Как площади эти
обширны...» «Бывало, я с утра молчу...» «И вот одна осталась я...» «Еще весна
таинственная млела...»

«Пленник чужой! мне чужого не надо...»

«И мнится – голос человека...»

«И в тайную дружбу с высоким...»

«За озером луна остановилась...»

«В каждых сутках есть такой...»

«О нет, я не тебя любила...»

«А ты теперь тяжелый и унылый...»

«Это просто, это ясно...»

«Я слышу иволги всегда печальный голос...»

«Просыпаться на рассвете...»

«Течет река неспешно по долине...»

*«Сразу стало тихо в доме...»

*«Ты отступник: за остров зеленый...»

*«Теперь никто не станет слушать песен...» *«И целый день, своих пугаясь
стонов...» * «Когда в тоске самоубийства...»

*«Ты всегда таинственный и новый...»

*«Для того ль тебя носила...»

*«9 декабря 1913 года. («Самые темные

дни в году...») «Когда о горькой гибели моей...» Сказка о черном кольце

1. «Мне от бабушки-татарки...»

2. «Я друзьям своим сказала...»

3. «И придя в свою светлицу...»

1917. Январь

1917. Февраль

1917. Март

1917. Март

1917. Март

1917. Март

1917. Весна

1917. Апрель.

Сб. « (Тринадцать
поэтов». Пг., 1917

1917. Май

1917. Июнь

1917. Июнь

1917. Лето

1917. Лето

1917. Лето

1917. Лето

1917. Лето

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

1917. Лето

1917. Лето

1917. Лето

1917. Июль

1917. Слепнево.

«Воля народа».

1918. № 2

1917

1917

1917. «Воля на-
рода». 1918. № 1 1917. декабрь 1918

1917

1917. Сентябрь

1917–1936

Ночью («Стоит на небе месяц,
чуть живой...») 1918. Осень.

Москва

*«Проплывают льдины, звеня...» 1918. Апрель

*«От любви твоей загадочной...» 1918. Июль

*«Чем хуже этот век

предшествующих? Разве...» 1919

* Заре (с португальского)

«Я спросила у кукушки...» 1919

[Встреча] Призрак*

В книге «Стихотворения», 1961 название «Подорожник» получил раздел из 29 стихотворений, включивший стихи из книг «Подорожник» и «Аппо Do-mini».

Содержание раздела «Подорожник» в книге «Стихотворения», 1961:

«Да, я любила их, те сборища ночные...» 1917

«Двадцать первое. Ночь. Понедельник...» 1917

«В каждом сутках есть такой...» 1917

«Сразу стало тихо в доме...» 1917

9 декабря 1913 года 1917

«По твердому гребню сугроба...» 1917, январь

«А ты теперь тяжелый и унылый...» 1917, Слепнево «я слышу иволги всегда

печальный голос...» 1917

«Просыпаться на рассвете...» 1917

Сказка о черном кольце 1917–1936

«Мне голос был. Он звал утешно...» 1917

Ночью 1918

«Я спросила у кукушки...» 1919

«О, жизнь без завтрашнего дня!..» 1921

«Кое-как удалось разлучиться...» 1921

«Пусть голоса органа снова грянут...» 1921

«Чугунная ограда...» 1921

* Заглавие и строки 11–12 зачеркнуты, впечатано на машинке В.Н. Орловым: «И странно царь глядит вокруг//Пустыми темными глазами. (Подлинный текст; сообщ. А.А.А.)». – Н.К.

«Почернел, искривился бревенчатый мост...» 1921

«Заплаканная осень, как вдова...» 1921

«Долгим взглядом твоим истомленная...» 1921

«Сказал, что у меня соперниц нет...» 1921

«В тот давний год, когда зажглась любовь...» 1921

«Что ты бродишь, неприкаянный...» 1922

«Шепчет: "Я не пожалею..."» 1922

«Веет ветер лебединый...» 1922

«Как мог ты, сильный и свободный...» 1922

«Вот и берег северного моря...» 1922

«Небывалая осень построила купол высокий...» 1922

«Хорошо здесь: и шелест, и хруст...» 1922

В 1964 г. Анна Ахматова с помощью Л. К. Чуковской отобрала для раздела

«Подорожник» книги «Бег времени» 25 стихотворений. В книге 1965 г. осталось 23.

Были изъяты: «О нет, я не тебя любила...» и «Проводила друга до передней...».

Пять стихотворений, прежде входивших в состав книги «Подорожник», в «Беге времени» перенесены в другие разделы: одно – в «Вечер», одно – в «Четки», три – в «Аппо Domini».

Содержание раздела «Из книги "Подорожник"» в сборнике «Бег времени»:

(Сразу стало тихо в доме...» 1917

(Просыпаться на рассвете...» 1917

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

:И в тайную дружбу с высоким...» 1917
(Словно ангел, возмутивший воду ...» Царское
Село. 1916
:Когда о горькой гибели моей...» 1917
Пленник чужой! Мне чужого не надо...» 1917
Я спросила у кукушки...» 1919
По неделе ни слова ни с кем не скажу...» Севастополь.
1916
:В каждом сутках есть такой...» 1917
Земная слава как дым...» 1914
Это просто, это ясно...» 1917
«Я слышу иволги всегда печальный голос...» «Как страшно изменилось тело...» Я
окошко не завесила...» «Эта встреча никем не воспета...» «И вот одна осталась
я...» «Теперь никто не станет слушать песен...» «По твердому гребню сугроба...»
Ночью («Стоит на небе месяц, чуть живой...» «Течет река неспешно по долине...»
«На шее мелких четок ряд...» «Ты мог бы мне сниться и реже...» «Мне голос был.
Он звал утешно...»

)

1913 1914 1917

Январь 1916 январь 1917 1918

лето 1917

1917 1913 1916 1916 1916

ANNO DOMINI

Впервые – отдельным изданием под заглавием «Анно Домини МСМХХI» («От рождества Христова 1921». – лат.) – Пб.: «Petropolis», 1921. Из трех раз-делов; первый – «Анно Домини МСМХХI», из 14 сти-хотворений с эпитафией: Nec sine te, nec tecum vivere possum («Ни без тебя, ни с тобой жить не могу». – лат. Овидий, «Любовные элегии»). Второй раздел – «Голос памяти» – из 15 стихотворений с эпитафией: «Мир – лишь луч от лика друга, // Все иное тень его». Н. Гумилев» – из стихотворения Н.С. Гумилева «Пьяный дервиш». Третий раздел – «Подорожник», из 24 стихотворений с эпитафией из «Посвящения» к по-эме А.С. Пушкина «Полтава». Тираж 2000 экз., отпе-чатан в октябре 1921 г. в 15-й Государственной типо-графии (бывш. Голике и Вильборг) для издательства «Петрополис». Марка издательства работы художника М.В. Добужинского. Второе издание – «Анно Do-mini». Стихотворения. Книга третья. Издание второе, дополненное. [Пб]; Берлин: «Петрополис» и «Алко-ност». Книга отпечатана в типографии Зинабург и К" в Берлине в октябре 1922 г. Портрет Ахматовой работы Ю- Анненкова. Тираж не указан.

Во втором издании книги – четыре раздела. Пер-вый – «Новые стихи» (18 стихотворений в большей час-ти тиража, 20 – изначально; два первые – с. 7–8 – оказались вырезаны цензурой). Второй раздел – «Анно Домини МСМХХI», 14 стихотворений. Третий – «Голос памяти», 15 стихотворений и четвертый – «Подорожник», 33 стихотворения.

Печ. по этому изданию, без раздела «Подо-рожник». Эпитаф к разделу «Новые стихи» – из стихотворения Ф.И. Тютчева «Я знал ее еще тогда...». В собраниях М.Л. Лозинского и В.Г. Адмони – тексты и планы, несколько отличающиеся от изданной книги. Су-дя по дате стихотворения «Мелхола» – 1960, план из собрания Адмони дополнялся не ранее этого года. Ла-тинский текст заглавия и эпитафа вписан рукой Ахма-товой:

ANNO DOMINI

Nec sine te, nec tecum vivere possum.

Ovid.

I

После всего

1. «И мы забыли навсегда...» 1922
2. Бежецк 1921, декабрь Другой голос
3. «Я с тобой, мой ангел, не лукавил...» 1922
4. «В тот давний год...» 1922
5. «Неправда, у тебя соперниц нет...»
6. «Земной отрадой сердце не томи...»
7. «Видел я тот венец златокованный...»
8. «Не с теми я, кто бросил землю...»
9. «Что ты бродишь...» 1922
10. «Вест ветер лебединый...» 1922
11. «Ангел, три года хранивший меня...» 1922
12. «Шепчет: я не пожалею...»
13. «Служ чудовищный бродит по городу...» 1922
14. «Заболеть бы как следует...»

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

15. «За озером луна остановилась...»
16. «Как мог ты...»
- Из Книги Бытия
17. Рахиль
18. Лотова жена 1924
19. Мелхола 1960
20. Причитание
21. Разлука
22. «Хорошо здесь...»
23. Песенка
24. Черное кольцо
25. «Небывалая осень...» 1922, сентябрь. Пг.
26. Эпические мотивы (I, II. Ш)
- II
- Anno Domini MCMXXI
27. «Путник милый...» 1921, весна
28. «Все расхищено...» 1921
29. «Сослужу тебе...» 1921
30. «Нам встречи нет...» 1921
31. Страх 1921, 25 августа
32. «Ты мне не обещан...» 10-е годы
33. «О жизнь без завтрашнего дня...»
34. «Кое-как удалось...» 1921
35. «А ты думал...» 1921
36. «Пусть голоса...» 1921
37. «Чугунная ограда...» 1921
38. «А Смоленская...» (Памяти Ал. Блока) 1921
39. «Пророчишь, горькая...» (О.А.Г.С.) 1921
- Том 4. Комментарии. Anno Domini I 513
40. «Не бывать тебе в живых.,
41. «Я гибель накликала...»
42. «Долгим взглядом...»
43. Клевета
- Голос памяти
44. «Широко распахнуты ворота...»
45. «Почернел, покривился...»
46. «Тот август...»
47. Первое возвращение
48. Колыбельная
49. «Заплаканная осень...»
50. Царскосельские строки (I и II) («Пятым действием»)
51. Отрывки из Царскосельской поэмы
52. Новогодняя баллада
53. Клятва (забыла)
54. «О знала ль я...»
55. Многим («я голос ваш, жар вашего дыханья...») 16 августа, 1921, вагон Осень, 1921 1921
- Январь, 1922. Вагон, Бежецк Петербург 1915
1910. ц.с. 1915. ц.с. 1921. 15 сентября 1923
1922. Осень. Петербург
- В последующих прижизненных книгах Ахматовой раздел «Anno Domini» печатался в сильно сокращенном составе. В сборнике «Из шести книг» он состоял из 12 стихотворений. Содержание раздела «Из книги "Anno Domini"» в сборнике «Из шести книг»:
- В те баснословные года.
- Тютчев
- Дальний голос
- I. «Неправда, у тебя соперниц пет...» (1922)
- II. «В тот давний год, когда зажглась любовь...» 17 Эах. 870
- «Земной отрадой сердца не томи...»
- «Не с теми я, кто бросил землю...»
- «Что ты бродишь, неприкаянный...»
- «Веет ветер лебединый...»
- «Ангел, три года хранивший меня...»
- «Шепчет: я не пожалею...»

- «За озером луна остановилась...»
«Как мог ты, сильный и свободный...» (1922)
«Все расхищено, предано, продано...»
«Сослужу тебе верную службу...»
«О, жизнь без завтрашнего дня!..»
«Кое-как удалось разлучиться...»
«А, ты думал – я тоже такая...»
«Чугунная ограда...»
«А Смоленская нынче именинница...»
«Пророчишь, горькая, и руки уронила...»
«Долгим взглядом твоим истомленная...»
«Широко распахнуты ворота...»
«Почернел, искривился бревенчатый мост...»
Встреча
«Пока не свалюсь под забором...»
«На пороге белом рая...»
«Заплаканная осень, как вдова...»
«Соблазна не было. Соблазн в тиши живет...» (1916)
«Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом...»
I. «Покинув рощи родины священной...»
II. «Смеркается, и в небе темно-синем...» «Тебе покорной? Ты сошел с ума!..»
Содержание раздела «Анно Домини» в книге «Сти-хотворения», 1946 – по экземпляру
РГАЛИ (фонд В.Н. Орлова, ф. 2833, оп. 1, ед. хр. 371).
Том 4. Комментарии. Anno Domini I 515
ANNO DOMINI 1921–1922
В те баснословные года.
Тютчев
«Путник милый, ты далече...» «Сослужу тебе верную службу...» «О, жизнь без
завтрашнего дня!..» «Кое-как удалось разлучиться...» *«Все расхищено, предано,
продано...» *«Нам встречи нет. Мы в разных странах...» *«Страх. во тьме
перебирая вещи...» *«А Смоленская нынче именинница...» *«[«НС чудо ли, что знали
мы его...»] *«Не странно ли, что знали мы его...» *«Не бывать тебе в живых...»
*«На пороге белом рая...» *«Буду черные грядки холить...» *«Я с тобой, мой
ангел, не лукавил...» *«Земной отрадой сердце не томи...» *«Не с теми я, кто
бросил землю...» *«Слух чудовищный бродит по городу...» *«Заболеть бы как
следует, в жгучем бреду. *«Причитание («Госгюдеви поклонитесь...») «Пусть голоса
органа снова грянут...» «Чугунная ограда...»
«Пророчишь, горькая, и руки уронила...» «Пока не свалюсь под забором...» «А, ты
думал – я тоже такая...» «Я гибель накликала милым...» «Широко распахнуты
ворота...» «Почернел, искривился бревенчатый мост...» «Заплаканная осень, как
вдова...» «Долгим взглядом твоим истомленная...» «Что ты бродишь
неприкаянный...»
1921
1921
1921*
1921
1921
1921
1921
1921
1921. Август 1921. Август
1921
1922 1921 1921 1921 1921 1921 1921 1921 1921 1921 1921 1921 1921
* Чернилами дописана строфа 4. – Н.К.
«Тебе покорной? Ты сошел с ума!..» 1921
I. «Сказал, что у меня соперниц нет...» 1921
II. «В тот давний год, когда зажглась любовь...» 1921
Бежецк 1921,
26 декабря'
«Шепчет: я не пожалею...» 1922
«Веет ветер лебединый...» 1922
«Ангел, три года хранивший меня...» 1922
«Как мог ты, сильный и свободный...» 1922
Разлука («Вот и берег северного моря...») 1922
*«Дьявол не выдал. Мне все удалось...» 1922. «Свирель
Пана». 1923.
№ 1
*«Скучно мне оберегать...» 1922? (Из аль-
бома Е. Султа-

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna (повой–Летковой)

«Небывалая осень построила купол высокий...» 1922

«Хорошо здесь: и шелест и хруст...» 1922

В книге «Стихотворения», 1961 раздела «Аппо Domini» нет. Несколько стихотворений из этой книги вошли в другие разделы, в частности в «Подорожник». В 1964 г. Анна Ахматова с помощью Л.К. Чуковской отобрала для раздела «Аппо Domini» сборника «Бег времени» 57 стихотворений. После редакционной работы над рукописью в Ленинградском отделении издательства «Советский писатель» в сборнике было напечатано 41 стихотворение.

Содержание раздела «Из книги "Anno Domini"» в сборнике «Бег времени»:

В те баснословные года...

Тютчев

Бежецк 1921

«Сказал, что у меня соперниц нет...» 1921

л На машинке допечатана средняя строфа. – Н.К.

«Не с теми я, кто бросил землю...» 1922

Третий Зачатьевский 1922

«Что ты бродишь, неприкаянный...» 1922

«Веет ветер лебединый...» 1922

«Шепчет: «Я не пожалею...» 1922

«Слух чудовищный бродит по городу...» 1922

«А ты теперь тяжелый и унылый...» 1916

«Заболеть бы как следует, в жгучем бреду...» 1922

«За озером луна остановилась...» 1922

«Как мог ты, сильный и свободный...» 1922 Библейские стихи

1. Рахиль 1921

2. Лотова жена 1922–1924

3. Мелхола 1922–1961 «Вот и берег северного моря...» 1922 «Хорошо здесь: и шелест, и хруст...» 1922 Песенка («Бывало, я с утра молчу...») 1916 Сказка о черном кольце

1. «Мне от бабушки–татарки...»

2. «Я друзьям моим сказала...»

3. «И придя в свою светлицу...» 1917–1936 «Небывалая осень построила купол высокий...» 1922 Эпические мотивы:

1. «В то время я гостила на земле...» 1913, осень

2. «Покинув рощи родины священной...»

3. «Смеркается, и в небе темно–синем...» 1914–1916 «Все расхищено, предано, продано...» 1921 «Сослужу тебе верную службу...» 1921

«Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом...» 1915

«О, жизнь без завтрашнего дня!..» 1921

«Кое–как удалось разлучиться...» 1921

«Пусть голоса органа снова грянут...» 1921

«Чугунная ограда...» 1921

«Пророчишь, горькая, и руки уронила...» 1921

«Не бывать тебе в живых...» 1921

«Пока не свалюсь под забором...» 1921

«Я гибель накликала мылом...» 1921

«Долгим взглядом твоим истомленная...» 1921

Клевета 1921

«Широко распахнуты ворота...» 1921

«Почернел, искривился бревенчатый мост...» 1917

Призрак 1919

«Заплаканная осень, как вдова...» 1921

Новогодняя баллада 1923

Наиболее существенные изменения текстов стихотворений из книги «Аппо Domini» были сделаны в 1940–1960–е гг. Стихотворение «Неправда, у тебя соперниц нет...» впервые было изменено Ахматовой в 1940–е годы в Ташкенте: «Сказал, что у меня соперниц нет...», однако в книге «Избранное», 1943 оно появилось в прежней редакции. Новая редакция в книге «Стихотворения», 1958:

Сказал, что у меня соперниц нет.

Я для него не женщина земная... и т.д. –

см. т. 1. с. 370.

В стихотворениях, позже объединенных Ахматовой в цикл «Эпические мотивы», тексты были дополнены. В стихотворении «Покинув рощи родины священной...» после строки 31 вставлена строка 32: «И по карнизу шла над смертной бездной». В стихотворении «Смеркается, и в небе темно–синем...» после строки 20 добавлены восемь строк: «И я подумала: не может быть...» и т.д. – см. т. 1. с. 220–221. Это добавление сделано Ахматовой в корректуре сборника «Из шести книг» (находится в собрании

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna (М.С. Лесмана), однако в печати стихотворение в 1940 г. появилось без этих строк. Впервые они опубликованы в книгах «Стихотворения», 1961 и «Бег времени». В стихотворении «Зажженных рано фонарей...» в книге «Бег времени» было заменено заглавие: «Призрак» вместо «Встреча», строка 11: «И странно царь глядит вокруг...».

В наиболее авторитетных посмертных изданиях Ахматовой книга «Аппо Домини» по ее первым двум изданиям не воспроизводилась. В БП В.М. Жирумунский печатал ее по рукописи книги «Бег времени» и по оглавлениям, сохранившимся в собрании М.С. Петровых (РНБ). Так же поступил В.А. Черных в Соч., 1986 и Соч., 1990. М.М. Кралин (БО 1) взял за основу публикации также планы книги, составленные Ахматовой в поздние годы, но вынул несколько стихотворений, которые Ахматова включала и в другие книги, и напечатал их там – в соответствии с последней волей автора (Т. 1. С. 392).

ТРОСТНИК Шестая книга стихотворений 1923–1940

Впервые в качестве раздела «Ива» – в сборнике «Из шести книг». С. 5–44. Эпиграф: «И было темно. И это был пруд//и волны...» Борис Пастернак – из стихотворения «Импровизация». В раздел вошли 27 стихотворений, в том числе отрывки из поэмы «Путем всея земли» («Окопы, окопы...») и «Реквием» («И упало каменное слово...») без указаний, что это части поэмы. Название «Ива» раздел получил по первому стихотворению, открывающему книгу. Ахматова считала его случайным, а состав раздела не отвечающим ее замыслу шестой книги. Раздел «Ива» был и в книге «Стихотворения», 1946.

Тогда же, в 1940-е годы, она стала составлять книгу «Тростник», которая отдельным изданием так и не вышла. Сохранилось несколько ее планов.

В план 1940–1944 гг. Ахматовой были включены 37 стихотворений, из которых два были затем вычеркнуты, и поэма «Путем всея земли». Этот план хранится в РЫБ. В машинописной копии плана, принадлежавшей В.Г. Адмони, 53 произведения, в том числе поэма «Путем всея земли» и цикл «Requiem», части которого пронумерованы как отдельные стихотворения – № 40–53.

Печ. по варианту плана РЫБ 1940-х годов, просмотренному Ахматовой в 1950-е и дополненному одним стихотворением 1957 г. («Я над ними склонюсь, как над чашей...») (ср. то же в плане Адмони). В дальнейшем (в конце 1950-х – начале 1960-х годов) Ахматова составила еще один план книги «Тростник», убрав из нее заведомо «непроходимые» стихи. В этом плане – два эпиграфа: «Что отдал – то твое» Ш. Руставели (из «Витязя в тигровой шкуре») и «Я играю в них во всех пяти» Б.П. (из стихотворения Б. Пастернака «Гамлет»). Раздел «Тростник» имеется в сборниках «Стихотворения», 1961 – сложный по структуре, предпоследний, после него – «Шестая книга», и в «Бегах времени»: 27 стихотворений, среди которых два отрывка из поэмы «Реквием» («И упало каменное слово...» и «Распятие»), а также поэма «Путем всея земли».

Содержание раздела «Ива» в сборнике «Из шести книг»:

И было темно. И это был пруд//и волны...

Борис Пастернак

Ива Муза

1940

«Небывалая осень построила купол высокий...»

«Хорошо здесь: и шелест и хруст...»

«От тебя я сердце скрыла...»

«Одни глядятся в ласковые взоры...»

«Тот город, мной любимый с детства...»

«Когда человек умирает...»

Клевета

Шестнадцатый год

I. «Не прислал ли лебедя за мною...»

II. «Окопы, окопы...»

III. «Если плещется лунная жуть...» Из Книги Бытия

I. Рахиль

II. Лотова жена «Годовщину веселую праздной...» «От других мне хвала – что зола...»

«Здесь Пушкина изгнанье началось...» Кисловодск

Художнику

«Бывает так: какая-то истома...» «И упало каменное слово...»

Сказка о черном кольце 1917–1936

Борис Пастернак 1936

Воронеж 1936

Данте Клеопатра

«Мне ни к чему одические рати... Маяковский в 1913 году

»

1940 1940

Содержание раздела «Ива» в книге «Стихо-творения», 1946 – по экземпляру РГАЛИ (фонд В.Н. Орлова, ф. 2833, оп. 1, ед. хр. 371).

ИВА 1924–1940

И было темно. И это был пруд и волны.

Пастернак

Из книги Бытия

I. Рахиль

II. Лотова жена

1916 год («Как я люблю пологий склон зимы...»)

«И месяц, скучая в облачной мгле...»

* «Один идет прямым путем...»

Муза («Когда я ночью жду ее прихода...») Художнику («Мне все твоя мерещится работа...») «Здесь Пушкина изгнание началось...»

«Если плещется лунная жуть...»

* Клевета («И всюду клевета

сопутствовала мне...»)

* Д. Варужан. Первый грех (с арм.). («Ка-

ждый день на горах и в ущельях пасла...») «Тот город, мной любимый с детства...»

«От других мне хвала – что зола...»

* «Последний тост («Я пью за

разоренный дом...») «И упало каменное слово...»

1922. «Стрелец». III. 1922 1924. «Русский современник». 1924. № 1 1924. Из поэмы

«Русский Триа-нон». «Ленин-град». 1946. № 1 «Русский современ-ник». 1924. № 1

1924

1924 1927,

Кисловодск 1928

«Звезда»

1929

1931

1934 1934

«Не прислал ли лебедя за мною...» 1936

Борис Пастернак («Он, сам себя сравнивший с конским глазом...») 1936

Воронеж 1936

«От тебя я сердце скрыла...» 1936

Данте 1936

«Одни глядятся в ласковые взоры...» 1936

Творчество («Бывает так: какая-то истома...») 1936

«Годовщину веселую праздную...» 1939

Без строфы 3

Ива 1940

«Мне ни к чему одические рати...» 1940

Клеопатра 1940

«Когда человек умирает...» 1940

«Окопы, окопы...» 1940. Март*

Маяковский в 1913 году 1940

Надпись на книге («Почти что

от летейской тени...») 1940

Лондонцам 1940

* Август 1940 года («Когда

погребают эпоху...») 1940.

«Ленинград».

1946. № 1

План книги «Тростник» из собрания В.Г. Адмони:

ТРОСТНИК

Что отдал – то твое. Ш. Руставели

Шестая книга стихотворений 1923–1940

1. «Почти от залетейской тени...» 1940,

Ленинград. Май

2. «Привольем пахнет дикий мед...» 1934. Ленинград

* Отрывок из поэмы «Путем всея земли»; тут же на машинке текст поэмы из главы 5. – Н.К.

3. «Если плещется лунная жуть...» 1928. Ленинград.

Декабрь

4. «Не прислал ли лебедя за мною...» 1936. Москва

5. Творчество 1936. Ленинград

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

6. «От тебя я сердце скрыла...» 1936. Ленинград
7. Борис Пастернак (Поэт) 19 января 1936.
Москва
8. «Одни глядятся в ласковые взоры...» 1936. Ленинград
9. Воронеж. О.М. 1936. Ленинград
10. «Я над ними склонюсь, как над
чашей...». О.М. 1957. Москва
11. Кавказское («Здесь Пушкина...») 1927. Кисловодск
12. Художнику 1924
13. «Тот город, мне знакомый с детства...» 1929
14. Музе 1924. Ленинград
15. «Вот это я тебе...» 1940. Москва
16. «Годовщину последнюю праздную...» 1939
17. Заклинание 1935. Ленинград.

Апрель

18. Сонет («Совсем не тот
таинственный художник...») 1941. Ленинград
19. «Мне ни к чему одические рати...» 1940
20. Данте 1936. Разлив.

Лето

21. Клеопатра 1940. Ленинград.
Январь
22. «Так просто можно жизнь
покинуть эту...» 20-е годы
23. Ива 1940. Январь.
Ленинград
24. Про стихи Нарбута 1940. Апрель.
Москва

25. Из цикла «Юность»

- («Мои молодые руки...») 1940
26. Подвал памяти 1940. Январь
27. «Так отлетают темные души...» Ленинград. 1940.
Фонтанный Дом

28. «Невидимка, двойник, пересмешник...» 1940

29. «Когда человек умирает...»
30. Двустиие
31. Последний тост
32. «Не недели, не месяцы – годы...»
33. «И как всегда бывает в дни разрыва...»

34. Ленинград в марте

35. Стансы

36. Путем всея земли

37. Новогоднее

38. Н.Г.

39. «Я знаю...» (Суриков)

Requiem Цикл тридцатых годов 1935–1940

40. Посвящение

41. Вступленье

42. «Уводили тебя...»

43. «Тихо льется...»

44. «Показать бы тебе...»

45. «Легкие летят недели...»

46. Распятье

47. «Нет, это не я...»

48. «И упало каменное слово...»

49. К смерти

50. «Семнадцать месяцев...»

51. «Уже безумие крылом...»

52. «Узнала я...»

53. «Опять поминальный...»

1940 1931 1934 1940 1944 1941

1940. Москва. Апрель Март 1940. Ленинград

1940 1935

1939

1938

1939 1939 1939

1940

Содержание раздела «Тростник» в книге «Стихо-творения», 1961

Из Книги Бытия

1. Рахиль

2. Лотова жена

1922–1924

Муза 1924

Художнику 1924

«Здесь Пушкина изгнание началось...» 1927. Кисловодск

«Тот город, мной любимый с детства...» 1929

Двустышие 1931

«И упало каменное слово...» 1934

Воронеж 1936

«От тебя я сердце скрыла...» 1936

данте 1936

«Одни глядятся в ласковые взоры...» 1936

Творчество 1936

«Годовщину веселую празднуй...» 1939

«Мне ни к чему одические рати...» 1940

Клеопатра 1940

«Когда человек умирает...» 1940

«Окопы, окопы...» 1940

Маяковский в 1913 году 1940

Надпись на книге 1940

Нечет

В сороковом году

1. «Когда погребают эпоху...»

2. Лондонцам

3. Тень

4. «Уж я ль не знала бессонницы...»

5. «Но я предупреждаю вас...» 1940

Возвращение 1941

Надпись на книге «Подорожник» 1941

Ленинград в марте 1941 года 1941

Ветер войны

Клятва 1941, июль

Первый дальнобойный в Ленинграде 1941

«Птицы смерти в зените стоят...» 1941, сентябрь

Мужество 1942, февраль

«Щели в саду вырыты...» 1942

Нох (Статуя «Ночь» в Летнем саду) 1942

«А вы, мои друзья последнего призыва...» 1942

«Все это разгадаешь ты один...»

Победа

1. «Славно начато славное дело...»

2. «Вспыхнул над молотом первый маяк...»

3. «Победа у наших стоит дверей... 1942–1945 Памяти друга
1945

Луна в зените

1. «Заснуть огорченной...»

2. «С грозных ли площадей Ленинграда...»

3. «Все опять возвратится ко мне...»

4. «И в памяти, словно в узорной укладке...»

5. «Не оттого, что зеркало разбилось...»

6. «Третью весну встречаю вдали...»

7. «Все те же хоры звезд и вод...»

8. Явление луны

9. «Как в трапезной – скамейки, 1942–1944, стол, окно...»

Ташкент

«Многое еще, наверно, хочет...» 1942

На Смоленском кладбище 1942

Три осени 1943

«...Где на четырех высоких лапах...» 1943

Пушкин 1943

Разрыв

1. «Не недели, не месяцы – годы...»

2. «И, как всегда бывает в дни разрыва...» 1940–1944 с самолета

1. «На сотни верст, на сотни миль...»

2. «Белым камнем тот день отмечу...»

3. «И весеннего аэродрома...» 1944, май «Наше священное ремесло...»

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

- 1944 Три стихотворения
1. «Пора забыть верблюжий этот гам...»
2. «И в памяти черной, пошарив, найдешь...»
3. «Он прав – опять фонарь, аптека...» 1944–1960

Предыстория 1945

1913 год (Три фрагмента из поэмы)

1. «...А вокруг старый город Питер...»
2. «Были святки кострами согреты...»
3. (Эпилог поэмы) «Так под кровлей
Фонтанного Дома...» 1940–1960

В 1964 г. Анна Ахматова с помощью Л.К. Чуковской отобрала для раздела «Тростник» книги «Бег времени» 30 стихотворений. После редакционной работы в Ленинградском отделении издательства «Советский писатель» из раздела были

изъяты пять стихотворений: Стансы

«Привольем пахнет дикий мед...»

Из цикла «Юность» («Мои молодые руки...»)

Подвал памяти

«Так отлетают темные души...»

В раздел введены:

«Одни глядят в ласковые взоры...» «И упало каменное слово...» Распятие второе
четверостишие Поэма «Путем всея земли».

Содержание раздела «Тростник» в сборнике «Бег

времени»: Надпись на книге («Почти от
залетейской тени...») Май 1940

Муза 1924

Художнику 1924

«Здесь Пушкина изгнание началось...» Кисловодск. 1927

«Если плещется лунная жуть...» 1928

«Тот город, мной любимый с детства...» 1929

Двустиишие 1931

Заклинание 1935

«Не прислал ли лебедя за мною » Москва. 1936

«Одни глядятся в ласковые взоры...» 1936

«От тебя я сердце скрыла...» 1936

Поэт 19 января 1936

Воронеж 1936

«Годовщину последнюю празднуй...» 1938

«Все это разгадаешь ты один...» 1938

«И упало каменное слово...» 1939

Распятие 1939

Данте 1936

Клеопатра 1940

Ива 1940

«Когда человек умирает...» 1940

Разрыв

1. «Не недели, не месяцы – годы...»

2. «И как всегда бывает в дни разрыва...» 1940–1944

3. Последний тост 1934

Маяковский в 1913 году 1940

Надпись на книге «Подорожник» 1941

Ленинград в марте 1941 года 1941

Путем всея земли Фонтанный Дом.

Март 1940

Разделы под заглавием «Тростник» имелись в рукописях книг «Нечет», «Бег времени», в плане сборника «Из семи книг». Составители наиболее авторитетных посмертных изданий Ахматовой печатали раздел «Тростник» по-разному, ориентируясь прежде всего на текст книги «Бег времени». В.М. Жирмунский (БП. С. 183–200) дополнил раздел «Тростник» несколькими стихотворениями по рукописи книги «Бег времени», не вошедшими в печатный текст книги. В.А. Черных (Соч., 1986. С. 173–189) печатал «Тростник» по тем же источникам, но вместо стихотворения «Все это разгадаешь ты один...», которое включено им в цикл «Венок мертвым» (С. 244), включил в «Тростник» еще один отрывок из «Реквиема» – «Уже безумие крылом...». М.М. Кралин (БО 1. С. 179–195) печатал «Тростник» по авторскому списку РНБ конца 1950-х – начала 1960-х годов, в составе 31 стихотворения.

НЕЧЕТ Седьмая книга стихотворений

Отдельным изданием книга «Нечет» не выходила.

Впервые – в качестве заключительного раздела в книге «Стихотворения», 1946. Как

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna раздел под тем же заглавием «Нечет» – «Стихотворения», 1961. С. 191–200.

«Нечет» состоит здесь из восьми стихотворений, пять из которых образуют цикл «В сороковом году» (1. «Когда погребают эпоху...»; 2. Лондонцам; 3. Тень; 4. «Уж я ль не знала бессонницы...»; 5. «Но я преду–преждаю вас...»). После этого цикла следуют стихотво–рения «Возвращение», «Надпись на книге «Подоро–жник» и «Ленинград в марте 1941 года». Раздел «Не–чет» входил (наряду с другими разделами) в большой пятый раздел книги, имеющий заглавие «Тростник». Шестым большим разделом была «Шестая книга».

Впервые книгу «Нечет» Ахматова начала состав–лять в Ташкенте, в годы войны («А я дописываю «Нечет»//Опять в предпесенной тоске...» – 1943, строки стихотворения (отрывка из поэмы?) «Все небо в рыжих голубях...»). В 1946 г., ожидая выхода боль–шого сборника своих стихотворений в ГИХЛ, где один из разделов назывался «Нечет», Ахматова сдала в из–дательство «Советский писатель» еще один сборник – «Нечет. Седьмой сборник стихотворений Анны Ахма–товой 1936–1946». Рукопись пролежала в издательстве шесть лет и в 1952 г. была возвращена автору «за ис–течением срока архивного хранения». Несколько экзем–пляров этой рукописи сохранились до нашего времени: один – благодаря О.Ф. Берггольц и Г.П.

Макогонен–ко, которым отдала его Ахматова (им. об этом: Ма–когоненко Г.П. О сборнике Анны Ахматовой «Не–чет» – «Вопросы литературы». 1986. № 2. С. 170–189), второй – возвращенный издательством; в этот экземпляр на свободные страницы Ахматова стала впи–сывать новые стихи.

Один из экземпляров этой рукописи, представ–ляющий собой машинописный текст с многочисленными вставками и исправлениями рукой Ахматовой, хранится в РГАЛИ (ф. 13, оп. 1, ед. хр. 78).

Печ. по этой рукописи.

В рукописной книге «Нечет. Седьмой сборник стихотворений Анны Ахматовой 1936–1946» четыре раздела без заглавий*, 93 стихотворения и отрывки из поэм – «Путем всея земли» и «1913 год» (т.е. из «Поэмы без героя», не имеющей в рукописи этого на–звания). Несколько стихотворений из «Реквиема» вхо–дят в разные разделы книги в качестве самостоятельных

* В рукописи книги «Нечет», хранящейся в РНБ, четыре раздела имеют заглавия: I. «Тростник». 1940; II. «Ветер войны»; III. «Луиа в зените»; IV. «Heimkehr» («Возвращение на родину») – по заглавию книги Генриха Гейне. См. об этом в комментариях В.М. Жирмун–ского (БП. С. 480).

произведений. Два стихотворения объединены общим названием: «Два отрывка из поэмы без названия» («На Смоленском...» и «А вы, мои друзья последнего при–зыва...»). В ряде случаев на оборотах страниц с маши–нописными текстами рукой Ахматовой вписано не вес стихотворение, а только его название или первые строки и внизу листа – дата. В этом случае приводим текст полностью по другим автографам или авторизованным спискам того же времени (конца 1930–х – первой по–ловины 1940–х годов). Стихотворения и отрывки из поэм даются в той же редакции и с теми датами, кото–рые приводятся Ахматовой.

Эпиграф из стихотворения Ф.И. Тютчева, полный текст которого: «Нам не дано предугадать//Как слово наше отзовется,//И нам сочувствие дается,//Как нам дается благодать...» 1869 г. – в публикуемой нами рукописи относится к первому разделу книги.

Несколько ранее Ахматова составила раздел под заглавием «Нечет» в книге, которую она готовила для ГИХЛ вместе с В.Н. Орловым. Раздел «Нечет» здесь был седьмым. Состав этого раздела значительно отличается от публикуемой нами рукописи книги «Нечет», – возможно, надеясь на почти одновременное издание обеих книг, Ахматова сознательно стремилась «развести» тексты.

Содержание раздела «Нечет» в книге «Стихотво–рения», 1946 – по экземпляру РГАЛИ с правкой, до–полнениями и пометами В.Н. Орлова и вложениями ма–шинописного текста (фонд В.Н. Орлова, ф. 2833, оп. 1, ед. хр. 371):

Клятвa

*«Вражье знамя...»

*«Копай, моя лопата...; Мужество Наступление Освобожденная

Победа («...Но что нам сказать долгожданной ей...»)

НЕЧЕТ

1941–1945

Что отдал – то твое.

Руставели

I

Июль 1941. Ленинград. Сб. «Мы победим!». Лит.–худ. альм. Ташкент. 1942. «Красная новь». 1942. № 3/4 1941. «Ленинградская правда» 1941. 19 июля. «Родина зовет», сб. 2. л., 1941

1941. «Родина зовет», сб. 2. л., 1941

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
1942. Февраль. «Правда» и «Мы победим!». Ташкент, 1942 1942, январь. «Мы
победим!». Ташкент. 1942.
1945. Февраль. «Ленинград», 1945. № 3. 1945. Май. «Правда», 20 мая 1945.
II
Ленинградский цикл
Первый дальнотойный в Ленинграде I. «Щели в саду вырыты...» П. «Постучи кулачком
– я открою...» Нох (Статуя «Ночь» в Летнем саду)
1941. «Мы победим!». Ташкент, 1942 1942
1942
«Так под кровлей
Фонтанного Дома...»
«С грозных ли площадей Ленинграда...»
In memoriam
Победителям («Сзади Нарвские были ворота...»)
* Послесловие «Последнюю и высшую награду...»
1942. «Ленинград»*
1942. «Ленинград» 1942. «Знамя». 1945. № 1
1944. «Знамя». 1945. № 1. 27 января 1944. «Ленинград». 1944. 16 января 1944.
Ташкент. «Знамя». 1945. № 4.
III
Новоселье
I. Хозяйка
II. Гости
III. Измена
IV. Встреча
1943. «Звезда». 1946. № 1
1943. Ноябрь
1944. Февраль. «Звезда». 1944. № 7/8. 1943. Октябрь. Ташкент
IV
Луна в зените (Ташкентские наброски)
«Заснуть огорченной...»
I. «Все опять возвратится
ко мне...»
II. «И в памяти, словно в узорной укладке...»
Inferieur («Когда лежит луна
ломтем Чарджуйской дыни...»)
Этой розы завой...
Фет
1942. «Огонек». 1945. № 36. «Ленинград»
1943. декабрь. «Звезда». 1945. № 2
1944. «Звезда».
1945. № 2
1944. Март. «Звезда». 1944, № 7/8. «Ленинград». 1946. № 1
*Без указания, что это отрывок из «Поэмы без героя». – Н.К.
«Как ни стремилась
к Пальмире я...» Отрывок («День шел за днем,
и то и се...») Явление луны
I. «Из перламутра и агата...»
II. «Как в трапезной, скамейки, стол, окно...»
Вступление в Ташкентскую поэму
(«Все небо в рыжих голубях...») *«Я не была здесь лет семьсот...»
V
Возвращение («Все души
милых на высоких звездах...») Надпись на книге «Подорожник» Ленинград в марте
1941 года «Уж я ль не знала бессонницы...»
На Смоленском (отрывок из поэмы)
Вроде монолога («Так вот он, тот осенний пейзаж...»)
* Голос из темноты
* «Многое еще, наверно, хочет...»
* Подмосковное
* Пушкин
* «А в книгах я последнюю страницу...»
* Три осени
* Предыстория
«И как всегда бывает в дни разрыва...»
1944. Апрель. «Знамя». 1944. № 4
1944
1944. «Звезда».

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

1944. № 7/8

1945. «Звезда».

1946. № 1

1944. «Звезда».

1945. № 2.

1944. Май. Ташкент

1941

1941. «Звезда» 1941. «Звезда»

1941. «Ленинград». 1944

1942. «Ленинград». 1945

1942. «Звезда». 1946. № 1 1942

1942. «Ленинград». 1944

1943. «Ленинград». 1944

1943. Март. «Ленинград». 1944 1943

1943. Ноябрь. «Ленинград». 1946. № 1 1940–43. «Лен. альманах». 1945

1944. «Звезда».

1944. № 7/8

«...Наше священное ремесло...»

1944. Июль. «Знамя».

1945. № 4

* На самолете («На сотни верст, на сотни миль...»)

1944. Май. Самолет Ташкент – Москва. «Ленинград». 1944*

1945. «Звезда».

* Памяти Иннокентия Аппенского

1946. № 1

* «Как у облака на краю...» 1945. «Ленинград».

1946. № 3/4

* Памяти друга 1945. «Правда».

«Ленинград». 1946. № 1

Далее помета: «Конец сборника 1946 года», после чего следует еще один раздел – «Дополнения»: «Стихотворения 44–56 гг.» (машинописные копии стихотворений из журналов «Знамя». 1945. № 4, «Ленинград». 1946. № 3/4, «Звезда». 1946. № 1, № 4, газеты «Вечерний Ленинград». 1946, июль, альманаха «Литературная Москва». 1956, журнала «Огонек». 1950 и т.д.). Очевидно, эти материалы предназначались В.Н. Орловым для дальнейшей работы над книгой, тираж которой был уничтожен в 1946 г.:

«Справа раскинулись пустыри...» 1944. Апрель. «Зна-

Гут же помета: «См. дальше» и на с. 346–347 машинописном

вкладки – полный цикл «С самолета» из трех стихотворений, по журна-

ля». 1945. № 4

Пятерица

1. «Как у облака на краю...»

2. «Истлевают звуки в эфире...»

3. «Я не любила с давних дней...»

4. «Знаешь сам, что не стану славить...»

5. «Не дышали мы сонными

1945 1946 1946 1946 1946. 1946, 1946. 1946.

маками...»

«Мой городок игрушечный сожгли...»

лу «Огонек». 1950. № 36. – И.К.

«Нет, я не выплакала их...»

Памяти Блока («Он прав: опять

фонарь, аптека...») Эди Огнецвет. Узбекское небо

(пер. с белорусского) Надпись на портрете (Т. Вечесловой) Петроград 1916 («Сучья в иссиня-белом снеге...») Азия с эпитафией «Он прочен – мой азийский дом...» – 4 строки

1. «Третью весну встречаю вдали...»

2. «Разве я стала совсем не та...»

3. «Гы Азия – родина родин...»

«Прошло пять лет – и залечила раны...»

1946. Июнь. «Вечерний Ленинград». 1946. Июль

1946. 7 июня

«Звезда». 1946. № 4 1946. лето литературная Москва». 1956

«Литературная Москва». 1956 1950. «Огонек». 1950. № 36

Далее следуют в основном стихотворения 1950-х годов, за исключением цикла «С самолета» 1944 г. План книги «Нечет», хранящийся в РНБ:

НЕЧЕТ Седьмая книга стихотворений

В сороковом году

1. Август
2. Лондонцам
3. Тень
4. «Уж я ль не знала бессонницы...» Pro domo mea
1. «Один идет прямым путем...»
2. «Но я предупреждаю вас...»
3. «Забудут? – вот чем удивили...»
4. «Жить – так на воле...»

1940

Без указания, что это отрывок из «Поэмы без героя». – Н.К. ** Полный текст, кончая строкой: «Поля Кашмира». – Н.К.

Ветер войны Клятва

Первый дальнобойный в Ленинграде «Птицы смерти в зените стоят...» Мужество Памяти Вали

1. «Щели в саду вырыты...»
2. «Постучись кулачком – я открою...» Nox. Статуя «Ночь» в Летнем саду Победителям

In memorem

«Важно с девочками простились...» Причитание

«Справа раскинулись пустыри...» Победа

1. «Славно начато славное дело...»
2. «Вспыхнул над молом первый маяк...»
3. «Победа у наших стоит дверей...» Памяти друга

Луна в зените

1. «Заснуть огорченной...»
2. «С грозных ли площадей Ленинграда...»
3. «Все опять возвратится ко мне...»
4. «И в памяти, словно в узорной укладке...»
5. «Третью весну встречаю вдали...»
6. «Я не была здесь лет семьсот...»
7. Явление луны
8. «Как в трапезной – скамейки, стол, окно...»
9. «Какая есть. Желая вам другую...» «Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни...» «Это рысьи глаза твои, Азия...»

В тифу

Еще одно лирическое отступление Смерть

- I. «Я была на краю чего-то...»
- II. «А я уже стою на подступах к чему-то...»
- III. «И комната, в которой я болею...» Ташкент зацветает Пальмира

I. «Как ни стремилась к Пальмире я...»

II. «Разве я стала совсем не та...» С самолета

1. «На сотни верст, на сотни миль...»
2. «Белым камнем тот день отмечу...»
3. «И весеннего аэродрома...» Новоселье

1. Хозяйка

2. Гости

3. Измена

4. Гибель

«А в книгах я последнюю страницу...» Трещотка прокаженного

1. Пролог
2. Последнее возвращение
3. «То, что я делаю...»
4. «Лучше б я по самые плечи...»
5. Три осени
6. На Смоленском кладбище
7. Под Колодной
8. «Со шпаной в канавке...»
9. Пушкин
10. «Наше священное ремесло...» Вторая годовщина

Надпись на портрете Cinque

1. «Как у облака на краю...»
2. «Истлевают звуки в эфире...»
3. «Я не любила с давних дней...»
4. «Знаешь сам, что не стану славить...»
5. «Не дышали мы сонными маками...»

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
 В собрании В.Г. Адмони имелся план книги «Не чет», составленный Ахматовой не
 позже весны 1961 г.:
 НЕЧЕТ 1940–1961 Седьмая книга стихотворений
 Нам не дано предугадать как наше слово отзовется.
 Тютчев
 Из года сорокового
 как с башни на все гляжу.
 П.б.г.
 I
 В сороковом году
 1. «Когда погребают эпоху...» 1940
 2. Современница (Тень) 1940
 3. The Londoners («И сделалась война
 на небе». Апок.) 1940
 4. «Уж я ль не знала бессонницы...» 1940
 II
 Pro domo mea
 5. «Один идет прямым путем...» 1940
 6. «Но я предупреждаю вас...»
 7. «Забудут? – вот чем удивили!..» 1957
 8. «De profundis... Мое поколение...» 1942
 8а. Путем всея земли 1940. Март.
 Ленинград
 III
 Ветер войны
 Зовет меня голос войны.
 Гумилев
 9. Первый дальнобойный в Ленинграде 1941
 10. «Птицы смерти в зените 28 сент. 1941, стоят...» самолет
 11. «Но это было где-то там...» 1942
 12. Nox 1942. Ташкент
 13. «Щели в саду вырыты...» 1942. Ташкент
 14. Победители
 15. In memoriam
 16. «Важно с девочками простились...»
 17. Вторая годовщина
 18. «Ленинградскую беду руками не разведу...»
 19. «Справа раскинулись пустыри...»
 20. Памяти друга
 IV
 Луна в зените
 1944. Ташкент 1944. Ташкент 1944. Ташкент 1946. Ленинград Ленинград. 1944
 1944. Ташкент
 1945. Ноябрь. Ленинград
 21. «Я не была здесь лет семьсот...»
 22. «Это рысьи глаза твои, Азия...»
 23. «Заснуть огорченной – проснуться влюбленной...»
 24. «Какая есть – желаю вам другую...»
 V
 Новоселье
 Этой розы завой.
 Фет
 1944. Ташкент
 1942. Ташкент 23/24 июня 1942. Ташкент
 1943. Ташкент (Балахана)
 25. Хозяйка
 26. Гости
 27. Измена
 28. Гибель
 явление луны
 29. I. «Из перламутра и агата...»
 30. II. «Как в трапезной – скамейки,
 стол, окно...»
 31. В тифу
 32. Отрывок из дружеского посланья (Н.И. Игнатъевой)
 33. Interieur
 1944. Ташкент
 1945. Ленинград 1942. Ноябрь. Таш-кент (ТАШМИ) Ташкент -Москва

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
 1944. Ташкент (Балахана)
 34. Вступление в Ташкентскую поэму
 35. Смерть (I, II, III)
 36. Ташкентские наброски
 37. «А в книгах я последнюю страницу...»
 38. Пальмира (I и II)
 39. На самолете
 VI
 1944. Ташкент
 (Балахана)
 1944. Ташкент
 Ташкент
 1943. Ташкент
 14 мая 1944. Самолет Ташкент – Москва
 меня одна дорога
 От
 окна и до порога.
 (Трещотка прокаженного)
 40. Пролог...
 41. «День шел за днем...»
 42. «То, что я делаю...»
 43. Дома (I, II, III, IV, V)...
 44. Черепки
 45. «Что делать мне – они тебя сожгли...»
 46. «Этой ивы листья...»
 47. «Со шпаной в канавке...»
 48. «Лучше б я по самые плечи...»
 49. На Смоленском кладбище
 50. Подмосковное
 51. Три осени
 52. «Наше священное ремесло...»
 53. Пушкин
 54. «Кого когда-то называли люди...»
 55. «Он прав – опять фонарь, аптека...» (Ал. Блоку)
 56. Вечесловой
 Лснинград 1944. Лснинград 1941. Ленинград 1944. леинград 1958 1944.
 Ленинград 1957. Москва 1946. Авг. Ленинград 1944
 1943 ? Ташкент
 Ташкент –
 Ленинград
 Ташкент
 Ташкент
 1945
 1946
 1946. Лето. Фонтанный Дом
 57а. Учитель (Ин. Анненскому) 1946
 Cinque (1945–1946)
 57. «Как у облака на краю...» –\
 58. «Истлевают звуки в эфире...»
 59. «Я не любила с давних дней...» Фонтанный Дом
 60. «Знаешь сам, что не стану славить...»
 61. «Не дышали мы сонными маками...» J
 Via Венок
 61а. М.Ц. «Невидимка, двойник, пересмешник...» 1940. Ф.Д.
 62. О.М. «Я над ними склонюсь, как над чашей...» 1957
 62а. М.Б. «Вот это я тебе...» 1940. Ф.Д.
 63а. Б.П. «Все это разгадаешь ты один...» 1938
 64а. М.З. «Словно тайному голосу внемлю...» 1958 65. Б. П-ку (I, II, III)
 1960. Мос-
 ква. Лето
 VII Песенки
 62. 1-я. Дорожная, или Голос из темноты
 63. Н-я. Застольная («Под узорной скатертью...») 1955
 64. Ш-я. Любовная («За тебя я заплатила...») 1955 65а. IV-я. Лишняя («Ужас
 тешил, грела вьюга...») 1959
 VIII
 Ленинградские элегии
 Все в жертву памяти твоей.

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

Пушкин

65. Первая. Предыстория
(«Россия Достоевского...») Ташкент
66. Вторая («В том доме...») 1921
67. Третья («Меня как реку...») 1945.

Фонтанный Дом

68. Четвертая («Есть три эпохи у воспоминаний...») 1945
68а. Пятая («Так вот он, тот осенний
пейзаж...») 68б. Шестая 68с. Седьмая
IX

Из сожженной тетради

69а. Вступление («Вместо праздничного
поздравленья...») 69в. Сожженная тетрадь
69. Наяву («И время прочь...») 70. Во сне («Черную и прочную
разлуку...») 70а. «По той дороге, где Донской...»
71. Без названья («Таинственной невесты...») 72. Сон («Был вещим этот сон...») 73. Ответ («Ты выдумал меня...») 74. Эпилог («Пусть кто-то еще...»)

X

Без заглавия

1942 (Ташкент)

1946

1946 1956

1956

1956, авг., Москва 1956, 18 авг., Старки 1956–57 г., Комарове

75. «Ты напрасно мне под ноги мечешь..»

76. Два голоса

2) Пусть грубой музыки

3) При музыке.

77. Приморский [Летний сонет]. («Здесь все меня переживет...»)

78. Музыка

79. «И мне показалось...»

80. «А на этом сквозняке...»

81. «Могла ли Биче...»

82. «А в зеркале двойник...»

83. «Из-под каких развалин говорю...»

84. «Подумаешь – тоже работа...»

» 1957 Москва

1958. Комарово 1958

июнь. М., 1959 Ташкент

1957. Лето. Комарово

Ташкент

13 янв. 1959.

Кр. Кон.

11 июля 1959.

Комарово

85. Читатель

86. Тринадцатый час

87. Летний сад

88. «Не страшай меня грозной судьбой...»

89. «О, горе мне!..»

90. «Этой ивы листы...»

91. «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...» (Из восточной тетради)

92. Последнее стихотворение

93. Наследница

94. Мартовская элегия

95. Надпись на первой книге

96. «Другие уводят любимых...»

97. «В прошлое давно пути закрыты...» 1960. Комарово

7 июля 1959. Комарово

Конница – Комарово. Лето 1959

Окт. Москва 1944 1957

1959. 1 дек. 1959. 1 дек.

1959. 20 ноября. Ленинград

1960. Февраль, Ленинград 1957

1960. Комарово

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

98. «И в памяти черной...»

99. Муза («Как и жить мне...» (Из цикла «Тайны ремесла»))

100. Смерть Софокла

101. Конец Демона

102. «Если б все, кто помощи душевной...»

103. «Опять подошли незабвенные даты...»

104. Апрель

1960. Комарово

(Кончила – 1 марта 1961) 1 марта 1961, Ленинград Вербное Воскресение. 61 г.

Ленинград 1945 (Лето. Шер. дом. 1961) 1961

Этот план седьмой книги из 11 разделов, по сути дела, является одним из ранних вариантов сборника «Бег времени», над составлением которого Ахматова начала работать в ноябре 1962 г.

18 Заж. 870

В сборнике «Бег времени» раздел «Нечет» входил в сложную структуру «Седьмой книги».

По сборнику «Бег времени» печатали раздел «Не-чет» В.М. Жирмунский (БП) и В.А. Черных (Соч., 1986 и Соч., 1990). М.М. Кралин опубликовал «Не-чет» по авторскому плану книги (РНБ, ед. хр. 98), включающему стихи 1940–1962 гг. (см. БО 1. С. 405).

БЕГ ВРЕМЕНИ Седьмая книга

Впервые – в книге «Бег времени» С. 293–451, под заглавием «Седьмая книга».

После возвращения Ахматовой из издательства «Советский писатель» в 1952 г. рукописи «седьмой книги» «Нечет», сданной ею в 1946 г., в октябре 1958 г. и в апреле 1961 г. вышли две ее книги «Стихотворений», но ни одну из них она не считала своей «седьмой книгой»: это были сборники «избранного», строго «про-сеянные» цензурой.

Новый замысел «седьмой книги» отражен в планах поэта начиная с 1960 г.

Первые планы будущей книги под заглавием «Седьмая книга Анны Ахматовой. 1960» –

в собрании В.Г. Адмони и карандашный план в блокноте 1960 г. – в собрании

Ардовых. В плане из собрания В.Г. Адмони 53 стихотворения, две части; первая –

«Из десяти тетрадей», вторая состоит из 14 произведений разного времени:

СЕДЬМАЯ КНИГА АННЫ АХМАТОВОЙ Первая часть из десяти тетрадей

I. В тридцатых годах:

1) «И упало каменное слово...» («Из 6-ти книг»)

2) «Уже безумие крылом...» (Ташк. сб.)

3) «Все это разгадаешь ты один...» («Наш совр.»)

II. Тени:

1) Первая (Современница)

2) Вторая (Плясунья)

3) Третья (Надпись на первой книге) («Наш совр.»)

III. Ленинградские элегии:

1) Предыстория (Сб. 58 г.)

2) «Есть три эпохи» («День поэта» 56)

3) «Так вот он, тот осенний пейзаж...» («Звезда»)

IV. Тайны ремесла:

1) «Подумаешь, тоже работа...» («Новый мир»)

2) Читатель («Наш современник»)

3) Последнее стихотворение («Нева»)

4) Про стихи Н-та («Наш современник»)

5) Про стихи М-ма

6) Про стихи П-ка

V. Отрывок из поэмы «Путем всея земли» («Из 6-ти книг»)

VI. Cinque (Из сб. 58 г.) 1–5.

VII. Из сожженной тетради

1) Посвящение

2) Наяву («И время прочь...») Сб. 58 г.

3) Во сне («Черную и прочную разлуку...») Сб. 58 г.

4) Сон («Был вещим этот сон или не вещим...») («Москва»)

5) «По той дороге, где Донской...» («Москва»)

6) Без названья (Сб. 58 г.)

7) «Ты выдумал меня...» («Новый мир»)

8) Эпилог (Сб. 58 г.)

VIII. Из московской тетради:

1. Отрывок («Новый мир»)

2. «Не стражай меня...» («Новый мир»)

3. «Мартовская элегия» («Москва»)

IX. Из первой тетради (09–10 гг.)

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

1. «И когда друг друга проклинали...»
2. Читая «Гамлета» («Ленинград»)
3. Первое возвращение («Наш современник»)
- X. Из тетради военных лет:
 - 1) На самолете
 - 2) «Нет, я не выплакала их...»
 - 3) «А вы, мои друзья последнего призыва...»
 - 4) «Справа раскинулись пустыри...»

Вторая часть

1. Летний сад («Новый мир»)
2. «Но я предупреждаю вас...» (Таш. сб.)
3. «Не недели, не месяцы – годы...» 1
4. «И как всегда бывает в дни разрыва...» J «Разрыв»
5. Городу Пушкина
- I. «О, горе мне! Они тебя сожгли...» i
- п о – г Сб. 58 г.
- И. «С7Т0И ивы листья...» J
7. Музыка i
8. Летний сонет J Лит' и жизнь
9. Строка зачеркнута
10. Учитель («Звезда»)
11. Из восточной тетради: Ночное видение («Новый мир»)
12. На Смоленском кладбище
13. «Наше священное ремесло...»
14. «Не оттого, что зеркало разбилось...» («Звезда»)

1 января 1962 г. Ахматова рассказала о замысле новой книги Л.К. Чуковской, навестившей ее в боль-нице в Гавани, где Ахматова лежала после инфаркта: «В честь Нового Года я начала в уме составлять новую книжку. Она будет называться "Цветы последние". Два отдела. К первому будет эпиграфом "Бег времени": что войны, что чума? – конец им виден скорый.

Им приговор почти произнесен.

Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен!»

(Чуковская, 2. С. 480).

В рабочих тетрадях 1961–1962 гг. – несколько записей планов новой книги. Появляется заглавие «Бег времени» – сначала как заглавие четверостишия – эпиграфа первого раздела, затем как название книги. В РТ 104, лл. 1 об.–1 – запись одного из планов, по-видимому, времени пребывания Ахматовой в больнице (конец 1961-го – январь 1962 г.).

1. Бег времени
2. Выход книги
3. Смерть Софокла
4. Конец Демона 4а. (Эпиграмма)
5. Сожженная тетрадь
- 1 марта. Кр. Кон.
- Кр. Кон.
- Слспнево.
- Кр. Кон. (Вербное Воскресенье)
- Комарово
- Комарово, авг.?
- 13 августа, Комарово
- Больница, октябрь
- Комарово. Лето
- Проза.
6. «Если б все...»
- 6а. Почти в альбом
7. Царскосельская ода
8. Из Черных несен (I и II)
9. Александр у Фив
10. «Так не зря...» (?)/Не поэмы и «Проза о поэме»
11. Мелхола
12. Зюйд-вест
13. Ветка бузины
- (?)/Несколько строк
- (кончила) 1959–1961 (кончила) 1945–1961 Больница, 20 ноября

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

- II
- 15*. Эхо
- 16. Наследница
- 1960 1959
- 17. Отрывок из «Путем»
- 18. [Б. Пастернаку] «И в памяти...»

- III. «Словно дочка...»
- 19. О.М.
- 20. Марине
- 21. [3 песенки]
- 22. «Все ушли и никто...»
- 23. «Ты напрасно...»
- 24. Requiem + Из 30-х годов.

- Из первой (Киевской) тетради
- I. «Пришли и сказали...»
- II. «И когда...»

В РТ 105, лл. 4–4 об. РГАЛИ еще один план книги, где первоначальное название – «Цветы последние» – зачеркнуто и заменено на «Бег времени»:

1. Один идет прямым путем... Но я предупреждаю вас. 2–6 [3]. 5 песенок

- 6. Марине
- 7. Мелхола
- 8. Отрывок из «Китежанки»
- 9. Конец Демона
- 10. Дом Поэта
- 11. Последний тост
- I. «И снова осень...»
- II. «Умолк вчера...»

1947 1960

(Н.Г.)

БЕГ ВРЕМЕНИ

* Так у Ахматовой. ** Так у Ахматовой.

- 12. Смерть Софокла
- 13. Ветка бузины (нас четверо)
- 14. Бег времени
- 15. Из черных песен (I и II)
- 16. Царскосельская ода
- 17. Нет, это не я
- 18. Третий Зачатьевский 19–21. Борису Пастернаку (I, II, III)
- 22. Пятым действием драмы
- 23. Родная земля
- 24. Сонет
- 25. Последняя роза
- 26. Осень
- 27. Конец Китежанки
- 28. Если б все
- 29. О своем 29а. В разбитом зеркале
- 30. Опять подошли
- 31. Ржавеет золото
- 32. Наследница

В той же тетради на л. 4 об. план под названием «К II-му изданию» – возможно, речь идет о книге «Стихотворения», 1961:

- 1. Interieur ■
- 2. И когда J ^3 первой тетради (1909)
- 3. Мелхола. 1959–61. В Библиейский цикл
- 4. Смерть Софокла "|
- 5. Александр у Фив J Античная страница (1961)
- 6. Путем всея земли (1940) – отрывок
- 7. Конец Демона. 1961
- 8. Эпиграмма. 1957. (?) в «Тайны ремесла»
- 9. Комаровские кроки. 1961. (нас четверо...)
- I. Пастернак (3 четверостишья)

- II. Марине
- III. О.М.
- 10. Пятым действием драмы

1962

1962 (Комарово)

1910. Ц. С.

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

1911. Париж

1. Призрак
2. «Чем хуже этот век...»
3. «Я спросила у кукушки...»
11. Царскосельская ода
12. Родная земля. 1962
13. Из черных песен. (I и II). 1961
14. Нет, это не я... (Из цикла 30-х годов)
15. Кто чего боится (Голос из темноты) 16–17. Из цикла «Песенки»: 1. Лишняя
2. Последняя...
18. Приложение к поэме (Козлоногая)
19. Дидона
20. Осень
21. В разбитом зеркале

Еще один план седьмого сборника, носящий название «Бег времени», – в РТ 101, л. 11 об. – 12 (РГАЛИ):

БЕГ ВРЕМЕНИ Седьмой сборник 1909–1962

I

Из первой (Киевской) тетради

1. Молюсь оконному лучу...
2. «И когда...»
3. Читая «Гамлета»
4. «Пришли и сказали...»

II

Из забытой тетради

1. Первое возвращение
2. «В углу старик...»

в 1919 году

III

Jadis et naguere

1. Многим 1922
2. Новогодняя баллада 1923
3. Памяти Есенина 1925
4. «Пятым действием драмы...» 1921
5. Поэма «Русский Трианон» 1925–1940

IV

В сороковом году

1. «Мои молодые руки...» 1940
2. Путем всея земли 1940
3. Подвал памяти 1940
4. Из «Реквиема» (Распятие)
5. Ива

V

Наследница 1959

1. Имя
2. [Раздумье (?)]
3. «Вы меня...»
4. «Другие уводят...»
5. «Все ушли...»
6. Стружки
7. Памяти Анты
8. Страничка Пастернаку
9. «Ты напрасно...»
10. Сожженная тетрадь (И Посвящение)
11. «Не с лирою влюбленного...»
12. Эхо («В прошлое давно...»)
13. «Так не зря...»
14. Мелхола (Из книги Царств)
15. «Меня как реку...» (Из Лен. элегий)
16. «Что войны, что чума?» 1961
17. Смерть Сосрокла
18. Конец демона
19. Эпиграмма
20. Царскосельская ода 21–22. Из черных песен. I–II 23. Родная земля
17. «Невидимка, двойник...» М. Ц.
18. Б. П.
19. М. Б.
20. Учитель (Памяти Анненского)

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

В 1962 г. Ахматова планирует подготовить много разных книг: прежде всего – «Две поэмы» («У самого моря» и «Поэму без героя»), со статьей о двух поэмах, может быть К.И. Чуковского, и с двумя фотографиями: времени написания «У самого моря» – «1914, Слепне-во» и 1960-х годов, когда она «заканчивала» «Поэму без героя». Ахматова вновь и вновь возвращается к замыслу «Седьмой книги» – из двух частей: 1. Стихи последних лет «Бег времени» [Цветы последние]*; 2. «Поэма без героя» – может быть, с «варьянтами», с предисловием, с записью текста голосом. Она задумывает различные варианты издания «Поэмы без героя»: с переводом на французский или английский языки и с большой «европейской» статьей типа «Поэма в ряду петербургской Гофманиады», или «В свя-зи...», или: поэма в подарочном издании люкс» – с му-

24. Дидона

25. Нас четверо

1962 1962

Из цикла «Венок мертвым»

* Квадратные скобки поставлены Ахматовой.

зыкай, ее портретом работы Модильяни и «прозой о поэме». Думает и о массовом издании – «ширпотреб с комментариями редактора» (РТ 104, л. 7, РГАЛИ). Кроме записей и планов, непосредственно относящихся к «Седьмой книге», в рабочих тетрадях Ахматовой довольно много списков и перечней стихов и поэм под названием «После книги» (1962–1964 гг.) По-видимому, имелась в виду книга «Стихотворения», 1961. Такие записи имеются в тетрадях: РТ 105, л. 7 – Сборник «После книги», 1963; РТ 111, л. 44 об. – план книги 1964 г.; РТ 112, л. 19-19 об. – «После книги. Стихотворения Анны Ахматовой. 1964» – перечень напечатанных в периодике стихотворений и отрывков; намечены циклы: «Из вереницы четверостиший», «Из Пролога», «Четыре Песенки», «Полночные стихи», «Из цикла "Шиповник цветет"»; РТ 107, л. 8 – «После книги»; РТ 10, л. 5 – «После книги»; РТ 10, л. 30 об., 40 – «После книги» и др. В рабочей тетради РНБ – «Оглавление седьмого сборника стихов». Еще один подробный план сборника – в собрании Н.Н. Глен. Все эти записи, сделанные самой Ахматовой, показывают, насколько активной и самостоятельной была ее авторская воля и насколько смелыми предположения, что наступила пора напечатать многое, не опубликованное до сих пор, и собрать в единую книгу опубликованное в периодике. Ника Николаевна Глен, у которой в ноябре–декабре 1962 г. жила Ахматова, выполняла роль технического помощника Ахматовой: в ее задачу входила перепечатка текстов стихотворений по предложенному автором плану и по указанным ею источникам текстов. Работа была выполнена в рекордно короткий срок: за четыре дня. Сведения о работе над будущей книгой «Бег времени» имеются в книге Л.К. Чуковской «Записки об Анне Ахматовой», (т. 2 и 3). И ноября 1962 г.: «В соседней комнате Ника стучала на машинке. Анна Андреевна объяснила мне, что с помощью Ники она составляет новую книгу: туда войдут стихи тридцатых годов и отрывки из «Реквиема». Книга будет называться «Бег времени».

– Может быть, лучше «Сожженная тетрадь»? – предложила я.

– Цензура не пропустит, – сказала Анна Андреевна» (Чуковская, 2. С. 460). 16 ноября 1962 г. Ахматова и Глен показывали Л.К. Чуковской список стихотворений, отобранных для будущей книги, которую она намеревается предложить издательству «Советский писатель»: 96 стихотворений (там же, с. 550).

В декабре 1962 г. Ахматова обсуждает с Чуковской состав двух разделов книги: «Реквием» и «Стихотворения 30-х годов»: не надо ли часть стихотворений 1930-х годов включить в «Реквием» – «Немного географии», «И вот, наперекор тому...» и некоторые другие. Несмотря на категорические протесты Чуковской, одно стихотворение все-таки было в «Реквием» включено: «Это было, когда улыбался/ /Только мертвый, спокойствию рад...» – при перепечатке рукописи, т.е. в декабре 1962 года» (С. 561). В этот краткий период 1962 г. Ахматова, впервые записавшая «Реквием» и позволившая размножить его текст на машинке, рассчитывала увидеть его в печати еще до выхода книги «Бег времени», так же, как она ожидала решения о публикации «Поэмы без героя» с предисловием К.И. Чуковского в «Новом мире». Эти обстоятельства следует учитывать для определения степени авторской свободы в выборе текстов для будущей книги. Характерно, что многие друзья Ахматовой, например Ю.Г. Оксман, и в декабре 1962 г. считали, что «Реквием» нельзя показывать ни в одной редакции (см. об этом в кн.: Чуковская, 2. С. 564, и в дневниках Ю.Г. Оксмана).

План книги

«Бег времени. Седьмой сборник стихотворений» (Собрание Н.Н. Глен):

Вереница четверостиший

Бег времени Имя

«За такую скоморошину...» (30-е годы)

«А, тебе еще мало по-русски...» 1962

К стихам

«В каждом древе распятый Господь...»

«Ржавеет золото и истлевает сталь...»

«Взоры огненной огня...» 1963

Конец Демона

«Дорогою ценой и нежданной...» 1946

«О своем я уже не заплачу...» 1962

«Я всем прощение дарю...» 1948

Стихи разных лет

«И клялись они Серпом и Молотом...»

Многим 1922

«Если плещется лунная жуть...» 1928

«Не прислал ли лебеда за мною...» 1936. Москва

«Мои молодые руки...» 1940

Подвал памяти 1940

1. «Один идет прямым путем...»

2. «Но я предупреждаю вас...» «Так отлетают темные души...»

«Когда погребают эпоху...» 1940

Последнее возвращение

«День шел за днем, – и то, и сё...»

(Последнее возвращение) «Ленинградскую беду руками не разведа...» «Кого когда-то называли люди...»

После всего

Музыка

Приморский сонет

«Опять подошли незабвенные даты...» «Все ушли, и никто не вернулся...»

летний сад 1959. лето

«Другие уводят любимых...»

Портрет автора в молодости

«Ты напрасно мне под ноги мечешь...»

«Вы меня как убитого зверя...»

«Из-под каких развалин говорю...»

«Не лирою влюбленного...»

«Забудут? – вот чем удивили!..»

«Не страшай меня грозной судьбой...»

Отрывок

Мартовская элегия 1960

Венок мертвым

Новогодняя баллада

учитель – [Днненский]

«De profundis... Мое поколенье...»

«Все это разгадаешь ты один...» (Б. Пильняку)

«Я над ними склонюсь, как над

чашей...» (О. Мандельштаму «Невидимка, двойник, пересмешник...» М. Цветаевой «И снова осень валит Тамерланом...» 1946

«Умолк вчера неповторимый голос...» I Б. Пастернаку 1960 «Словно дочка слепого Эдипа...» J 1960.

Боткинская больница

Нас четверо (Комаровские наброски)

«Словно дальнему голосу внемлю...» М. Зощенко

Анте

[И голос твой] «И сердце то уже не отзовется...» Н. Пунину

Requiem (1935–1940) 1. Вместо предисловия

Посвящение 1940

«Это было, когда улыбался...» «Уводили тебя на рассвете...» «Тихо льется тихий Дон...» «Легкие летят недели...»

«Нет, это не я, это кто-то другой страдает...» «Показать бы тебе, насмешнице...»

[К смерти]

«Семнадцать месяцев кричу...»

Приговор 1939

«Уже безумие крылом...» 1940

Распятие Эпилог (I и II)

Из стихотворений 30-х годов

«Привольем пахнет дикий мед...» 1933

[Стансы] 1940. Москва

Немного географии

«И вот наперекор тому...»

С армянского

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

«Я знаю – с места не сдвинуться...»] [Заклинание]

Черепки

1. «Мне, лишенной огня и воды...»

2. «Семь тысяч три километра...»

3. «Вот и доспорился яростный спорщик...»

4. «Кому и когда говорила...» Защитникам Сталина

Ташкентские страницы

«Это рысьи глаза твои, Азия...» В тифу

«Как ни стремилась к Пальмире я...» «Разве я стала совсем не та...» Interieur

Смерть

«Я не была здесь лет семьсот...»

«В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...»

«Какая есть, желаю вам другую...» 1942. Ташкент

Из цикла «Ленинградские элегии»

«Меня, как реку...» «Есть три эпохи у воспоминаний...» «В том доме было очень страшно жить...»

Песенки

Дорожная [Застольная] [Любовная] лишняя Последняя

Сожженная тетрадь

Посвящение Сожженная тетрадь Наяву Во сне

«Дорогою ценой и нежданной...» Сон

[Без названия] Одна песенка 1956 –

«Таинственной невстречи» Другая. «Как сияло там и пело...» Воспоминание

1946 1946 1946 1956

В разбитом зеркале [«Ты стихи мои требуешь прямо...»] «Пусть кто-то еще отдыхает на юге...» Сонет-Эпилог – Говорит Дидона Через много лет

Античная страничка

Смерть Софокла Александр у Фив

1956

1956

1961. Больница в Гавани

Т,

айны ремесла

Муза

Творчество

«Мне ни к чему одические рати...» «Как и жить мне с этой обузой...» Поэт

Читатель

Последнее стихотворение Про стихи (Нарбуту) Эпиграмма (В электричке)

1924 1936

С

тихи последних лет

Царскосельская ода

Из Черных песен (I и II)

[Почти в альбом]

Мелхола (Из книги Царств)

Эхо

Родная земля

Последняя роза Наследница

«Если б все, кто помощи душевной...»

Лето 1961. Комарово

«В,

от она, плодоносная осень...»

1962. Больница в Гавани Лето. 1962

1961. Вербное Воскресение Осень. 1962 Комарово

Предвесенняя элегия

«Какое нам, в сущности, дело...» Путем вся земли

«В которую-то из сонат...» «Красотка очень молода...» Триптих (Поэма без героя)

Еще тост

«Была над нами как звезда над морем...»

1963 Комарово

Почти в альбом

Предлагаем вниманию читателей два варианта пер-вых редакций книги «Бег времени»

1962 и 1963 гг. Первый составлен Ахматовой в конце 1962 г. вместе с Н.Н. Глен.

Его текст сохранился в нескольких машинописных вариантах, отражающих процесс авторской работы над книгой. Разные списки произведений, кото-рые должны были войти в «Бег времени», и несколько машинописных авторизованных копий рукописи со вставками и исправлениями рукой Ахматовой имеют единую композицию и отличаются

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna друг от друга в основном числом стихотворений в том или ином разделе, в частности в разделах «Вереница четверостиший», «Стихи разных лет», «Стихи последних лет».

Публикуем вариант первой редакции книги «Бег времени» по машинописи с рукописными вставками Ахматовой (РГАЛИ, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 80) и имеющемуся там же перечню стихотворений. В рукописи РГАЛИ 89 листов, на которых отпечатаны на машинке 74 стихотворения, 28 вписаны рукой Ахматовой – либо целиком, либо по первой строке или первым строфам, с указанием даты внизу страницы. Открывает книгу цикл «Вереница четверостиший», завершают «Сожженная тетрадь» и поэма «Путем всея земли».

Несколько «смягченный» в соответствии с неизбежно предстоящими трудностями прохождения книги через редакционные и цензурные препоны вариант этой первой редакции «Бега времени» был передан Ахматовой в издательство «Советский писатель» в Москве вместе со следующим заявлением:

В редакцию поэзии издательства «Советский писатель» Предлагаю вниманию Издательства новую книгу моих стихов.

Анна Ахматова. 12 декабря 1962 г.

«Бег времени» в этом составе издательство не устроило. См. об этом: Кралин М.М. Анна Ахматова и «деятели 14 августа»//Ленинградская панорама. 1989. № 6. С. 31. Постоянный рецензент издательства Е.Ф. Книпович была «заказана» рецензия определенного содержания: с похвалами, но и с требованием радикальной переделки прежде всего композиции книги, изъятия из нее наиболее трагических произведений – цикла «Венок», стихотворений не названного «Реквиема», дополнения сборника традиционными разделами ранних стихов из пяти первых напечатанных книг (см. текст рецензии в т. 2, кн. 2. С. 282–284).

Направление переработки Ахматовой рукописи 1963 г. под давлением издательства отражено в машинописных экземплярах сборника «Бег времени» 1963 и 1964 гг. Публикуем один из вариантов рукописи 1963 г. (РГАЛИ), в котором также сохранен первоначальный замысел Ахматовой издать книгу только новых стихов – по авторизованной машинописной копии РГАЛИ с многочисленными исправлениями и дополнениями рукой Ахматовой (ф. 13, оп. 1, ед. хр. 79).

Дальнейшая судьба рукописи книги такова. В феврале 1963 г. Ахматова получила письмо от одного из руководителей Ленинградского отделения издательства «Советский писатель» Г.В. Пагирева с вопросом, какие книги Ахматовой они могли бы включить в план издательства на 1964 год? Познакомившись с рецензиями и поняв, что в Москве книга пролежит еще долго и скорее всего так и не выйдет, Ахматова забрала рукопись и передала ее в Ленинградское отделение. Вслед за рукописью из Москвы идет соответствующий «сигнал». И.о. зав. редакцией русской советской поэзии Д. Голубков пишет Глебу Валентиновичу Пагиреву:

В нашей редакции рассматривалась рукопись новой книги А.А. Ахматовой. Однако Анна Андреевна запросила у нас рукопись, сообщив, что намеревается, по Вашему предложению, передать ее в Ленинградское отделение издательства. Посылаем Вам для сведения отзывы на рукопись, полученные нами.

С уважением

и. о. зав. ред. русской советской поэзии Д. Голубков. 29 августа 1963 г. (РГАЛИ, ф. 1234, оп. 19, ед. хр. 1634)

Вынужденная выполнить хотя бы некоторые требования рецензентов, Ахматова в 1963 г. еще верит, что ей удастся издать свою «Седьмую книгу». Она готова поменять местами некоторые разделы – если раньше «Бег времени» открывался «Вереницей четверостиший», то теперь она ставит на первое место раздел «Тайны ремесла». Вынут цикл «Реквием», который и в первом варианте не имел этого заглавия, а входил в раздел «Стихи 1930-х годов». Нет цикла «Венок мертвым». И все же – это книга новых стихов, не «избранное», не «Из семи книг».

Ленинградское отделение предложило Ахматовой радикально перестроить седьмую книгу, превратив ее в однотомник «Избранного». «Я все отказывалась: хотела одни только новые стихи, «Седьмую книгу». Теперь согласилась. Пусть однотомник» (Чуковская, 3. С. 109). В декабре 1963 г. с Ахматовой говорил А.А. Сурков – о «большом» однотомнике, включающем все ее книги, о юбилейном издании, которое выйдет к ее семидесятипятилетию и пятидесятипятилетию ее творческой деятельности (1909–1964). 4 января 1964 г. Ахматова дала Л.К. Чуковской свой экземпляр третьего варианта «Бега времени» – машинопись с ее пометами на полях, поправками, вариантами новых стихов. По новому плану в книге должны были быть обязательно разделы «Венок мертвым» с семью посвящениями, отдельный раздел «Поэмы» («Путем всея земли», «Реквием» и «Поэма без героя»). Первая книга «Вечер» открывалась семью стихотворениями «Предвечерия», книга «Аппо Домини» – стихотворением, в 1923 г. вырезанным цензурой, – «Петроград 1919 г.». Ахматова составляет многочисленные циклы, дает произведениям новые названия и эпиграфы. В реально вышедшей книге 1965 г. эти радужные планы не

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna осуществились: нет «Реквиема», нет «Венка мертвым», нет «Петро-града 1919», нет отдельного раздела «Поэмы», нет «За такую скоморошину...», «лагерных строф» «Поэмы без героя», да и самого четверостишия «Бег времени» – «Что войны, что чума?..», нет стихотворений «Многим», «Наследница» и пр. и пр. В марте 1964 г. Ахматова и Чуковская составляют список – «какие стихи мы сами из предосторожности не вставили в «Бег времени», – таких оказалось десять. В июле 1964 г. началась работа Ахматовой с издательским редактором Минной Исаевной Дикман. В октябре 1965 г. книга вышла в свет.

«Седьмая книга», составленная Ахматовой в 1964 г. с помощью Л.К. Чуковской как последний заключительный раздел сборника «Бег времени», отличалась от печатного текста книги прежде всего тем, что в рукописи в особый раздел были выделены три поэмы: «Путем всея земли», «Реквием» и «Поэма без героя». Когда выяснилось, что издание такого раздела невозможно, «Путем всея земли» была присоединена к разделу «Тростник», там же оказались два отрывка из «Реквиема», а в «Седьмой книге» – большой отрывок «Поэмы без героя» под заглавием «Девятьсот трина-дцатый год. Петербургская повесть» – он был помещен между разделами «В сороковом году» и «Ветер войны». Вынуты стихотворения «Победителям», «Седой венец достался мне недаром...» (отрывок стихотворения «какая есть. Желаю вам другую...»), не-сколько четверостиший («Бег времени», «В каждом древе распятый Господь...», «За такую скомороши-ну...», «И скупо оно и богато...», «Может быть, потом ненавидел...»), «Не мудрено, что похоронным звоном...», «Если б все, кто помощи душевной...», некото-рые «ташкентские» отрывки.

Содержание раздела «Седьмая книга» в рукописях книги «Бег времени» (РГАЛИ, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 83 и 84):

СЕДЬМАЯ КНИГА

Пала седьмая завеса тумана, Та, за которой приходит весна.

Т. К.

Тайны ремесла

1. Творчество

2. «Мне ни к чему одические рати...»

3. Муза

4. Поэт

5. Читатель

7. Эпиграмма («Могла ли Биче словно Дант творить...»)

8. Про стихи

9. «О, какпрянодыханье гвоздики...»

10. «Многое, еще, наверно, хочет...» 1936–1960

«А в книгах я последнюю страницу...» 1943. Ташкент

Пушкин 1943

Учитель 1945

«Наше священное ремесло...» 1944

В сороковом году

1. «Когда погребают эпоху...»

2. Лондонцам

3. Тень

4. «Уж я ль не знала бессонницы...»

5. «Но я предупреждаю вас...» 1940

1940 Ветер войны

Клятва

«Важно с девочками простились...» Первый дальнобойный в Ленинграде «Птицы смерти в зените стоят...» Мужество

1. «Щели в саду вырыты...»

2. «Постучи кулачком – я открою...»

1942

Нох (Статуя «Ночь» в Летнем саду) Победителям

«А вы, мои друзья последнего призыва...» «Справа раскинулись пустыри...» Победа

1. «Славно начато славное дело...»

2. «Вспыхнул над молом первый маяк...»

3. «Победа у наших стоит дверей...» Памяти друга

1941, июль. Ленинград

1943

1941

1941. Сентябрь

1942. Февраль

1942

1942 1944 1942

1944. Ташкент

1942–1945 1945

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

Луна в зените

1. «Заснуть огорченной...»
2. «С грозных ли площадей Ленинграда...»
3. «Все опять возвратится ко мне...»
4. «И в памяти, словно в узорной укладке..»
5. «Третью весну встречаю вдали...»
6. «Я не была здесь лет семьсот...»

7. Явление луны

8. «Как в трапезной – скамейки, стол, окно...»

Еще одно лирическое отступление

«...Седой венец достался мне недаром...» Смерть

I. «Я была на краю чего-то...»

II. «А я уже стою на подступах к чему-то...»

1942–1944. Ташкент 1943. Ташкент. Балахана 1942. Ташкент

1942. Дюрмень

«Когда лежит луна ломтем

чарджуйской дыни...» Новоселье

1. Хозяйка

2. Гости

3. Измена

4. Встреча

«Это рысьи глаза твои, Азия...» На Смоленском кладбище С самолета

1. «На сотни верст, на сотни миль...»

2. «Белым камнем тот день отмечу...»

3. «И весеннего аэродрома...» Вереница четверостиший

«Что войны, что чума? Конец

их виден скорый...» «Ржавеет золото, и истлевает сталь...» «В каждом древе

распятый Господь...» К стихам

«И было сердцу ничего не надо...» «О своем я уже не заплачу...» «Взоры огненной

огня...» «За такую скоморошину...» «...И на этом сквозняке...» «И скупое оно и

богато...» [«...Может быть, потом ненавидел...» Имя

«И слава лебедью плыла...» Три осени Под Колодной

[Возвращение] «Все души милых

на высоких звездах...» «Пятым действием драмы...» Вторая годовщина («Нет, я

не выплакала их...»)

1944. Ташкент

1943 1943 1944 1943 1945

1942. Дюрмень

1944. Май

1962 1945 1946

1962 1963 1937 Ташкент Десятые годы

1963]

1943 1943

1941 1944

Ленинград. 1946

Последнее возвращение («День шел за

днем – и то, и сё...») Надпись на портрете «Прошло пять лет – и залечила

раны...» Приморский парк Победы Сinque

1. «Как у облака на краю...»

2. «Истлевают звуки в эфире...»

3. «Я не любила с давних пор...»

4. «Знаешь сам, что не стану славить...»

5. «Не дышали мы сонными маками...»

1944 1946

1950. Май 1950

1945–1946

Шиповник цветет. Из сожженной тетради

«Вместо праздничного поздравленья...»

1. Сожженная тетрадь

2. Наяву

3. Во сне

4. Первая песенка

5. Другая песенка

6. Сон

7. «По той дороге, где Донской...»

8. «Ты выдумал меня. Такой на свете нет...»

9. В разбитом зеркале

10. «Пусть кто-то еще отдыхает на юге...»

11. Сонет–эпилог

12. «Ты стихи мои требуешь прямо...»

«Один идет прямым путем...»

«И сердце то уже не отзовется...»

«...А человек, который для меня...»

«Вот она, плодоносная осень!..»

При непосылке поэмы

Из трагедии «Пролог, или Сон во сне»

Говорит она

Говорит он

24 декабря 1961* 1946 1946

1957**

14 августа 1956

1956

1963. Москва

1940

1956

1945 1962. Комарово 1963

* С эпиграфом: «Дорогою ценой и нежданной_____» 1946. – Н.К.

** С эпиграфом: «Несказанные речи...». – Н.К.

Слышно издалека

Песенка слепого [Московские акварели] Трилистник московский Почти в альбом

Без названия («Среди морозной

праздничной Москвы...») Еще тост («За [кротость] веру твою

и за верность мою...») 1961–1963

Полночные стихи (семь стихотворений)

Вместо посвящения 1963. Лето

1. Предвесенняя элегия 10 марта 1963.

Комарово

2. Первое предупреждение 6 июня 1963.

Москва

3. В зазеркалье 5 июля 1963.

Комарово

4. Тринадцать строчек 8–12 августа 1963

5. Зов ([«В которую-то]

«Ив предпоследней из сонат...») 1 июля 1963

6. Ночное посещение 10–13 сентября

1963. Комарово

7. И последнее 23–25 июля 1963

Вместо послесловия 4 мая 1965

[Отрывок («...чтоб посланец

давнего века...») 1963. «Решка.»]

Нечет

Что отдал, то твое.

Приморский сонет 1958. Комарово

Музыка

Отрывок («...И мне показалось,
что это огни...») 1959

Летний сад 1959

Отрывок («Словно дальнему голосу

внемлю...») 1958. Комарово

«Не страшай меня грозной судьбой...» 1959

Городу Пушкина

1. «О горе мне! Они тебя сожгли...»

2. «Этой ивы листья в девятнадцатом

веке увяли...» 1957

Песенки

1. Дорожная, или Голос из темноты 1943

2. Лишняя («Тешил – ужас.

Грела – вьюга...») 1959

3. Прощальная («Не смеялась и не пела...») 1959

4. Последняя («Услаждала бредами...») 1964 [Из восточной тетради] Из цикла:

«Ташкентские страницы» 1959

Мартовская элегия 1960

Портрет автора в молодости

«В прошлое давно пути закрыты...» 1960

Три стихотворения

1. «Пора забыть верблюжий этот гам...» *\
Страница 198

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

2. «И в памяти черной, пошарив, найдешь...» 1944–1960

3. «Он прав–опять фонарь, аптека...») Античная страничка

I. Смерть Софокла. 1961

II. Александр у Фив (Дом Поэта) 1961. Ленинград «Опять подошли незабвенные даты...» 1944. Ленинград «Если б все, кто помощи душевной...» 1960

«И снова осень валит Тамерланом...» Памяти поэта

I. «Умолк вчера неповторимый голос...»

II. «Словно дочка слепого Эдипа...» j 1960– Москва Царскосельская ода 1961. Комарово Родная земля 1961.

Ленинград Комаровские наброски («...И отступилась я здесь от всего...») 1961

Последняя роза 1962. Комаровол

* Эпиграф с полной подписью: И. Бродский. – Н.К.

«Всем обещаьям вопреки...» 1960

Северные элегии

Первая (Предыстория)

Вторая («Так вот он – тот осенний пейзаж...») -\

Третья («Меня как реку...») 1943–1953

Четвертая («Есть три эпохи у воспоминаний...») J

Пятая (Среднеазиатская)*^ «Не мудрено, что [колокольным] похоронным звоном...» «Почти не может быть! Ведь ты была всегда...» 9 сентября 1964

В пути («[Страна] Земля, конечно, не родная...») 25 сентября 1964.

Комарово

В Выборге 1964

Седьмая книга Ахматовой «Бег времени» в изданиях последних десятилетий воспроизводилась по–разному. В.М. Жирмунский в БП печатал «Седьмую книгу» в основном по сборнику «Бег времени» с добавлением из рукописи «Бега времени» восьми про–изведений и из более ранних собраний нескольких стихотворений «о войне и победе» (БП. С. 481). В.А. Черных в т. 1 (Соч., 1987. С. 419–420 и Соч., 1990. С. 433) указывал, что в основу его публикации «Седьмой книги» (состав и расположение стихов) так же положен текст книги «Бег времени», добавлены не–сколько стихотворений по вариантам рукописей книги «Бег времени» (РГАЛИ) и, в соответствии с автор–ской волей поэта, восстановлен цикл «Венок мертвым». М.М. Кралин (БО 1) печатал седьмую книгу под за–

** Название вписано карандашом на с. 393. текста пет – Н.К

главием «Бег времени» – «в соответствии с ее перво–начальным замыслом, который восстанавливается по многочисленным авторским спискам стихотворений «Бега времени», хранящимся в ГПБ и в ЦГАЛИ» (БО 1. С. 412).

УКАЗАТЕЛЬ

стихотворений, поэм, драматических произведений А.А. Ахматовой, вошедших в тома 1–4*

В указатель вошли произведения А.А. Ахматовой (страницы обозначены цифрами прямого начертания), комментарии к ним и упоминания о произведениях, содержащиеся в статьях и коммента–риях к другим произведениям (цифры даны курсивом). Названия циклов или разделов, в которые (постоянно или в отдельных слу–чаях) входили стихотворения, приведены курсивом в скобках после первой строки или названия. В случае, если стихотворение или отрывок были включены в поэмы, драмы и т.д., названия послед–них также приводятся в скобках и обозначаются курсивом.

Отрывки из «Поэмы без героя» и их упоминания в коммен–тариях и статьях даются по первой их строке и имеют отсылку к «Поэме без героя» без указания ее редакции. Редакции «Поэмы без героя» представлены отдельными строками.

Стихотворные циклы, формировавшиеся на протяжении мно–гих лет, в ряде случаев отличаются друг от друга. Составы таких циклов приводятся без указания количества входящих в них стихо–творений и их порядкового номера (см., например, цикл «Венок мертвым»).

Для удобства читателей в указатель вклю–чены также стихотвор–ные отрывки из прозаических произведений, вошедших в т. 3.

Указатель составлен Д.Р. Иаффилоидой.

[А.А. Смирнову] («Когда умрем, темней не станет...») 2 (2) – 247, 502

«А в зеркале двойник бурбонский профиль прячет...» 2 (1) – 41, 441, 544

«А в книгах я последнюю страницу...» 2 (1) – 54, 452–453; 4 – 275, 535. 539. 542. 567

«А ведь мы с тобой...» (Любовная; Песенки) 2 (1) – 175. 407. 555; 2 (2) – 262; 4 – 416

- «...А вокруг старый город Питер...» см. Поэма без героя
«...А вот они опять передо мною...» (Энума элиш) 3 – 349
«А все, кого я на земле застала...» (На Смоленском кладбище; Трещотка прокаженного, 6; Два отрывка из поэмы без названия, 1) 2 (1) – 29, 430–431, 557; 4 – 287, 527, 532, 535, 539, 542, 548, 569
«А вы, мои друзья последнего призыва!..» (In memoriam; Ле-нинградский цикл; Два отрывка из поэмы без названия, II; Ветер войны) 2 (1) – 30, 301, 366. 431–433, 437, 4 – 269, 288. 527, 532, 534, 538, 541. 548. 568
«А за ней в шинели и в каске...» (Pro domo tea. Проза о поэме) 3 – 275
«А за тонкой стенкой, откуда...» (Поэма без героя. Строфы, не вошедшие в поэму, 12) 3 – 208, 646, 650
«А как музыка зазвучала...» 2 (2) – 238, 499; 3 – 502
«А княгиня моя, где захочет жить...» (Из завещания Ва-сильки) 1 – 22, 703
«А мы?...» 2 (1) – 43, 443
«А на этом сквозняке...» см. «...И на этом сквозняке...»
«А слава лебедью плыла...» см. «И слава лебедью плыла...»
«А Смоленская нынче именинница...» 1 – 363, 866; 2 (1) – 332; 4 – 192, 512, 514–515
«А та, что сегодня прощается с милым...» см. «И та, что сего-дня прощается с милым...»
«А там, где сочиняют сны...» (Вместо послесловия. Полноч-ные стихи) 2 (2) – 228, 493; 4 – 571
«...А там мой мраморный двойник...» (В Царском Селе, II) 1 – 72, 716, 724; 4 – 8, 464–465, 467, 469, 471–472
«А тебе еще мало по-русски...» (Вереница четверостиший; Энума элиш) 2 (2) – 140, 418; 3 – 356–357; 4 – 308. 412, 557
«А тот, кого учителем считаю...» (Учитель; Поэма о начале века; Венок мертвым) 2 (1) – 98, 361, 490; 2 (2) – 286; 3 – 38, 502, 505; 4 – 323, 435, 536. 543. 548. 554, 558, 567
«А, ты думал – я тоже такая...» 1 – 353, 862; 4 – 190. 512. 514–515
«А ты теперь – жестокий и унылый...» см. «А ты теперь тя-желый и унылый...» «А ты теперь тяжелый и унылый...» 1 – 309, 842–844; 4 – 148, 504–505. 507–508, 517 «А у присяжных то же изумленье...» (Лирические отступления
Седьмой элегии. 1) Пауки в окне; Северные элегии) 1 – 875; 2 (1) – 211, 378, 600, 621 «А умирать поедем в Самарканд...» (Ташкентские страницы)
2 (1) – 33, 434; 4 – 406 «А человек, который для меня...» (Без даты) 2 (1) – 94, 488; 3 – 554; 4 – 271, 570 «А! это снова ты. Не отроком влюбленным...» 1 – 268, 822–823; 4 – 84, 487, 500 «А, это снова ты... Ни мужем непреклонным...» см. «А! это снова ты. Не отроком влюбленным...» «А я была неверной, как любовь...» (Энума элиш) 3 – 338 «А я говорю, вероятно, за многих...» 2 (2) – 102, 385 «А я илу, где ничего не надо...» см. «Я там иду, где ничего не надо...»
«...А я молчу – я тридцать лет молчу...» (Из Седьмой Се-верной элегии; Северные элещи) 2 (1) – 209, 597–600
«А я росла в узорной тишине...» (Ипа) 1 – 459, 664, 918– 919, 939; 2 (1) – 293, 362; 2 (2) – 295; 4 – 224, 237, 519. 521, 523–524, 529, 553
«А я уже стою на подступах к чему-то...» (Смерть. II; Таш-кентские страницы) 2 (1) – 28, 310. 429–430; 4 – 344, 402, 538. 542, 560, 568
1» зах. 870
Август («Он и праведный, и лукавый...») 2 (1) – 198, 583, 616 Август 1940 («Когда погребают эпоху...»; В сороковом году, 1)
1 – 481, 671, 942–943; 2 (1) – 361; 2 (2) – 283, 506–507; 3 – 495; 4 – 243, 314, 398, 523, 526, 537. 540, 558, 567
Азия (1–3; 1. «Третью весну встречаю вдали...»; 2. «Разве я стала совсем не та...»; 3. «Ты Азия – родина родин...»)
2 (1) – 62, 70, –74, 282. 458, 467, 470; 2 (2) – 265; 4 – 343, 405. 527, 537–539. 560. 568
Александр у Фив («Наверно, страшен был и грозен юный царь...»; Античная страничка, II) 2 (1) – 622; 2 (2) – 118, 296, 400–401; 4 – 355, 432, 549, 551, 561, 572
Александру Блоку («От тебя приходила ко мне тревога...») 2 (2) – 248, 502
Алиса (I–II; I. «Все тоскует о забытом...»; II. «Как поздно! Устала, зеваю...») 1 – 46–47, 571, 712–713; 4 – 26–27
Анафема см. «Это и не старо, и не ново...»
«Ангел, три года хранивший меня...» 1 – 382, 618, 877; 4 – 177. 512, 514. 516

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

Античная страничка (I–II; I. Смерть Софокла; II. Александр у Фив) 2 (1) – 244, 622–624; 2 (2) – 118, 296, 400–401; 4 – 354–355, 432, 545, 549, 551, 553, 561, 572

«Ах! – где те острова...» [Из забытого] 1 – 455, 915–916

«Ах, дверь не запирала я...» (Белой ночью) 1 – 49, 569, 713; 4 – 22, 464, 466, 468–469, 471, 473

«Ах! Тебе еще мало по-русски...» см. «А тебе еще мало по-русски...»

Бег времени (1–2; 1. «Не мудрено, что похоронным звоном...»; 2. «Что войны, что чума! – конец их виден скорый...») 2 (1) – 203, 591–593. 614; 2 (2) – 108, 389–390; 4 – 307, 411, 548–549, 553, 557, 566–567, 569, 573

Бег времени («Что войны, что чума! – конец их виден скорый...»; Вереница четверостиший) 2 (1) – 592; 2 (2) – 108, 389–390; 4 – 307, 411, 548–549, 553, 557, 566, 569

«Бедствие это не знает предела...» (Скорость) 2 (2) – 13, 320 Бежецк («Там белые церкви и звонкий, светящийся лед...») 1 – 377, 618–620. 874; 2 (2) – 295; 4 – 172, 511. 516 Без даты («А человек, который для меня...») 2 (1) – 94, 488; 3 – 554; 4 – 271, 570

«Без крова, без хлеба, без дела...» 2 (2) – 62, 357

Без названия («Среди морозной праздничной Москвы...»; Трилистник московский, 2) 2 (2) – 184, 472–473; 4 – 571

«Без них меня томит и душит...» (Вторая годовщина; Heimkehr. II) 4 – 272. См. также «Нет, я не выплакала их...»

«Безвольно пощады просят...» 1 – 91, 733–734, 782–783; 4 – 46, 474, 476, 478, 480, 482

Белая ночь («Небо бело страшной белизною...») 2 (2) – 249, 502–503

Белой ночью («Ах, дверь не запирала я...») 1 – 49, 569, 713; 4 – 22, 464, 466, 468–469. 471, 473 Белый дом («Морозное солнце. С парада...») 1 – 200, 789; 4 – 121, 489, 493. 495 «Белым камнем тот день отмечу...» (С самолета, 2) 2 (1) – 78, 437, 474; 4 – 527, 539, 569 «Беспмятна лишь жизнь – такой не назовем...» 2 (2) – 221, 489

«Бессмертен день, когда одною грудью...» (Стокгольмская хартия; В июньские дни, 2) 2 (1) – 155, 541–543

«Бессмертник сух и розов. Облака...» 1 – 262, 820–821; 4 – 104, 488, 493, 497, 499, 501

Бессонница («Где-то кошки жалобно мяукают...») 1 – 90, 581, 733; 2 (2) – «Бесшумно ходили по дому...» 1 – 203, 790; 2 (1) – 332; 295; 4 – 57, 475. 477–478, 482

«Бесшумно ходили по дому...» – 203, 790; 2 (1) – 332; 4 – из, 489. 493, 496. 502

Библиейские стихи (1–3; 1. Рахиль; 2. Лотова жена; 3. Мелхила) 1 – 375, 402, 640, 655, 867–868, 872–874, 883, 887, 900; 2 (1) – 332, 408; 2 (2) – 42, 345; 4 – 180, 365, 446, 511–512, 517, 521–522, 525, 549–551, 553, 561

«Бисерным почерком пишете, Lisc...» 1 – 136, 755

«Блаженный мир – зеленый мир...» (Из «Ташкентской тетради») 2 (1) – 76, 472–473

«Божий Ангел, зимним утром...» 1 – 207, 791; 4 – 97, 488, 493, 495. 500

«Больничные молитвенные дни...» 2 (2) – 121, 404

Большая исповедь см. Энума элиш

Борис Пастернак («Он сам себя сравнивший с конским глазом...») 1 – 426, 635, 664. 900–901; 4 – 213, 521. 523–524. 529

Борису Пастернаку (I–III; I. «Умолк вчера неповторимый голос...» (Смерть поэта); II. «Словно дочка слепого Эдипа...», III. «И снова осень валит Тамерланом...»; Венок мертвым) 1 – 901, 929; 2 (1) – 129, 519–525, 578; 2 (2) – 74–75, 286, 362. 364; 4 – 327–328, 439–440. 543, 550–551, 553–554, 558, 572

«Брат! Дождалась я светлого дня...» (II)* 1 – 28, 705 Брсы («Самолет приблизился к Парижу...») 2 (2) – 14, 320 «Будем вместе, милый, вместе...» 1 – 236, 810–811; 4 – 489. 493, 496

«Будешь жить, не зная лиха...» 1 – 252, 8/5; 4 – 475. 479 «Буду тихо на погосте...» 1 – 233, 601, 809; 4 – 116, 489. 493, 496, 502

«Буду черные грядки холить...» 1 – 271, 785. 824; 4 – 202, 515 «Будь ты трижды ангелов прелестней...» (Энума элиш) 3 – 344–345

«Бывает так: какая-то истома...» (Творчество; Тайны ремесла) 1 – 434, 905; 2 (1) – 296; 2 (2) – 289. 304; 4 – 211, 240, 356, 383, 521, 523–524, 526, 561, 567

«Бывало, я с утра молчу...» (Песенка) 1 – 257, 618, 819; 4 – 164, 498–499, 506–507, 517

«Был блаженной моей колыбелью...» 1 – 205, 790; 4 – 90, 487, 492, 495, 498

Цикл без заглавия См. также «Пришли и сказали: «Умер тип брат

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

«Был вещим этот сон или не вещим...» (Сон; Шиповник цветет. Из сожженной тетради, 6) 2 (1) – 177, 512, 558–560; 4 – 373, 418, 544, 547, 560, 570 «Был лучом на синем покрывале...» (Энума элиш) 3 – 335 «Был он ревнивым, тревожным и нежным...» 1 – 209, 792;
4 – 82, 487, 492, 496, 498, 500 «Была над нами, как звезда над морем...» (И последнее; Полночные стихи) 2 (2) – 167, 295, 455–456; 4 – 562 «...Были святки кострами согреты...» см. Поэма без героя «Было душно от жгучего света...» (Смятение, 1) \ – 115,
743, 748; 4 – 41, 476, 479, 481 «Быть может, презреннее всех на земле...» 2 (2) – 201, 477 «Быть страшно тобою хвалимой...» 2 (2) – 189, 474
В «Бродячей собаке» см. «...Все мы бражники здесь, блудницы...»
В Выборге («Огромная подводная ступень...») 2 (2) – 214, 483; 4–573
«В городе райского ключаря...» 1 – 287, 793. 831–833. См. также «И в черном саду между древних лип...»; Из прапоземы
«В грозном вое степных ураганов...» (Волга-дон) 2 (1) – 164, 547
«В заветных ладанках не носим на груди...» (Родная земля) 2 (1) – 299; 2 (2) – 120, 296, 402–404; 4 – 366, 448, 551–552, 554, 561, 572
В Зазеркалье («Красотка очень молода...»; Полночные стихи) 2 (2) – 165, 438, 450–453; 4 – 562, 571
В зеркале см. «На шее мелких четок ряд...»
В июньские дни (1–2; 1, Говорят дети; 2. Стокгольмская хартия) 2 (1) – 151, 155, 540–543; 2 (2) – 265, 271
«В каждом древе распятый Господь...» (Вереница четверостишии) 2 (1) – 127, 578; 4 – 310, 412, 557, 566, 569
«о каждых сутках есть такой...» 1 – 284, 830; 2 (2) – 295; 4 – 152, 504–505, 507–509
«В комнате моей живет красивая...» 1 – 43, 712 «в которую-то из сопат...» см. «И в предпоследней из сонат...»
В лесу («Четыре алмаза – четыре глаза...») 1 – 64, 556, 719–720
В мае («Сталинградской страды...») 2 (1) – 103, 462, 492, 494 «в ней что-то чудотворное горит...» (Музыка) 2 (1) – 200, 585–588; 2 (2) – 269, 295; 4 – 316, 425, 544, 548, 558, 571
В парке. Девяностые годы («в тени елизаветинских боскетов...»; Царскосельская поэма «Русский Трианон») 2 (1) – 361;
3 – 18, 481–482; 4 – 237
В пионерлагере («как будто заблудившись в нежном лете...») 2 (1) – 156, 543; 2 (2) – 265, 271 «в последний год, когда столица паша...» 1 – 286, 831–832 «в последний раз мы встретились тогда...» 1 – 171, 778; 4 ~ 50, 474, 477, 482, 494, 498 «в промежутки между грозами...» 1 – 345, 859–860 «в прошлое давно пути закрыты...» (Эхо) 2 (1) – 552, 626; 2 (2) – 82, 293, 296, 372; 4 – 366, 448, 545, 550, 553. 561, 572
«в прошлое иду я – спят граниты...» (Отрывок) 2 (1) – 171, 552, 626
В разбитом зеркале («Непоправимые слова...»; Шиповник цветет. Из сожженной тетради, 9) 2 (1) – 186, 569;
4 – 375, 420, 551–552, 561, 570
«В ремешках пенал и книги были...» 1 – 104, 582, 739–740, 764; 4 – 65, 475, 479
«В садах впервые загорелись маки...» (Говорят дети; В июньские дни, 1) 2 (1) – 151, 540; 2 (2) – 265, 271
«В скорбях, в страстях, под нестерпимым гнетом...» 2 (1) ~ 240, 620
В сороковом году (I–IV или 1–5; I. Август 1940; II. Тень; III. Лондонцам; IV. «Уж я ль не знала бессонницы...»; 5. «Но я предупреждаю вас...») 1 – 481–482, 484, 488, 491, 671, 942–946. 949–950; 2 (1) – 299. 332–333. 335. 361. 372. 574; 2 (2) – 269. 283. 506–507; 3 – 495. 555. 618–619; 4 – 243–245, 255, 312, 314, 395, 398, 523. 526. 530. 535. 537. 540. 547–548. 550. 557–558, 567
В Суздальском монастыре, либретто 3 – 427
«в тени елизаветинских боскетов...» (В парке. Девяностые годы; Царскосельская поэма «Русский Трианон») 2 (1) – 361; 3 – 18, 481–482; 4 – 237 в тифу («Где-то ночка молодая...»; Ташкентские страницы) 2 (1) – 31, 433; 4 – 342, 405, 538, 541. 560 «в то время я гостила на земле...» (Эпические мотивы, 1) 1 – 146, 587, 758–759. 795, 831; 2 (2) – 295; 3 – 477; 4 – 75, 478. 497. 517 «в том доме было очень страшно жить...» (Северные элегии) 1 – 381, 681, 875–876; 2 (1) – 601; 4 – 543, 560

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

«В тот давний год, когда зажглась любовь...» (Дальний голос, 1; Другой голос) 1 – 374, 871–872; 4 – 173, 509, 511, 513, 516

«В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...» (Из цикла «Ташкентские страницы»; Из восточной тетради; Ташкентские страницы) 2 (2) – 24, 326–334; 4 – 346, 545, 560, 572

«В углу старик, похожий па барана...» 1 – 71, 717, 723–724; 4 – 552

В Царском Селе (I–III; I. «По аллее проводят лошадок...»; II. «...А там мой мраморный двойник...»; III. «Смуглый отрок бродил по аллеям...») 1 – 55, 72, 77, 570, 576, 571, 716, 724–725, 727–728, 890; 2 (1) – 478; 4 – 7–9, 463–465. 467, 469. 471–472

«В черноватом Париж тумане...» (Поэма без героя. Строфы, не вошедшие в поэму, 16) 3 – 210, 646, 651

«В шатре опустилась полночная мгла...» (Юдифь) 1 – 873; 2 (2) – 254, 510

«В этой горнице колдунья...» (Хозяйка; Новоселье, 1) 2 (1) – 44, 361. 443–444, 460; 4 – 280, 534, 539. 541. 569

«Важно с девочками простились...» (Ветер войны) 2 (1) – 57, 339, 454; 4 – 538. 541. 568 «Вам жить, а мне не очень...» 2 (1) – 302; 2 (2) – 22, 325 «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...» 1 – 238, 588, 593–595. 812; 4 – 98, 488, 493, 496, 499, 501 «Веет ветер лебединый...» 1 – 325, 853; 4 – 176, 509, 512. 514, 516–517

Венеция («Золотая голубятня у воды...») 1 – 100, 737–738; 4 – 71, 477–478, 480, 482

Венок мертвым* (Учитель; «De profundis! Мое поколение...»; Нас четверо. Комаровскис наброски; «Я над ними скло-нюсь, как над чашей...»; Поздний ответ; «И снова осень валит Тамерланом...»; Памяти Бориса Пастернака (1. «Умолк вчера неповторимый голос...»; 2. «Словно дочка слепого Эдипа...»); «Все это разгадаешь ты один...»; «И сердце то уже не отзовется...»; «Словно дальнему голосу внемлю...»; Памяти Анты; «Вот это я тебе взамен могильных роз...») 1 – 440, 469–470, 596, 654, 870, 901, 907–909, 927–933; 2 (1) – 67, 98, 129, 170, 196, 218, 301, 303, 313, 361. 462–465, 490, 508, 512, 519; 525, 551–552, 577–582, 605–607; 2 (2) – 74–75, 85, 119, 280–281, 286, 362, 364, 373–374, 401, 505; 3 – 38, 502; 4 – 216, 287, 323–331, 434–442, 459, 520, 524, 529, 530, 536. 540. 543, 547–551, 553–554, 558–559, 563, 565–567, 570–573

Вере Ивановой-Шварсалон см. «Туманом легким парк напол-нился...»

Вереница четверостиший («А тебе еще мало по-русски...»; Бег времени («Что войны, что чума! – конец их виден скорый...»); «В каждом древе распятый Господь...»; Имя; «И слава лебе-дью плыла...»; К стихам; «Я всем прощение дарю...»; Конец Демона; «Взоры огненной огня...»; Ответ («И вовсе я не про-рочица...»); «О своем я уже не заплачу...»; «И было сердцу

В некоторые варианты цикла входили также «Новогодняя баллада» (Э) и «Царскосельские строки».

ничего не надо...»; «За такую скоморошину...»; «...И на этом сквозняке...»; «И скупое оно и богато...»; «Может быть, потом ненавидел...»; «Дорогою ценой и неожиданной...») 1 – 343–344, 438, 454, 859. 890. 907. 915, 917; 2 (1) – 58. 126–127, 130, 219, 454. 501, 517–519. 522–523. 556. 574. 592. 607–608; 2 (2) – 99, 108, 125–129. 132. 140. 158, 186, 383–384. 389–390, 406–407. 409–410. 418, 437. 473. 504; 3 – 330, 340, 356–357, 756; 4 – 304, 307–310, 411–413, 416, 544–545, 548–551, 553–554, 557, 560, 563, 565–567, 569–570

«Верьте мне вы или не верьте...» (Поэма без героя. Строфы, не вошедшие в поэму, 5) 3 – 206, 646, 648

«Весенний воздух властно смел...» 1 – 8, 697

«Весенним солнцем это утро пьяно...» (Обман, 1) 1 – 34, 532, 537, 556, 706–707; 4 – 16, 464, 466–467, 469

«Вестей от него не получишь больше...» (Утешение) 1 – 208, 600. 791–792, 839, 850; 4 – 108, 488, 491. 495

«Весь та сыгранный на шарманке...» (Городу) 2 (2) – 54, 354

Ветер войны (Клятва; «Важно с девочками простились...»; Первый дальнобойный в Ленинграде; «Птицы смерти в зе-ните стоят...»; Мужество; Памяти Вали (1. «Щели в саду вырыты...»; 2. «Постучи кулачком – я открою...»); Нох. Статуя «Ночь» в Летнем саду; Победителям; «А вы, мои друзья последнего призыва...»; «Справа раскинулись пус-тыри...»; Победа (1. «Славно ■ начато славное дело...»; 2. «Вспыхнул над молом первый маяк...»; 3. «Победа у наших стоит дверей...»); Памяти друга («И в День Победы, неж-ный и туманный...»); Причитание («Ленинградскую бе-лу...») 2 (1) – 8, 10, 12, 15–16, 21. 23, 30, 57, 65, 71, 82, 84, 102, 110, 258, 260, 262–263, 265, 267–269, 276, 279, 296–297, 299, 301, 331–333, 334 –336, 339–340, 344, 355, 361, 363, 366, 404–411, 413– 415,

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
421–425, 431–433, 435, 437, 449, 454, 458, 460. 462, 468, 480–481, 492–494, 498;
2 (2) – 295 ; 4 – 265–268, 269, 272–273, 276, 288, 526–527, 532–534, 536, 538,
541, 548, 558, 566, 568
«Вечер тот казни достоин...» 1 – 397, 885
«Вечерние часы перед столом...» 1 – 127, 749–750; 4 – 66,
477. 479. 481–482 «Вечерний звон у стен монастыря...» 1 – 211, 792 «Вечерний и
наклонный...» (Разлука) 1 – 172, 778; 4 – 94,
48 7. 492. 495 . 498 , 501 Вечерняя комната («Когда лежит луна ломтем
Чарджуйской
дыни...») см. Interieur Вечерняя комната («Я говорю сейчас словами теми...») 1 –
45, 531, 537, 570, 712; 4 – 28, 465 Вечером («Звенела музыка в саду...») 1 –
120, 582, 745–746, 752; 4 – 43, 476, 479, 481 Вечесловой см. «дымное исчадьё
полнолуныя...» «Взоры огненной огня...» (Вереница четверостиший) 2 (2) –
158, 437; 4 – 309, 413, 545, 557, 569 «Видел новобрачного во храме...» (Энума
элиш) 3 – 348 «Видел я, как кровь ее сочится...» (Энума элиш) 3 – 338 «Видел я
тот венец златокованный...» (Предсказание; Другой
голос) 1 – 386. 618–619. 878; 3 – 388. 394. 399–400.
402; 4 – 172, 511 «Вижу, вижу лунный лук...» 1 – 202, 789; 4 – 112, 489,
493, 497, 501
«Вижу выцветший флаг над таможенной...» (Возвращение) 1 – 117, 744 – 745 ; 2 (2)
– 295 ; 4 – 60, 474 , 477, 479. 481–482
«Вкруг него – дорогие тени...» (Поэма без героя. Строфы, не вошедшие в поэму, 9)
3 – 207, 646, 649
«Вместо мудрости – опытность, пресное...» 1 – 145, 600, 758, 857; 4 – 83, 487,
492, 495, 500
Вместо посвящения («По волнам блуждаю и прячусь в лесу...»; Полночные стихи) 2
(2) – 178, 466–467; 4 – 571
Вместо послесловия («А там, где сочиняют сны...»; Полноч-ные стихи) 2 (2) – 228,
493
«Вместо праздничного поздравленья...» (Посвящение цикла «Из сожженной тетради».
Шиповник цветет. Из сож-женной тетради, 1) 2 (2) – 29, 335; 4 – 370, 414, 544,
547, 570
«Вновь Исакий в облаченьи...» (Стихи о Петербурге, 1) 1 –
161, 582, 767– 768: 4 – 69 , 477. 479. 481–482 «Вновь подарен мне дремотой...» 1
– 275. 536. 825; 4 –
102, 488. 493, 498–499, 501 во сне («Черную и прочную разлуку...»; Шиповник
цветет.
Из сожженной тетради. 3) 2 (1) – 120, 508–509, 512.
551; 2 (2) – 265. 270; 4 – 302, 371. 415, 544, 547, 560,
570
«Воды не хватит в Тихом океане...» (Корея в огне, II) 2 (1) – 153, 541–542
Возвращение («Вижу выцветший флаг над таможенной...») 1 – 117, 744–745 ; 2 (2) –
295; 4 – 60, 474, 477, 479, 481–482
Возвращение («Все души милых на высоких звездах...»; Цар-скосельские строки, II)
1 – 372, 870–871; 2 (1) – 361, 477; 2 (2) – 287; 4 – 291, 526, 530, 535, 569
Волга – Дон («В грозном вое степных ураганов...») 2 (1) – 164, 547
Воронеж («И город весь стоит оледенелый...») 1 – 429, 664, 668, 902–903; 2 (1) –
578; 4 – 215, 238, 521, 523–524, 526, 529
Воспоминание («Ты выдумал меня. Такой на свете нет...»;
Шиповник цветет. Из сожженной тетради, 8) 2 (1) –
178, 512, 560; 4 – 372, 419, 544, 547, 560, 570 8 ноября 1913 («Солнце комнату
наполнило...») 1 ~ 133, 752;
4 – 62, 474, 477, 480 «Вот беда в чем, о дорогая...» (Поэма без героя. Строфы,
не
вошедшие в поэму, 14) 3 – 209, 646, 650 «Вот и берег северного моря...»
(Разлука) 1 – 394, 621, 880,
882–883; 4 – 182, 509, 512, 516–517
«Вот и dospopилcя, яpocтный cпopщик...» (Черепки, II) \ –
452, 914–915; 2 (1) – 596; 4 – 559 «Вот какой мне спутник послан Богом...»
(Энума элиш) 3 –
339
«Вот она, плодоносная осень!..» 2 (2) – 137, 295, 413; 4 –
369, 451, 561, 570 «Вот ты и услышал запах снов...» (Энума элиш) 3 – 348 «Вот
это я тебе, взамен могильных роз...» (Венок мертвым)
1 – 470, 931–933; 2 (2) – 286. 505; 4 – 330, 436, 524, 543. 554
«Вражье знамя...» (Ленинградские четверостишия. 1)
2 (1) – 7, 263. 404–405, 411; 4 – 533 «Врачуй мне душу, а не то...» 2 (2) – 193,
476

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

Вроде монолога («Так вот он – тот осенний пейзаж...»; Се–верные элегии) 2 (1) – 18, 361, 418. 491, 622; 4 – 251, 535, 544, 547, 573

«Все в Москве пропитано стихами...» 2 (2) – 155, 426

«Все готово для встречи друга...» (Поэма без героя. Строфы, не вошедшие в поэму, 18) 3 – 210, 646, 651

«Все души милых па высоких звездах...» (Возвращение; Цар–скосельские строки, II) 1 – 372, 870–871; 2 (1) – 361, 477; 2 (2) – 287; 4 – 291, 526. 530, 535, 569

«Всё как раньше: в окна столовой...» (Гость) 1 – 166, 581, 769– 770; 4 – 73, 477, 482, 494

«Все, как ты предчувствуешь, и даже...» (Энума элиш) 3 – 348

«Все, кого и не звали, – в Италии...» 2 (1) – 201, 587

«Все мне видится Павловск холмистый...» 1 – 246, 536, 815–816; 4 – 103, 488, 493, 496, 499, 501 «Все мы бражники здесь, блудницы...» 1 – Из, 537, 582, 726, 742–743, 767; 4 – 44, 476, 479, 482 «Все мы вышли из небылицы...» см. «Все мы бражники здесь, блудницы...»

«Все небо в рыжих голубях...» (Еще одно лирическое отступление; Луна в зените) 2 (1) – 51, 371, 449–451; 3 – 466; 4 – 284, 530, 535, 538, 542, 568

«Все обещало мне его...» 1 – 276, 600, 826; 4 – 96, 488, 493, 498 , 501

«Все опять возвратится ко мне...» (Ташкентские наброски, I; Луна в зените, 3) 2 (1) – 56, 423. 450, 453; 4 – 285, 527, 534, 538, 568 «Все отнято: и сила, и любовь...» 1 – 273, 601, 824–825; 4 – 88, 487. 492. 498. 500 «...Все равно подходит расплата...» см. Поэма без героя «Все расхищено, предано, продано...» 1 – 351, 646. 861: 4 – 184, 512, 514–515. 517

«Все таинства Летнего Сада...» (Pro domo tea. Проза о по–эме) 3 – 224

«Все те же хоры звезд и вод...» (Луна в зените) 2 (2) – 295 ; 4 – 527. См. также «Я не была здесь лет семьсот...»

«Все тоскует о забытом...» (Алиса, 1) 1 – 46, 571, 712–713; 4–26

«Все ушли, и никто не вернулся...» 1 – 456, 916; 3 – 343; 4 – 550, 553, 558

«Все это было – твердая рука...» 2 (2) – 143, 422

«Вес это разгадаешь ты один...» (Памяти Пильняка; Венок мертвым) 1 – 440, 907–909; 2 (1) – 303; 2 (2) – 286; 4 – 329, 437, 527, 529, 543, 547. 558

«Всегда нарядней всех, всех розовой и выше...» (Тень; В со–роковом году, II) 1 – 482, 942–945; 2 (2) – 269; 3 – 555, 618–619; 4 – 244, 526, 537, 540, 547, 567

«Всем обещаньям вопреки...» (Из «Черных песен», II) 1 – 681; 2 (2) – 116, 398; 4 – 364, 445, 561, 573

«Всех друзей моих благодарю...» 2 (2) – 56, 355

«Вспыхнул над молом первый маяк...» (Победа, 2; Ветер войны) 2 (1) – 82, 413. 462, 480– 481, 492– 493 ; 4 – 527. 538, 568

Встреча см. Призрак

Встреча («Как будто страшной песенки...»; Новоселье, IV) 2 (1) – 46, 444, 446, 460; 4 – 281, 539, 541, 569

Вступление («Это было, когда улыбался...», Реквием) 1 – 463, 662, 922; 3 – 23, 486 489, 492; 4 – 525, 556, 559

Вступление («Если бы брызги стекла...») 2 (2) – 175, 463 Вступление к Ташкентской поэме см. «Все небо в рыжих голу–бях...»

«Всю ночь не давали заснуть...» (Из первой тетради. Отры–вок) 1 – 19, 502, 703

Вторая годовщина («Нет, я не выплакала их...»; Heimkehr, I) 2 (1) – 121, 509; 2 (2) – 265; 4 – 272. 537. 539, 541. 548, 569–

«Вы меня, как убитого зверя...» (Черепки, V) 1 – 914–915; 2 (1) – 220, ' 556, 574, 596, 608–610; 4 – 553, 558

«Вы так вели по бездорожью...» (К стихам, I; Вереница чет–веростиший) 2 (2) – 125, 406; 4 – 308, 412, 557, 569

«Вы чудаки, вы лучший путь...» 2 (2) – 90, 376

«Выбрала сама я долю...» 1 – 230, 602, 808; 4 – 119, 489. 493, 496

«Высокие своды костела...» 1 – 139 , 719, 756 , 757; 3 – 575; 4 – 53, 480

«Высоко в небе облачко серело...» 1 – 68, 532, 721–722; 4 – 11, 464–465, 467, 469, 472 «Высокомерьем дух твой помрачен...» 1 – 288, 561, 598, 601, 833; 4 – 117, 489, 491, 506 выход книги («Тот день всегда необычаен...») 2 (2) – 117, 399; 4 – 549 Выцветшие картинки ь – 673

«Гаагский голубь реял над вселенной...» (Поэма о начале ве–ка) 2 (1) – 490; 3 – 37, 414, 484, 502

«Где ароматом веяли муссоны...» (Корея в огне, I) 2 (1) – 153, 541–542

«Где б ты ни был, ты делил со мною...» (Энума элиш) 3 – 336, 338, 356

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

«Где, высокая, твой цыганенок...» 1 – 177, 780; 4 – 110, 488, 493, 495, 500 «Где дремала пустыня, там ныне сады...» 2 (1) – 139, 532

«...Где на четырех высоких лапах...» (Под Коломой; Тре-щотка прокаженного. 7) 2 (1) – 45, 444, 557; 4 – 288, 527, 535. 539, 542, 569 «Где-то кошки жалобно мяукают...» (Бессонница) 1 – 90, 581, 733; 2 (2) – 295; 4 – 57, 475, 477–478, 482 «Где-то ночка молодая...» (В тифу; Ташкентские страницы) 2 (1) – 31, 433; 4 – 342, 405, 538, 541. 560 «Герб небес изогнутый и древний...» 1 – 12, 699 Гибель см. «Как будто страшной песенки...» (Встреча) «Глаз не свожу с горизонта...» 2 (1) – 24, 418. 426 «Глаза безумные твои...» (Забывтое четверостишие) 1 – 23, 704 Говорит Дидона. Сонет-эпилог см. Сонет-эпилог («не пугайся, –я еще похожей...»; Шиповник цветет. Из сожженной тетради) Говорят дети («В садах впервые загорелись маки...»; В июнь-ские дни, 1) 2 (1) – 151, 540–541; 2 (2) – 265, 271

«Годовщину веселую праздной...» см. «Годовщину последнюю праздной...»

«Годовщину последнюю праздной...» 1 – 466, 664, 912–913; 2 (2) – 295; 4 – 219, 246, 521, 523–524, 526, 529 Голос из темноты, или Дорожная см. Дорожная, или Голос из темноты

Голос памяти («Что ты видишь, тускло на стену смотря...») 1 – 124, 741, 744, 746–748. 756; 3 – 138, 236, 604; 4 – 55, 477, 479, 482 «Голубя ко мне не присылай...» (Милому) 1 – 223, 800–801, 879; 4 – 128, 490, 494, 496, 502 «Город сгинул, последнего дома...» 1 – 282, 829; 2 (2) – 295; 4 – 485, 490–491, 498, 502 Городу («Весь ты сыгранный на шарманке...») 2 (2) – 54, 354

Городу Пушкина (1–2; 1. «О, горе мне! Они тебя сожгли...»; 2. «Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли...») 2 (1) – 81, 202, 361, 437, 476–480, 588–591; 4 – 292, 536, 542, 545, 548, 572

«...горчайшей смерти чашу...» 2 (2) – 93, 377

«Горят твои ладони...» 1 – 250, 780. 817; 4 – 475, 479

«Горячего дня середина...» 2 (1) – 225, 614

«Господеви поклонитесь...» (Причитание) 1 – 387, 618, 878; 3 – 402; 4 – 182, 512. 515

«Господь немилостив к жнецам и садоводам...» 1 – 244, 815; 4 – 95, 488, 493. 497

Гости («...ты пьян... и все равно пора пах хауз...»; Новосе-лье. II) 2 (1) – 53, 444, 451, 460; 4 – 280, 534. 539. 541, 569

Гость («Всё как раньше: в окна столовой...») 1 – 166, 581, 769–770; 4 – 73, 477, 482. 494

«Да, я любила их, те сборища ночные...» 1 – 290, 598, 834–835; 4 – 128, 489, 494. 502. 506. 508 «дай мне горькие годы недуга...» (Молитва) 1 – 231, 530–531, 561–562. 600, 604–605, 656, 808. 821; 2 (2) – 295; 3 – 388–389; 4 – 110, 488. 493. 496. 501 «Дал Ты мне молодость трудную...» 1 – 108, 578, 740; 4 – 61, 479

«Далеко в лесу огромном...» (Колыбельная) 1 – 251, 764, 817–818; 2 (1) – 268; 4 – 199, 497, 513 «Даль рух!гула, и пошатнулось время...» (Из набросков) 2 (2) – 35, 340–342

Дальний голос см. «Сказал, что у меня соперниц нет...»

Дальний голос (Слова на музыку, слышанную во сне) см. «Я с тобой, мой ангел, не лукавил...»

Дальний голос (1–3; 1. «В тот давний год, когда зажглась лю-бовь...»; 2. «Я с тобой, мой ангел, не лукавил...»; 3. «Земной отрадой сердца не томи...») 1 – 373–374, 379, 871–872. 874; 4 – 173–174, 509, 511, 513–516

Дама в лиловом см. «На шее мелких четок ряд...»

Данте («Он и после смерти не вернулся...») 1 – 431, 903; 4 – 222, 255, 521, 523–524. 526. 529

Два голоса (1–2; 1. «Пусть грубой музыки обрушится вол-на...»; 2. «При музыке...») 2 (1) – 106, 217, 404–405. 494–495. 604–605; 4 – 544

Два отрывка из поэмы без названия (I. На Смоленском; II. In memoriam) 2 (1) – 29–30, 301. 366. 430–433. 437. 557; 4 – 269, 287–288, 527. 532, 534, 535, 538–540, 542. 548. 568–569

Два стихотворения. (1–2; 1. «Подушка уже горяча...»; 2. «Тот же голос, тот же взгляд...») 1 – 24–25. 699, 704; 2 (1) – 371; 2 (2) – 265; 4 – 468. 470–472

28 июля 1921 см. «А Смоленская нынче именинница...»

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

«Двадцать первое. Ночь. Понедельник...» 1 – 294, 598. 836; 4 – 126, 489, 494, 502, 507–508

21 декабря 1949 года («Пусть миру этот день запомнится на–веки...») 2 (1) – 136, 527–531

27 января 1944 года («И в ночи январской беззвездной...»; Ленинградский цикл) 2 (1) – 66, 345, 458. 462, 480, 492; 4 – 269

24 мая («Это были черные тюльпаны...») 2 (1) – 247, 625 «двадцать четвертую драму Шекспира...» (Лондонцам; В со–роковом году, III) 1 – 484, 671, 942, 945–946; 2 (1) – 299, 332, 335, 372; 3 – 495; 4 – 245, 523, 526, 537, 540, 567

«Дверь полуоткрыта...» 1 – 53, 532, 556, 714; 4 – 12, 464–465, 467, 469. 471–472 Двустиие («От других мне хвала ~ что зола...») 1 – 420, 664, 896; 3 – 499; 4 – 229, 389, 521–522, 525–526, 528

9 декабря 1913 («Самые темные дни в голу...») 1 – 148, 759; 4 – 91, 480, 487, 492, 501, 507–508

«День шел за днем – и то и се...» (Отрывок; Последнее воз–вращение, Г, Трещотка прокаженного; Луна в зените, 3) 2 (1) – 85, 481–483; 4 – 286, 316, 406, 535, 539, 542, 558, 570

«Десять лет и год твоя подруга...» 1 – 412, 893–894 Дидона – Энею см. Сонет–эпилог

Дифирамб («Зеленой той весны не бывало еще во вселен–ной...») 2 (2) – 246, 501

«Для суда и для стражи незрима...» 2 (2) – 229, 493

«Для того ль тебя носила...» 1 – 329, 513–514, 854–855; 4 – 485, 488, 491, 507

«Долгим взглядом твоим истомленная...» 1 – 368, 869; 4 – 194. 509. 513–515, 518

«Долго шел через поля и села...» 1 – 232, 602, 808–809; 4 – 122, 489, 494, 496, 500

Дом поэта см. Александр у Фив

«Дорогою ценой и нежданной...» (Вереница четверостиший; Шиповник цветет. Из сожженной тетради; Энума элиш) 2 (1) – 126, 517; 3 – 330; 4 – 416, 557, 560

Дорожная, или Голос из темноты («Кто чего боится...»; Пе–сенки, I) 2 (1) – 11, 407–409, 556; 4 – 285, 352, 426, 535. 543, 552, 560, 572

«Дострадать до огня над могилой...» 2 (1) – 128, 518

«Древний город словно вымер...» 1 – 189, 784; 4 – 93, 487, 492. 495

Другая песенка («Как сияло там и пело...»; Шиповник цве–тет. Из сожженной тетради, 5) 2 (1) – 185, 518, 567, 572; 4 – 375, 417, 560, 570

«Другие уведят любимых...» (Подражание Кафке) 2 (2) – 94, 288, 377; 4 – 545, 553, 558

Другой голос (1–5; «Я с тобой, мой ангел, не лукавил...»; «В тот давний год, когда зажглась любовь...»; «Неправда, у тебя соперниц нет...»; «Земной отрадой сердца не томи...»; «Видел я тот венец златокованный ...») 1 – 370, 373–374, 386, 379, 618–619, 869 – 872, 874, 878 ; 2 (1) – 331–332; 3 – 388. 394. 399–400. 402; 4 – 172–174, 509, 511, 513–516, 518

«Думали: нищие мы, нету у нас ничего...» 1 – 228. 599, 806; 4 – 79, 486. 491. 496. 500 Дурной сон см. Черный сон

«Дымное исчадьё полнолуныя...» (Надпись на портрете) 2 (1) – 124, 513–516; 2 (2) – 269; 3 – 676; 4 – 293, 537, 539. 542, 570

«Дьявол не выдал. Мне все удалось...» 1 – 392, 881–882; 4 – 516

«Если б все, кто помощи душевной...» 2 (2) – 101, 296, 384; 4 – 368, 450, 545, 549, 551, 561, 567, 572 «Если бы брызги стекла...» (Вступление) 2 (2) – 175, 463 «Если бы тогда шальная пуля...» 2 (2) – 144, 422

«Если бы ты музыкой была...» (Мартовские элегии, 1) 2 (1) – 246, 624

«Если в небе луна не бродит...» 1 ~ 339, 858

«Если плещется лунная жуть...» (Шестнадцатый год, III) 1 – 415, 839. 895 ; 2 (2) – 281; 4 – 210, 315, 389, 521–522. 524, 528, 557

«Если ты смерть – отчего же ты плачешь сама...» 2 (1) – 32, 434

«Есть в близости людей заветная черта...» 1 – 229, 807; 2 (2) – 295 ; 4 – 88, 487, 492, 496, 499–500

«Есть три эпохи у воспоминаний...» (Северные элегии) 2 (1) – 99, 490; 2 (2) – 262; 4 – 296, 350, 409, 543, 547, 560, 573

«Еще весна таинственная млела...» 1 – 298, 598, 784, 837; 4 – 93, 484–485, 490. 494, 502, 507 «Еще говорящую трубку...» 2 (1) – 181, 562

«Еще к этому добавим...» 2 (2) – 253, 508 «Еще недавно плоская коса...» (Приморский парк Победы) 2 (1) – 160, 545–546; 2 (2) – 265, 271, 295; 4 – 570

Еще об этом лете. Отрывок («И требовала, чтоб кусты...») 2 (2) – 139, 418

Еще одно лирическое отступление («Все небо в рыжих голу–бях...»; Луна в зените) 2 (1) – 51, 371. 449–451; 3 – 466; 4 – 284, 530. 535. 538. 542. 568

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912-1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
Еще тост («За веру твою и за верность мою!..»; Трилистник московский, 3) 2 (2) -
166, 438, 453-455; 4 - 562, 571
«Жарко веет ветер душный...» (Обман. II) 1 - 29, 555 . 575.
705-706; 4 - 16, 464. 466-467, 469, 471-472 «Ждала его напрасно много лет...» 1
- 283, 829-830; 4 -
162, 498, 505-506 «Женский голос, как ветер несется...» (Слушая пение) 2 (2) -
122, 404-405
«Жить - так на воле...» (Pro domo tea, 4) 1 - 448, 913-
914. 949; 2 (1) - 574; 4 - 537 «Жрицами божественной бессмыслицы...» 1 - 336,
758. 857
«За веру твою и за верность мою!..» (Еще тост; Трилистник московский. 3) 2 (2) -
166, 438, 453-455, 4 - 562, 571
«За заставой воеет шарманка...» (Петербург в 1913 году; Поэма без героя. Строфы,
не вошедшие в поэму, 8) 2 (2) - 97, 380-383; 3 - 207, 506, 646, 648
«...За ландышевый май...» 1 - 435, 905
«За наши пламенные зори...» см. «За эти пламенные зори...» «За озером луна
остановилась...» 1 - 399, 886; 2 (2) - 295;
4 - 179, 507, 512, 514, 517 «За плечом, где горит семисвечник...» 2 (2) - 182,
471 «За такую скоморошину...» (Вереница четверостиший) 1 -
438, 907; 2 (2) - 504; 4 - 411, 557. 567, 569 «За тебя я заплатила
чистоганом...» (Любовная; Песенки, III;
Поэма без героя; Шиповник цветет. Из сожженной
тетради) 3 - 157, 200-201, 616; 4 - 353, 416, 427,
543, 560
«За то, что я грех прославляла...» 1 - 213, 793. 832; 3 - 479 «За узором дымных
стекел...» 1 - 142, 757 «За эти пламенные зори...» (Тост) 2 (1) - 144. 492. 536
«Заболеть бы как следует, в жгучем бреде...» 1 - 388. 618.
621. 879. 885: 4 - 179. 512. 515. 517 «Забудут? - вот чем удивили!..» (Pro domo
tea. 3) 1 - 917.
949; 2 (1) - 194, 556, 574. 585, 608: 4 - 317. 452, 537.
540, 558
Забывтое четверостишие («Глаза безумные твои...») 1 - 23, 704 завещание («Моей
наследницею полноправной будь...») 1 - 193, 786
«Завещать какой-то дикой скрипке...» 2 (1) - 228, 397, 614
«Загорелись иглы венчика...» 1 - 105, 740
«Зажженных рано фонарей...» (Призрак) 1 ~ 331, 626, 855;
3 - 479; 4 - 198, 508, 514. 518-519, 552 «Зазвонили в Угличе рано...» 2 (1) -
238, 618 Закливание («Из тюремных ворот...») 1 - 431, 903, 918;
4 - 220, 248, 341, 524, 528, 559
«Заключенье не бывшего цикла...» (Последний день в Риме)
2 (2) - 219, 488-499 «Запад клеветал и сам же верил...» 2 (2) - 161, 443; 4 -
369 «Заплаканная осень, как вдова...» 1 - 367, 763, 868-8 69;
4 - 201. 509. 513-515, 518 Запретная роза («Ты о ней как о первой невесте...») 2
(2) -
216, 486
Заре («Тот счастлив, кто прошел среди мучений...»; пер. с португ.) 1 - 613,
618; 4 - 168, 503, 506, 508
«Заснуть огорченной...» (Луна в зените, 1) 2 (1) - 22, 423; 4 - 278, 527, 534,
541, 568
Застольная («Под узорной скатертью...»; Песенки, II) 2 (1) - 174, 555; 2 (2) -
262; 4 - 352, 427, 543, 560
«Затворилась навек дверь его...» ([Ташкент]) 2 (2) - 60, 356
«Зачем вы отравили воду...» 1 - 425, 658, 899-900; 2 (2) - 503; 4 - 390
«Зачем притворяешься ты...» 1 - 241, 600, 814; 4 - 105.
484. 488. 493. 496, 499, 501 Защитникам Сталина («Это те, что кричали:
«Варраву!..»)
2 (2) - 138, 415; 4 - 560 «Звалась soleil ты или чайной...» (Пятая роза) 2 (2) -
171,
458-460
«Звенела музыка в саду...» (Вечером) 1 - 120, 582 , 745-
746, 752; 4 - 43 , 476 , 479, 481 «...звон монет...» 2 (1) - 236, 617
«Здесь все меня переживет...» (Приморский сонет) 2 (1) - 206, 594. 616; 2 (2) -
269; 4 - 318, 424, 548, 558, 571 «Здесь все тебе принадлежит по праву...» 2 (1)
- 131, 523, 525 «Здесь все то же, то же, что и прежде...» 1 - 96, 736; 4 - 56,
477-478
«Здесь девушки прекраснейшие спорят...» (Эпиграмма) 1 -
416, 896; 3 - 447 «Здесь Пушкина изгнание началось...» (Кавказское) 1 - 411,
664, 893-894; 4 - 217, 521-522, 524, 526, 528 «Здравствуй! Легкий шелест

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

«Слышишь...» 1 ~ 131, 750; 4 – 51, 477, 480, 482 «Здравствуй, Питер! Плохо, старый...» 1 – 391, 880–881
«Зеленой той весны не бывало еще во вселенной...» (Дифирамб) 2 (2) – 246, 501 «Земля хотя и не родная...» 2 (2) – 215, 485–486; 4 – 573 «Земная слава как дым...» 1 – 212, 598, 792–793; 4 – 153, 495, 503–505, 509 «Земной отрадой сердца не томи...» (Дальний голос, 3; Дру-гой голос) 1 – 379, 871. 874; 4 – 174, 511. 514–515 «Знаешь сам, что не стану славить...» (Cinque, IV) 2 (1) – 117, 504; 4 – 301, 536. 539, 543, 570
«Знай, тот, кто оставил меня на какой-то странице...» 2 (2) – 183, 472
«Знаю, знаю – снова лыжи...» 1 – 132, 750–751, 919; 4 – 71, 477, 480–482 зов («И в предпоследней из сонат...»; Полночные стихи) 2 (2) – 164, 447–450; 4 – 562, 571 «Золотая голубятня у воды...» (Венеция) 1 – 100, 737–738; 4 – 71, 477–478. 480. 482
«И анютиных глазок стая...» 2 (2) – 106, 388 «И будешь ты из тех старух...» 2 (1) – 223, 613 «И было сердцу ничего не надо...» (Вереница четверости-ший) 1 – 859; 2 (2) – 129, 407; 4 – 310, 413, 569 «И было этим летом так отраднo...» 2 (2) – 176, 464 «И в День Победы, нежный и туманный...» (Памяти друга; Ветер войны) 2 (1) – 110, 340–341, 355, 361, 437, 458, 498–499; 4 – 276, 527, 536, 541, 568 «И в киевском храме Премудрости Бога...» 1 – 190, 784–785, 824 «И в недрах музыки я не нашла ответа...» 2 (2) – 45, 350 «И в ночи январской беззвездной...» (27 января 1944 года; Ленинградский цикл) 2 (1) – 66, 345, 458, 462, 480, 492; 4 – 269
«И в памяти, словно в узорпой укладке...» (Ташкентские наброски, 11; Луна в зените, 4) 2 (1) – 63, 423, 450, 453, 459; 4 – 286, 527, 534, 538, 568
«И в памяти черной, пошарив, найдешь...» (Три стихотворения, 2) 2 (2) – 79, 296. 367–368; 4 – 527, 545, 550, 572
«И в пестрой суете людской...» (Первый дальнoбойный в ле-нинграде; Ленинградский цикл; Ветер войны) 2 (1) – 10, 258, 296–297, 335, 406–408, 435, 437; 4 – 265, 526, 533, 538, 540, 568
«И в предпоследней из сонат...» (Зов; Полночные стихи) 2 (2) – 164, 447–450; 4 – 562. 571 «И в тайную дружбу с высоким...» 1 – 301, 838–839. 861; 2 (1) – 332; 4 – 147, 504–505. 507. 509
«И в черном саду между древних лип...» 3 – 17, 391. 414. 465–466, 478. См. также Из нранoэмы («В городе рай-ского ключаря...») «И весеннего аэродрома...» (С самолета, 3) 2 (1) – 79, 437–474; 4 – 527. 539. 569
«И вовсе я не пророчица...» (Ответ; Вереница четверости-ший) 1 – 454, 915; 2 (2) – 504; 4 – 309
«И Вождь орлиными очами...» 2 (1) – 137, 531
«И возникает мой сонет...» 2 (1) – 232, 616
«И вот из мрака встает она...» («Иеремия» Стравинского) 2 (2) – 149, 424
«И вот, наперекор тому...» 1 – 478, 940; 2 (2) – 506; 4 – 340, 391, 556, 559
«И вот одна осталась я...» 1 – 319, 613, 850; 4 – 157, 505–507, 510
«И время прочь, и пространство прочь...» (Наяву; Шиповник цветет. Из сожженной тетради, 2) 2 (1) – 123, 508–509, 512, 551; 2 (2) – 262; 3 – 584; 4 – 303, 371, 415, 544, 547, 560, 570
«И все, кого сердце мое не забудет...» (Памяти вали) 2 (1) – 49, 448–449
«И все пошли за мной, читатели мои...» 2 (1) – 231, 616 «И встретил Иаков в долине Рахиль...» (Рахиль; Библейские стихи, 1; Из книги Бытия, 1) 1 – 375, 868–869, 872–874, 887; 2 (1) – 332; 4 – 180, 512. 517, 521–522, 525 «И всюду клевета сопутствовала мне...» (Клевета) 1 – 383, 877; 3 – 394; 4 – 513, 518, 521–522
«И город весь стоит оледенелый...» (Воронеж) 1 – 429, 664, 668, 902–903; 2 (1) – 578; 4 – 215, 238, 521, 523–524, 526. 529
«И дал мне три гвоздики...» (0 летчиках, или Слепая мать) 3 – 299. См. «...И па ступеньки встретить...» «И жар по вечерам, и утром вялость...» 1 – 151, 763 «И жесткие звуки влажные, дробясь...» 2 (2) – 88, 375
«И как будто по ошибке...» (Читая «Гамлета», 2) 1 – 17, 699–701; 2 (1) – 371; 4 – 469–472 «И, как всегда бывает в дни разрыва...» (Разрыв, II) 1 – 897, 949; 2 (1) – 89, 485; 4 – 230, 257, 525, 527, 529, 535. 548
«И клялись они Серпом и Молотом...» 1 – 408, 890–891 «И когда друг друга проклинали...» 1 – 18, 531, 554, 699,

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
702– 703; 4 – 470– 472, 548, 550–552 «И комната, в которой я болею...» (Смерть, ///; Ташкентские страницы) 2 (1) – 39, 429, 439; 4 – 345, 403, 538, 542, 560
«И кружку пенили отцы...» 2 (1) – 34, 435; 4 – 540
«...И кто-то, во мраке дерев незримый...» (Отрывок) 1 – 86, 731; 4 – 47, 475, 477–478, 482 «И луковки твоей не тронул золотой...» 2 (2) – 87, 374 «И любишь ты всю жизнь меня, меня одну...» 2 (2) – 204, 478 «И мальчик, что играет на волынке...» 1 – 81, 730; 4 – 9, 464–467, 469, 471–472 «И меня по ошибке пленило...» 2 (2) – 78, 366 «И месяц, скучая в облачной мгле...» (Новогодняя баллада; Венок мертвым) 1 – 396, 640, 879, 883–885, 887; 2 (2) – 281, 295; 3 – 97, 268, 394, 412–413, 415, 417.
583. 585, 661, 707; 4 – 434, 513, 518, 522, 553, 558 «К1 мне доказательство верности этой...» 2 (1) – 190, 571
«...И мне показалось, что это огни...» (Отрывок; Трилистник московский. I) 2 (1) – 248, 625; 2 (2) – 361; 4 – 322, 430, 544. 571
«И мнится – голос человека...» 1 – 315, 845–846; 4 – 485, 487, 492, 501. 507 «И музыка тогда ко мне...» 2 (2) – 124, 405 «И мы забыли навсегда...» (Петроград, 1919) 1 – 348, 618–619, 860; 2 (2) – 295 ; 3 – 394; 4 – 171, 511, 565–566 «...И на ступеньки встретить...» 1 – 118, 745; 3 – 299; 4 – 45, 475–476. 479, 481–482 «...И на этом сквозняке...» (Вереница четверостиший) 2 (1) – 58, 454; 4 – 544. 569 «И наконец ты слово произнес...» (Тринадцать строчек; Пол-ночные стихи) 2 (2) – 173, 295. 438. 460; 4 – 571 «И не дослушаю впотьмах...» 2 (2) – 63, 357 «И неоилаканною тенью...» (1925) 1 – 409, 891 «И никакого розового детства...» (О десятых годах; Северные элегии; Энума элиш) 1 – 499, 502, 806; 2 (1) – 172, 552–555; 2 (2) – 261; 3 – 325–326, 753
«И никогда здесь не наступит утро...» 2 (2) – 234, 497
«И опять по самому краю...» 2 (2) – 73, 362
«И особенно если снится...» (Pro domo tea. Проза о поэме) 3 – 276
«И осталось из всего земного...» 2 (1) – 14, 412–413 «И отнять у них невозможно...» («Из балета «Тринадца-тый год») 2 (2) – 30, 336; 3 – 293 «И от Царского до Ташкента...» 2 (2) – 61, 356 «И отрок играет безумцу царю...» (Мелхола; Из книги царств; Библейские стихи, 3) 1 – 872, 887; 2 (2) – 42, 345; 4 – 365, 446, 511–512, 517, 549–551, 553, 561 «...И отступилась я здесь от всего...» (Нас четверо. Комаров-ские наброски; Венок мертвым) 2 (2) – 119, 401–402; 4 – 325, 440, 549, 551, 554, 559, 572
«И очертанья «Фауста» вдали...» 2 (1) – 107, 495
«И по собственному дому...» 2 (2) – 68, 360
И последнее («Была над нами, как звезда над морем...»; Пол-ночные стихи) 2 (2) – 167, 295 . 455–456 : 4 – 562
«И праведник шел за посланником Бога...» (Лотова жена; Библейские стихи, 2; Из книги Бытия. 2) \ – 402, 640, 655. 872. 883. 887, 900; 4 – 512, 517. 521–522, 525
«И прекрасней мраков Рембрандта...» 2 (1) – 301; 2 (2) – 64, 357
«И придя в свою светлицу...» (Сказка о черном кольце, 3) 1 – 307, 839–842; 4 – 507. 517 «И с тобой, моей первой причудой...» (Подражание И.Ф. Анненскому) 1 – 54, 571. 714–716. 788; 4 – 33, 468–469 «И с ухватками византийца...» (Поэма без героя. Строфы, не вошедшие в поэму, 3) 3 – 205, 646, 648 «И северная весть на севере застала...» 2 (2) – 135, 412 «И сердце то уже не отзовется...» (Венок мертвым) 2 (1) – 170, 508, 512, 551; 2 (2) – 286; 4 – 329, 442, 559. 570 «И скупое оно и богато...» (Вереница четверостиший) 1 – 343, 859; 4 – 567, 569
«И слава лебедью плыла...» (Вереница четверостиший) 1 – 344, 859; 4 – 307, 569
«И снова мадам Рекамье хороша...» 2 (1) – 147, 538
«И снова осень валит Тамерланом...» (Борису Пастернаку, III; Венок мертвым) 1 – 901; 2 (1) – 129, 519 – 525; 4 – 327, 543, 550–551, 553, 558, 572 «...И со всех колоколен снова...» 2 (1) – 77, 473 «И странный спутник был мне послан адом...» 2 (2) – 235, 498 «И та, что сегодня прощается с мильм...» (Клятва; Ветер войны; Ленинградский цикл) 2 (1) – 8, 258, 263, 404–405; 4 – 265, 526, 533, 538, 568 «...И там колеблется камыш...» 1 – 73, 726

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

«...и теми стихами весь мир озарен...» 2 (2) – 100, 384

«И тогда, как страшное действие...» (Поэма без героя. Строфы, не вошедшие в поэму, 7) 3 – 206, 646, 648 «и тогда мой гость зазеркальный...» (Поэма без героя. Строфы, не вошедшие в поэму, 17) 3 – 210, 646, 651 «...и той, что танцует лихо...» 2 (2) – 212, 482 «и требовала, чтоб кусты...» (Еще об этом лете. Отрывок)

2 (2) – 139. 418 «...и третья, что нами владеет всегда...» (Почти в альбом) 1 – 689; 2 (2) – 131, 408; 4 – 549 «и ты знаешь, я делила с тобою...» (Энума элиш) 3 – 352 «и ты ко мне вернулась знаменитой...» (Надпись на поэме «Триптих») 2 (1) – 59, 455 «и ты мне все простишь...» 1 – 407, 890, 895 «и увидел месяц лукавый...» (Шиповник цветет. Из сожженной тетради) 2 (1) – 119, 507–508, 518; 3 – 460; 4 – 292, 415

«и уже грохочет дальний гром...» (Энума элиш) 3 – 323 «и уже заглушая друг друга...» (Поэма без героя. Строфы, не вошедшие в поэму, 15) 3' – 209, 646, 651 «...и умирать в созианьи горделивом...» 2 (2) – 162, 445 «и упало каменное слово...» (Приговор; Реквием, VII) 1 – 445, 662, 664, 668, 911–912. 922; 2 (1) – 333. 335. 363. 408; 3 – 26. 488. 759; 4 – 241, 334, 519. 521–522. 525–526, 528–529. 547. 559 «и целый день, своих пугаясь стонов...» 1 – 314, 610, 845, 4 – 165, 505, 507 «и чем грозите вы?.. Пожаром?..» (Поджигателям) 2 (1) – 145, 535, 538

«и через все, и каждый миг...» 1 – 341, 859

«...и черной музыки безумное лицо...» 2 (2) – 15, 320

«и это б могла, и то бы могла...» 2 (2) – 89, 376

«и эта нежность не была такой...» (Энума элиш) 3 – 320–322

«...и это грозило обоим...» 2 (2) – 51, 354

«и это станет для людей...» (Шиповник цветет. Из сожженной тетради, 13) 2 (1) – 518; 2 (2) – 218, 481

«и юностью манит, и славу сулит...» 2 (2) – 69, 360

«и я все расскажу тебе...» 2 (1) – 35, 436

«и я наблюдала почти без ошибки...» см. «Мне летние просто невняты улыбки...»

«и я не имею претензий...» 2 (2) – 198. 411

«и яростным вином блудодеянья...» 2 (1) – 234, 611

Ива («А я росла в узорной тишине...») 1 – 459, 664, 918–919, 939; 2 (1) – 293, 362; 2 (2) – 295; 4 – 224, 237, 519, 521, 523–524, 529, 553

(«Иеремия» Стравинского) («и вот из мрака встает одна...») 2 (2) – 149, 424

Из балета «Тринадцатый год» (Либретто) 1 – 119; 3 – 279–293, 419, 443, 444, 449, 465, 626, 655, 658, 614, 618, 680, 691, 699, 101, 111, 732

Из восточной тетради см. «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...»

Из «Дневника путешевия». Стихи на случай («Светает. Это страшный суд...») 2 (2) – 209, 480–481 [Из забытого] («Ах! – где те острова...») 1 – 455, 915–916 Из завещания Васильки («А княгиня моя, где захочет жить...») 1 – 22, 703 Из итальянского дневника см. «Мы по ошибке встретили Год...»

Из Книги Бытия (1_2; 1. Рахиль; 2. Лотова жена; Библейские стихи) 1 – 375, 402, 640. 655. 867–868, 872–874, 883. 887. 900; 2 (1) – 332, 335; 4 – 180, 512, 517, 521–522, 525

Из Ленинградских элегий (О! Из какой великолепной тьмы, // Из самой окончательной разлуки...») 2 (1) – 193, 574; 2 (2) – 512

Из Ленинградских элегий (О! Из какой великолепной тьмы, // Тебя я повстречала на пороге...») 2 (2) – 258, 512–513

Из ленинградского цикла «Белые ночи» см. «Опять подошли незабвенные даты...» Из Московской тетради. Трилистник закрытый см. Трилистник московский

Из набросков («даль рухнула, и пошатнулось время...») 2 (2) – 35, 340–342

«Из памяти твоей я выну этот день...» 1 – 227, 596, 803. 805–806: 4 – 125, 489. 494, 496, 499, 502

Via первой тетради. Отрывок («Всю ночь не давали за-снуть...») 1 – 19, 502, 703

«Из перламутра и агата...» (Явление Луны, Г, Луна в зени-те, 7) 2 (1) – 90, 485–486; 4 – 282, 535, 541

Из прапоземы («и в черном саду между древних лип...») 3 – 17, 391, 414, 465, 466, 478. См. также «В городе райского ключаря...»

Из Седьмой Северной элегии («...А я молчу – я тридцать лет

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912-1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna молчу...»; Северные элегии) 2 (1) – 209, 579–600 Via Ташкентской тетради (Блаженный мир – зеленый мир...») 2 (1) – 76, 472-473 «Из тюремных ворот...» (Заклинание) 1 ~ 431, 903. 918; 4 – 220, 248, 341, 524, 528, 559 Из цикла «В пути» («Совсем вдали висел какой-то мост...») 2 (2) – 226, 492 Из цикла «Сожженная тетрадь» («Пусть мой корабль пошел ко дну...») 2 (1) – 189, 571 Из цикла «Ташкентские страницы» («В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...». Из восточной тетради) 2 (2) – 24, 326-334; 4 – 346, 545, 560, 572 Via цикла «Юность» («Мои молодые руки...») 1 – 475, 520, 919, 938-939; 3 – 414, 467; 4 – 225, 239, 310, 393, 524, 528, 553, 557 Из «Черных песен» (I. «Прав, что не взял меня с собой...»; II. «Всем обещаньям вопреки...») 1 – 681; 2 (2) – 107, 116, 388-389. 398; 4 – 363-364, 445, 549. 551-552. 554, 561, 573 Измена («Не оттого, что зеркало разбилось...»; Новоселье, III: Луна в зените) 2 (1) – 64, 423, 444, 460; 4 – 281, 527, 534, 539. 541, 569 «Из-под каких обломков говорю...» см. «Из-под каких развалин говорю...» «Из-под каких развалин говорю...» (Надпись на книге) 1 – 457, 916-918; 2 (1) – 556, 574, 596. 608; 2 (2) – 505; 4 – 544, 558 «Из-под смертного свода кургана...» 2 (2) – 180, 470 • Имя («Татарское, дремучее...»; Вереница четверостиший) 2 (1) – 219, 607-608; 4 – 307, 411, 553, 557. 569 «Институтка, кузина, Джульетта!..» (Поэма без героя. Строфы, не вошедшие в поэму, 9) 3 – 207, 646, 649, 731 Исповедь («Умолк простивший мне грехи...») 1 – 88, 582, 732; 2 (1) – 332; 4-64 «Истлевают звуки в эфире...» (Cinque, II) 2 (1) – 112, 500; 4 – 301, 536, 539, 543, 570 «Их будет семь – я так решила...» (Северные элегии) 1 – 875 ; 2 (1) – 243, 621-622 Июль 1914 (1-2; I. «Пахнет гарью. Четыре недели...»; II. «Можжевеловый запах сладкий...») 1 – 198-199, 600, 788-789, 829; 2 (1) – 268, 310, 365; 3 – 482-483; 4 – 106-107, 488, 493, 495, 500 К музыке («Стала я, как в те года, бессонной...») 2 (1) – 584; 2 (2) – 211, 481 к смерти («Ты все равно придешь – зачем же не теперь?..»; Реквием, VIII) 1 – 447, 662, 913, 922; 3 – 26-27, 488, 493; 4 – 242, 334, 525, 559 К стихам (I-II; I. «Вы так вели по бездорожью...»; II. «Хулимые, хвалимые...» Вереница четверостиший) 2 (2) – 76, 125, 365-366. 406; 4 – 308. 412, 557, 569 Кавказское («Здесь Пушкина изгнание началось...») 1 – 411, 664, 893-894; 4 – 217, 521-522, 524, 526. 528 «Каждый день на горах и в ущельях пасла...» (Первый грех; пер. с арм.) 4 – 522 «Каждый день по-новому тревожен...» 1 – 160, 538, 581. 767; 4 – 52, 477. 480-482 «Казалось мне, что песня спета...» (Наследница) 2 (1) – 430: 2 (2) – 21, 324; 4 – 368, 450, 545, 550-551, 553, 561, 566 «...Как! Только 'десять лет, ты шутишь, Боже мой!..» 2 (1) – 188, 570 «Как белый камень в глубине колодца...» 1 – 267, 822; 2 (1) – 267, 310; 4 – 130, 490, 494, 497. 499, 502 «Как будто заблудившись в нежном лете...» (В пионерлагере) 2 (1) – 156, 543; 2 (2) – 265, 271 «Как будто страшной песенки...» (Встреча; Новоселье, IV) 2 (1) – 46, 444, 446, 460; 4 – 281, 539. 541. 569 «Как будто я все ведала заране...» 2 (2) – 105, 387 «Как в трапезной – скамейки, стол, окно...» (Явление луны, II; Луна в зените, 8) 2 (1) – 42, 361, 441, 486; 4 – 282, 527, 535, 538, 541, 568 «Как велит простая учтивость...» (Смятение, 3) 1 – 115, 604, 743-744; 4 – 42, 476, 479, 481 «Как взглянуть теперь мне в эти очи...» 1 – 413, 894, 902 «Как вплелась в мои темные косы...» 1 – 101, 733, 738-739; 4 – 67 , 477, 479-480, 482 «Как вышедший из западных ворот...» 1 – 346, 860 «Как долог праздник новогодний...» 1 – 338, 858 «Как древние в Коломенском ворота...» (Стихи из ненаписанного романа) 2 (1) – 169, 488, 549-551 «Как жизнь забывчива, как памятлива смерть...» 2 (1) – 396; 2 (2) – 111, 392 «Как зеркало в тот день Нева лежала...» 2 (2) – 130, 408 «Как и жить мне с этой обузой...» (Муза; Тайны ремесла) 2 (2) – 83 , 372-373; 4 – 357, 385, 561 «Как копытца, топчут сапожки...»

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
(Энума элиш) 3 – 306,
635, 656. См. также Поэма без героя «Как люблю, как любила глядеть я...» 1 –
266, 821–822:
4 – 497, 501
«Как мог ты, сильный и свободный...» 1 – 398, 874, 885–
886; 4 – 180, 509, 512, 514, 516–517 «Как молодеешь ты день ото дня...» (Москве)
2 (1) – 143, 536 «Как невеста, получаю...» 1 – 245, 815; 2 (2) – 295; 3 –
501–502; 4 – 97, 488, 493, 497, 501 «Как ни стремилась к Пальмире я...»
(Пальмира, I; Луна в
зените; Ташкентские страницы) 2 (1) – 69, 458, 466;
4 – 286, 343, 404, 539, 560 «Как песню, слагаешь ты легкий танец...» (Тамаре
Платоновне
Карсавиной) 1 – 174, 779; 4 – 495 «Как площади эти обширны...» 1 – 295, 787,
836–837; 2 (1) –
333; 4 – 485, 488, 493, 501, 507 «Как поздно! Устала, зеваю...» (Алиса, II) 1 –
47, 571,
712–713; 4–27 «Как просто можно жизнь покинуть эту...» См. «Так просто
можно жизнь покинуть эту...» «Как сияло там и пело...» (Другая песенка; Шиповник
цветет. Из сожженной тетради, 5) 2 (1) – 185, 518, 567,
572; 4 – 375, 417, 560, 570 «Как слепоглухонемая...» 2 (2) – 32, 338 «Как
соломинкой, пьешь мою душу...» 1 – 50, 532, 713; 4 –
14, 464, 467, 469, 472 «Как страшно изменилось тело...» 1 – 164, 768– 769; 4 –
156, 479, 497, 504, 510
20 зах. в70
«Как ты можешь смотреть на Неву...» 1 – 173, 778–779; 4 –
91, 487, 492, 495, 501 «Как у облака на краю...» (Cinque, I) 2 (1) – 111, 499,
501,
504–505; 4 – 300, 536, 539, 543, 570 «Как я люблю пологий склон зимы...» см.
Царскосельская
поэма «Русский Трианон» «Какая есть. Желаю вам другую...» (Луна в зените;
Ташкентские страницы) 2 (1) – 25, 276. 301, 427–429: 4 –
278, 347, 538. 541, 560. 566 «Какие странные слова...» (Ответ) 1 – 179, 780–
781; 4 –
89, 484, 487, 492, 495, 501 «Какое нам, в сущности, дело...» (Первое
предупреждение;
Полночные стихи) 2 (2) – 160, 295, 438, 442–443; 4 –
562, 571
«Качаясь на волнах эфира...» (Песня мира) 2 (1) – 157,
543–544; 2 (2) – 265, 269, 271 Китежанка см. Путем всея земли
Клевета («И всюду клевета сопутствовала мне...») 1 – 383,
877; 3 – 394; 4 – 513, 518, 521–522 клеветникам (I–II; I. «Напрасно кровавою
пеленой...»; II.
«Когда б вы знали, как спокойно...») 2 (1) – 140, 535 –
536, 538
Клеопатра («Уже целовала Антония мертвые губы...») 1 –
464, 664, 729–730, 923; 2 (2) – 295 ; 4 – 223, 242,
521, 523–524, 526, 529 клятва («и та, что сегодня прощается с мылом...»; Ветер
войны; Ленинградский цикл) 2 (1) – 8, 258, 263, 404–
405; 4 – 265, 526, 533, 538, 568
«Когда б вы знали, как спокойно...» (Клеветникам, II) 2 (1) – 140, 535
«Когда в мрачнейшей из столиц...» 1 – 270, 823–824; 4 – 485. 488, 493, 497, 501
«Когда в тоске самоубийства...» 1 – 316, 611, 846–848; 4 – 165, 505, 507. См.
также «Мне голос был. Он звал утешно...» (Энума элиш)
«Когда лежит луна ломтем Чарджуйской дыни...» (Interieur; Луна в зените:
Ташкентские страницы) 2 (1) – 68, 361, 465–466; 4 – 283, 344, 403, 534. 538.
541. 560. 569
«Когда о горькой гибели моей...» 1 – 321, 850–851; 2 (2) – 295 ; 4 – 148,
504–505. 507. 509
«Когда погребают эпоху...» (Август 1940; В сороковом году, I) 1 – 481, 671,
942–943; 2 (1) – 361; 2 (2) – 283. 506–507; 3 – 495; 4 – 243, 314, 398, 523.
526, 537, 540. 558, 567
«Когда уже к неведомой отчизне...» 2 (2) – 12, 320
«Когда умрем, темней не станет...» ([А.А. Смирнову]) 2 (2) –
247, 502
«Когда человек умирает...» 1 – 462, 664. 922; 4 – 229,
248, 521, 523, 525–526, 529
«Когда я называю по привычке...» 2 (1) – 50, 449
«Когда я ночью жду ее прихода...» (Муза; Тайны ремесла) 1 –

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912-1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
403, 657, 887-888, 890; 4 - 219, 355, 383, 521-522,
524, 526, 528, 561, 567 «Кого когда-то называли люди...» 2 (1) - 114, 501; 4 -
299,
410, 542, 558 «Кого просить, куда бежать...» 2 (2) - 156, 427 «Кое-как удалось
разлучиться...» 1 - 361, 866; 4 - 189,
508, 512, 514-515, 517 колыбельная («далеко в лесу огромном...») 1 - 251, 764,
817-818; 2 (1) - 268; 4 - 199, 497, 513 колыбельная («я над этой колыбелью...») 2
(1) - 133, 525;
3 - 302, 404
Комаровские кроки см. Нас четверо. Комаровские наброски Комаровские наброски см.
Нас четверо. Комаровские наброски
«Кому и когда говорила...» (Черепки, IV) 1 - 914; 2 (1) - 207, 595-596; 4 - 560
«Кому-то желтый гроб несут...» 1 - 214, 793
Конец Демона («Словно Врубель наш вдохновенный...»; Вере-ница четверостиший) 1 -
859; 2 (1) - 519; 2 (2) - 99, 383-384; 4 - 309, 412, 545, 548-551, 554, 557
«Конечно, мне радости мало...» 1 - 418, 896
«Копай, моя лопата...» (Ленинградские четверостишия, 2) 2 (1) - 9, 263, 404-406,
411; 4 - 533
Корея в огне (I-II; I. «Где ароматом веяли муссоны...»; И. «Воды не хватит в
Тихом океане...») 2 (1) - 153, 541-542
«Косноязычно славивший меня...» (Черный сон, 1) 1 - 134, 752-754, 848; 4 -
475-476, 479
«Красотка очень молода...» (В Зазеркалье; Полночные сти-хи) 2 (2) - 165, 438,
450-453; 4 - 562, 571
«Кто его сюда прислал...» 2 (2) - 86, 374
«Кто знает, что такое слава!..» (Пушкин; Трещотка прока-женного, 9) 2 (1) - 40,
270, 272, 439-441, 557; 3 - 607-608; 4 - 237, 527. 535, 539, 542, 567
«Кто тебя мучил такого...» 2 (2) - 236, 498-499
«Кто чего боится...» (Дорожная, или Голос из темноты; Пе-сенки, I) 2 (1) - 11,
407-409, 556; 4 - 285, 352, 426, 535, 543, 552, 560, 572
Кукушка («я живу, как кукушка в часах...») 1 - 59, 718; 4 - 35, 467, 470, 472
«Лаской - страшишь, оскорбляешь - мольбой...» (Энума
элиш) 3 - 329-330 «легкие летят недели...» (Реквием, VI) 1 - 444, 911, 922; 3 -
25, 488; 4 - 525, 559 «легконогая, легкрылая...» (Энума элиш) 3 - 333 «лежала
тьень на месяце двурогом...» 2 (1) - 36, 436
Ленинград в марте 1941 («Cadran solaire на Меншиковом до-ме...») 1 - 494, 951; 2
(1) - 332-333. 335 ; 4 - 231, 258, 525-526. 529-530. 535
Ленинград весной 1941 см. Ленинград в марте 1941
«Ленинградские голубые...» 2 (1) - 38, 439
Ленинградские четверостишия (1-3; 1. «Вражье знамя...»; 2. «Копай, моя
лопата...»; 3. «Пускай огонь сигнальный не горит...») 2 (1) - 7, 9, 13, 263,
404-406. 411. 437; 4 - 533
Ленинградские элегии см. Северные элегии
Ленинградский цикл (Клятва; Первый дальнотойный в Ленин-граде; «Птицы смерти в
зените стоят...»; Нох. Статуя «Ночь» в Летнем саду; 1. «Щели в саду вырыты...»;
2. «Постучи кулачком - я открою...»; Победителям; 27 января 1944 го-да; In
memoriam; «С грозных ли площадей Ленинграда...»; Послесловие («Последнюю и
высшую отраду...») 2 (1) - 8-10, 12, 17, 21, 23, 30, 60, 65-66, 258, 260,
262-263, 267-269, 296-298, 300, 333, 335, 345, 366, 371, 404-411, 417, 421-423,
425 , 431-433, 435, 437, 449, 457-458, 460, 462, 480, 492; 2 (2) - 295; 3 - 554;
4 - 265-269, 288, 526-527, 532-534, 538, 540-541, 548, 566, 568
«Ленинградскую беду...» (Причитание; Ветер войны) 2 (1) -
84, 481; 4 - 269, 538, 541, 558 летний сад («я к розам хочу, в тот единственный
сад...») 1 -
833; 2 (2) - 7 , 295 , 315 -316; 4 - 319, 425, 545, 548.
558
Летний сонет см. Приморский сонет
«Лжешь, - сама была моей судьбою...» (Энума элиш) 3 - 348 лилии («я лилий
нарвала прекрасных и душистых...») 1 - 5, 691-695
Лирические отступления Седьмой элегии. 1) Пауки в окне («А у присяжных то же
изумленья...»; Северные элегии) 1 - 875; 2 (1) - 211, 378, 600, 621
Лишняя («Тешил - ужас. Грела - вьюга...»; Песенки, IV) 2 (1) - 407-409; 2 (2) -
11, 319-320; 4 - 353, 428. 543, 552. 560. 572
Лондонцам («Двадцать четвертую драму Шекспира...»; В со-роковом году. III) 1 -
484, 671, 942, 945-946; 2 (1) - 299, 332, 335, 372; 3 - 495; 4 - 245, 523, 526,
537,
540. 567
Лотова жена («И праведник шел за посланником Бога...»; Библийские стихи, 2: На

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

Книги Бытия, 2) 1 – 402, 640, 655. 872, 883, 887, 900; 4 – 512, 517, 521–522, 525 луна в зените (1–8*; 1. «Заснуть огорченной...»; 2. «С грозных ли площадей Ленинграда...»; 3. «Все опять возвратится ко мне...»; 4. «И в памяти, словно в узорной укладке...», 5. «Третью весну встречаю вдали...»; 6. «Я не была здесь лет семьсот...»; 7. явление луны («Из перламутра и ага-та...»); 8. «Как в трапезной – скамейки, стол, окно...») 2 (1) – 17, 22, 42, 56, 63, 70, 73, 90, 282–283, 333, 361, 417, 423, 426, 441, 450, 453, 458–459, 467, 469–470, 485–486; 2 (2) – 265, 295; 3 – 554; 4 – 276, 278, 282, 285–286, 345, 404, 527, 534–535, 537–538, 541, 545, 560, 568

«Луна освещает карнизы...» (Маскарад в парке) 1 – 35, 707; 4–27

«Лучше б мне частушки задорно выкликать...» 1 – 188, 601, 783; 2 (1) – 83, 481; 4 – 109, 484–485, 490, 494–495, 498, 502

В других вариантах в цикл (или раздел под тем же заглавием) были включены: «Не оттого, что зеркало разбилось...»; «Все те же хоры звезд и вод...»; (2-я и 3-я строфы стихотворения «Я ис была здесь лет семьсот...»); Intdrisur («Когда лежит луна ломтем Чарджуйской дыни...»); «Как ни стремилась к Паль-мире я...»; Отрывок («День шел за днем, и то, и се...»); Вступление к Ташкентской поэме («Все иебо и рыжих голубях...»); «Какая есть, желаю вам другую...», «Это рысьи глаза твои, Азия...».

«Лучше б я по самые плечи...» (Последнее возвращение, II: Трещотка прокаженного, 4) 2 (1) – 83, 475, 481–482, 557; 4 – 316, 539, 542 «Любо вам под половицей...» 2 (1) – 27, 429 любовная («А ведь мы с тобой...»; Песенки, III) 2 (1) – 175, 407, 555; 2 (2) – 262 любовная («За тебя я заплатила...»; Песенки, III; Поэма без героя) 3 – 157, 200–201, 616; 4 – 353, 416, 427, 543, 560 любовь («То змейкой, свернувшись клубком...») 1 – 80, 569, 729–730. 923; 4 – 7, 464–465, 467, 469. 471–473 «Любовь всех раньше станет смертным прахом...» 2 (1) – 146, 387. 538

«Любовь покоряет обманно...» 1 – 83, 731; 4 – 9, 464–467

«Магдалина билась и рыдала...» (Распятие, 2; Реквием, X) 1 – 443, 662, 671, 910–911; 2 (1) – 373; 3 – 28, 405, 493; 4 – 256, 336, 525, 528–529, 553. 559

Майский снег («Прозрачная ложится пелена...») 1 – 261, 600, 820; 4 – 104, 488, 493, 497, 499, 501

«Мальчик сказал мне: «Как это больно!»...» 1 – 130, 750; 3 – 575; 4 – 53, 480

Мартовская элегия («Прошлогодних сокровищ моих...»; Три-листник московский, III) 2 (1) – 624; 2 (2) – 71, 306, 361; 4 – 322, 430, 545, 547, 558, 572

Мартовские элегии (1. «Если бы ты музыкой была...») 2 (1) – 246, 624

Маскарад в парке («Луна освещает карнизы...») 1 – 35, 707; 4–27

Маяковский в 1913 году («Я тебя в твоей не знала славе...») 1 – 465, 664, 923–925; 4 – 521, 523, 526, 529

«Меж сосен метель присмирела...» (Предвесенняя элегия; Полночные стихи) 2 (2) – 157, 427–438; 3 – 694; 4 – 562, 571

Мелхола («И отрок играет безумцу царю...»; Из книги Царств; Библейские стихи, 3) 1 – 872, 887; 2 (2) – 42, 345–350; 4 – 365, 446, 511–512. 517. 549–551. 553, 561 «Меня влекут дороги Подмосковья...» 2 (1) – 180, 561 «Меня и этот голос не обманет...» 2 (1) – 187, 570 «Меня, как реку...» (Северные элегии) 2 (1) – 108, 496–497; 3 – 419; 4 – 298, 348, 407, 543, 553, 560. 573 «Меня покинул в новолунье...» 1 – 82, 730–731; 4 – 70, 469, 471, 473. 477 Милому («Голубя ко мне не присылай...») 1 – 223, 800–801. 879; 4 – 128, 490, 494. 496. 502 Милые тени (Ombræ adoratae) 1 – 929; 2 (1) – 578 «Мир не видел такой нищеты...» (Энума элиш; Pro domo tea; Проза о поэме) 3 – 230, 355–356 «Мне безмолвие стало домом...» 2 (2) – 65, 358 «Мне больше ног моих не надо...» 1 – 51, 527, 556, 713–714; 4–15

«Мне ведомы начала и концы...» (Энума элиш) 3 – 317 Мне веселее ждать его...» 2 (2) – 33, 339 «Мне все твоя мерещится работа...» (Художнику) 1 – 404. 664, 888, 890; 4 – 217, 521–522, 524, 526. 528 «Мне голос был. Он звал утешно...» 1 – 611. 846–848; 3 – 343, 406. 757–758 ; 4 – 506, 508, 510. См. также «Когда в тоске самоубийства...»; Энума элиш «Мне довольно слушать небылицы...» (Энума элиш) 3 – 351 «Мне летние просто невнятные улыбки...» (Три осени; Тре-щотка прокаженного, 5) 2 (1) – 47, 361, 447–448, 557; 4 – 289, 527, 535, 539, 542, 569 «Мне, лишенной огня и воды...» (Черепки, I) X – 451. 914–

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912-1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
915; 2 (1) - 596; 4 - 559 «Мне не надо счастья малого...» 1 - 180, 590, 781-782;
4 -
485 , 490, 494-495, 5 00
«Мне ни к чему одические рати...» (Тайны ремесла) 1 - 461, 664 . 668. 921-922 ;
2 (2) - 289. 304; 4 - 221. 240, 356, 384, 521. 523-524. 526. 561, 567
«Мне от бабушки-татарки...» (Сказка о черном кольце, 1) 1 - 305, 618, 839-841; 4
- 183, 507. 517
«Мне с Морозовою класть поклоны...» (Последняя роза) 2 (2) - 134, 410-412; 4 -
367, 449, 551, 561, 572
«Мне с тобою пьяным весело...» 1 - 70, 717, 722-723; 4 - 18. 464, 466, 468-469,
472
Мнимый год; Мнимый год, или Мнимая тишина см. Полноч-ные стихи
Многим («Я - голос ваш, жар вашего дыханья...») 1 - 390, 690, 880, 911; 2 (2) -
281; 3 - 394; 4 - 513, 553, 557, 566
«Многое еще, наверно, хочет...» 2 (1) - 20, 420 -421; 2 (2) -
295 ; 4 - 303, 527, 535, 567 «Могла ли Биче словно Дант творить...» (Эпиграмма;
Тайны
ремесла) 2 (1) - 199, 584; 2 (2) - 295; 4 - 361, 388,
544, 549, 551, 554, 561, 567 «Моей наследницею полноправной будь...» (Завещание)
1 -
193 , 786
Моей сестре («Подошла я к сосновому лесу...») 1 - 187, 783;
4 - 115 , 489, 493, 496 «Моею Музой оказалась мука...» 2 (2) - 84, 373 «Может
быть, потом ненавидел...» (Вереница четверостиший;
Энума элиш) 2 (2) - 186, 473; 3 - 340; 4 - 567, 569 «Можжевельника запах
сладкий...» (Июль 1914, II) 1 - 199,
600, 788- 789; 2 (1) - 365; 3 - 482-483; 4 - 107,
488, 495, 500
«Мои молодые руки...» (Из цикла «Юность») 1 - 475, 520, 919, 938- 939; 3 - 414,
467; 4 - 225, 239, 310, 393, 524, 528, 553, 557
«Мой городок игрушечный сожгли...» см. «О горе мне! Они тебя сожгли...»
Молитва («Дай мне горькие годы недуга...») 1 - 231, 530-
531. 561-562. 600. 604-605. 656. 808. 821; 2 (2) -
295; 3 - 388-389; 4 - 110, 488. 493. 496. 501 «Молитесь на ночь, чтобы вам...» 2
(2) - 224, 491 «Молюсь оконному лучу...» (Interieur) 1 - 14, 530. 532,
699-700; 2 (2) - 287, 295; 4 - 470-472, 551-552 «Морозное солнце. С парада...»
(Белый дом) 1 - 200, 789; 4 -
121, 489. 493, 495 Москве («Как молодеешь ты день ото дня...») 2 (1) - 143, 536
«Муж хлестал меня узорчатым...» 1 - 85, 584, 731; 4 - 19,
464, 466. 468-469. 471-472 Мужество («Мы знаем, что ныне лежит на весах...»;
Ветер
войны) 2 (1) - 16, 263. 265. 269. 276. 279, 296. 299,
301, 331-332, 334. 336. 339-340, 344, 363, 415-417,
437; 4 - 272, 526, 533, 538, 568 Муза («Как и жить мне с этой обузой...»; Тайны
ремесла)
2 (2) - 83, 372-373; 4 - 357, 385, 561 Муза («Когда я ночью жду ее прихода...»;
Тайны ремесла)
1 - 403, 657, 887-888, 890; 4 - 219, 355, 383, 521-522, 524, 526, 528, 561, 567
«Муза-сестра заглянула в лицо...» (Музе) 1 - 79, 569, 728-
729; 4 - 25, 463, 465-466. 468, 473 «Муза ушла по дороге...» 1 - 247, 596, 816;
4 - 85, 487,
492. 497, 499-500 Музе («Муза-сестра заглянула в лицо...») 1 - 79, 569, 728-
729; 4 - 25, 463. 465-466. 468. 473 Музыка («В ней что-то чудотворное горит...»)
2 (1) - 200,
585-588; 2 (2) - 269, 295; 4 - 316, 425 , 544, 548, 558,
571
Музыка («Сама себя чудовищно рождая...») 2 (2) - 239, 306, 500
«Музыка могла б мне дать...» 2 (2) - 240, 500
Музыке («Ты одна разрыть умеешь...») 2 (2) - 225, 492
«Мурка, не ходи, там сыч...» 1 - 89, 732; 4 - 160, 473, 494, 505-506
Мэчелли («Мы по ошибке встретили Год...») 2 (2) - 220, 489
«Мы больше не встречаться научились...» 2 (2) - 188, 474 «Мы до того отравлены
друг другом...» (Энума злим) 3 - 354 «Мы запретное вкусили знанье...» (Энума
элиш) 3 - 323 «Мы знаем, что ныне лежит на весах...» (Мужество; Ветер
войны) 2 (1) - 16, 263. 265 , 269, 276. 279. 296. 299.
301. 331-332, 334. 336. 339-340, 344, 363, 415-417,
437; 4 - 272, 526, 533, 538, 568 «Мы на сто лет состарились, и это...» (Памяти
19 июля 1914)

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
1 – 269, 601–602, 823; 2 (1) – 335 ; 4 – 118, 489,
493–497, 502
«Мы не умеем прощаться...» 1 – 297, 598, 600, 837; 4 – 108, 488, 493, 501, 507
«Мы по ошибке встретили Год...» (Мэчелли) 2 (2) – 220, 489
«Мы прощались, пройдя через пыльный пустырь...» см. «За кладбищем направо пылил
пустырь...»
«Мы с тобою, друг мой, не разделим...» см. «Черную и проч-ную разлуку...»
«На землю саван тягостный возложен...» (Первое возвраще-ние) 1 – 39, 483, 531,
699, 710; 3 – 501; 4 – 469. 471–472. 513, 548, 552
«На дом Софокла в ночь слетел с небес орел...» (Смерть Со-фокла; Античная
страничка, 1) 2 (1) – 244, 622–624; 2 (2) – 296; 4 – 354, 432, 545, 549, 551,
553, 561, 572 «На Казанском или па Волковом...» 1 – 192, 786 «На ногах
копытца-сапожки...» см. «Как копытца, топочут сапожки...»
«На пороге белом рая...» 1 – 352, 746, 861; 4 – 200, 514–515
«На разведенном мосту...» 1 – 324, 852
«На руке его много блестящих колеи...» 1 – 10, 548, 698 «На руке сто много
прекрасных колец...» см. «На руке его
много блестящих колец...» На самолете см. С самолета
«На свиданье с белой ночью...» 2 (2) – 48, 353
На Смоленском см. На Смоленском кладбище
На Смоленском кладбище («А все, кого я на земле застала...»;
Трещотка прокаженного, 6; Два отрывка из поэмы без
названия. 1) 2 (1) – 29, 430–431, 557; 4 – 287, 527.
532. 535, 539. 542, 548, 569 «На сотни верст, на сотни миль...» (С самолета, 1) 2
(1) –
78, 437, 474; 4 – 527. 536. 539. 569 «На стеклах нарастает лед...» 2 (1) – 115,
503 «На столике чай, печения сдобные...» 1 – 37, 708 «На шее мелких четок
ряд...» 1 – 165, 769; 3 – 631; 4 –
163, 480–481, 505–506, 510
«Наверно, страшен был и грозен юный царь...» (Александр у Фив; Античная
страничка, II) 2 (1) – 622; 2 (2) – 118, 296, 400–401; 4 – 355, 432, 549, 551,
561, 572
«Навстречу знаменам, навстречу полкам...» 2 (1) – 104, 492, 494
Над водой («Стройный мальчик пастушок...») 1 – 63, 556, 719; 4–37
«Над черною бездной с тобою я шла...» 1 – 6, 695–696 Надпись на книге см. Пушкин
Надпись на книге («Из-под каких развалин говорю...») 1 – 457, 916–918; 2 (1) –
556, 574, 596, 608; 2 (2) – 505; 4 – 544, 558
Надпись на книге («Почти от залетейской тени...») 1 – 479, 940–941; 2 (1) – 361;
4 – 209, 235, 523, 526, 528
Надпись на книге «Подорожник» («Совсем не тот таинствен-ный художник...») 1 –
492, 950; 2 (1) – 335 ; 4 – 221, 257, 524, 526, 529, 530, 535
Надпись на неоконченном портрете («О, не вздыхайте обо мне...») 1 – 58 , 533,
717–718 . 723; 4–32
Надпись на «Подорожнике» см. Надпись на книге «Подо-рожник»
Надпись на портрете («Дымное исчадьё полнолуныя...») 2 (1) – 124, 513–516; 2 (2)
– 269; 3 – 676; 4 – 293. 537. 539. 542. 570
Надпись на поэме «Триптих» («И ты ко мне вернулась знаме-нитой...») 2 (1) – 59,
455 «...накануне...» 2 (1) – 230, 615
«Нам бы только до взморья добратся...» (Побег) 1 – 185,
782–783; 4 – 99, 488. 493. 495 . 500 «Нам встречи нет. Мы в разных станах...» 1
– 350, 861; 4 –
186, 512. 515
«Нам есть чем гордиться и есть что беречь...» 2 (1) – 105, 492. 494
«Нам свежесть слов и чувства простоту...» 1 – 237, 811–812;
4 – 89, 487. 492. 496, 499–500 «напрасно кровавою пеленой...» (Клеветникам, I) 2
(1) –
140, 535–536 «напрягаю голос и слух...» 2 (2) – 223, 490 нас четверо.
Комаровские наброски («...И отступилась я здесь
от всего...»; Венок мертвым) 2 (2) – 119, 401; 4 – 325,
440, 549, 551, 554. 559, 572 наследница («Казалось мне, что песня спета...») 2
(1) – 430;
2 (2) – 21, 324; 4 – 368, 450, 545, 550–551. 553. 561, 566 «Настоящую нежность
не спутаешь...» 1 – 149, 759–760;
2 (2) – 277, 295; 3 – 752; 4 – 48, 475, 477, 480–482 «Настоящую оду...»
(Царскосельская ода) 1 – 521; 2 (2) –
114, 395–398; 3 – 673; 4 – 361, 443, 549, 551–552, 554, 561, 572
Наступление («Славно начато славное дело...»; Победа. 1;
ветер войны) 2 (1) – 15, 269, 340. 413–415 . 437. 493:

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
4 – 527. 533. 538. 568 «Наше священное ремесло...» (Трещотка прокаженного, 10)
2 (1) – 86, 483. 557; 3 – 587; 4 – 290, 527. 536, 539,
542, 548. 567
Наяву («И время прочь, и пространство прочь...»; Шиповник цветет. Из сожженной
тетради. 2) 2 (1) – 123, 508– 509. 512. 551; 2 (2) – 262; 3 – 584; 4 – 303, 371.
415. 544, 547, 560. 570 «Не бери сама себя за руку...» (Энума элиш) 3 – 355 «Не
блистательная фантазия...» см. «Это рысьи глаза твои, Азия...»
«Не будем пить из одного стакана...» 1 – 141, 581, 744,
756–757; 4 – 48, 477, 480–482 «Не бывать тебе в живых...» 1 – 355, 862–863; 4 –
198,
513, 515, 517
«Не в лесу мы, довольно аукать...» 1 – 181, 782; 4 – 95,
488, 493, 495, 498, 501 «Не в таинственную беседу...» 2 (2) – 231, 495 «Не
давай мне ничего на память...» 2 (2) – 38, 344 «Не должен быть очень
несчастливым...» (Читатель; Тайны ремесла) 2 (2) – 9, 318–319; 4 – 358, 386, 545,
547, 561, 567 «Не дожить до конца столетия...» см. Pro domo mea. Проза о поэме
«Не дышали мы сонными маками...» (Cinque, V) 2 (1) – 118,
505; 4 – 302, 536, 539, 543, 570 «Не здороваются, не рады!..» (Сосны) 2 (2) –
104, 387 «Не знала б, как цветет айва...» (Отрывок) 2 (1) – 95, 489 «Не знаю,
что меня вело...» 2 (2) – 126, 406 «Не искал меня, не славил...» см. «Не хулил
меня, не славил...» «Не кралось полуденным бродом...» (письмо) 2 (2) – 206,
479–480
«Не кружилась в Европах бальных...» (Поэма без героя.
Строфы, не вошедшие в поэму, 2) 3 – 205, 646–647 «Не лги мне, не лги мне, не лги
мне...» 2 (2) – 49, 354 «Не лирою влюбленного...» см. «Не с лирою
влюбленного...» «Не любишь, не хочешь смотреть?...» (Смятение, 2) 1 – 115,
743; 2 (1) – 328; 4 – 41, 476. 479. 481 «Не мешай мне жить – и так не сладко...»
2 (1) – 249, 552.
625
Не может быть! см. «Память о солнце в сердце слабеет...»
«Не мудрено, что похоронным звоном...» (Бег времени, 1) 2 (1) – 203, 591–593,
614; 4 – 567, 573
«Не на листопадовом асфальте...» (Ночное посещение; Пол-ночные стихи) 2 (2) –
179, 467–470; 4 – 571
«Не надо нам земли чужой...» (Так будет!) 2 (1) – 167, 547
«Не напрасно я носила...» 2 (2) – 227, 493
«Не находка она, а утрата...» 2 (2) – 152, 425
«Не недели, не месяцы – годы...» (Разрыв, I) \ – 489, 897, 949; 2 (1) – 335,
485; 4 – 230, 256, 525, 527, 529, 548
«Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой...» 1 – 291, 598, 603, 606, 834, 835;
4 – 131, 490, 494, 506
«Не оттого, что зеркало разбилось...» (Измена; Новоселье, III; Луна в зените) 2
(1) – 64, 423, 444, 460; 4 – 281, 527, 534, 539, 541, 569
«Не повторяй – (душа твоя богата)...» 2 (1) – 182, 563
«Не прислал ли лебедя за мною...» (Шестнадцатый год, I) 1 – 428, 894–895, 902; 2
(2) – 295; 4 – 211, 315, 392, 521, 523–524, 529, 557
«Не пугайся, – я еще похожей...» (Сонет-эпилог; Шиповник цветет. Из сожженной
тетради, 11) 2 (1) – 518, 569, 622; 2 (2) – 81, 368; 4 – 378, 422, 554, 561, 570
«Не с лирою влюбленного...» (Пролог; Трещотка прокаженного, 1) 1 – 917; 2 (1) –
176, 556–558, 574, 608; 4 – 539, 542, 553, 558
«Не с тобой мне есть угощение...» 2 (1) – 237, 618 «Не с такими еще
разлучалась...» 2 (2) – 170, 457 «Не с теми я, кто бросил землю...» 1 – 389,
618. 879–880,
883; 4 – 175, 511, 514–515, 517 «Не смеялась и не пела...» (Прощальная; Песенки.
V) 2 (1) –
407, 629; 2 (2) – 36, 342–343; 4 – 353. 428, 572 «Не смущаюсь я речью
обидною...» 1 – 342, 859 «Не сраженная бледным страхом...» 2 (1) – 37, 315, 436;
2 (2) – 266. См. также «Поэма без героя» «Не столицей европейской...» (Немного
географии) 1 – 437,
906–907, 922; 2 (2) – 504; 3 – 488; 4 – 339, 556, 559 «Не странно ли, что знали
мы его?...» см. «Не чудо ли, что
знали мы его...» «Не страшай меня грозной судьбой...» (Трилистник московский,
11) 2 (2) – 18, 295–296, 321–323; 4 – 321, 431,
545, 547, 558, 572 «Не тайны и не печали...» 1 – 253, 818; 4 – 489, 494, 496,
499, 502
«Не то чтобы тебя ищу...» 2 (2) – 55, 355
«Не тупи напрасно злое жало...» (Энума элиш) 3 – 335
«Не убил, не проклял, не предал...» 1 – 178, 780

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

«Не хулил меня, не славил...» 1 – 240, 593, 813–814 ; 3 – 499; 4 – 125, 489, 491, 496 «Не чудо ли, что знали мы его...» 1 – 356, 863; 2 (2) – 503; 4 – 515

«Небо бело страшной белизною...» (Белая ночь) 2 (2) – 249, 502–503

«Небо мелкий дождик сеет...» 1 – 265, 821; 4 – 127, 489, 494, 497

«Небывалая осень построила купол высокий...» 1 – 393, 882; 4 – 509, 512, 516, 521

«Невидимка, двойник, пересмешник...» (Поздний ответ; Венок мертвым) 1 – 469, 927–930; 2 (1) – 578; 4 – 326, 438, 524, 543, 550, 554, 558

«Недуг томит – три месяца в постели...» 2 (2) – 123, 405

Немного географии («Не столицей европейской...») 1 – 437, 906–907, 922; 2 (2) – 504; 3 – 488; 4 – 339, 556, 559

«Непогребенных всех...» 2 (1) – 233, 616

«Непоправимые слова...» (В разбитом зеркале; Шиповник цветет. Из сожженной тетради, 9) 2 (1) – 186, 569; 4 – 375, 420, 551–552, 561, 570

«Неправда, не медный, неправда, не звон...» 2 (2) – 31, 338

«Неправда, у тебя соперниц нет...» см. «Сказал, что у меня соперниц нет...»

«Нет, и не под чуждым небосводом...» см. «Так не зря мы вместе бедовали...»

«Нет, пи в шахматы, ни в теннис...» 2 (2) – 202, 478

«Нет, с гуртом гонимым по Лснинке...» см. «Оттого что мы все пойдем...»

«Нет, царевич, я не та...» 1 – 239, 602, 812–813; 4 – 124, 489, 494, 496

«Нет, это не я, это кто-то другой страдает...» (Реквием, 111) 1 – 449, 914, 922; 2 (1) – 408; 3 – 24; 4 – 253, 333, 525, 551–552, 559

«Нет, я не выплакала их...» (Вторая годовщина; Heimkehr, I) 2 (1) – 121, 509; 2 (2) – 265; 4 – 272, 537, 539, 541, 548, 569

«Ни в лодке, ни в телеге...» 1 – 278, 826; 4 – 112, 488, 493, 498 , 501

«Ни вероломный муж, ни трепетный жених...» 2 (2) – 91, 376 «Никого нет в мире бесприютней...» (Энума элиш) 3 – 345–346

«Ничего не скажу, ничего не открою...» 1 – 125, 748 «...Но в мире нет власти...» 2 (2) – 37, 344

«Но говорят – в разбомбленном когда-то...» (Энума элиш) 3 – 320

«Но за тс восемнадцать строчек...» (Энума элиш) 3 – 356 «Но кто подумать мог, что шестьдесят четвертый...» 2 (2) – 222, 490

«Но мы от этой нежности умрем...» 2 (2) – 163, 446

«Но он мне, своей египтянке...» (Поэма без героя. Строфы не вошедшие в поэму, 16) 3 – 210, 646. 651 «Но сущий вздор, что я живу грустя...» (Подвал памяти) 1 – 460, 919–921; 2 (2) – 295 . 505 ; 4 – 227, 253, 320, 429, 524, 528. 553, 557 «Но тебе не дала я кольца...» 2 (2) – 16, 321 «Но что нам сказать долгожданной ей...» (Победа) 2 (1) – 355; 4 – 533

«Но это было где-то там...» см. «И кружку пенили отцы...»

«Но я предупреждаю вас...» (В сороковом году, V; Pro domo tea, 2) 1 – 488, 942, 949; 2 (1) – 333. 335, 574; 4 – 255, 312, 395, 526, 530, 537, 540, 548, 550, 557, 567

Новогоднее см. «С Новым Годом! С новым горем!..»

Новогодняя баллада («И месяц, скучая в облачной мгле...»; Венок мертвым) 1 – 396, 640, 879, 883–885, 887; 2 (2) – 281, 295; 3 – 97, 268, 394, 412–413. 415. 417, 583, 585, 661. 707; 4 – 434, 513, 518. 522, 553. 558

Новоселье (I–IV; I. Хозяйка; II. Гости; III. Измена; IV. Встреча («Как будто страшной песенки...»)) 2 (1) – 44, 46, 53, 64, 361, 371, 423, 443–446, 451, 460; 4 – 280–281, 527, 534, 539, 541, 569

«Ноченька!..» (Nox. Статуя «Ночь» в Летнем саду; Ленин–градский цикл, ГУ; Ветер войны) 2 (1) – 23, 263, 296, 407. 425; 4 – 267, 526, 533. 538. 540. 568

Ночное посещение («Не на листопадовом асфальте...»; Пол-ночные стихи) 2 (2) – 179, 467–470; 4 – 571

«Ночь моя – бред о тебе...» 1 – 20, 703

Ночью («Стоит на небе месяц, чуть живой...») 1 – 328, 612. 854; 4 – 162, 503. 505–506, 508, 510 «Нужен мне он или не нужен...» 2 (2) – 52, 354

«О Боже, за себя я все могу простить...» (Отрывок) 1 – 285, 830–831

« О, горе мне! Они тебя сожгли...» (Городу Пушкина, 1; Цар–скосельские строки, III) 2 (1) – 81, 476–480. 588; 4 – 292, 542. 545. 548. 572

О десятих годах («И никакого розового детства...»; Северные элегии: Энума элиш) 1 – 499. 502. 806; 2 (1) – 172, 552–555; 2 (2) – 261; 3 – 325–326; 753

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

«О, есть неповторимые слова...» 1 – 280, 827; 4 – 485, 490, 494, 498
«О, жизнь без завтрашнего дня!..» 1 – 361, 865; 4 – 188,
508, 512, 514–515, 517 «О, знала ль я, когда в одежде белой...» 1 – 410, 656,
892–
893; 2 (2) – 287; 4 – 513 «О! Из какой великолепной тьмы, // Из самой
окончательной
разлуки...» (Из Ленинградских элегий) 2 (1) – 193, 574;
2 (2) – 512
«О! Из какой великолепной тьмы // Тебя я повстречала на по-роге...» (Из
Ленинградских элегий) 2 (2) – 258, 512–513
«О, как меня любили ваши деда...» 2 (2) – 67, 359
«О, как пряно дыханье гвоздики...» 2 (1) – 519, 577, 578; 4 – 567. См. также «Я
над ними склонюсь, как нал чашей...»
«О летчиках, или Слепая мать» 2 (1) – 318–321; 3 – 294–303, 443–447, 465, 730,
732–734
О, молчи! От волнующих страстных речей...» 1 – 7, 697
«О, не вздыхайте обо мне...» (Надпись на неоконченном порт-рете) 1 – 58, 533,
717– 718, 723; 4–32
«О нет, я не тебя любила...» 1 – 303, 839; 2 (2) – 295; 4 – 154, 504, 506–507.
509
«О своем я уже не заплачу...» (Вереница четверостиший) 2 (1) – 501; 2 (2) – 132,
409–410; 4 – 309, 413, 551. 557. 569
«О спутник мой неосторожный...» (Последнее письмо) 1 –
128, 750; 4 – 480 «О тебе вспоминаю я редко...» 1 – 163, 768 ; 4 – 101, 479,
484. 491, 493
«О, это был прохладный день...» 1 – 153, 764– 765 ; 2 (2) – 295 ; 4 – 86, 479.
481, 48 7, 492, 5 00
Обман (I–IV; I. «Весенним солнцем это утро пьяно...»; II. «Жарко веет ветер
душный...»; III. «Синий вечер. Ветры кротко стихли...»; IV. «Я написала
слова...») 1 – 29, 31, 33–34, 532, 537, 555–556, 569, 571, 575, 705–707; 4
–16–18, 464, 466–467, 469, 471–472
«Обыкновенным было это утро...» 2 (1) – 192, 572
«Огромная подводная ступень...» (в Выборге) 2 (2) – 214, 483; 4–573
«Один идет прямым путем...» (Pro domo tua, 1) 1 – 490, 949; 2 (1) – 574; 2 (2) –
269, 283. 507–508; 4 – 254, 312, 395, 522, 537, 540, 550, 570
«Одичалая и немая...» 2 (1) – 208, 596
«Одни глядятся в ласковые взоры...» 1 – 433, 664, 904– 905; 4 – 214, 247, 392,
521, 523–524, 526, 528–529
«Одно, словно кем-то встревоженный гром...» (Последнее сти-хотворение; Тайны
ремесла) 2 (2) – 26, 334–335; 4 –
359, 387, 545, 547, 561
«Окопы, окопы...» см. Путем всея земли; Шестнадцатый год, 11
«Он весь сверкает и хрустит...» (Сад) 1 – 87, 732; 3 – 499;
4 – 36, 465, 468–469 «Он длится без конца – янтарный, тяжкий день!..» 1 – 109,
740– 741; 2 (1) – 332; 4 – 477, 480, 482 «Он и после смерти не вернулся...»
(Данте) 1 – 431, 903;
4 – 222, 255, 521, 523–524, 526, 529
«Он и праведный, и лукавый...» (Август) 2 (1) – 198, 583, 616
«Он любил три вещи на свете...» 1 – 36, 570. 707–708; 4 – 31 «Он не друг и не
враг и не демон...» 2 (1) – 215, 602–603 «Он не траурный, он не мрачный...»
(Рисунок на книге сти-хов) 1 – 717; 2 (1) – 204, 593–594. 614; 4 – 320, 426,
558, 572
Он прав – опять фонарь, аптека...» (Памяти Александра Блока; Три стихотворения,
3) 2 (1) – 122, 374, 48 7, 511–512; 2 (2) – 296; 4 – 293, 527. 537, 542. 572
«Он, сам себя сравнивший с конским глазом...» (Борис Пас-тернак) 1 – 426, 635,
664. 900–901; 4 – 213, 521. 523–524, 529
«Она сначала обожжет...» (Песня о песне) 1 – 264, 599, 821; 4 – 80, 487, 492,
497, 500
«Они летят, они еще в дороге...» 1 – 263, 821; 2 (2) – 295; 4 – 86, 487, 492,
497, 499–500
«Опять "подошли незабвенные даты"...» 2 (1) – 87, 483–484; 2 (2) – 296; 4 – 274,
317, 433, 545, 549, 551, 558, 572
«Опять поминальный приблизился час...» (Реквием. Эпилог, 2)\- 471–472, 506, 662.
933–934; 3 – 29–30, 403–405, 494; 4 – 337, 525. 559
«Опять проходит полонез Шопена...» (При музыке; Два голо-са, 2) 2 (1) – 217,
604–605; 4 – 544
Освобожденная («Чистый ветер ели колышет...») 2 (1) – 101,
458, 462, 480, 492–493; 4 – 274, 533 «Осквернили пречистое слово...» (Энума

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
элиш) 3 – 343. См.

- также «Все ушли, и никто не вернулся...» «Особенных претензий не имею...» 2 (1) – 168, 547–549 «Оставь, и я была как все...» 2 (2) – 199, 477 «Оставь нас с музыкой вдвоем...» 2 (2) – 190, 474–475 «От других мне хвала – что зола...» (Двустушие) 1 – 420, 664, 896; 3 – 499; 4 – 229. 389, 521–522. 525–526, 528
«От любви твоей загадочной...» (Черный сон. 3) 1 – 327, 612, 848. 854; 4 – 158, 503. 505–506. 508
«От меня, как от той графини...» (Pro domo теа. Проза о поэме) 2 (1) – 222, 610. 613–614; 3 – 273. 710
«От странной лирики, где каждый шаг – секрет...» 2 (1) – 91, 486
«От тебя приходила ко мне тревога...» (Александру Блоку) 2 (2) – 248, 502 «От тебя я сердце скрыла...» 1 – 432, 664, 903–904; 4 – 212, 250, 521, 523–524. 526, 529
«От этих антивстреч...» 2 (2) – 92, 376
Ответ см. «Ты выдумал меня. Такой па свете пет...»
Ответ («И вовсе я не пророчица...» Вереница четверости-ший) 1 – 454, 915; 2 (2) – 504; 4 – 309
Ответ («Какие странные слова...») 1 – 179, 780–781; 4 – 89, 484, 487. 492. 495. 501
Ответ («я получила письмо...») 1 – 155, 765–766
«Отлетела от меня удача...» 1 – 215, 794
Отрывок см. Из первой тетради. Отрывок («Всю ночь не давали заснуть...») 2 (1) – 171, 552. 626
Отрывок («День шел за днем, и то и се...»; Последнее возвращение, Г, Трещотка прокаженного; Луна в зените) 2 (1) – 85, 481–483; 4 – 286, 316, 406, 535, 539, 542, 558, 570
Отрывок («...И кто-то, во мраке дерев незримый...») 1 – 86, 731; 4 – 47, 475, 477–478, 482
Отрывок («...И мне показалось, что это огни...»; Трилистник московский, I) 2 (1) – 248, 625; 2 (2) – 361; 4 – 322, 430, 544, 571
Отрывок («Не знала б, как цветет айва...») 2 (1) – 95, 489 Отрывок («О Боже, за себя я все могу простить...») 1 – 285, 830–831
Отрывок («Словно дальнему голосу внемлю...»; Венок мерт-вым) 2 (1) – 218. 605–607; 2 (2) – 286; 4 – 330, 441, 543. 559. 571
Отрывок («Так вот где ты скитаться должна...») 2 (2) – 40, 344–345
Отрывок («...чтоб посланец давнего века...») 4 – 571. См.
также Поэма без героя «Отстояли нас наши мальчишки...» 2 (1) – 80, 475–476
«...Оттого что мы все пойдем...» 1 – 421, 896–897; 2 (2) – 257, 511–512
«Оттого, что я делил с тобою...» см. «Где б ты ни был, ты делил со мною...»
Падение Берлина («Я в два часа четыре долгих года...») 2 (1) – 134, 526–527
Пальмира (I–II; I. «Как ни стремилась к Пальмире я...»; II. «Разве я стала совсем не та...») 2 (1) – 62, 69, 458–459, 466–467. 470; 4 – 286, 343, 404–405, 537, 539, 542, 560
Памяти Александра Блока («Он прав – опять фонарь, апте-ка...»; Три стихотворения, 3) 2 (1) – 122, 374, 487, 511–512; 2 (2) – 296; 4 – 293, 527, 537, 542, 572
Памяти Анты («...Пусть это даже из другого цикла...»; Венок мертвым) 2 (2) – 85, 373–374; 4 – 330, 441, 553, 559
Памяти Бориса Пастернака (1–2; 1. «Умолк вчера неповтори-мый голос...»; 2. «Словно дочка слепого Эдипа...»; Венок мертвым) 1 – 901, 929; 2 (1) – 519–521. 578; 2 (2) – 74, 286, 362, 364; 4 – 328, 439–440, 550, 558, 572
Памяти В.С. Срезневской («Почти не может быть, ведь ты была всегда...») 1 – 758; 2 (2) – 213, 482–483; 4 – 573
Памяти Вали («И все, кого сердце мое не забудет...») 2 (1) – 49, 448–449
Памяти Вали (1–2; 1. «Щели в саду вырыты...»; 2. «Постучи кулачком – я открою...»; Ветер войны) 2 (1) – 21, 263, 268, 407, 421–423, 437, 449; 4 – 267–268, 526, 533, 538, 540, 568
Памяти 19 июля 1914 («Мы на сто лет состарились, и это...») 1 – 269, 601–602. 823: 2 (1) – 335; 4 – 118, 489. 493, 497, 502
Памяти друга («И в День Победы, нежный и туманный...»; Ветер войны) 2 (1) – 110, 340–341. 355. 361. 437. 458. 498–499; 4 – 276. 527. 536, 541. 568
Памяти мальчика, погибшего во время бомбежки Ленинграда
см. Памяти Вали (1–2) Памяти моего соседа, Ленинградского мальчика Вали Смирнова
см. Памяти Вали (1–2) Памяти Пильняка («Все это разгадаешь ты один...»; Венок мертвым) 1 – 440, 907–909; 2 (1) – 303; 2 (2) – 286;

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
4 – 329, 437, 527, 529, 543, 547, 558 Памяти поэта см. Борису Пастернаку (I–II)
Памяти Сергея Есенина («Так просто можно жизнь покинуть
эту...») 1 – 406, 659, 889–890; 2 (2) – 286; 4 – 223,
524. 553
«Память о солнце в сердце слабеет...» 1 – 48, 713; 2 (2) –
277; 4 – и, 464–465, 467, 469, 471–472 «Пахнет гарью. Четыре недели...» (Июль
1914, 1) 1 – 198,
600, 788 – 789, 829; 2 (1) – 268, 310; 4 – 106, 488,
495, 500
Первая песенка («Таинственной пвстрсчи...»; Шиповник цветет. Из сожженной
тетради, 4) 2 (1) – 184, 512, 564, 567–568; 2 (2) – 265 ; 4 – 374, 417, 544,
560, 570
«Первая среди равных...» (Р.С.Ф.С.Р.) 2 (1) – 163, 546
Первое возвращение («На землю саван тягостный возло-жен...») 1 – 39, 483, 531,
699, 710; 3 – 501; 4 – 469, 471–472, 513, 548, 552
1 июня 1950 («Пусть дети запомнят сегодняшний день...») 2 (1) – 150, 540
Первое предупреждение («Какое нам, в сущности, дело...»; Пол-ночные стихи) 2 (2)
– 160, 295, 438, 442–443; 4 – 562. 571
Первый грех (Каждый день на горах и в ущельях пасла...», пер. с арм.) 4 – 522
Первый дальнобойный в Ленинграде («Ив пестрой суете люд-ской...»; Ленинградский
цикл; ветер войны) 2 (1) – 10, 258. 296–297, 335. 406–408, 435, 437; 4 – 265,
526, 533, 538, 540, 568
«Первый луч – благословенье Бога...» 1 – 259, 820; 4 – 131, 490, 494, 497, 502
«Перед весной бывают дни такие...» 1 – 234, 809–810; 4 – 118, 489, 493, 496,
498, 502
«Перед этим горем гнутся горы...» (Посвящение. Реквием) 1 – 662; 3 – 22, 491; 4
– 332, 525. 559
«Переулочек, переул...» (Третий Зачатьевский; Черный сон, 5) 1 – 480 , 622, 848,
941–942; 2 (1) – 373; 2 (2) – 506; 4 – 249, 396, 517, 551
«Перо задело о верх экипажа...» (Прогулка) 1 – 122, 746; 4 – 42, 474. 476. 479.
481
Песенка см. «А ведь мы с тобой...» (Любовная)
Песенка см. «Черная вилась дорога...»
Песенка («Бывало, я с утра молчу...») 1 – 257, 618. 819; 4 –
164, 498–499, 506–507, 517 Песенка («Таинственной невестречи...») см. Первая
песенка Песенка («Я на Солнечном восходе...») 1 – 60, 538, 571, 718;
4 – 20, 464, 466, 468–469, 471–472 Песенка прохожего см. Последняя («Услаждала
бредами...») Песенки (I–VI; I. Дорожная, или Голос из темноты; II. За-стольная;
III. Любовная* («За тебя я заплатила чистого-ном...»); IV. Лишняя; V.
Прощальная; VI. Последняя («Услаждала бредами...») 2 (1) – 11, 174, 407–409,
555–556, 629; 2 (2) – 11, 36, 205, 262, 319, 342, 407, 478; 3 – 157, 200–201,
616; 4 – 285, 352–354, 416, 426–428, 535, 543, 552, 560, 572
В некоторых планах под названием «Любовная» в цикл включалась «А ведь мы с
тобой...»
Песня мира («Качаясь на волнах эфира...») 2 (1) – 157, 543–544: 2 (2) – 265.
269. 271
Песня о песне («Она сначала обожжет...») 1 – 264, 599, 821; 4 – 80, 487, 492.
497, 500
Песня последней встречи («Так беспомощно грудь холоде-ла...») 1 – 78, 727–728; 4
– 13, 463–465, 467, 469, 471–472
Петербург в 1913 году («За заставой воет шарманка...»; По-эма без героя. Строфы,
не вошедшие в поэму, 8) 2 (2) – 97, 380–383; 3 – 207, 506, 646, 648
Петроград, 1916 см. «Сучья в иссиня-белом снеге...»
Петроград, 1919 («И мы забыли навсегда...») 1 – 348, 618– 619, 860; 2 (2) – 295
; 3 – 394; 4 – 171, 511. 565–566
«Пива светлого наварено...» 1 – 378, 874
Письмо («Не кралось полуденным бродом...») 2 (2) – 206, 479–480
«Пленник чужой! Мне чужого не надо...» 1 – 320, 791, 839, 850; 4 – 149, 504–505,
507, 509
«Плотно сомкнуты губы сухие...» 1 – 144, 757; 2 (1) – 332; 4 – 60, 475, 480
«По аллее проводят лошадок...» (В Царском Селе, I) 1 – 55, 716 , 571, 725 ; 4 –
7, 464–465, 467
«По валам старинных укреплений...» см. «Стал мне реже снится, слава Богу...»
«По волнам блуждаю и прячусь в лесу...» (Вместо посвяще-ния; Полночные стихи) 2
(2) – 178, 466–467
«По неделе ни слова ни с кем не скажу...» 1 – 281, 827– 829; 2 (2) – 295 ; 4 –
150, 498, 504–505, 509

- «По полу лучи луны разлились...» 1 – 13, 699
«По самому жгучему лугу...» 2 (2) – 196, 476
«По твердому гребню сугроба...» 1 – 296, 608, 837; 4 – 159, 505–508, 510
«По той дороге, где Донской...» (Шиповник цветет. Из со-жженной тетради, 7) 2 (1) – 179, 512, 561; 4 – 373, 418, 544, 547. 570
Побег («Нам бы только до взморья добраться...») 1 – 185, 782– 783; 4 – 99, 488, 493. 495, 500
Победа (1–3*; 1. «Славно начато славное дело...»; 2. У моря («Вспыхнул над молом первый маяк...»); 3. Великий день («Победа у наших стоит дверей...») 2 (1) – 15, 82, 102, 269, 340, 404–405, 413–415. 437. 458, 462, 480, 492–494; 4 – 527, 533, 538, 568
Победа («Но что нам сказать долгожданной ей...») 2 (1) – 355; 4 – 533
«Победа у наших стоит дверей...» (Победа, 3; Ветер войны) 2 (1) – 102, 413, 458, 462, 480, 492–494; 4 – 527, 538, 568
Победителям («Сзади Нарвские были ворота...»; Ленинград–ский цикл; Ветер войны) 2 (1) – 65, 260, 267–269, 458, 460; 2 (2) – 295 ; 4 – 268, 534, 538, 541, 566, 568
«Поглядишь, как будто спросишь...» 1 – 337, 857 Под Коломной («...Где на четырех высоких лапах...»; Тре-щотка прокаженного, 7) 2 (1) – 45, 444, 557; 4 – 288, 527, 535, 539, 542, 569 «Под крышей промерзшей пустого жилья...» 1 – 222, 595–596, 799–800; 4 – 92, 487, 492, 496 «Под навесом темной риги жарко...» 1 – 76, 726–728; 4 – 22, 465–466, 468–469 «Под рукоплесканья клеветы...» 2 (1) – 226, 614 «Под узорной скатертью...» (Застольная; Песенки, II) 2 (1) – 174, 555; 2 (2) – 262; 4 – 352, 427, 543. 560
Подвал памяти («Но сущий вздор, что я живу грустя...») 1 – 460, 919–921; 2 (2) – 295 , 505 ; 4 – 227, 253, 320, 429, 524, 528, 553, 557
Поджигателям («И чем грозите вы?.. Пожаром?..») 2 (1) – 145. 535, 538 Подмосковное см. Под Коломной
«Подошла. Я волненья не выдал...» 1 – 196, 787; 4 – 98, 484, 491. 493. 495 , 501
«Подошла я к сосновому лесу...» (Моей сестре) 1 – 187, 783; 4 – 115, 489, 493, 496 Подражание армянскому («я приснюсь тебе черной овцою...») 1 – 439, 907; 2 (2) – 504; 4 – 340, 559 Подражание И.Ф. Анненскому («И с тобой, моей первой при-чудой...») 1 – 54, 571, 714– 716, 788 ; 4 – 33, 468–469
Подражание Кафке («Другие уводят любимых...») 2 (2) – 94, 288, 377; 4 – 545, 553, 558
Подражание корейскому («Приснился мне почти что ты...») 2 (1) – 239, 619–620
«Подумаешь, тоже работа...» (Поэт; Тайны ремесла) 2 (2) – 8, 316–318; 4 – 357, 385, 544, 547, 561, 567 «Подушка уже горяча...» (Два стихотворения, 1) 1 – 24, 699, 704; 2 (1) – 371, 2 (2) – 265; 4 – 468, 470–472 «Позвольте скрыть мне все: мой пол и возраст...» (Энума элиш) 3 – 319 «Позвони мне хотя бы сегодня...» 2 (1) – 205, 594 Поздний ответ («Невидимка, двойник, пересмешник...»; Венок мертвым) 1 – 469, 927–930; 2 (1) – 578; 4 – 326, 438, 524, 543, 550, 554, 558
«Пока не свалюсь под забором...» 1 – 362, 866; 2 (1) – 363; 4 – 200, 514–515, 517 «Показать бы тебе, насмешнице...» (Реквием, TV) 1 – 442, 662, 910, 922; 3 – 24, 380, 488; 4 – 525, 559
«Покинув рощи родины священной...» (Эпические мотивы. II) 1 – 218, 758. 794–796. 831; 4 – 167, 203, 497. 499. 514. 517–518
Покорение пустыни («Чей дух извечно-молодой...»; Три сти-хотворения, I) 2 (1) – 158, 544–545
«Покорно мне воображенье...» 1 – 126, 581, 748–749; 2 (2) – 295; 4 – 46, 477, 479, 481–482
Полночные стихи* (Вместо посвящения («По волнам блуждаю и прячусь в лесу...»); Предвесенняя элегия; Первое преду-преждение; В Зазеркалье; Тринадцать строчек; Зов; Ноч-ное посещение: И последнее («Была над нами, как звезда над морем...»); Вместо послесловия («А там, где сочиняют сны...») 2 (2) – 157, 160, 164–165, 167, 173, 178–179, 228, 289, 295 , 305, 427–439, 442–443 , 44 7– 453, 455–456, 460–463, 466 –470, 473–474, 493 ; 3 – 382, 594, 694; 4 – 555, 562, 571
«...полупрервана беседа...» 2 (2) – 136, 413
«Помолись о нищей, о потерянной...» 1 – 97, 581–582, 736; 4 – 59, 474–475, 478
«Пора забыть верблюжий этот гам...» (Три стихотворения, 1) 2 (1) – 93, 487–488,

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

511; 2 (2) – 296 ; 4 – 527, 572

Портрет автора в молодости см. Рисунок на книге стихов

Посвящение («Перед этим горем гнутся горы...»; Реквием) 1 – 662; 3 – 22, 491; 4 – 332, 525, 559

Посвящение см. Вместо посвящения («По волнам блуждаю и прячусь в лесу...»)

Посвящение цикла «Из сожженной тетради» см. «Вместо праздничного гюздравленья...»

«После ветра и мороза было...» 1 – 170, 777–778; 3 – 171, 626; 4 – 44, 474–476 , 481, 494, 498

Последнее возвращение (I – II; I. Отрывок («День шел за днем – и то и се...»); II. «Лучше б я по самые плечи...»; Трещотка прокаженного) 2 (1) – 83, 85, 475. 481–483. 557; 4 – 286, 316, 406. 535. 539, 542, 558. 570

Последнее письмо («О спутник мой неосторожный...») 1 – 128, 750; 4 – 480

Последнее слово подсудимой см. Из Седьмой Северной элегии

Последнее стихотворение («Одно, словно кем-то встревожен-ный гром...»; Тайны ремесла) 2 (2) – 26, 334–335; 4 – 359, 387, 545, 547, 561

Последний день в Риме («Заключенье не бывшего цикла...») 2 (2) – 219, 488–489

Последний тост («Я пью за разоренный дом...»; Разрыв, III) 1 – 422, 620, 668, 897, 949; 2 (1) – 485; 4 – 230, 390, 522, 529, 550

«Последнюю и высшую награду...» см. «Последнюю и высшую отраду...»

«Последнюю и высшую отраду...» (Послесловие; Ленинград-ский цикл) 2 (1) – 60, 457–458; 4 – 534

Последняя см. Прощальная

Последняя (А у нас) («Услаждала бредами...»; Песенки, VI) 2 (1) – 407; 2 (2) – 205, 478–479; 4 – 354, 552, 560, 572

Последняя роза («Мне с Морозовою класть поклоны...») 2 (2) – 134, 410–412; 4 – 367, 449, 551, 561, 572

Послесловие («Последнюю и высшую отраду...»; Ленинград-ский цикл) 2 (1) – 60, 457–458; 4 – 534

Послесловие к «Ленинградскому циклу» см. Послесловие («...Последнюю и высшую отраду...»)

Послесловие «Ленинградского цикла» («Разве не я тогда у креста...») 2 (1) – 61, 457–458 «Постучи кулачком – я открою...» (Памяти Вали, 2; Ветер войны; Ленинградский цикл) 2 (I) – 21, 263, 268, 421– 423, 449; 4 – 268, 533, 538, 568

«Постучись кулачком – я открою...» см. «Постучи кулачком –я открою...»

«Потускнел на небе синий лак...» 1 – 112, 741; 4 – 83, 478, 480, 484, 487, 492, 500

Похороны («Я места ищу для могилы...») 1 – 75, 726. 728;

4 – 35, 464, 466–467 «Почернел, искривился бревенчатый мост...» 1 – 272, 824; 4 – 195, 509, 513–515. 518

Почти в альбом («...и третье, что нами владеет всегда...») 1 – 689; 2 (2) – 131, 408; 4 – 549

Почти в альбом («Услышишь гром и вспомнишь обо мне...»);

Трилистник московский, 1) 2 (2) – 112, 392–394, 438; 4 – 364, 446, 561, 571 «Почти не может быть, ведь ты была всегда...» (Памяти В.С. Срезневской) 1 – 758; 2 (2) – 213, 482–483; 4 – 573

«Почти от залетейской тени...» (Надпись на книге) 1 – 479, 940–941; 2 (1) – 361; 4 – 209, 235, 523, 526. 528

«Почти что от летейской тени...» см. «Почти от залетейской тени...»

Поэма без героя 1 – 498, 672, 680, 689, 710, 740, 748 , 768, 778–779, 865; 2 (1) – 264–265, 276, 279, 285, 293, 297, 301–302, 305, 309, 312, 314, 317, 324, 332–333, 339, 371, 397, 429, 436, 438, 450–451, 455–457, 459, 465, 473, 504, 508, 558–559, 586, 597, 600, 611, 615–616; 2 (2) – 264–265, 271, 280–283, 286, 288, 297; 3 – 39–210, 379, 382–383, 388, 392–393, 406, 409, 412–414, 417–444, 446–451, 453. 460–461. 465–467, 492, 496–497, 499, 506–651, 655, 658, 664, 668–669, 672, 677–678, 680–681, 689–699, 701–703, 707–711, 713, 723, 728–729, 733, 737, 744–745, 748, 760; 4 – 258–259, 270, 528, 531, 534, 537, 549, 552, 554, 557, 565–566, 571

Поэма без героя. Триптих Третья редакция 2 (1) – 301–302; 3 – 123–162, 599–620

Поэма без героя. Триптих. 1940–1965 четвертая редак-ция 2 (1) – 301–302; 3 – 163 –204, 620–646. 728

1913 год, или Поэма без героя. Триптих. 1940–1945 Вторая редакция 2 (1) – 301–302; 3 – 89–122, 566–599

1913 год, или Поэма без героя и Решка Первая редакция 3 – 39–56, 506–566

Поэма без героя (факсимильное воспроизведение) 3 – 57–88, 566

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

Поэма о начале века 2 (1) – 98, 361. 490; 2 (2) – 286; 3 – 37–38, 414. 484, 502–506; 4 – 323, 435, 536. 543, 548, 554, 558, 567

Поэт см. Борис Пастернак

Поэт («Подумаешь, тоже работа...»; Тайны ремесла) 2 (2) – 8, 316–318; 4 – 357, 385, 544, 547, 561, 567 «Поэт не человек, он только дух...» 2 (2) – 147, 423 «Пою эту встречу, пою это чудо...» 2 (1) – 191, 571–572 «Прав, что не взял меня с собой...» (Из «Черных песен», I) 2 (2) – 107, 388–389; 4 – 363, 445, 561 «Превращая концы в начала...» 2 (2) – 153, 425–426 Предвесенняя элегия («Меж сосен метель присмирела...»; Полночные стихи) 2 (2) – 157, 427–438; 3 – 694; 4 – 562, 571

«Предо мною опять эта дверь его...» (Энума элиш) 3 – 361 Предсказание («Видел я тот венец златокованный...»; Другой голос) 1 – 386, 618–619, 878; 3 – 388, 394, 399–400, 402; 4 – 172, 511 Предыстория («Россия Достоевского. Луна...»; Северные элегии) 1 – 485, 517–518, 520, 522. 875, 946–948; 2 (1) – 601; 2 (2) – 265, 270, 507; 3 – 414, 467; 4 – 294, 528, 535, 543, 547. 573

При музыке («Опять проходит полонез Шопена...»; Два голоса. 2) 2 (1) – 217, 604–605; 4 – 544

При непосылке поэмы («Приморские порывы ветра...»; Полночные стихи) 2 (2) – 187, 473–474; 4 – 570

«Привольем пахнет дикий мед...» 1 – 423, 690, 897–898, 919; 2 (2) – 283; 4 – 210, 338. 391, 523. 528. 559

Приговор («И упало каменное слово...»; Реквием, VII) 1 – 445, 662, 664. 668, 911–912. 922; 2 (1) – 333. 335, 363. 408; 3 – 26. 488, 759; 4 – 241, 334, 519. 521–522. 525–526. 528–529. 547. 559

«Приди как хочешь: под руку с другой...» (Сонет) 2 (2) – 195, 476

«Приду туда, и отлетит томленья...» 1 – 277, 540, 601, 826; 2 (1) – 301; 4 – 117, 489. 493, 498–499, 502 Призрак («Зажженных рано фонарей...») 1 – 331, 626, 855; 3 – 479; 4 – 198, 508, 514. 518–519, 552 «Прикована к смутному времени...» 2 (2) – 256, 510–511.

См. также «Я знаю, с места не сдвинуться...»

«Приморские порывы ветра...» (При непосылке поэмы; Полночные стихи) 2 (2) – 187, 473–474; 4 – 570

Приморский парк Победы («Еще недавно плоская коса...») 2 (1) – 160, 545–546; 2 (2) – 265, 271, 295; 4 – 570

Приморский сонет («Здесь все меня переживет...») 2 (1) – 206, 594–595, 616; 2 (2) – 269; 4 – 318, 424, 548, 551, 558, 571

«Приснился мне почти что ты...» (Подражание корейскому) 2 (1) – 239, 619–620

«Приходи на меня посмотреть...» 1 – 106, 740; 4 – 479 Причитание («Господеви поклонитесь...») 1 – 387, 618, 878; 3 – 402; 4 – 182, 512, 515

Причитание («Ленинградскую беду...»; Ветер войны) 2 (1) – 84, 481; 4 – 269, 538, 541, 558

Цикл без заглавия. См. также «Брат! Дождалась я светлого дня.

«Пришли и сказали: "Умер твой брат"...» (I)* 1 – 27, 529, 554. 704–705; 3 – 401; 4 – 470, 550, 552

Про стихи см. «Многое еще наверно хочет...»

Про стихи. Нарбуту; Про стихи. Памяти Вл. Нарбута см. Про стихи Нарбута

Про стихи Нарбута («Это – выжимки бессонниц...»; Тайны ремесла) 1 – 473, 934–935; 2 (1) – 519; 4 – 225, 360, 388, 524, 547, 561. 567

«Проводила друга до передней...» 1 – 158, 767; 4 – 166, 479. 481–482. 505–506, 509

Прогулка («Перо задело о верх экипажа...») 1 – 122, 746; 4 – 42, 474, 476, 479, 481

«Прозрачная ложится пелена...» (Майский снег) 1 – 261, 600, 820; 4 – 104, 488, 493, 497, 499, 501

Пролог («Не с лирою влюбленного...»; Трещотка прокаженного, 1) 1 – 917; 2 (1) – 176, 556–558, 574, 608; 4 – 539, 542, 553, 558

Пролог, или Сон во сне см. Энума элиш

«Проплывают льдины, звеня...» (Черный сон, 4) 1 – 326, 613, 848, 853–854; 4 – 152, 503–505, 508

«Пророчишь, горькая, и руки уронила...» 1 – 359, 865; 4 – 193, 512, 514–515, 517

«Простишь ли мне эти ноябрьские дни?..» 1 – 138, 756; 4 – 475, 478, 480

«Пространство выгнулось и пошатнулось время...» см. «Даль рухнула, и пошатнулось время...» «Просыпаться на рассвете...» 1 – 311, 611, 843–844; 2 (2) –

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
 295; 4 – 146, 504–505, 507–509 «Протертый коврик под иконой...» 1 – 107, 582,
 740; 4 –
 72, 477–478
 «Прошло пять лет, – и залечила раны...» 2 (1) – 148, 437, 539; 2 (2) – 265, 271;
 4 – 537, 570
 «Прошлогодних сокровищ моих...» (Мартовская элегия; Три–листник московский. III)
 2 (1) – 624; 2 (2) – 71, 306, 361; 4 – 322, 430, 545. 547. 558. 572
 Прощальная («Не смеялась и не пела...»; Песенки, V) 2 (1) – 407. 629; 2 (2) –
 36, 342–343; 4 – 353, 428, 572
 «Птицы смерти в зените стоят...» (Ленинградский цикл; Ве–тер войны) 2 (1) – 12,
 262–263. 407–411; 4 – 266, 526. 538. 540. 568
 «Пуускай австралийка меж нами незримая сядет...» 2 (2) – 232, 496
 «Пуускай огонь сигнальный не горит...» (Ленинградские чет–веростишия, 3) 2 (1) –
 13, 404, 411 «Пустые белы святки...» 1 – 168, 775–776 «Пустых небес прозрачное
 стекло...» 1 – 206, 790–791; 4 –
 105, 488, 493, 496, 498, 501 «Пусть глаза его как озера» (Поэма без героя.
 Строфы, не
 вошедшие в поэму. 1) 3 – 205, 646 «Пусть голоса органа снова грянут...» 1 – 364,
 866–868; 4 –
 190, 508. 512, 515, 517 «Пусть грубой музыки обрушится волна...» (два голоса, 1)
 2 (1) – 106, 494–495; 4 – 544 «Пусть даже вылета мне нет...» 2 (2) – 203, 478
 «Пусть дети запомнят сегодняшний день...» (1 июня 1950)
 2 (1) – 150, 540 «Пусть кто–нибудь сюда придет...» 2 (1) – 216, 603–604 «Пусть
 кто–то еще отдыхает на юге...» (Шиповник цветет.
 Из сожженной тетради. 10) 2 (1) – 183, 458, 512, 564,
 567–568; 2 (2) – 265; 4 – 376, 420, 544, 561, 570 «Пусть миру этот день
 запомнится навеки...» (21 декабря
 1949 года) 2 (1) – 136, 527–531 «Пусть мой корабль пошел на дно...» (Из цикла
 «Сожженная
 тетрадь»; Шиповник цветет. Из сожженной тетради)
 2 (1) – 189, 571 «Пусть так теряют смысл слова...» 2 (2) – 207, 480
 «...Пусть это даже из другого цикла...» (Памяти Анты; Венок
 мертвым) 2 (2) – 85, 373–374; 4 – 330, 441, 553. 559 Путем всея земли 1 – 554.
 668, 671–672. 668. 870. 895.
 918. 927; 2 (1) – 317. 332–333; 2 (2) – 281–282. 286.
 297; 3 – 31–36, 382. 387–388. 395. 398. 408–409.
 410–415. 417. 465–467. 494–502. 641, 675; 4 – 260.
 398, 519–521, 523. 525–526, 528–529. 531. 540. 547.
 550–551. 562–563. 565 «Путник милый, ты далече...» 1 – 349, 860–861; 4 – 185,
 512. 515
 «Путь мой предсказан одною из карт...» 2 (2) – 146, 422
 Пушкин («Кто знает, что такое слава!...»; Трещотка прока–женного. 9) 2 (1) – 40,
 270, 272, 439–441, 557; 3 – 607–608; 4 – 237, 527. 535. 539, 542, 567
 Пятая роза («Звалась Soleil ты или чайной...») 2 (2) – 171, 458–460
 Пятерица см. Cinque
 «Пятидесятый год – как бы водораздел...» (1950) 2 (1) – 138, 532
 «Пятнадцатилетние руки...» см. «Мои молодые руки...» Пять стихотворений из
 цикла «Любовь» см. Cinque «Пять строк великих, как пять маяков...» 2 (1) – 165,
 547 «Пятым действием драмы...» (Царскосельские строки, I; Ве–нок мертвым) 1 –
 371, 870; 2 (1) – 477; 2 (2) – 287; 4 – 291?, 442, 513, 551, 553, 569
 Р.С.Ф.С.Р. («Первая среди равных...») 2 (1) – 163, 546
 «Радость моя, сын мой возлюбленный...» 2 (1) – 274
 «Разве не я тогда у креста...» (Послесловие «Ленинградского
 цикла») 2 (1) – 61, 457–459 «Разве я стала совсем не та...» (Азия, 2; Пальмира,
 I; Таш–кентские страницы) 2 (1) – 62, 458–459, 467, 470; 4 – 343, 405, 537, 539,
 560
 Разлука («Вечерний и наклонный...») 1 – 172, 778; 4 – 94,
 487, 492, 495, 498, 501
 Разлука («Вот и берег северного моря...») 1 – 394, 621, 880,
 882–883; 4 – 182, 509, 512, 516–517 «Разлука призрачна – мы будем вместе
 скоро...» 2 (2) – 174,
 462
 Разрыв (I–III; I. «Не недели, не месяцы – годы...»; II. «И как всегда бывает в
 дни разрыва...»; III. Последний тост) 1 – 422, 489, 620, 668, 897, 949; 2 (1) –
 89, 335, 485; 4 – 230, 256–257, 390, 522, 525, 527, 529, 535, 548, 550
 Распятие (1–2; 1. «Хор ангелов великий час восславил...»; «Магдалина билась и
 рыдала...»; Реквием, X) 1 – 443, 661–662. 671. 910–911. 922; 2 (1) – 373; 3 –
 28, 405,

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
488, 493; 4 – 256, 336, 525. 528–529, 553, 559
Рахиль («И встретил Иаков в долине Рахиль...»); Библейские стихи, 1; Из книги Бытия, 1) 1 – 375, 867–868, 872–874, 887; 2 (1) – 332; 4 – 180, 512, 517, 521–522, 525
Реквием (Requiem) (Посвящение («Перед эти горем гнутся горы...»); Вступление («Это было, когда улыбался...»); I. «Уводили тебя на рассвете...»; II. «Тихо льется тихий дождь...»; III. «Нет, это не я, это кто-то другой страдает...»; IV. «Показать бы тебе, насмешнице...»; V. «Семнадцать месяцев кричу...»; VI. «Легкие летят педели...»; VII. Приговор; VIII. К смерти; IX. «Уже безумие крылом...»; X. Распятие (1. «Хор ангелов великий час восславил...»; 2. «Магдалина билась и рыдала...»); Эпilog (1. «Узнала я, как опадают лица...»; 2. «Опять поминальный приблизился час...») 1 – 424, 441–445, 447. 449–450, 463, 471, 477, 506, 661–664, 668, 671, 682, 690, 898–899, 904, 909–914, 922–923, 933–934, 939; 2 (1) – 333, 335, 337, 363, 373, 397. 408. 550; 2 (2) – 274–275, 280–281, 285–286, 296–297, 310; 3 – 21–30, 379–380, 382–383, 388 394–399, 403–410, 421, 450, 465–466, 487–494, 588–589, 594, 616, 621. 641. 669. 677. 688, 759; 4 – 241–242, 247, 253, 256, 332–338, 519–522, 525–526, 528–531. 547, 550–553, 556, 559, 563, 565–566
Рисунок на книге стихов («Он не траурный, он не мрачный...»); 1 – 7/7; 2 (1) – 204, 593–594. 614; 4 – 320, 426, 558. 572
«Родилась я ни поздно, ни рано...» 1 – 157, 766; 4 – 490, 494, 497
Родная земля («в заветных ладанках не носим на груди...») 2 (1) – 299; 2 (2) – 120, 296, 402–404; 4 – 366, 448, 551–552, 554. 561, 572
Романс («Что тоскуешь, будто бы вчера...») 2 (2) – 210, 481 «Ромео не было, Эней, конечно, был...» 2 (2) – 81, 128, 407 «Россия Достоевского. Луна...» (Предыстория; Северные элегии) 1 – 485, 517–518, 520, 522, 875, 946–948; 2 (1) – 601; 2 (2) – 265, 270, 507; 3 – 414, 467; 4 – 294, 528, 535, 543, 547, 573
«Руки голы выше локтя...» (Рыбак) 1 – 65, 720; 4 – 30, 465–466, 468, 471, 473 Русский Трианон см. Царскосельская поэма «Русский Трианон» Рыбак («Руки голы выше локтя...») 1 – 65, 720; 4 – 30, 465–466, 468, 471, 473
С армянского см. Подражание армянскому
«С грозных ли площадей Ленинграда...» (Луна в зените, 2; Ленинградский цикл) 2 (1) – 17, 333, 417, 423, 426; 3 – 554; 4 – 527, 534, 538, 568
«С каждым разом глуше и упорней...» (Энума элиш) 3 – 337
«С Новым Годом! С новым горем!..» 1 – 458, 671, 918; 2 (2) – 504–505; 4 – 525
«С первым звуком, слетевшим с рояля...» 1 – 232, 852 С самолета (1–3; 1. «На сотни верст, на сотни миль...»; 2. «Белым камнем тот день отмечу...»; 3. «И весеннего аэродрома...») 2 (1) – 78–79, 437, 474–475; 4 – 527, 536–537, 539, 542, 548, 569
Сад («Он весь сверкает и хрустит...») 1 – 87, 732; 3 – 499; 4 – 36, 465. 468–469 Салют см. 27 января 1944 года
«Сама Нужда смирилась наконец...» 2 (2) – 242, 500–501 «Сама себя чудовищно рождая...» (Музыка) 2 (2) – 239, 306. 500
Самой поэме («Ты растешь, ты цветешь, ты – в звуке...») 2 (2) – 80, 368
«Самолет приблизился к Парижу...» (Бреды) 2 (2) – 14, 320
«Самые темные дни в году...» (9 декабря 1913) 1 – 148, 759; 4 – 91, 480, 487. 492. 501. 507–508
«Самый черный и душный самый...» 2 (1) – 224, 613. см. так-же «...тот самый//Этo город Пиковой Дамы...»
«Светает. Это Страшный суд...» (Из «Дневника путешест-вия». Стихи на случай) 2 (2) – 209, 480–481
Северные элегии (1–7; «Их будет семь – я так решила...»; Предыстория («Россия Достоевского. Луна...»); О десятых годах («И никакого розового детства...»); «В том доме бы-ло очень страшно жить...»; «Так вот он – тот осенний пейзаж...»; «Меня, как реку...»; «Есть три эпохи у воспоми-наний...»; Из Седьмой Северной элегии («...А я молчу – я тридцать лет молчу...»); Лирические отступления Седь-мой элегии. 1) Пауки в окне («А у присяжных то же изум-ление...») 1 – 381, 485, 502. 517–518. 520. 522. 681. 806. 875–876, 946–948; 2 (1) – 18, 99, 108, 172, 209, 211, 243, 361, 378, 418–420, 490–492, 496–497, 552–555, 597, 601–602, 621–622; 2 (2) – 261–262, 265, 270, 272, 296, 507; 3 – 325–326, 401, 414, 419, 466–467, 753; 4 – 251, 294, 296, 298, 348, 350, 407, 409, 528, 535, 543–544, 547, 553, 560, 573
Севморпуть («Чей разум угадал сквозь льды...»; Три стихо-творения, II) 2 (1) – 159, 544–545
«Сегодня мне письма не принесли ...» 1 – 93, 734; 4–31
«Сегодня я туда вернусь...» (четыре времени года) 2 (2) – 17, 321

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

«Седой венец достался мне недаром...» см. «Какая есть, же-лаю вам другую...»
«Семнадцать месяцев кричу...» (Реквием, V) 1 – 450, 662, 914. 922; 3 – 25, 396, 488. 492; 4 – 525, 559
«Семь тысяч и три километра...» см. «Семь тысяч три кило-метра...»
«Семь тысяч три километра...» (Черепки, III) 1 – 453, 914–915; 2 (1) – 596; 4 – 559 «Сердце бьется ровно, мерно...» (Стихи о Петербурге, 2) 1 – 162, 582, 767– 768, 779, 794; 4 – 59, 475, 477, 479. 481–482
«Сердце к сердцу не приковано...» 1 – 69, 722; 4 – 20, 465, 469, 472
«Сердце смутное туманится...» 1 – 726
Сероглазый король («Слава тебе, безысходная боль!..») 1 – 41, 497, 556, 570, 589, 604, 711; 2 (1) – 328; 4 – 29, 465–466, 468–469, 471, 473
«Сжала руки под темной вуалью...» 1 – 44, 537, 604, 712; 4 – 10, 464–467, 469, 471–472
«Сжала тебя золотистым овалом...» (Старый портрет) 1 – 38, 555, 708–710
«Сзади Нарвские были ворота...» (Победителям; Ленинград-ский цикл; Ветер войны) 2 (1) – 65, 260, 267–269, 458, 460; 2 (2) – 295; 4 – 268, 534, 538, 541, 566, 568
«Синий вечер. Ветры кротко стихли...» (Обман, III) 1 – 31, 706; 4 – 17, 464, 466
«Сказал, что у меня соперниц нет...» (Дальний голос; Другой голос) 1 – 370, 869–870; 2 (1) – 331; 4 – 174, 509, 511, 513, 516, 518
Сказка о черном кольце (1–3; 1. «Мне от бабушки-татарки...»; 2. «Я друзьям моим сказала...»; 3. «И придя в свою светлицу...») 1 – 305–307. 618. 839–842. 881; 4 – 183. 507–508. 512. 517. 521 «Сколько б другой мне ни выдумал пыток...» (Энума элиш) 3–338
«Сколько раз менялись мы ролями...» (Энума элиш) 3 – 347–348
«Сколько раз я проклинала...» см. «Столько раз я проклинала...» Скорость («Бедствие это не знает предела...») 2 (2) – 13, 320 «Скука, скую...» 2 (1) – 241, 620
«Скучно мне всю жизнь спасать...» 1 – 401, 886; 4 – 516 «Скучно мне оберегать...» см. «Скучно мне всю жизнь спа-сать...»
«Слаб голос мой, но воля не слабеет...» 1 – 95, 735; 4 – 81, 478. 480. 487. 492, 500
Слава миру! («Что начал Стокгольм – продолжала Варша-ва...») 2 (1) – 162, 546
«Слава тебе, безысходная боль!..» (Сероглазый король) 1 – 41, 497, 556, 570, 589, 604, 711; 2 (1) – 328; 4 – 29, 465–466. 468–469, 471, 473
«Славно начато славное дело...» (Наступление; Победа, 1; Ветер войны) 2 (1) – 15, 269, 340, 413–415, 437. 493; 4 – 527, 533, 538, 568
«Сладишь ли с проклятою судьбою...» (Энума элиш) 3 – 353
«Сладок запах синих виноградин...» 1 – 26, 704; 4 – 33
«Словно ангел, возмутивший воду...» 1 – 255, 819, 842; 4 – 147, 497, 504–505, 509
«Словно Врубель наш вдохновенный...» (Конец Демона; Вере-ница четверостиший) 1 – 859; 2 (1) – 519; 2 (2) – 99, 383–384; 4 – 309, 412, 545, 548–551, 554, 557
«Словно дальнему голосу внемлю...» (Венок мертвым) 2 (1) – 218, 605–607; 2 (2) – 286; 4 – 330, 441, 543, 559, 571
«Словно дочка слепого Эдипа...» (Борису Пастернаку, II, Памяти Бориса Пастернака, 2; Венок мертвым) 1 – 901, 929; 2 (1) – 519–522, 578; 2 (2) – 74, 286, 364; 4 – 328, 440, 550, 558, 572
«Словно память «Народной Воли...» (Поэма без героя. Строфы, не вошедшие в поэму. 8) 3 – 207. 646. 648 «Словно по чьему-то повеленью...» (Ташкент зацветает) 2 (1) – 75, 436. 472; 4 – 538
«Словно тяжким огромным молотом...» 1 – 84, 731
Слово предоставляется детям см. Говорят дети
«Слух чудовищный бродит по городу...» 1 – 384, 877; 4 – 178, 512. 515. 517 Слушая пение («Женский голос, как ветер несется...») 2 (2) – 122, 404–405 «Слышишь, ветер поет блаженный...» 2 (2) – 98, 383 «Смеркается, и в небе темно-синем...» (Эпические мотивы, III) 1 – 220, 758, 796–799, 831; 4 – 204, 497, 499, 514, 517–518
Смерть (I–• III; I. «Я была на краю чего-то...»; II. «А я уже стою на подступах к чему-то...»; III. «И комната, в которой я бо-лею...»; Ташкентские страницы) 2 (1) – 28, 39, 310, 429– 430, 439; 4 – 344–345, 402–403, 538, 542, 560. 568
«Смерть одна на двоих. Довольно!..» 2 (2) – 208, 480 Смерть поэта («Умолк вчера неповторимый голос...»; Борису Пастернаку, I; Венок мертвым) 1 – 901, 929; 2 (1)

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
– 519–521, 578; 2 (2) – 74, 286, 362; 4 – 328, 439, 550, 558, 572
Смерть Софокла («На дом Софокла в ночь слетел с небес орел...»); Античная
страничка, 1) 2 (1) – 244, 622–624; 2 (2) – 296; 4 – 354, 432, 545, 549, 551,
553, 561, 572
«Смирение! – не ошибись дверьми...» 2 (2) – 72, 361
«Смуглый отрок бродил по аллеям...» (В Царском Селе, III) 1 – 77, 570, 576, 716,
725, 727–728, 890; 2 (1) – 478; 4 – 8, 463–465, 467, 469, 471–472
Смятение (1–3; 1. «Было душно от жгучего света...»; 2. «Не любишь, не хочешь
смотреть?...»; 3. «Как велит простая учтивость...») 1 – 115–116, 604, 743–744,
748; 2 (1) – 328; 4 – 41–42, 476, 479, 481
Снежная Маска (либретто по А. Блоку) 1 – 624, 863; 3 –
712, 723–724. 727 «Снова ветер знойного июля...» 2 (2) – 59, 356 «Снова со мной
ты. О мальчик-игрушка!..» 1 – 62, 719, 744. 756 «Со дня Купальницы-Аграфены...»
1 – 135, 752, 754–755,
834; 4 – 65, 477. 480, 482 «Со шпаной в канавке...» (Трещотка прокаженного. 8) 2
(1) –
125, 516–518. 557: 4 – 539. 542 «Соблазна не было. Соблазн в тиши живет...» 1 –
292, 834–
836; 4 – 201, 506, 514 Современница см. Тень
«Совсем вдали висел какой-то мост...» (Из цикла «В пути»)
2 (2) – 226, 492 «Совсем не тот таинственный художник...» (Надпись на книге
«Подорожник») 1 – 492, 950; 2 (1) – 335; 4 – 221, 257,
524, 526, 529–530, 535 Согражданам см. Петроград, 1919
Сожженная тетрадь (Шиповник цветет) см. Шиповник цветет. Из сожженной тетради
Сожженная тетрадь («Уже красуется на книжной полке...»; Шиповник цветет. Из
сожженной тетради) 2 (2) – 103, 386–387; 4 – 370, 414, 544, 549, 553, 560, 570
«Солнце комнату наполнило...» (8 ноября 1913) 1 – 133, 752; 4 – 62, 474, 477,
480
Сон («Был вещим этот сон или не вещим...»; Шиповник цве-тет. Из сожженной
тетради, 6) 2 (1) – 177, 512, 558–560; 4 – 373, 418, 544, 547, 560, 570
Сон («Я знала, я сную тебе...») 1 – 225, 802–804; 4 – 120, 489, 493, 496, 502
Сонет («Приди как хочешь: под руку с другой...») 2 (2) – 195, 476
Сонет см. «Совсем не тот таинственный художник...» Сонет («Я тебя сама бы
увенчала...») 2 (2) – 168, 457
Сонет-эпиграф («Не пугайся, – я еще похожей...»; Шиповник цветет: Из сожженной
тетради. 11) 2 (1) – 518, 569, 622; 2 (2) – 81, 368–372; 4 – 378, 422, 554, 561,
570 «Соседка из жалости – два квартала...» 1 – 483, 944–945;
2 (1) – 327; 2 (2) – 507; 3 – 502, 554 «Сослужу тебе верную службу...» 1 – 354,
862; 4 – 186.
512. 514–515. 517 Сосны («Не здороваются, не рады!..») 2 (2) – 104, 387
«Сочтенных дней осталось мало...» 1 – 340, 858 «Спасали всегда почему-то
кого-то...» 2 (2) – 145. 422 «Спокоен ход простых суровых дней...» 1 – 182, 782,
794 «Справа Днепр, а слева клены...» 1 – 191, 785 «Справа раскинулись
пустыри...» (Ветер войны) 2 (1) – 71,
458, 468; 4 – 273, 536, 538, 541, 548, 568
«Сразу стало тихо в доме...» 1 – 308, 607, 839–842; 4 – 145, 504–505, 507–509
«Среди морозной праздничной Москвы...» (Без названия; Трили-стник московский, 2)
2 (2) – 184, 472–473; 4 – 571
«Стал мне реже сниться, слава Богу...» 1 – 99, 733, 736–737; 2 (2) – 245, 507;
4 – 489, 491, 496
«Стала я, как в те года, бессонной...» (К музыке) 2 (1) – 584; 2 (2) – 211,
481–482
«Сталинградской страды...» (В мае) 2 (1) – 103, 462, 492, 494
Стансы («Стрелецкая луна. Замоскворечье. Ночь...») 1 – 474, 659, 935–938; 2 (2)
– 505–506; 4 – 231, 339, 525, 528, 559
Старый портрет («Сжала тебя золотистым овалом...») 1 – 38,
555, 708–710 «Стеклянный воздух над костром...» 2 (1) – 229, 675 Стеклянный
звонок («Стеклянный звонок...») 2 (1) – 92, 486 Стихи из ненаписанного романа
 («Как древние в Коломенском
ворота...») 2 (1) – 169, 488, 549–551
Стихи из ненаписанного романа («У кого-то.....есть...») 2 (1) –
221, 610
Стихи из сожженной тетради (Шиповник цветет) см. Шипов-ник цветет. Из сожженной
тетради
Стихи о Петербурге (1–2; 1. «Вновь Исакий в облаченьи...»; 2. «Сердце бьется
ровно, мерно...») 1 – 161–162, 582. 767–768, 779, 794; 4 – 69, 475, 477. 479.
481–482
«Стоит на небе месяц, чуть живой...» (Ночью) 1 – 328, 612, 854; 4 – 162, 503,
Страница 229

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
505–506, 508, 510
Стокгольмская хартия («Бессмертен день, когда одною гру-дью...»); В июньские дни,
2) 2 (1) – 155, 542–543
«Столько просьб у любимой всегда!..» 1 – 114, 538–539, 743; 2 (2) – 295; 4 – 50,
477. 480. 482
«Столько раз я проклинала...» 1 – 242, 814; 4 – 111, 488, 493, 496, 501
«Стояла долго я у врат тяжелых ада...» 1 – 42, 711
«Страх, во тьме перебирая вещи...» 1 – 357, 633, 863, 919; 4 – 187, 512, 515
«Стрелецкая луна. Замоскворечье. Ночь...» (Стансы) 1 – 474, 659, 935–938; 2 (2)
– 505–506; 4 – 231, 339, 525, 528, 559
«Стройный мальчик пастушок...» (Над водой) 1 – 63, 556, 719; 4–37
«Стряслось небывалое, злое...» 2 (2) – 169, 457
«Судьба ли так моя переменилась...» 1 – 279, 826, 889; 4 –
129, 490. 494, 498, 502 Суриков см. «Я знаю, с места не сдвинуться...» «Сучья в
иссиня-белом снеге...» (Петроград, 1916; Поэма без
героя) 4 – 537
«Таинственной невесты...» (Первая песенка; Шиповник цветет. Из сожженной
тетради, 4) 2 (1) – 184, 512, 564, 567–568; 2 (2) – 265; 4 – 374, 417, 544. 560.
570
Тайны ремесла* (Творчество («Бывает так: какая-то исто-ма...»); «Мне ни к чему
одические рати»; Муза («Когда я ночью жду ее прихода...»); Поэт; Читатель;
Последнее стихотворение: Эпиграмма («Могла ли Биче словно Дант творить...»); Про
стихи Нарбута; «О, как пряно дыханье гвоздики...»; «Многое еще, наверно,
хочет...») 1 – 403, 434, 461, 473. 657, 664, 668. 887–888, 890. 905, 921–922,
934–935; 2 (1) – 20, 199, 296, 420–421, 519, 563, 577–578, 584 ; 2 (2) – 8–9,
26, 289, 295, 304, 316–318, 334–335, 372–373; 4 – 211, 219, 221, 225, 240, 303,
355–361, 383–389, 521–524, 526–528, 535, 544–545, 547, 549, 551, 554, 561, 565,
567
«Так беспомощно грудь холодела...» (Песня последней встре-чи) 1 – 78, 727–728; 4
– 13, 463–465, 467, 469, 471–472
Так будет! («Не надо нам земли чужой...») 2 (1) – 167, 547 «Так в великой нашей
Отчизне...» (Три стихотворения, 111)
2 (1) – 142, 536, 544 «Так вот где ты скитаться должна...» (Отрывок) 2 (2) – 40,
344–345
«Так вот он – тот осенний пейзаж...» (Вроде монолога; Се-верные элегии) 2 (1) –
18, 361, 418, 491, 622; 4 – 251, 535, 544, 547, 573
«Так много камней брошено в меня...» (Уединение) 1 – 183, 782; 4 – 80, 486, 492.
498, 495, 500
«Так не зря мы вместе бедовали...» 1 – 649, 662; 2 (2) – 109, 390–391; 3 – 21,
405, 491; 4 – 451, 549. 553
«Так отлетают темные души...» 1 – 466, 918, 925–926; 2 (2) – 505; 4 – 228, 252,
313, 396, 524, 528, 557
«Так под кровлей Фонтанного Дома...» см. Поэма без героя
В некоторые варианты цикла «Тайны ремесла» входило также стихотворе-ние «Муза»
(«Как и жить мне с этой обузой .»)
«Так просто можно жизнь покинуть эту...» (Памяти Сергея Есенина) 1 – 406, 659,
889–890; 2 (2) – 286: 4 –223, 524, 553
«Так раненого журавля...» 1 – 224, 801; 2 (2) – 295; 4 –
115, 489, 493, 496, 502 «Так скучай обо мне поскучнее...» 2 (2) – 151, 425 «Так
уж глаза опускали...» 2 (2) – 154, 426 «Там белые церкви и звонкий, светящийся
лед...» (Бежецк) 1 –
377 , 618–620. 874; 2 (2) – 295; 4 – 172, 511. 516 «Там завтра мое улыбаясь
сидело...» 2 (2) – 53, 354 «Там зори из легчайшего огня...» 2 (2) – 57, 355 «Там
оперный еще томится зибель...» 2 (2) – 39, 344 «Там по белым дурманым макама...»
2 (1) – 72, 469 «Там такие бродят души...» 2 (2) – 150, 425 «Там тень моя
осталась и тоскует...» 1 – 289, 598. 604,
833–834; 4 – 126, 489. 494. 500, 507 «Там я рада или не рада...» (Поэма без
героя. Строфы, не
вошедшие в поэму, 11) 3 – 208, 646, 650 Тамаре платоновне Карсавиной («Как
песню, слагаешь ты
легкий танец...») 1 – 174, 779; 4 – 495 «Татарское, дремучее...» (Имя;
Вереница четверостиший)
2 (1) – 219, 607; 4 – 307, 411, 553, 557, 569 [Ташкент] («Затворилась навек
дверь его...») 2 (2) – 60, 356 Ташкент зацветает («Словно по чьему-то
повеленью...») 2 (1) –
75, 436, 472; 4 – 538 Ташкент зацветает («я буду помнить звездный кров...») 2
(1) –
75, 436, 472

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

Ташкентская поэма 2 (1) – 449–451; 3 – 466. См. также
«Все небо в рыжих голубях...» Ташкентские наброски (I–II; I. «Все опять
возвратится ко
мне...»; II. «И в памяти, словно в узорной укладке...»)
2 (1) – 56, 63, 423, 450, 453, 459; 4 – 285–286, 527,
534, 538, 542, 568
Ташкентские страницы («Это рысьи глаза твои. Азия...»; В тифу («Где-то ночь
молодая...»); «Как ни стремилась к Пальмире я...»; «Разве я стала совсем не
та...»; Interieur («Когда лежит луна ломтем Чарджуйской дыни...»); Смерть (1. «Я
была на краю чего-то...»; 2. «А я уже стою на под-ступях к чему-то...»; 3. «И
комната, в которой я болею...»); «Я не была здесь лет семьсот...»; «В ту ночь мы
сошли друг от друга с ума...»; «Какая есть. Желаю вам другую...»; «А умирать
поедем в Самарканд...») 1 – 680; 2 (1) – 25. 28. 31, 39, 62, 68–69, 73, 116,
276. 282–283. 301. 310, 361, 427–430, 433–434, 439, 458–459, 465–467, 469–470,
472, 503; 2 (2) – 24, 295, 326–334; 4 – 276–278, 283, 286, 342–347, 402–406,
534–535, 537–539, 541, 545, 560, 566, 568–569, 572
«Твой белый дом и тихий сад оставлю...» 1 – 152, 763–764;
4 – 79, 480, 486, 491–492, 500 «Твой месяц май, твой праздник – Вознесенье...» 2
(2) – 148, 423–424
Творчество («Бывает так: какая-то истоста...»; Тайны ремесла) 1 – 434, 905; 2 (1)
– 296; 2 (2) – 289, 304; 4 – 211, 240, 356, 383, 521, 523–524, 526, 561, 567
Творчество («Я помню все в одно и то же время...») 2 (2) – 20, 324
«Твоя свирель над тихим миром пела...» 1 – 94, 735 «...театр Мариинский...»
(Поэма без героя. Строфы, не вошедшие в поэму, 6) 3 – 206, 646–651 «Тебе,
Афродита, слагаю свой танец...» 1 – 30, 496, 555,
706; 2 (2) – 503 «Тебе покорной? Ты сошел с ума!...» (Черный сон, 6) 1 –
365, 621, 848, 868; 4 – 205, 514, 516 «Тебя прямо в музыку спрячу...» 2 (2) –
44, 350 Тень («Всегда нарядней всех, всех розовой и выше...»; В со-роковом году,
II) 1 – 482, 942–944; 2 (2) – 269; 3 – 555, 618–619; 4 – 244, 526, 537, 540, 547,
567
«Теперь никто не станет слушать песен...» 1 – 318. 613,
849–850; 4 – 159, 505, 507, 510 «Теперь прощай, столица...» 1 – 299, 837; 4 –
160, 505 «Течет река неспешно по долине...» 1 – 313, 611, 844–845;
4 – 163, 505, 507, 510
«Тешил – ужас. Грела – вьюга» (Лишняя; Песенки, IV) 2 (1) – 407–409; 2 (2) – 11,
319–320; 4 – 353, 428, 543, 552. 560, 572
«Тихо льется тихий дон...» (Реквием. II) 1 – 441, 661. 909–910, 922; 2 (1) –
337; 3 – 24, 396–398, 488, 492; 4 – 525, 559
«То змейкой, свернувшись клубком...» (Любовь) 1 – 80, 569.
729–730. 923: 4 – 7, 464–465, 467. 469, 471–473 «То лестью новогоднего
сонета...» 2 (2) – 230, 494–495 «То ли я с тобой осталась...» 1 – 21, 529, 703
«То пятое время года...» 1 – 156, 766; 4 – 119, 479, 481,
489, 493, 502
«То, что я делаю, способен делать каждый...» (Трещотка прокаженного, 3) 1 – 493,
950–951; 2 (1) – 557; 4 – 539, 542
«Тогда я велела ветрам четырем...» (Pro domo теа. Проза о
поэме) 3 – 248 «Тому прошло семь лет...» см. «Я именем твоим не оскверню
уст...»
«Тополевой пушинке я б встречу устроила здесь...» 2 (2) – 200, 477
Тост («За эти пламенные зори...») 2 (1) – 144, 492, 536 «Тот август, как желтое
пламя...» 1 – 248, 512, 764, 816–
817, 838; 4 – 196, 497, 513 «Тот голос, с тишиной великой споря...» 1 – 293,
598, 600,
836; 4 – 107, 488, 491, 495, 501 «Тот город, мной любимый с детства...» 1 – 417,
657, 896; 4 –
218, 236, 521–522, 524, 526, 528
«Тот день всегда необычаен...» (Выход книги) 2 (2) – 117. 399; 4 – 549
«Тот же голос, тот же взгляд...» (Два стихотворения, 2) 1 – 25, 699, 704; 2 (1)
– 371; 4 – 468, 470–472
«...тот самый//Это город Пиковой Дамы...» (Энума элиш) 2 (1) – 613; 3 – 307. См.
также «Самый черный и душ-ный самый...»
«Тот счастлив, кто прошел среди мучений...» (Заре; пер. с
португ.) 1 – 613, 618; 4 – 168, 503, 506. 508 «Трезвенное сердце...» 3 – 401
«Трезвись, чернец...» 3 – 401
Третий Зачатьевский («Переулочек, переул...»; Черный сон,
5) 1 – 480, 622, 848, 941–942; 2 (1) – 373; 2 (2) –
506; 4 – 249, 396, 517, 551 «Третью весну встречаю вдали...» (Азия, 1; Луна в
зените,

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

5) 2 (1) – 70, 282, 458, 467, 470; 2 (2) – 265; 4 – 527, 537–538, 568

Трещотка прокаженного (1–10; 1. Пролог («Не с лирою влюб-ленного...»); 2. Последнее возвращение (I. «День шел за днем – и то се...»); 3. «То, что я делаю...»; 4. «Лучше б я по самые плечи...»; 5. Три осени («Мне летние просто невнятны улыбки...»); 6. На Смоленском кладбище; 7. Под колодной; 8. «Со шпаной в канавке...»; 9. Пушкин; 10. «Наше священное ремесло...») 1 – 493, 917, 950–951; 2 (1) – 29, 40, 45, 47, 83, 85–86, 125, 176, 270, 272, 361, 430–431, 439–441, 444, 447, 475, 481–483, 516–518, 556–557, 574, 608; 2 (2) – 286; 3 – 312, 587, 607; 4 – 237, 286–287, 290, 316, 406, 527, 532, 535–536, 539, 542–544, 548, 553, 558, 567, 569

Три осени («Мне летние просто невнятны улыбки...»; Трещотка прокаженного, 5) 2 (1) – 47, 361, 447–448, 557; 4 – 289, 527, 535, 539, 542, 569

«Три раза попытаться приходила...» 1 – 52, 714; 4 – 37, 465–466, 468–469, 473

Три стихотворения см. «Трилистник московский»

Три стихотворения (1–3; 1. «Пора забыть верблюжий этот гам...»; 2. «И в памяти черной, пошарив, найдешь...»; 3. «Он прав – опять фонарь, аптека...») 2 (1) – 93, 122, 374, 487–488, 511–512; 2 (2) – 79, 296, 367–368; 4 – 293, 527, 537, 542, 545, 550, 572

Три стихотворения (I–III; I. Покорение пустыни; II. Севмор-путь; III. «Так в великой нашей Отчизне...») 2 (1) – 142, 158–159, 536, 544–545

«Трижды я была твоей наградой...» (Энума элиш) 3 – 335

Трилистник закрытый см. Трилистник московский

Трилистник московский (I–III; I. Отрывок («И мне показало, что это огни...»); II. «Не страшай меня грозной судьбой...»; III. Мартовская элегия) 2 (1) – 248, 624–625; 2 (2) – 18, 71, 295–296, 306, 321–323, 361; 4 – 321–322, 430–431, 545, 547, 548, 571–572

Трилистник московский (1–3; 1. Почти в альбом («Услышишь гром и вспомнишь обо мне...»); 2. Без названия («Среди морозной праздничной Москвы...»); 3. Еще тост («За веру твою! И за верность мою!...») 2 (2) – 112, 166, 184, 392–394, 438, 453–455, 472–473; 4 – 364, 446, 561–562, 571

Тринадцатый час см. «Вы меня, как убитого зверя...»

Тринадцать строчек («И наконец ты слово произнес...»; Пол-ночные стихи) 2 (2) – 173, 295, 438, 460; 4 – 571

«Ту одну слезу с твоей ресницы...» (Энума элиш) 3 – 346

«Туманом легким парк наполнился...» (Вере Ивановой-Шварсалон) 1 – 66, 720; 4 – 34, 465–466, 468, 473, 478

«Ты, Азия, родина родин!..» (Азия, 3) 2 (1) – 74, 458, 470; 4 – 537

«Ты – верно, чей-то муж и ты любовник чей-то...» 2 (1) – 629; 2 (2) – 177, 462–464, 464 «Ты все равно придешь – зачем же не теперь?..» (К смерти; Реквием, VIII) 1 – 447, 662, 913, 922; 3 – 26–27, 488, 493; 4 – 242, 334, 525, 559

«Ты всегда таинственный и новый...» (Черный сон, 2) 1 – 317, 752, 848–849, 854; 4 – 151, 504–505, 507 «Ты выдумал меня. Такой на свете нет...» (Воспоминание; Шиповник цветет. Из сожженной тетради, 8) 2 (1) – 178, 512, 560–561; 4 – 372, 419, 544, 547, 560, 570 «Ты жажда моя, а она утоление...» (Энума элиш) 3 – 337 «Ты знаешь, я томлюсь в неволе...» 1 – 143, 539–540, 757; 2 (2) – 295; 4 – 58, 477, 479, 482 «Ты к морю пришел, где увидел меня...» 2 (2) – 252, 508 «Ты, крысоловья дудкою маня...» 2 (2) – 58, 355–356 «Ты кто-то из прежней жизни...» 2 (1) – 214, 602 «Ты любила меня и жалела...» 2 (1) – 251, 627 «Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом...» 1 – 254, 595–596, 819; 4 – 496, 512, 514, 517 «Ты мог бы мне сниться и реже...» 1 – 184, 782; 4 – 165, 495, 505–506, 510

«Ты напрасно мне под ноги мечешь...» (Шиповник цветет. Из сожженной тетради) 2 (1) – 195, 575–577; 4 – 377, 421, 544, 550, 553, 558 «Ты не хотел меня такой...» 2 (2) – 66, 359 «Ты о ней как о первой невесте...» (Запретная роза) 2 (2) – 216, 486

«Ты одна разрыть умеешь...» (Музыка) 2 (2) – 225, 492 «Ты – отступник: за остров зеленый...» 1 – 310, 561–562, 843; 2 (1) – 301; 4 – 145, 504, 507 «Ты первый сдался – я молчала...» 2 (2) – 23, 326 «Ты первый, ставший у источника...» 1 – 217, 794 «Ты письмо мое, милый, не комкай...» 1 – 111, 741; 4 – 63, 477, 479–480, 482 «Ты поверь, не змеиное острое жало...» 1 – 91, 734; 4 – 24 «Ты

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
 приедешь в черной карете...» (Поэма без героя. Строфы,
 не вошедшие в поэму, 4) Ъ – 206, 646, 648
 «Ты пришел меня утешить, милый...» 1 – 123. 746–747; 4 – 62, 477. 479
 «Ты прости мне, что я плохо правлю...» 1 – 414. 894–895 «...ты пьян ...И все
 равно пора нах хауз...» (Гости; Новоселье,
 II) 2 (1) – 53, 444, 451, 460; 4 – 280, 534, 539, 541, 569 «Ты растешь, ты
 цветешь, ты – в звуке...» (Самой поэме)
 2 (2) – 80, 368
 «Ты смертною не можешь сделать душу...» 1 – 347, 860 Ты стихи мои требуешь
 прямо...» (Через много лет. Последнее слово; Шиповник цветет. Из сожженной
 тетради. 12) 2 (1) – 518; 2 (2) – 141, 419–422; 4 – 379. 423, 561, 570
 1925 («и неоплаканного тенью...») 1 – 409, 891
 1950 («Пятидесятый год – как бы водораздел...») 2 (1) – 138, 532
 1913 год см. «Поэма без героя»
 «Тяжела ты, любовная память!..» 1 – 195, 787; 4 – 82, 487, 492, 495, 5 00
 «У кладбища направо пылил пустырь...» (Читая «Гамлета», 0 1 – 16, 532, 699–701;
 2 (1) – 361, 371; 4 – 290, 469–472
 «У кого-то... есть...» (Стихи из ненаписанного романа) 2 (1) – 221, 610
 «У меня есть улыбка одна...» 1 – 137, 755 ; 4 – 49, 477, 479, 482
 У моря см. «Вспыхнул над молом первый маяк...»
 У самого моря 1 – 549. 578 –579, 592, 774, 829; 2 (1) –310–311; 3 – 7–16, 382,
 383, 386, 387, 388, 389, 449, 465, 466, 474–479, 500, 575, 594; 4 – 132–142,
 483–484, 486, 490, 498, 500, 502, 554
 «Уводили тебя на рассвете...» (Реквием, I) 1 – 424, 661, 898– 899, 904, 922; 3 –
 23, 488, 492; 4 – 333, 525, 559
 «Угадаешь ты ее не сразу...» 1 – 334, 856–857
 «Углем наметил на левом боку...» 1 – 169. 776–777; 4 – 58, 477. 482. 495
 «Угощу под заветнейшим кленом...» 2 (2) – 113, 394–395 «Удивляйтесь, что была
 печальней...» 2 (1) – 132, 525 Уединение («Так много камней брошено в меня...»)
 1 – 183,
 782; 4 – 80, 486 . 492. 495 . 498, 5 00 «Уж я ль не знала бессонницы...» (В
 сороковом году, IV) 1 –
 491, 942, 949–950; 4 – 245, 526, 535. 537, 540, 567 «уже безумие крылом...»
 (Реквием, IX) 1 – 477, 939; 2 (1) –
 335, 408; 3 – 27; 4 – 247, 335, 525, 530, 547, 559 «уже кленовые листья...»
 (Царскосельская статуя) 1 – 274,
 825; 2 (1) – 293; 4 – 101, 488. 493, 498–499, 501 «уже красуется на книжной
 полке...» (Сожженная тетрадь.
 Шиповник цветет. Из сожженной тетради) 2 (2) –
 103, 386; 4 – 370, 414, 544, 553, 549, 560, 570 «уже целовала Антония мертвые
 губы...» (Клеопатра) 1 –
 464 , 664 , 729– 730, 923 ; 2 (2) – 295; 4 – 223, 242,
 521, 523–524, 526, 529 Узбекское небо (пер. с белорус.) 4 – 537
 «Узнала я, как опадают лица...» (Реквием. Эпилог, 1) 1 – 662, 922; 2 (1) – 550;
 3 – 28, 488; 4 – 336, 525, 559
 «Уложила сыночка кудрявого...» 1 – 468, 926–927
 «Улыбнулся, вставши на пороге...» 1 – 11, 698
 Умерь! («Четыре буквы, вечный мрак!..») 2 (1) – 235, 617
 «Умирая, томлюсь о бессмертье...» 1 – но, 741; 2 (1) – 628; 4 – 63. 477. 479
 «Умолк вчера неповторимый голос...» (Смерть поэта; Борису Пастернаку, Г, Памяти
 Бориса Пастернака, 1; Венок мертвым) 1 – 901, 929; 2 (1) – 519–521, 578; 2 (2)
 –74, 286, 362; 4 – 328, 439, 550, 558, 572
 «Умолк простивший мне грехи...» (Исповедь) 1 – 88, 582, 732; 2 (1) – 332; 4–64
 «Услаждала бредами...» (Последняя; Песенки, VI) 2 (1) –
 407; 2 (2) – 205. 478–479; 4 – 354, 552, 560, 572 «Услышишь гром и вспомнишь обо
 мне...» (Почти в альбом;
 Трилистник московский, 1) 2 (2) – 112, 392–394 . 438;
 4 – 364, 446, 561, 571 Утешение («Вестей от него не получишь больше...») 1 –
 208,
 600, 791–792. 839. 850; 4 – 108, 488. 491. 495 «Уходи опять в ночные чащи...» 1
 – 419, 896 Учитель («А тот, кого учителем считаю...»; Поэма о начале
 века: Венок мертвым) 2 (1) – 98, 361. 490; 2 (2) –
 286; 3 – 38, 502. 505; 4 – 323, 435, 536. 543. 548,
 554. 558. 567
 «Хвалы эти мне не по чину...» 2 (2) – 47, 352
 Хозяйка («В этой горнице колдунья...»; Новоселье, I) 2 (1) –
 44, 361, 443–444, 460; 4 – 280, 534. 539, 541, 569 «Хозяйка румяна, и ужин
 готов...» 2 (2) – 110, 391 «Хор ангелов великий час восславил...» (Реквием, X.

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912-1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

Распя-тие, 1) 1 - 443, 661-662, 671, 910-911, 922 ; 2 (1) -373; 3 - 28, 488, 493; 4 - 256, 336, 525, 559 «Хорони, хорони меня ветер!..» 1 - 15, 700; 4 - 23, 465-466, 468, 470

«Хорошо здесь: и шелест, и хруст...» 1 - 395, 883; 2 (2) - 270; 4 - 509, 512, 516-517, 521

«Хорошо поют синицы...» 1 - 400, 886

«Хочешь знать, как все это было?..» 1 - 32, 555, 706; 4 - 12, 467, 469, 472

Художнику («Мне все твоя мерещится работа...») 1 - 404, 664, 888, 890; 4 - 217, 521-522, 524, 526, 528 «Хулимые, хвалимые...» (/С стихам, II) 2 (2) - 76, 365-366; 4 - 308

Царскосельская ода («Настоящую оду...») 1 - 521; 2 (2) - 114, 395 -398; 3 - 673; 4 - 361. 443, 549. 551-552. 554, 561, 572

Царскосельская поэма «Русский Трианон» 2 (1) - 361; 2 (2) - 295; 3 - 18-20, 391-392, 414. 465. 479-486. 502. 725; 4 - 237, 513, 522, 553

Царскосельская статуя («Уже кленовые листья...») 1 - 274, 825; 2 (1) - 293; 4 - 101, 488, 493, 498-499, 501

Царскосельская элегия см.

«Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли...»

Царскосельские строки (I-III; I. «Пятым действием драмы...»; II. «Все души милых на высоких звездах...»; III. «О, горе мне - они тебя сожгли...») 1 - 371-372, 870-871; 2 (1) - 81, 361, 437, 476-480, 542, 588; 2 (2) - 287; 4 -291-292, 442, 513, 526, 530, 535, 542, 545, 548, 551, 553, 569, 572

«Цветов и неживых вещей...» 1 - 159, 538, 767; 4 - 52, 477, 480-482

«Цветы, холодные от рос...» 1 - 210, 792

«Целый год ты со мной неразлучен...» 1 - 194, 786; 4 - 92, 487, 492, 496, 499, 501

«Целый день провела у окошка...» 1 - 74, 726

«Чей дух извечно-молодой...» (Покорение пустыни; Три сти-хотворения, I) 2 (1) - 158, 544-545

«Чей разум угадал сквозь льды...» (Севморпуть; Три стихо-творения, II) 2 (1) - 159, 544-545

«Чем хуже этот век предшествующих? Разве...» 1 - 330, 612-613, 646, 855; 4 - 159, 503, 505, 508, 552

Через 23 года («Я гашу те заветные свечи...») 2 (2) - 159, 305, 439-443

Через много лет. Последнее слово («Ты стихи мои требуешь пря-мо...»; Шиповник цветет. Из сожженной тетради, 12) 2 (1) - 518; 2 (2) - 141, 419-422; 4 - 379, 423, 561, 570

Черепки (I-V; I. «Мне, лишенной огня и воды...»; II. «Вот и dospорился, яростный спорщик...»; III. «Семь тысяч три кило-метра...»; IV. «Кому и когда говорила...»; V. «Вы меня, как убитого зверя...») 1 - 451-453, 914-916; 2 (1) - 207. 220. 556. 574. 595 -596. 608-610; 2 (2) - 280; 4 - 542. 553. 558-560

«Черная вилась дорога...» 1 - 119, 745; 4 - 498, 501

«Чернеет дорога приморского сада...» 1 - 175, 779-780; 4 - 94, 487, 492, 495, 501

«Черную и прочную разлуку...» (Во сне; Шиповник цветет. Из сожженной тетради. 3) 2 (1) - 120, 508, 512, 551; 2 (2) - 265, 270; 4 - 302, 371, 415, 544, 547, 560, 570

Черный сон (1-6; 1. «Косноязычно славивший меня...»; 2. «Ты всегда таинственный и новый...»; 3. «От любви твоей загадочной...»; 4. «Проплывают льдины, звеня...»; 5. Тре-тий Зачатьевский; 6. «Тебе покорной? Ты сошел с ума...») 1 - 134, 317, 326-327, 365, 480, 612-613, 621-622, 752-754, 848-849, 853-854, 868. 941-942; 2 (1) -373; 2 (2) - 506; 4 - 151-152, 158, 205, 249, 396, 475-476, 479, 503-508, 514, 516-517, 551

«Четыре алмаза - четыре глаза...» (В лесу) 1 - 64, 556, 719-720

«Четыре буквы, вечный мрак!..» (Умерь!) 2 (1) - 235, 617

Четыре времени года («Сегодня я туда вернусь...») 2 (2) - 17, 321

«Чистейшего звука...» см. «Путем всея земли...»

«Чистый ветер ели колышет...» (Освобожденная) 2 (1) - 101, 458, 462, 480, 492-493; 4 - 274, 533

Читатель («Не должен быть очень несчастным...»; Тайны ремес-ла) 2 (2) - 9, 318-319; 4 - 358, 386, 545. 547. 561, 567

Читая «Гамлета» (1-2; 1. «У кладбища направо пылил пус-тырь...»; 2. «И как будто по ошибке...») 1 - 16-17, 532, 699-702; 2 (1) - 361, 371; 4 - 290, 469-472, 5 48, 552

«Что бормочешь ты, полночь наша?..» (Поэма без героя. Стро-фы, не вошедшие в поэму, 10) 3 - 208, 646, 649

«Что войны, что чума! - конец их виден скорый...» (Бег времени, 2; Вереница четверостиший) 2 (1) - 592; 2 (2) - 108, 389-390; 4 - 307, 411, 548-549. 553,

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
557, 566. 569
«Что делать мне – они тебя сожгли...» см. «О горе мне! Они тебя сожгли...»
«Что нам разлука? – Лихая забава...» 2 (1) – 252, 628–629; 4 – 447
«Что начал Стокгольм – продолжала Варшава...» (Слава ми-ру!) 2 (1) – 162, 546
«...что с кровью рифмуется...» 2 (2) – 96, 380 «Что таится в зеркале? – Горе...»
2 (2) – 127, 407 «Что там клокотало за дверью стеклянной...» 2 (2) – 237, 499
«Что-то в сердце борется...» (Энума элиш) 3 – 326 «Что тоскуешь, будто бы
вчера...» (Романс) 2 (2) – 210, 481 «Что ты бродишь неприкаянный...» 1 – 380,
621, 875; 4 –
176, 509, 511, 514–515, 517 «Что ты видишь, тускло на стену смотря...» (Голос
памяти) 1 – 124, 741, 744, 746 – 748, 756 ; 3 – 604; 4 – 55, 477, 479, 482
«Что ты можешь еще подарить?...» 2 (2) – 19, 323 «Что у нас общего? Стрелка
часов...» 2 (2) – 133, 410 «...чтоб посланец давнего века...» (Отрывок); 4 –
571. См.
Поэма без героя «Чтоб я не предавалась суесловью...» 2 (2) – 191, 475 «Что-то
неладно со мною опять...» 2 (1) – 97, 490 «Чугунная ограда...» 1 – 358, 864; 4 –
191, 508, 512, 514–515, 517
«Чудеса твои растут с веками...» (Энума элиш) 3 ~ 338 «Чи нас душили кровавые
пальцы?...» 2 (2) – 197, 477
«Шелестит о прошлом старый дуб...» 1 – 57, 717
– Указатель произведений. Т. 1–4 \ 00/
«Шелестит, опадая, орешник...» 2 (2) – 181, 471
«Шепчет: «Я не пожалею...» 1 – 385, 878; 4 – 177, 509, 512. 514. 516–517
Шестнадцатый год (I–III; I. «Не прислал ли лебедя за мною...»; II. «Окопы,
окопы...»; III. «Если плещется лун-ная жуть...»); 1 – 415 , 428, 668. 839.
894–895. 902; 2 (2) – 281. 295; 3 – 32, 495; 4 – 210–211, 315, 389, 392, 395,
519, 521–524. 526. 528–529. 557
Шиповник цветет. Из сожженной тетради (1–13*; «Вместо праздничного
поздравленья...»); 1. Сожженная тетрадь («Уже красуется на книжной полке...») 2.
Наяву; 3. Во сне; 4. Пер-вая песенка; 5. Другая песенка; 6. Сон («Был вещим этот
сон или не вещим...»); 7. «По той дороге, где Донской...»; 8. «Ты выдумал меня.
Такой на свете нет...»; 9. В разбитом зеркале; 10. «Пусть кто-то еще отдыхает на
юге...»; 11. «Не пугайся – я еще похожей...»; 12. «Ты стихи мои требуешь
прямо...»; 13. «И это станет для людей...») 2 (1) – 120, 123, 177–179, 183–186,
458. 507–509. 512. 517–518. 551. 555–556. 558, 560–561, 564, 567–569, 572, 585,
622, 626; 2 (2) – 29, 81, 141, 218, 262, 265, 270, 272, 295, 335, 368, 419, 487;
3 – 506, 584, 601, 622, 755; 4 – 303, 370–376, 378–379, 414–424, 522, 544, 547,
551–552, 554–555, 560–561, 570
«Широк и желт вечерний свет...» 1 – 235, 602, 810; 4 –
123, 489, 494, 496, 499, 502 «Широко распахнуты ворота...» 1 – 366, 868, 888; 4
– 195,
513–515, 518 «Шутки шутками, а сорок...» 2 (2) – 77, 366
В других вариантах цикла «Сожженная тетрадь (Шиповник цветет)» и «Стихи из
сожженной тетради (Шиповник цветет)» включались также* «Ты на-прасно мне под
ногн мечешь...», «И увидел месяц лукавый...». «Дорогою ценой и неожиданной...»,
«За тебя я заплатила чистоганом...», «Пусть мой корабль пошел на дно...».
«Щели в саду вырыты...» (Ленинградский цикл; Памяти Вали. 1; Ветер войны) 2 (1)
– 21, 421–423. 437. 449: 4 – 267, 526. 533, 538. 540. 568
Энума элиш. Пролог, или Сон во сне 1 – 762. 830; 2 (1) –
252, 276. 304, 311–313, 397–398 . 504, 552–553. 598.
613, 618, 628; 2 (2) – 140, 311, 418; 3 – 178, 304, 368.
379. 411–412. 417, 437. 442–444, 446–44 7. 452–460,
465 , 493, 536–537, 554 , 601. 672. 679. 701, 711, 713,
730. 734–763; 4 – 570–571 Эпиграмма («Здесь девушки прекраснейшие спорят...») 1 –
416, 896; 3 – 447 Эпиграмма («Могла ли Биче словно Дант творить...»; Тайны
ремесла) 2 (1) – 199, 584; 2 (2) – 295; 4 – 361, 388,
544, 549. 551. 554. 561. 567
Эпические мотивы (I–III; I. «В то время я гостила на зем-ле...»; II. «Покинув
рощи родины священной...»; III. «Смеркается, и в небе темно-синем...») 1 – 146,
218, 220, 587, 758–759, 794–799, 831–832; 2 (1) – 332, 335;
2 (2) – 295; 3 – 466, 474, 477; 4 – 75, 167, 203–204, 478 , 497, 499, 512, 514 ,
517–518
Эпические наброски см. Эпические мотивы Эпические отрывки см. Эпические мотивы
«Эта встреча никем не воспета...» 1 – 260, 820; 4 – 156, 497, 499, 504, 506, 510
«Это бунт вещей...» (Из балета «Тринадцатый год») 3 – 282
«Это были черные тюльпаны...» (24 мая) 2 (1) – 247, 625 «Это было, когда
улыбался...» (Реквием. Вступление) 1 – 463, 662, 922; 3 – 23, 488–489, 492; 4 –

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna

525, 556, 559
«Это – выжимки бессонниц...» (Про стихи Нарбута; Тайны ремесла) 1 – 473, 934–935; 2 (1) – 519; 4 – 225, 360, 388, 524, 547, 561, 567
«Это и не старо, и не ново...» 2 (2) – 34, 339–340
«Это просто, это ясно...» 1 – 312, 842, 844; 4 – 153, 504, 506–507, 509
«Это рысьи глаза твои, Азия...» (Ташкентские страницы; Луна в зените) 1 – 680; 2 (1) – 116, 472, 503; 4 – 277, 342, 406, 538, 541, 560. 569 «Это с тобой я встречала тогда...» 2 (1) – 245. 624 «Это скуки первый слой...» 2 (1) – 242, 620 «Это те, что кричали: «Варраву!...» (Защитникам Сталина) 2 (2) – 138, 415; 4 – 560 «...это тот, кто сам мне подал цитру...» 1 – 216, 782. 794 «это ты осторожно коснулся...» 2 (2) – 46, 351–352 «Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли...» (Городу Пушкина, 2;) 2 (1) – 202, 588–591; 4 – 542, 545, 572 «Этот рай, где мы не согрешили...» (Энума элиш) 3 – 358 Эхо («В прошлое давно пути закрыты...») 2 (1) – 552, 626; 2 (2) – 82, 293, 296, 372; 4 – 366, 448, 545, 550, 553, 561, 572
Юдифь («В шатре опустилась полночная мгла...») 1 – 873; 2 (2) – 254, 510
«Я бросила тысячи звонниц...» 2 (2) – 50, 354 «Я буду помнить звездный кров...» (Ташкент зацветает) 2 (1) – 75, 436, 472
«Я была на краю чего-то...» (Смерть, I; Ташкентские страницы) 2 (1) – 28, 429; 4 – 344, 402, 538, 560, 568 «Я была тебе весной и песней...» 2 (1) – 227, 614 «Я в два часа четыре долгих года...» (Падение Берлина) 2 (1) – 134, 526–527
«Я в этой церкви слушала канон...» 1 – 322, 851–852; 2 (2) – 250, 503
«Я видел поле после града...» 1 – 121, 746
«Я всем прощение дарю...» (Вереница четверостиший) 1 – 917; 2 (1) – 130, 522–523, 556, 574. 608; 3 – 756; 4 – 304, 308, 413, 557
«Я выбрала тех, с кем хотела молчать...» 2 (2) – 194, 476 «Я гашу те заветные свечи...» (Через 23 года) 2 (2) – 159, 305, 439–443
«Я гибель наклкала мылом...» 1 – 369, 869; 4 – 193, 513. 515. 518
«Я говорю сейчас словами теми...» (Вечерняя комната) 1 – 45, 531. 537, 570, 712; 4 – 28, 465 «Я – голос ваш, жар вашего дыханья...» (Многим) 1 – 390, 690, 880, 911; 2 (2) – 281; 3 – 394; 4 – 513, 553, 557, 566
«Я горькая и старая. Морщины...» 1 – 333, 856
«Я давно не верю в телефоны...» 2 (2) – 28, 335
«Я друзьям моим сказала...» (Сказка о черном кольце, 2) 1 – 306, 618, 839; 4 – 183, 507, 517
«Я еще сегодня дома...» 2 (2) – 217, 486–487
«Я живу, как кукушка в часах...» (Кукушка) 1 – 59, 718; 4 – 35, 467, 470, 472 «Я знала, я снюсь тебе...» (Сон) 1 – 225, 802–804; 4 – 120, 489, 493, 496, 502 «Я знанье то приобрела...» (Энума элиш) 3 – 323 «Я знаю, с места не сдвинуться...» 1 – 436, 905–906, 918; 2 (2) – 256, 510–511; 4 – 341, 525, 559
«Я знаю, ты моя награда...» 1 – 258, 602, 820; 2 (2) – 295; 4 – 128, 489, 494, 497 «Я и плакала и каялась...» 1 – 67, 720–721; 4 – 468, 470 «Я играю в ту самую игру...» 2 (2) – 185, 473 «Я иду навстречу виденью...» (Поэма без героя. Строфы, не вошедшие в поэму, 13) 3 – 209, 646, 650 «Я именем твоим не оскверню уст...» 1 – 405, 888–889
«Я к розам хочу, в тот единственный сад...» (Летний сад) 1 – 833; 2 (2) – 7, 295, 315–316; 4 – 319, 425, 545. 548. 558
«Я лилий нарвала прекрасных и душистых...» (Лилии) 1 – 5, 691–695
«Я любимого нигде не встретила...» 1 – 176. 780
«Я мать стала ребенку...» 1 – 832; 3 – 479. См. также
«За то, что я грех прославляла...» «Я места ищу для могилы...» (Похороны) 1 – 75, 726. 728; 4 – 35, 464. 466–467 «Я на солнечном восходе...» (Песенка) 1 – 60, 538, 571, 718; 4 – 20, 464. 466, 468–469. 471–472 «Я над ними склонюсь, как над чашей...» (Венок мертвым) 1 – 596, 929; 2 (1) – 196, 301. 577–582; 4 – 216, 325, 437, 459, 520, 524, 543, 550–551, 558 «Я над этой колыбелью...» (Колыбельная) 2 (1) –

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
133, 525;
3 – 302, 404
«я написала слова...» (Обман, /V) 1 – 33, 706–707; 4 – 18,
464, 466–467, 469, 472 «я научилась просто, мудро жить...» 1 – 98, 581, 736; 2
(2) –
295; 4 – 56, 475. 477–478, 482 «я не была здесь лет семьсот...» (Луна в зените;
Ташкентские страницы) 2 (1) – 73, 282–283, 459. 469–470;
2 (2) – 295; 4 – 276, 345, 404, 535, 538, 541, 560, 568 «я не вижу сокола...»
(«0 летчиках, или Слепая мать»)
см. Колыбельная («я над этой колыбелью...») «я не знаю, ты жив или умер...» 1 –
243, 814; 4 – 123,
489, 494, 496, 499, 502 «я не любви твоей прошу...» 1 – 197, 590–591, 788; 2 (1)
–
361; 2 (2) – 295; 4 – 481, 495 «я не любила с давних дней...» (Cinq, III) 2
(1) – 113,
501; 4 – 301, 536, 539, 543, 570 «я не люблю цветы – они напоминают...» 1 – 335,
857 «я не сойду с ума и даже не умру...» 2 (2) – 192, 475–476
«я окошка не завесила...» 1 – 256, 819; 4 – 156, 497. 499, 504, 506, 510
«я подымаю трубку. Я называю город...» 2 (1) – 197, 582–583 «я подымаю трубку –
я называю имя...» см. «Я подымаю
трубку. Я называю город...» «я получила письмо...» (ответ) 1 – 155, 765–766 «я
помню все в одно и то же время...» (Творчество) 2 (2) –
20, 324
«я приснюсь тебе черной овцою...» (Подражание армянскому)
1 – 439, 907; 2 (2) – 504; 4 – 340, 559 «я пришла к поэту в гости...» 1 – 167,
581–582. 741. 744.
749, 768–775; 4 – 74, 477, 482, 498 «я пришла сюда, бездельница...» 1 – 56, 570,
716; 4 – 21,
464, 466, 468–469, 471–472 «я пришла тебя сменить, сестра...» 1 – 102, 739; 4 –
67,
476–477, 479
«я пью за разоренный дом...» (Последний тост; Разрыв, 111)
1 – 422, 620, 668, 897, 949; 2 (1) – 485; 4 – 230, 390,
522, 525, 529, 550 «я с тобой, мой ангел, не лукавил...» (дальний голос, 2;
Другой голос) 1 – 373, 871; 4 – 173, 511, 515 «я с тобой не стану пить вино...»
1 – 150, 763; 2 (1) –
266–267; 4 – 65, 477, 480–482 «я слышу иволги всегда печальный голос...» 1 –
302, 611,
838–839, 850; 4 – 155, 504, 506–508, 510 «я смертельна для тех, кто нежен и
юн...» 1 – 40, 710–711 «я сошла с ума, о мальчик странный...» 1 – 61, 718–719;
4 – 14, 464, 466–467, 469 «я спросила у кукушки...» 1 – 332, 612, 855–856; 4 ~
150,
503, 505, 508–509, 552 «я так молилась: «Утоли...» 1 – 154, 765; 4 – 87, 480,
487,
492
«я там иду, где ничего не надо...» 2 (2) – 233, 496–497
«я тебя в твоей не знала славе...» (Маяковский в 1913 голу)
1 – 465, 664. 923–925; 4 – 521. 523. 526. 529 «я тебя сама бы увенчала...»
(Сонет) 2 (2) – 168, 457 «я у музыки прошу...» 2 (2) – 241, 500
«я улыбаться перестала...» 1 – 226, 580, 803–805, 841; 4 –
85, 487, 492, 496, 499–500 «я умею любить...» 1 – 9, 496, 697–698
явление луны (I–II; I. «Из перламутра и агата...»; II. Как в трапезной,
скамейка, стол, окно...»; Луна в зените, 7,8)
2 (1) – 42, 90, 361, 441, 485–486; 4 – 282, 527, 535. 538, 541, 568
Cabaret Artistique см. «Все мы бражники здесь, блудницы...»
«Cadran solaire на Меншиковом доме...» (Ленинград в марте 1941) 1 – 494, 951; 2
(1) – 332–333, 335; 4 – 231, 258, 525–526, 529–530, 535
Cinq (I–V; I. «Как у облака на краю...»; II. «Истлевают звуки в эфире...»; III.
«я не любила с давних пор...»; IV. «Знаешь сам, что не стану славить...»; V. «Не
дышали мы сонными маками...») 2 (1) – 111–113, 117–118, 361, 499–501, 504–505,
507–508, 513, 518, 555. 571 627; 2 (2) – 265. 272;
3 – 330, 601, 751; 4 – 300–302, 536, 539. 543, 570 Dante см. Данте
«De profundis... Мое поколение...» (Венок мертвым; Pro domo tea, 5) 2 (1) – 67,
313, 462–465; 4 – 287, 324, 435, 540, 558
Heimkehr (HI; I. «Нет, я не выплакала их...» (Вторая годовщина); II. «Без них
меня томит и душит...») 2 (1) – 121, 509–511; 2 (2) – 265; 4 – 272, 537, 539,
541, 548, 569
In memoriam («А вы, мои друзья последнего призыва!...»; Ле-нинградский цикл; Два

рание сочинений в шести томах. Том 4. Книги стихов 1912–1923. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
отрывка из поэмы без названия, II; Ветер войны) 2 (1) – 30, 366, 431–433, 437; 4
–288, 527, 532, 534, 538, 541, 548, 568
Intérieur («Когда лежит луна ломтем Чарджуйской дыни...»; Луна в зените;
Ташкентские страницы) 2 (1) – 68, 361, 465–466; 4 – 283, 344, 403, 534, 538,
541, 560, 569
Intérieur («Молюсь оконному лучу...») 1 – 14, 530, 532, 699–700; 2 (2) – 287,
295; 4 – 470–472. 551–552
Jadis et naguère 1 – 870; 4 – 553
Нох. Статуя «Ночь» в Летнем саду («Ноченька!...»; Ленин–градский цикл: Ветер
войны) 2 (1) – 23, 263, 296, 407.
425; 4 – 267, 526, 533, 538, 540. 568
Pro domo mea (1–5; 1. «Один идет прямым путем...»; 2. «Но я предупреждаю
вас...»; 3. «Забудут? – вот чем удивили...»; 4. «Жить – так на воле...»; 5. «De
profundis... Мое поко-ленье...») 1 – 448, 488, 490, 913–914. 917. 942. 949; 2
(1) – 67, 194, 313. 332–333. 335. 462–465. 556. 574. 585. 608; 2 (2) –269. 283,
507–508; 4 – 254–255, 287, 312, 317, 324, 395, 435, 452. 522, 526, 530, 537,
540, 548, 550, 557–558, 567. 570
Pro domo mea. Проза о поэме 3 – 213–276, 652–711
To the Londoners см. Лондонцам

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://akhmatovaanna.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!